Дугин А.Г.

Социология геополитических процессов России

(конспект лекций)

МГУ
Москва
2010

УДК 316.334.3:321
ББК 60.5

Д 80

Печатается по решению кафедры Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Рецензенты:

д.с.н. *С.И. Григорьев*
д.с.н. *И.Ю. Киселев*

научная редакция

к.ф.н. Мелентьева Н.В., Бовдунов А.Л., Савин Л.В., Сидоренко А.В.

Дугин А.Г.
Д 80

Социология геополитических процессов России. Лекционный курс. – Москва: Международное «Евразийское Движение», 2010 – 356 стр.

Лекции зав. кафедрой Социологии Международных Отношений Социологического факультета МГУ А.Г. Дугина предназначены для студентов гуманитарных ВУЗов, обучающихся по специальностям социология, политология, история, философия.

ISBN –978-5-903459-07-0

Предисловие

«Социология геополитических процессов России» имеет статус дисциплины по выбору, преподаваемой на Социологическом факультете МГУ в рамках кафедры Социологии Международных Отношений.

Специфика курса состоит в применении метода геополитического анализа к основным этапам становления российского общества. Курс дает представление о сущности геополитического метода, об основных терминах, концепциях и теориях геополитики, о социологических парадигмах русской истории, о проявлении фундаментальных геополитических тенденций на каждом историческом этапе и об устойчивых связях определенных геополитических процессов с трансформациями социальных структур (власть, социальная стратификация, внешняя политика, хозяйство, религия, культура и т.д.).

Социология геополитических процессов помогает уяснить структуру социальных изменений в истории русского общества в привязке к геополитической динамике.

В основе научно-методологического подхода курса лежат принципы структурной социологии[1], социологии русского общества[2] и классической геополитики[3].

---

1 *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.:Академический проект, 2010.

2 *Дугин А.Г.* Социология русского общества. М.:Академический проект, 2010.

3 *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.:Арктогея-центр, 2000.

Раздел 1.

Социологический подход к геополитике.
Принципы и школы геополитики.

Глава 1. Введение. Геополитика и социология пространства

Геополитика и социология. Что такое общество?

Геополитика, с социологической точки зрения, представляет собой научную дисциплину, основанную на изучении отношения общества к качественному пространству[1]. Разумеется, любая социологическая дисциплина подразумевает изучение общества. Например, «социология международных процессов», «социология культуры», «социология религии», «социология политики» и т.д. подразумевает, что речь идет об изучении указанных объектов (перечень которых можно, разумеется, продолжить) с точки зрения общества. Точно так же и социологическое измерение геополитики, социология геополитических процессов ставит акцент на обществе.

Но понимаем ли мы, что такое общество? Хотя в социологии как таковой, где общество выступает в качестве главного предмета, ведутся бесконечные споры относительно его дефиниции, все-таки определенный консенсус, без которого социологии как науки не существовало бы, присутствует.

Во-первых, общество — это то, что напрямую не совпадает с государством. Понятие «общество» часто употребляется в привычном политическом и журналистском дискурсе, как антитеза государству и политике; как правило, противопоставляются государственные и гражданские институты, т.н. «гражданское общество». Таким образом, одно из определений общества состоит в том, что оно не есть государство. Но государство является воплощением политики. Значит, общество само по себе не есть политическое явление.

Во-вторых, общество первично по отношению к человеку, так как оно формирует смыслы, которые ложатся в основу человеческой жизни. Человек может мыслить в категориях субъект-объект, понимая под «субъектом» самого себя, а под «объектом» окружающий мир, но может мыслить и иначе, по ту сторону субъекта и объекта, не отделяя себя от мира и мир от

1 *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999. См. также *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

себя, не приписывая этим категориям отдельных, несводимых друг к другу, онтологических свойств. То есть наряду с человеком, пребывающим перед природой, мы вполне можем иметь дело с человеком, находящимся в природе, внутри нее, и не выделяющим самого себя в отдельную инстанцию. Все это зависит не от самого человека, но от того общества, в котором он воспитывается, взращивается, проходит становление. Общество дает статусы всему, с чем имеет дело – людям, полам, социальным, политическим и культурным явлениям, а также природе, ближнему и дальнему физическому миру. В таком широком понимании общество является матрицей человечности, истоком и парадигмой всех человеческих смыслов.

Поэтому наше определение геополитики как научной дисциплины, основанной на изучении отношения общества к качественному пространству, является именно социологическим: отношение к пространству рассматривается не на уровне понимания его государством или отдельным человеком, но на уровне восприятия его всем обществом в целом – обществом, как активным производителем всей корневой семантики и создателем смысловых структур[1]. То пространство, которое осмысляется обществом, и есть качественное пространство – качественное в том смысле, что оно непременно наделено особыми семантическими свойствами, упорядочено, расчерчено в соответствии с особой культурной и мифологической (иногда религиозной) системой координат, характеризующей именно это конкретное общество.

Социология пространства

Географические объекты и явления — суша, море, леса, горы, пустыни, болота, степи, холмы, берега, тундра и т.п. — могут осмысляться самыми различными способами, в зависимости от того, с каким обществом мы имеем дело. С социологической точки зрения не существует единой географии или единой природы, единого внешнего мира и единой окружающей среды. Каждое общество имеет свою географию, свою природу, свой окружающий мир, свою среду. Лев Гумилев называл это

1 *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.:Академический проект, 2010. С. 206.

термином «вмещающий ландшафт»[1]. Ландшафт осмысляется, преобразуется, используется и истолковывается в зависимости от того, каким его видит конкретная культура конкретного общества. Поэтому геополитика видится в социологической перспективе не как совокупность политических (государственных, властных) решений, оценок, шагов и стратегий в отношении к пространству (как геополитика определяет саму себя). Ее социологическая расшифровка более глубинна и более тонка, геополитика понимается как осознание обществом (культурой, народом) своего места в социально сконструированном им самим мире (природном, культурном, «физическом», «политическом» и «цивилизационном»), или как ситуирование обществом самого себя в учрежденной им же самим географической системе координат, наполненной особыми качественными смыслами.

Но в отличие от других областей социологии, социология геополитических процессов сосредотачивает свое внимание на том, как эта общая социологическая карта мира, составленная обществом, но чаще всего остающаяся в сфере бессознательного, проявляет себя в конкретных политических решениях, в вопросах войны и мира, в политических альянсах, в стратегических концепциях, в процессах экспансии и завоеваний, в религиозных, этнических, культурных и образовательных вопросах, – то есть в области политики, которая в свою очередь сопряжена с пространственным фактором: внешней политикой, международными отношениями, стратегической и оборонной сферой, вооруженными силами, а также административно-территориальным устройством (прежде всего в его соотношении с внешнеполитическими принципами и религиозной, политической и этнокультурной идентичностью).

Общество является источником социологической карты мира, которая может иметь различные масштабы – от этноцентрума[2] архаических племен до глобального взгляда со-

---

1 *Гумилев Л.Н.* По поводу предмета исторической географии: (Ландшафт и этнос): III. Вестник Ленинградского университета. 1965. №18, вып. 3. С. 112-120. Спустя год эта книга выйдет и на английском языке “On the Subject pf Historical Geography” (Landscape and Ethnos): III (Soviet Geography (New York). - 1966. - Vol. VII. N 2. - P. 27-35.

2 Термин «этноцентрум» ввел немецкий антрополог и этносоциолог Вильгельм Мюльман. Он означает представление архаических племен об устройстве Вселенной, включающей в себя всю живую и неживую среду, в центре которой

временной цивилизации. Обрисовав эту карту и найдя на ней место самому себе (чаще всего это место находится в центре), общество начинает действовать в соответствии с этим представлением, что выливается в ряд политических поступков, осуществляющихся властью, то есть политической инстанцией. Геополитика концентрируется на этих конкретных поступках и ищет их связи со структурой пространства, а также пытается их частично (а иногда и полностью – «географический детерминизм»[1]) объяснить этой структурой.

Социологическое понимание пространства описал классик социологии Эмиль Дюркгейм:

«Как показал Амелен[2], пространство это не та смутная и неопределенная среда, которую представлял себе Кант: чисто и абсолютно однородная, которая не могла бы служить ничему и не открывала бы для мысли никаких перспектив. Пространственное представление состоит сущностно в первичной координации, привнесенной в данные чувственного опыта. Но эта координация была бы невозможна, если бы части пространства были качественно одинаковыми, если бы они полностью могли быть взаимозаменяемыми. Чтобы иметь возможность пространственно разместить вещи, необходимо иметь возможность их разместить различно: одни поставить вправо, другие влево, одни сверху, другие снизу, одни на севере, другие на востоке и т.д., точно так же, как и для упорядочивания состояний сознания, необходимо локализовать их в привязке к определенным датам. Это значит, что пространство не было бы самим собой, если бы, как и время, оно не было разделено и дифференцировано. Но откуда происходят эти столь существенные различия? Не существует ни права, ни лева, ни верха, ни низа самих по себе. Все эти различия происходят из того, что разные аффективные ценности приписаны соответствующим регионам. А так

находится само племя и его стоянка. *Muhlmann W.E.* Erfahrung und Denken in der sicht des Kulturanthoropologen*/Muhmann W.E., Muller E.W.* (Herasgb.) Kulturanthropologie. Koln, Berlin: Kipenheuer&Witsch, 1966. C.157,161.

1 Географический детерминизм -- представление о том, что траектория развития общества и основные политические решения, принимаемые государственной властью, определяются географической средой обитания, климатом, ландшафтом.

2 Октав Амелен (1856 – 1907), французский философ, друг Эмиля Дюркгейма.

как люди одной и той же цивилизации представляют собой пространство сходным образом, эти аффективные ценности и различия, вытекающие из этих ценностей, будут для них общими; а это значит почти с необходимостью, что их исток следует искать в социальности».[1]

Спор геополитиков и социологов

В связи с этим следовало бы обратить внимание на спор между социологами и геополитиками: например, между Марселем Моссом[2] и Фридрихом Ратцелем[3], точнее уделить внимание критике М. Моссом идей Ф. Ратцеля, принадлежавшего к предыдущему поколению исследователей. Француз Марсель Мосс, племянник Э. Дюркгейма — крупнейший социолог-классик. Немец Фридрих Ратцель — создатель политической географии и антрополого-географической школы, предвосхитивший геополитику как науку.

Ф. Ратцель утверждал, что общество, располагающееся, например, в горах, отлично от общества, которое находится на равнине. Это специфическое горное общество со своими особыми моделями. Из факта расположения общества в горах, можно заключить сделать вывод, что оно построит оригинальную политическую систему, создаст соответствующие этические нормативы, особые законы и религию. Общество, живущее на равнине, будет абсолютно иным. У Ф. Ратцеля мы видим многое из того, что можно назвать «географическим детерминизмом». С философской точки зрения он рассматривает, например, гору в качестве первичной «объективной реальности», а общество — в качестве «субъективного отражения», продукта осознания этой реальности, рефлексии на эту реальность. Равнина — такая же реальность, как и гора, а равнинное общество – ее отражение, причем вначале существует пустая равнина, а потом прибредшие туда и расселившиеся там люди. Таким образом, по Ф. Ратцелю, общество отражает, а за-

1 *Durkheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. P.:P.U.F, 1960. С. 15-16. (перевод А.Д.)

2 *Мосс М.* Социальные функции священного: Избр. произведения / Пер. с франц. под общ. ред. И. В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000

3 *Ратцель Ф.* Народоведение. В 2 томах. С.-Петербург: Типография Товарищества "Просвещение", 1903.

тем выражает в себе качественное пространство. В подобном подходе критики упрекали и крупнейшего российского этнолога Льва Николаевича Гумилева[1].

Географический детерминизм исходит из предопределенности общества, его культуры, политической, социальной, этической и даже религиозной системы его географическим положением. В частности, Лео Фробениус, немецкий этнолог и этносоциолог, выдвинул гипотезу о существовании двух культур — хтонической и теллурической[2]. Согласно Л. Фробениусу, есть общества, которые в качестве жилища преимущественно роют норы, «закапываются». (Вспомните сюжет повести А.Платонова «Котлован»[3], чрезвычайно показательный для понимания русского отношения к пространству). Эти общества этнолог называет «хтоническими». А есть общества, которые насыпают кучи, горы, строят конструкции, обращенные вверх – шалаши, дома, стеллы, дворцы и т.д. – это общества теллурические (пример – «город на холме» американской мечты). Между американским теллурическим идеалом и русским закапыванием в бездну, в нору (строительство метро в Москве не только как средства передвижения, но и «музея» и предмета национальной гордости[4]) существует определенная симметрия, как между теллурическим и хтоническим типами.

Мнению геополитиков и близких к ним представителей географического детерминизма, социологи (в частности М. Мосс) противопоставляли следующие соображения: нет никакой горы (степи, леса, равнины и т.д.) самой по себе. Гора — это социальное явление. Гора осознается как гора только высокоорганизованной интенсивной различающей структурой человеческого разума. Она конституируется и осознается как гора только в ходе развертывания социального процесса. Поэтому социологи предлагали говорить не о географии, а о морфологии общества, иначе говоря, о том, как общество в своих фундаментальных структурных уровнях осмысляет ландшафт.

М. Мосс писал об этом:

«Одним словом, теллурический (земной, географический)

---

1 *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.

2 *Frobenius L.* Paideuma. Münich, 1921

3 См. *Платонов А.П.* Котлован. М.: Дрофа, 2002.

4 Иногда складывается впечатление, что выкапыванием этой «огромной всенародной ямы» мы гордимся больше всего.

фактор должен быть поставлен во взаимосвязь с социальной средой в ее тотальности и ее комплексности. Он не может быть взят изолированно. И также, когда мы изучаем следствия, мы должны отслеживать резонанс во всех категориях коллективной жизни. Все эти вопросы не географические, но социологические. И именно в социологическом духе их следует рассматривать. Вместо термина антропогеография, мы предпочитаем термин социальная морфология, чтобы обозначить ту дисциплину, которая вытекает из нашего исследования; это не из любви к неологизмам, но из-за того, что различные наименования выражают различие в ориентациях».[1]

В качестве доказательства своей правоты социологи приводили в пример довод, говорящий о том, что аналогичные ландшафты порождают разные типы общества, потому что понимание горы, воды, берега, моря, реки, равнины, леса, болота, степи и т.д. в одном обществе будет одним, в другом обществе — совершенно другим. С точки зрения социологии, именно общество формирует семантику окружающей среды, конституирует внешний мир, географию как социальное, культурное и историческое явление. Общество не просто пассивно отражает природную среду; оно интерпретирует природный ландшафт, отталкиваясь от своей уникальной социальной парадигмы, а в некоторых случаях и существенно изменяет его.

Социологи в данном случае смотрят глубже, чем геополитики. Но еще глубже и интереснее, чем геополитики и социологи, смотрим мы, когда объединяем творческие и научные интуиции представителей геополитической школы с наработками классиков социологии и говорим одновременно о качественном пространстве как о пространстве географического ландшафта и как о социологическом осмыслении этого ландшафта. Это особое «геополитическое пространство, понятое социологически, и изучается приоритетно в нашей дисциплине - в социологии геополитики.

Мы не утверждаем, что общество есть зеркало, поставленное перед ландшафтом. Мы утверждаем, что и ландшафт, и это зеркало (общество), по сути дела, не являются самостоятельными и оторванными друг от друга, объективно существу-

1 *Мосс М.* Социальные функции священного: Избр. произведения / Пер. с франц. под общ. ред. И. В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000

ющими реальностями.

Реально только творческое социо- и природообразующее начало общества. Оно предопределяет и реакцию на гору, и представление о горе, и, в принципе, саму эту гору. Общество творит всё. Общество творит собой и окружающий мир, и географию, и само себя.

Пространство, представляющее собой географический рельеф внешнего мира, есть не что иное, как проекция социальной морфологии. Социология геополитики не выносит окончательного суждения, что первично – социальная матрица или географический ландшафт. Она изучает их как нечто единое и нераздельное.

Мы говорим о том, что к одной и той же стихии, к одному и тому же климату, к одному и тому же ландшафту можно по-разному отнестись. Например, рассмотрим отношение к стихии моря. Одни общества «впускают» море внутрь, подстраиваются под него. Это и есть геополитическое явление «талассократии» (морского могущества»). Другие же, даже в самом интенсивном взаимодействии с морем, остаются верными земле Это явление называется «теллурократией», т.е. буквально - «сухопутным могуществом».

Иначе говоря, разные общества по-разному согласуют свою социальную морфологию с географическим ландшафтом. Таким образом, нас нельзя упрекнуть ни в «географическом детерминизме», ни, в то же время, в абстрагировании от конкретных географических условий, в чем подчас упрекают социологов. В этом – основные предпосылки социологии геополитических процессов как дисциплины.

Три инстанции социологии геополитических процессов

Социология геополитических процессов разбирает не только политическое резюме пространственных представлений, выраженное в конкретных действиях и поступках государства и власти, но прослеживает *всю цепочку* их возникновения, становления, формирования в глубинах самого общества, в сфере коллективного сознания, и даже прежде этого, в области коллективного бессознательного. И лишь затем, с учетом по-

лученных социологических данных, рассматривает политический уровень: принятые решения, осуществленные действия, выигранные или проигранные войны, заключенные союзы, созданные военные блоки, осмысленные экономические и стратегические интересы и.т.д.

Понятие «геополитика» состоит из двух частей: «гео» (от греческого «γεα», «земля») и «политика» (от греческого «полис», «πολις» – «город», откуда, собственно, и произошло понятие «политика» – способ управления полисом, городом-государством). Социология геополитических процессов вводит в эту диаду смыслов («земное пространство» и «власть») *третий элемент* – общество, подчеркивая его *главенствующее* значение. И политика, и само «земное пространство», «ландшафт» рассматриваются как *структуры социальных представлений*, рождающихся и соотносящихся между собой именно в обществе.

В таком широком понимании общества, (как противоположности государству и политике), и политическое измерение, и интерпретация окружающей земной среды рассматриваются не сами по себе, как полностью автономные области (политика и география), но как производные от глубинной структуры социума. Следовательно, в дисциплине *социология геополитических процессов* мы имеем дело с тремя главными инстанциями:

1) *общество* как главная и основополагающая инстанция;

2) *политика* (государство, власть, право) как первая производная от общества сфера;

3) качественное *пространство*, географические представления, интерпретации пространственных, климатических и природных явлений – вторая производная от общества сфера.

Между этими инстанциями существует замкнутый контур связей. Обе производные (политика и представления о пространстве) вытекают из общества и связаны с ним структурно, концептуально, генетически. Это связи, уходящие корнями в глубину. Кроме того, политика и представления о пространстве связаны между собой и непосредственно. Это связи горизонтальные – между одной и другой производной от общей для них первичной инстанции (общества).

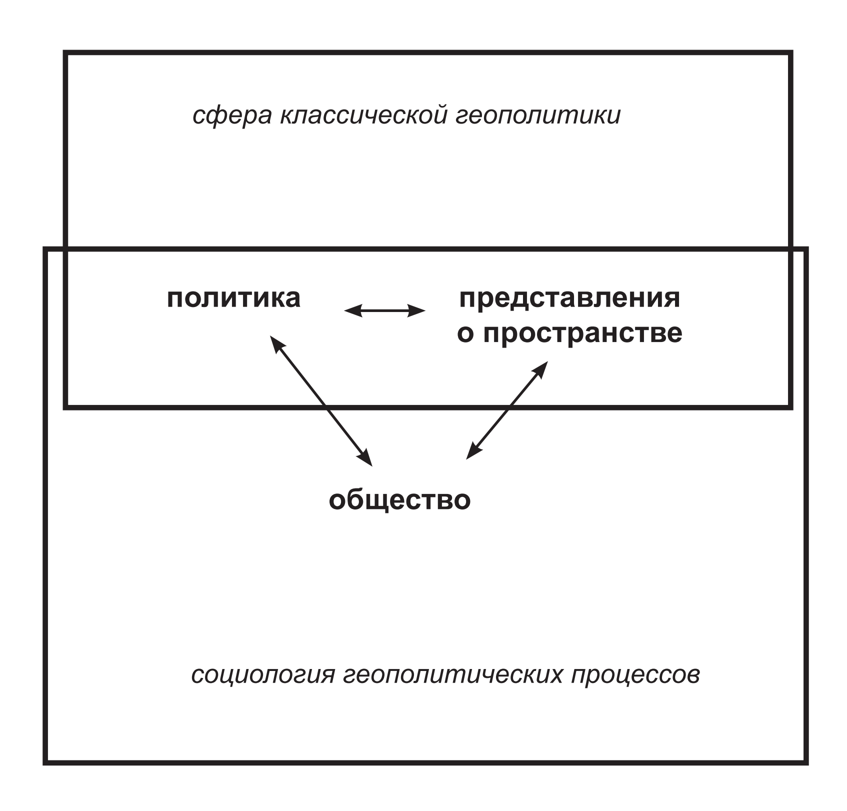

Схема 1. Топика социологии геополитических процессов. Связи основных инстанций в СГП.

Социология и институционализация геополитики как науки

В социологии геополитических процессов обращение к обществу как к базовой, основополагающей инстанции позволяет по-новому взглянуть на геополитику как таковую. Большинство критиков классической геополитики ставят ей в вину как раз то, что она слишком схематично, и даже «мифологично», описывает связи между политикой и географией, не вскрывая их природы. Без обращения к обществу этого и нельзя сделать. Но если ввести в топику инстанцию общества и, помимо «горизонтальных связей» между производными, проследить глубинные связи, то мы получим полную картину. Она заставит по-новому и с большей степенью научности осмыслить сами «горизонтальные связи», которые можно будет рассмотреть не как нечто автономное, но как сложную проекцию на уровень производных тех смысловых полей, которые связывают каждую из них с общим истоком. И в этом случае мы вполне можем рассмотреть геополитику как социологическую дисциплину, которая не могла долго найти полноценной академической институционализации именно за счет того, что не учитывала первичности общества.

Таким образом, социология геополитических процессов является не просто наложением двух методов: социологии и геополитики, но выражает саму суть геополитики как дисциплины, фундаментализирует ее, позволяет впервые подойти к ее методологиям со всей строгостью, предъявляемой наукой. Конечно, социология сама долго и нелегко пробивала себе путь к тому, чтобы быть признанной полноценной академической дисциплиной. Но сегодня никто не осмелится поставить под вопрос научность социологии. Геополитика же еще не прошла этого пути до конца, да и вряд ли сможет это проделать, оставаясь в своих классических границах. Только в сочетании с социологией она может добиться того, чтобы без всяких оговорок быть признанной в научном сообществе. В рамках политологии и политических наук геополитика всегда будет наталкиваться на то, что ее понятийный аппарат и методологии явно не вписываются в четкие критерии власти, права, закона, идеологии, того или иного политического института. При всей безусловной и

наглядной эффективности геополитики, при всей достоверности ее выводов, заключений и прогнозов, в ней наличествует нечто, что ставит ее за рамки политологии и что порождает все новые и новые волны споров о ее «научности». Это «нечто» способна корректно интерпретировать, разъяснить и обосновать только социология. Поэтому рассмотрение геополитики с *социологической* точки зрения есть своего рода «спасение» геополитики, важнейший шаг на пути ее полноценной и окончательной институционализации[1].

Общество как поле интенсивного различения

Общество, безусловно, связано с человеком, хотя, как говорил Питирим Сорокин, существует и фитосоциология, то есть «социология растений»[2]. Можно говорить также и о *зоосоциологии*. В частности, Адольф Портман, зоолог и специалист по антропологии, написал книгу «Животные как социальные существа»[3]». Но все-таки общество — человеческое явление, хотя известны многочисленные и многообразные инициативы по расширению представлений об обществе, по перенесению самого понятия «общество» на растения и животных.

Такое расширение понятия стало возможным потому, что и растения, и животные *способны различать*. Ведь главное свойство человека — способность к максимально *интенсивному различению*, *отделению* одного от другого. Тот, кто видит, что есть черное и белое, кто фиксирует и утверждает: «вот черное, вот белое, вот горячее, вот холодное» — это уже существо, *вставшее на путь человека*. На это можно возразить, что ведь и собака различает запахи, орел различает мельчайшие движения жертв, и даже подсолнух, растение, различает, с какой стороны от него находится солнце, и движется за ним. Таким образом, человек есть не тот, кто просто различает, но тот, кто *делает это более интенсивно, нежели все остальные*. Он тот, кто способен различать в максимальной степени.

То, что для собаки или поросенка слито, у человека расчленяется, независимо от его взгляда или слуха, развитости

1 *Дугин А.Г.* Социология воображения. Указ. соч. С.206.
2 *Сорокин П.А.* Система Социологии в 2-х томах. М., 1993.
3 *Portmann A.* Animals as social beings. NY.:Viking Press, 1961.

тактильных и телесных ощущений. У человека есть нечто, доводящее возможность к различению до наивысшей стадии. Это нечто именуется «разумом» или «рассудком».

Следует обратить внимание, что и в слове «раз-ум», и в слове «рас-судок» присутствует приставка «раз» («рас»), подразумевающая раз-личение. Рас-суждает тот, кто одно отделяет от другого. В этом и состоит рас-суждение. Человек рассуждает: «Это право, а это лево. Это движется, это покоится. Это здесь, а это там. Это мне выгодно, а это невыгодно». Если человек глуп, он плохо рассуждает, плохо различает, тогда у него одно с другим склеивается. А если у человека склеивается вообще всё, он перестает быть психически нормальным и утрачивает многие собственно человеческие свойства. В частности, паралич различающих свойств наблюдается при определенных психических расстройствах: например, при эпилепсии («глишроидный» синдром, в котором наступают «клейкие», «вискозные» состояния)[1].

Слово «раз-ум» состоит из различающей частицы «раз» и корня «ум», что дает следующий смысл: «применение ума для разделения». Ум подразумевает «ум-ение», «навык»[2]. Наличие «ума» само по себе еще не определяет вид человека. Например, дрессированные кошки в цирке умеют многое: они изображают что умеют считать, выполняют сложные команды, изобретательно просят молока, внушительно мяукают, поднимают хвосты трубой в такт непростым командам. Очень много умеют кошки. У них тоже есть ум, точнее говоря, умение. Большие кошки, тигры, прыгают через горящие обручи и грозно рычат. Для этого тоже надо иметь какой-никакой, а ум.

Если мы, например, посмотрим на сообщество бобров, то обнаружим, что они прекрасные строители, у них есть замечательные социальные навыки коллективного возведения плотин. Говорят, они даже делают предваритель-

---

1 *Дугин А.Г.*Социология воображения. Указ. соч. С. 107.

2 Философ Э. Гуссерль, основатель феноменологии, предлагал различать между «умом» (по-гречески νους)) и «разумом» (по-гречески), διανοια). νους он считал свойством нерефлексирующего сознания, «жизненного мира», а διανοια -- основой строго научной рефлексирующей рациональности. На этом различии основана вся феноменология.

ные чертежи: из прутиков выкладывают образ того, какой плотина будет в дальнейшем (однако это научно не доказано). Плотины, возводимые бобрами, очень эффективны, они, по сути, воспроизводят гидроэлектростанции в миниатюре. Также к колоссальной самоорганизации способны муравьи, осы и пчелы. С точки зрения социологии труда логистика производства у муравьев, пчел и термитов близка к совершенству и по многим параметрам (дисциплина, координация действий, управление, кооперация, синхронизация, трудовой энтузиазм, отсутствие прогулов, лени и т.д.) превосходит человеческие трудовые коллективы. С эстетической точки зрения танец пчелы, нашедшей сладкий клевер и обильную пыльцу, намного красивей и изысканней тех жестов, которыми некоторые народы охотников и собирателей извещают соплеменников о находке или добыче. А моногамные отношения у лебедей, аистов, их забота о собственном потомстве вплоть до третьего колена? Крысы, вообще, превосходят средний уровень морали в современных человеческих семьях[1]. Одним словом, животным ума и порядочности не занимать.

У многих животных видов есть основы социальности, поскольку и они наделены способностью к различению. Они различают, когда им хорошо, а когда плохо, когда они сыты, а когда голодны. Они отличают самцов от самок, детенышей от старших, своих от чужих. В любом обществе, в том числе и животном обществе, присутствует различение.

Но по-настоящему различает лишь человеческое общество. Поэтому человеческий социум — это пространство интенсивного различения. В научном языке способность к различению называется «дифференциацией». Слово происходит от латинской приставки «di-», «раз-» и основы «fero», «несу». Способность к интенсивной дифференциации является главной отличительной чертой человека как вида.

Человеческое общество есть пространство интенсивного различения. Социология изучает в первую очередь именно его.

1 *Лоренц К.* Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998; *Portmann A.* Animals as social beings. Op. cit.

Общество может быть рассмотрено *в качестве языка*. Это чрезвычайно важное определение, на котором строится *структурная социология*[1].

Язык в чистом виде *нигде* не существует. Он входит в существование, когда мы начинаем на нем говорить. Когда мы пользуемся словами, содержащимися в языке, мы выстраиваем нашу речь по правилам, которые в этом языке есть. Определенные лексические обороты мы допускаем, а другие отвергаем и цензурируем, поскольку они некорректны с точки зрения языка. Если все же задаться вопросом, где находится язык и что он такое, то придется указать пальцем в пустоту. Мы можем сказать, *что* такое речь, слова, правила, высказывания. Но сам язык *прячется* от нас. И тем не менее мы знаем, что он *есть*, что всё, что мы произносим, пишем, думаем, высказываем, связано с этим языком и основано на нем.

Язык первичен по отношению к речи. Речь строится на основании языка. Речь конкретна, мы можем ее зафиксировать. Высказывание представляет собой некую материализованную вещь, его можно записать, прочесть, услышать, прокомментировать. Но как записать или прокомментировать язык? Ведь даже если собрать всё, что на том или ином языке было сказано, совокупность этих высказываний не даст нам представления о том, чем является язык, поскольку язык — это не только всё высказанное, но еще и «умолченное». Язык имеет отношение к молчанию. Но не к обычному молчанию, а к тому, которое является беременным, чреватым речью. Это *молчание, порождающее речь*. Общество в его чистом виде вполне можно и должно уподобить языку. Общество подобно *чреватому молчанию*. Общество становится действительным, конкретным, наличествующим, актуальным только в тот момент, когда оно из *общества-языка* превращается в *общество-речь*, иначе говоря, в какое-то конкретное общество, взятое в отдельном конкретном моменте. Но общество как язык всегда хранит в себе возможность *быть другим*. Эта возможность быть другим, то есть сказать на одном и том же языке другую фразу, не нарушая правил грамматики, синтаксиса, семантики и т.д.,

1 *Дугин А.Г.* Социология воображения. Указ. соч. С.37.

и есть потенциал социальной динамики и социального развития, источник социальных изменений. Другими словами, общество в целом, как язык, представляет собой и то, результатом или проявлением чего может быть данное общество, и то, чем было предшествующее общество, и то, чем будет общество последующее, но при этом всегда и нечто еще, некую нераскрытую и не раскрывающуюся возможность.

Таким образом, общество в его наиболее глубинном измерении является *потенциальным*. Оно никогда не являлось и не будет являться простой совокупностью конкретных обществ.

Если мы, к примеру, возьмем *современное российское общество*, то оно будет *не только* тем, чем является в настоящее время. Совокупность отдельных людей, социальных институтов, различных социальных процессов, нормативов и т.д. — лишь одна грань, одно мгновение того российского общества, которое было раньше, которое есть сейчас и которое будет позже. И когда это мгновение уходит — перед нами уже другое общество. Общество меняется, *потому что* оно никогда не совпадает со своим конкретным сиюминутным выражением*. Общество всегда глубже и шире своего актуального выражения.* Само оно всегда молчит. Говорят его проекции, его производные. Эти чередующиеся, сменяющие друг друга производные можно назвать «социальными дискурсами» (продолжая аналогию «язык-речь»).

Парадигма и синтагма. Языковые игры

В лингвистике существуют понятия: «парадигма» и «синтагма». Парадигма — это образец того, как должна выстроиться фраза, но без конкретного содержания, определяющего однозначно ее семантическое (смысловое) наполнение. Парадигма, например, подразумевает, что вначале идет подлежащее, затем сказуемое и определение. На уровне парадигмы мы можем взять любое подлежащее, любое сказуемое, любое определение. Но мы должны их согласовать так, как диктует нам парадигма. Пусть они будут какими угодно, но они должны быть и распределяться в высказывании в особом порядке, согласовываясь друг с другом особым образом.

Наше потенциальное высказывание, структура предло-

жения (содержащая в себе подлежащее, сказуемое, определение) — парадигма, имеющая отношение *к языку*. А какие конкретно подлежащее, сказуемое и определение мы используем — имеет отношение уже *к речи*, *к высказыванию*, *к дискурсу*. Когда мы выстраиваем высказывание, заполняя парадигму конкретным содержанием, мы получаем *синтагму*.

Парадигма строится по принципу: А или В или С + (и) α или β или γ +(и) x или y или z. На одно и то же место в высказывании мы можем поставить разные семантические единицы, совпадающие по форме, но различающиеся по значению. Синтагма строится по принципу: А +(и) β +(и) z. В парадигме важна формализация, корректность синтаксиса, а семантическое (смысловое) наполнение может варьироваться. В синтагме смысловая последовательность строго однозначна и отсюда вытекает однозначность высказывания. На парадигмальном уровне анализа важна непротиворечивость формализации. На синтагматическом требуется установить однозначные смысловые отношения между единицами высказывания.

Совершенно очевидно, что парадигмальный анализ шире синтагматического и включает себя широкие семантические ряды. Но парадигма никогда не выступает в чистом виде, она не может быть высказана, она сама не является высказыванием. Например, такое утверждение: «Петя (или Вася, или Андрей, или кот, или орел) побежал (или утонул, или уволился, или пообедал, или полетел) на реку (или в колодце, или с работы, или на кухне, или по воздуху)» полностью лишено смысла, хотя парадигмально составлено вполне корректно – все части предложения (актуальные и потенциальные) скоординированы между собой. Синтагма же, напротив, является совершенно однозначной и теоретически не должна допускать двусмысленности. Если Петя, то не Вася, не Андрей, не кот и не орел. Если «побежал», то «не утонул», «не полетел», «не пообедал», «не уволился». Если «на реку», то «не в колодце», «не с работы», не «на кухне», не «по воздуху». В следующей синтагме все может измениться, и с Петей могут начаться метаморфозы и разнообразные семантические трансформации, но это не по-

влияет на каждую конкретную синтагму.

А вот *вариативность синтагм зависит от парадигмы.* Дело в том, что несоответствие парадигме существенно отсеивает множество высказываний как формально некорректные, и в разных языках устанавливает разные правила для построения синтагм. Это настолько существенно, что порождает проблему перевода. В некоторых языках есть выражения, которые вообще невозможно точно перевести на другие языки – не потому, что это нет точного соответствия синтагм (все соответствия приблизительны), но потому, что они соответствуют *разным парадигмам*, вообще не имеющим аналогов в другом языке. Лингвисты Б.Уорф и Э.Сэпир назвали это *«гипотезой лингвистической относительности»*[1]. В соответствии с этой гипотезой при самом строгом подходе смысл высказывания вообще никогда не поддается переводу на другой язык, так как зависит от парадигмального уровня именно данного языка, за пределом которого смысл упраздняется. Философ Людвиг Витгенштейн назвал этот же принцип, который он обнаружил в конце своего философского пути, «языковой игрой»[2], всегда складывающейся в рамках какого-то одного культурного контекста и предопределяющей и смысл, и значение знака и знакового ряда. (Идея «языковых игр» «позднего» Л.Витгенштейна противоположна тому, что он утверждал в ранний период своего творчества, будучи увлеченным позитивизмом).[3]

Социология парадигм

Точно то же, что и с языком, происходит и в случае общества, являющегося в самом чистом виде очень тонким объектом исследования, поскольку мы никогда не имеем дела с обществом *как таковым*. Мы всегда имеем дело с обществом *опосредованно*. Иначе говоря, между нами и обществом как

1 Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. /Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

2 Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 79—128; Он же. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994; Он же. Голубая книга М.: Дом интеллектуальной книги, 1999; Он же. Коричневая книга. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

3 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Наука, 2009.

таковым всегда стоит *какое-то конкретное общество*, которое постоянно меняется. Лишь заглянув под поверхность, под пелену конкретного общества, можно получить представление о том, чем является *общество вообще* в качестве главного предмета социологии. Мы всегда имеем дело только с *обществом-дискурсом*, *обществом-синтагмой*, *обществом-высказыванием. Общество-парадигма* ускользает от нашего прямого взгляда. Мы можем составить представление о нем только по косвенным признакам – по тому, как оно *проявляет* себя в конкретных моментах. Но при этом в каждом конкретном моменте – в *обществе-высказывании* – общество-парадигма выступает всегда как бесконечно малая часть, как бесконечно малая возможность себя самого, а поэтому, открывая себя в высказывании, *общество-язык тем же самым жестом* и скрывает само себя.

Социология — это дисциплина, предполагающая погружение в исследование *неявного*. Как, впрочем, и любая наука, которая утверждает -- «то, что вы видите и думаете относительно увиденного, уже неправильно». Вы не знаете законов, вы не понимаете, почему мир устроен именно так, вы не понимаете, что вы делаете, вы не понимаете, кто вы. А если вы думаете, что понимаете, то вы на сто процентов ошибаетесь.

Любая наука есть нечто *противоположное здравому рассудку*. Она основана не на здравом смысле, а на глубинном мышлении о самой природе мышления. Наука это разоблачение и осмеяние банального. А социология — это наука разоблачения и осмеяния банальных, «само собой разумеющихся» представлений об обществе.

Социология, и особенно структурная социология, сосредоточивает свое внимание на парадигмах, которые предопределяют бытие общества, но никогда не совпадают с конкретными его выражениями. Эта парадигма дает о себе знать через *социальные факты* (Э.Дюркгейм), которые социолог призван корректно расшифровать. Но что значит «корректно расшифровать»? Это значит установить их связь с парадигмой или набором социологических парадигм рассматриваемого общества.

В социологии есть два основных уровня:

- выявление, *вычленение, идентификация* социальных фактов *и их совокупности, то есть корректное прочтение общества как синтагмы;*
- интерпретация этих фактов *на основании парадигмы, то есть постижение их* социологического смысла.

Первый уровень анализа должен уметь производить любой профессиональный социолог. Второй уровень более сложен, им занимаются те, кто хочет понять глубинные основы общества, его корни, его смыслы. Это область социологии глубин или структурной социологии[1].

Эпохи как высказывания

По аналогии с лингвистикой мы выделяем в социологии два уровня: *парадигмальный* и *синтагматический*. Можно сказать и иначе: *языковый* и *дискурсивный*.

Вся история России, история русского общества может быть представлена как *язык* и как *парадигма*[2]. Причем важно: это один и тот же язык, одна и та же парадигма на протяжении всех периодов. Это постоянная часть, которая формирует идентичность общества и позволяет нам считать, что мы имеем дело с одной и той же историей, с одним и тем же обществом, хотя изменения как раз и составляют основное содержание исторических событий. Но смысл изменений, а это и есть история (время, наполненное смысловыми событиями), обнаруживается только тогда, когда мы соотносим их с неизменным основанием.

Парадигма русской истории состоит в преемственности и сохранении идентичности. Она никогда не выступает на поверхность как таковая, не проговаривается напрямую. Но все исторические эпохи складываются по законам этого глубинного языка, дающего русскому обществу его лексику, морфологию, синтаксис, пунктуацию и, самое главное, поле смыслов.

Вот конкретные периоды русской истории: Киевская

1 *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. Указ. соч.; *Он же* Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект, 2010; *Он же.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

2 *Дугин А.Г.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

Русь, удельная Русь, Русь под Монголами, Московская Русь, Литовская Русь, Петровская Россия, Санкт-Петербургская Империя XIX века, Советский Союз, Российская Федерация – все это речи, тексты, цепочки высказываний, отличающиеся друг от друга и выстроенные в ряд по модели последовательной и однозначной синтагмы. Каждое высказывание несет в себе строго одно послание, за которым следует другое, затем третье и т.д. В какой-то момент текст завершается, наступает «перевод строки», период или конец главы. И начинается новая эпоха, развертывается новая цепочка высказываний. Все эти высказывания строятся по законам одного и того же языка (общества-парадигмы), который их упорядочивает и делает осмысленными. Но у разных высказываний разный смысл. Все «тексты» (социологические дискурсы) читаются *по-русски*, но могут означать самые разнообразные вещи.

На одном и том же языке, на языке русской истории, русского общества можно услышать переливающиеся палитры тонов: из русского молчания рождаются разные речи, возгласы, крики, всхлипы, жалобы, угрозы и благословения. Каждая из этих речей определяет конкретный исторический, социальный период.

Смысл каждого конкретного общества — Киевской Руси или, например, удельной Руси, Петровской России, Советского Союза или РФ – различен, но выражен на одном и том же языке с соблюдением одних и тех же правил.

Основные циклы охватывают, как правило, одно-два столетия, то есть законченный текст русской истории по длительности приблизительно таков. Это полноценная синтагма, имеющая довольно ясно определяемые границы. Но внутри нее можно выделить и более мелкие эпохи, в которых изменения происходят в более узких пределах конкретной идеологии, политического режима, династии и т.д.

Московское царство принципиально повествует об одном и том же: об идее богоизбранности русских и об идее «Москвы - Третьего Рима». Но это общее высказывание выражается по одному в эпоху Ивана III и Василия III, по-другому при Грозном, где достигает апогея, почти теряется в Смутное время при Годунове, Шуйском, Лжедмитриях и

польской оккупации, но снова возрождается при первых Романовых (хотя и в новом виде), пока наконец не рушится окончательно в эпоху раскола, уступая место Петровским реформам, которые составляют принципиально другое высказывание. Оно в свою очередь имеет различные социологические подтипы.

Можно также выделить отдельные периоды перехода (транзитивные состояния) и случайные интерполяции (вставки), несколько выпадающие из логики развертывания крупного исторического дискурса.

Чем же обеспечивается глобальная динамика всех процессов российского общества? Тем, что в российском обществе *всегда существует невысказанное*. В обществе-языке всегда находятся новые «фразы», которые еще никто никогда не проговаривал. По сравнению с дискурсом язык бесконечен.

Однако при анализе нашего современного российского общества создается такое впечатление, что корректно высказанные «фразы» исчерпались. И мы начинаем ломать язык. Отсюда «превед, медвед», «олбанский язык», языки «Живого Журнала» и блогов, SMS-сообщений и Твиттера. Возможно, это происходит потому, что потенциал всего, что можно было высказать корректно, исчерпан. А может быть, мы имеем дело с временным явлением, когда социологическая парадигма блокирована дискурсами, почерпнутыми из совершенно иной социальной, культурной и исторической среды. В нашей истории были отдельные периоды, когда мы на поверхностном уровне отвлекались от своей собственной судьбы и проживали чью-то чужую. Эти моменты, при всей их разрушительности и социологической анормальности, рано или поздно заканчивались, и общество возвращалось к своей глубинной парадигме.

Парадигмальный анализ русского общества

Как мы уже видели, самое сложное в социологии -- нащупать социологическую парадигму данного общества в целом, корректно описать общество как непроявленный язык, как структуру, как парадигму, еще ничем не заполненную. Мы знаем, где

подлежащее, где сказуемое, где определение. Но каково конкретное подлежащее, каково сказуемое, каково определение — мы пока не знаем. Вначале, когда мы имеем дело с молчанием, можно воспользоваться любым подлежащим. Но к определенному подлежащему подойдет уже не любое сказуемое.

Пока мы в парадигме — мы полностью свободны, у нас еще нет ни подлежащего, ни сказуемого, ни определения. Иначе говоря, мы имеем дело с обществом в его парадигмальной модели, в его корнях. И, тем не менее, уже здесь присутствуют *ограничивающие различения*.

Одним из таких парадигмальных различий является, в частности, то, что речь здесь идет именно о *русском*, а не каком–то ином[1], обществе. Если сравнить «русское молчание» (русский социум в его структурной парадигмальной основе) с другими такими же «молчаниями» (парадигмами): с европейским, американским, африканским, эскимосским или китайским, мы увидим как то *нечто*, которое соответствует всем им одновременно, так и то особенное *нечто*, которое составляет специфику каждого отдельного общества.

Всегда есть что-то, что по-русски можно высказать, а на другом языке принципиально нельзя. И наоборот.

Иначе говоря, на этом уровне мы имеем дело с «молчанием» по отношению к высказываниям, проистекающим из этого конкретного молчания. Но по отношению к другому «молчанию» мы имеем дело, если угодно, с «молчаливым высказыванием».

Уровень непроявленного парадигмального общества очень важен для нас, потому что разные культуры, разные общества в их фундаментальных парадигмальных аспектах основаны на совершенно разных законах и в формулировке тех или иных высказываний оперируют с совершенно разными семантическими полями. Да, мы можем увидеть параллели, но всякий, кто хотя бы немного знает иностранный язык, представляет себе, насколько сложно точно перевести самое простое слово. Вот почему в любом словаре, особенно часто это касается глаголов действия, почти под каждым словом предлагается множество, подчас до ста, значений, вплоть до, казалось бы, взаимоисключающих. Чем полнее словарь, тем больше вариантов он предлагает для перевода на другой язык

1 *Дугин А.Г.* Социология русского общества. Указ. соч.

простейшего слова. Стало быть, аналогии между обществами есть, но эти аналогии всегда очень приблизительные.

Для того чтобы понять, как этот лингвистический принцип проецируется на социологию и социологически понятую историю, можно, например, сравнить эпохи монгольских (Евразия, XIII век) и арабских завоеваний (VII-VIII века). Похожи ли они? В чем-то похожи, в чем-то нет. А похожи ли они на походы Аттилы на Запад (V век)? А на походы Александра Македонского (IV век до Р.Х.)? В чем-то похожи, в чем-то нет. Любое имперское завоевание похоже на любое другое. Но в чем-то совершенно непохоже.

Социолог и историк обязаны не просто привести наборы сходных черт и различий в каждом конкретном случае, от них требуется вписать эти процессы в ту или иную контекстуальную парадигму, которая обнаружит смысл этих процессов в той социологической, культурной, цивилизационной, экономической, стратегической, политической, этносоциологической и религиозной среде, где они развертывались. Иными словами, необходимо установить исторический и социологический смысл каждого из этих высказываний. Только в этом случае мы можем сказать, что увидели *настоящее сходство* и *настоящее различие*, а не их видимости. Все перечисленные империи создавались молниеносно и включали в себя множество государств, этносов и культур, причем, подчас высоко развитых и геополитически могущественных. Это – общее. Но если мы вынесем за скобки религиозный фактор в арабских завоеваниях, монгольско-евразийское мессианство Чингисхана, культурную программу «цивилизаторской функции» Александра Великого; конкретные политические расчеты Атиллы и связь его этноса с «вмещающим ландшафтом», то мы упустим главное во всех этих империостроительских инициативах. Но с другой стороны, сходные идеологические, религиозные, культурные и политические мотивации в других случаях давали совершенно различный эффект: либо локальный, либо вообще виртуальный. Поэтому учет геополитического масштаба реализации «великих проектов» привносит некий новый дополнительный смысл в сам проект (хотя нельзя упрощенно сводить все к формуле: «удалось/не удалось» и делать критерий успешности осуществленных замыслов мерой состоятельности идеи – такой вуль-

гарный прагматический редукционизм не имеет никакого отношения к социологии). Чтобы сравнивать между собой различные сходные по форме и по результатам явления, необходимо предварительно выявлять ту социологическую парадигму, которая сделала их возможным в качестве высказывания.

Поэтому в истории русского общества следует быть очень внимательным к тем феноменам, которые могут казаться идентичными феноменам, известным в европейских или азиатских обществах. Да, у русских была и есть государственность; русские вели войны; русские расширяли свою территорию; русские сменили несколько религий и политических идеологий; русские разработали или адаптировали к своим условиям правовые нормы и кодексы; русские развили свою культуру. Но эта государственность, эти войны, эти религии, эти политические системы и идеологии, эти правовые нормы, эта культура имеют смысл только в рамках русской парадигмы. Сравнение их напрямую с формально сходными явлениями в других парадигмах (например, в западноевропейской, исламской или китайской) будет заведомо некорректным, так как за кадром останется самое главное – *русский смысл* этих явлений.

Имея дело с разными обществами в их парадигмальной основе, мы имеем дело с разными смысловыми полями. Конечно, практика сопоставлений и сравнений, практика социологического «перевода» чрезвычайно полезна, но прежде чем к ней приступать, надо как следует выучить свой собственный язык, освоить его правила, отрефлектировать его синтаксис, морфологию, проследить историю его становления, его этимологию и т.д. Если кто-то плохо знает два языка, то перевод с одного на другой будет корявым и бессмысленным. Для начала надо выучить хотя бы какой-то один – не только для того, чтобы уметь изъясняться или пользоваться в практической сфере (это не так сложно), но чтобы понимать, как он устроен, рефлектировать его правила и закономерности. Каждый член общества владеет языком этого общества и проходит различные стадии социализации, но социолог подобен лингвисту, который не просто говорит на языке, но изучает язык, осмысляет язык, проникает в его структуру, выявляет его смыслы. Так, социолог должен не просто разбираться в обществе как его член, но достигать основ этого общества, знать, как оно устроено. Если же

социолог постиг одно общество, ему гораздо проще будет постичь и другое. Но «проще» не значит совсем без усилий. Если он просто спроецирует то, что ему известно об одном обществе на уровне парадигм на другое общество, то провалит все дело и не получит никаких достоверных результатов. Чтобы сравнивать, надо дать себе труд изучить и другое общество таким, как оно есть, а не таким, каким оно видится со стороны.

В этом состоит главная трудность для исследования социологии русского общества. В качестве основного социологического арсенала средств мы, как правило, автоматически берем наработки западной социологии (а также геополитики, политологии, психологии, философии и т.д.), которая достигла блистательных результатов в изучении своего общества, но, одновременно, столкнулась с серьезными проблемами тогда, когда принялась изучать общества незападные. Это ярче всего продемонстрировал основатель структурной антропологии Клод Леви-Стросс, когда он, посвятив много десятилетий исследованию архаических обществ (американских индейцев) и стараясь как можно глубже вжиться в их культуру по ту сторону европоцентричных предрассудков, в конце концов, пессимистически заметил, что, вероятно, все попытки проникнуть в логику мифа архаических племен оказались тщетными, так как даже в качестве образца мифа, сказки, легенды и чудесных историй он бессознательно руководствовался культурным наследием Античной Европы. Другими словами, западная социология, антропология и ее методы имеют определенные ограничения: к незападным обществам они подходят лишь частично или не подходят вообще.

Русское общество является евразийским, то есть частично европейским, а частично неевропейским, и в целом представляет собой уникальное самобытное явление. Поэтому применять к нему методики западной социологии надо чрезвычайно осторожно и деликатно. Главное внимание надо сосредоточить на выявлении самой социологической парадигмы (на «русском молчании») как матрице русских смыслов. Только при таком подходе отдельные этапы русской истории, ее социологические дискурсы-эпохи приобретут смысл, и лишь затем их можно будет сравнивать с исторической логикой западных обществ и обществ Востока (при

соответствующем достоверном и полноценном понимании этих обществ, их парадигм – как отличных от русского общества и его парадигмы)[1].

Несколько забегая вперед, можно сказать, что парадигма русского отношения к пространству и, конкретно, к русскому пространству, заведомо представляет себе пространство как *большое пространство*. Впоследствии, когда мы будем более детально рассматривать русскую историю и историю русского общества, мы увидим, что представление о том, что Русь является большой, *великой*, лежит в основе всех социальных процессов, которые предопределяют основное содержание нашего общества и в геополитическом, и в социологическом измерениях.

Именно на уровне парадигм русского общества, а не на уровне лишь какого-то конкретного общества — будь то Киевская Русь, Московское царство, Санкт-Петербургская Россия, Советский Союз или Российская Федерация — глубже, в самом непроявленном, ничего не говорящем, полусонном уровне нашего социального бытия, которое тем не менее полностью предопределяет нас *как русских людей*, констатирует нас своим молчанием, существует глубинное соотношение между структурой общества и пониманием пространства (русского пространства) как «большого пространства», как «пространства великого». Мы живем на этой земле, в данных границах не случайно. Эти границы населены и обживаются нами тоже неслучайно. Между ними и нами существует прямая социологическая, культурная, генетическая, каузальная, концептуальная, морфологическая связь.

Синтагматический анализ русского общества

Если взять современное общество и общество Киевской Руси, то различаться будет все: названия, грамматика, культура, процессы, идеология, костюм, статусы. Нам покажется, что это вообще два совершенно разных общества. Но это не так. Однако для того, чтобы понять, в чем они близки, а в чем различны, надо сравнить их *не напрямую* между собой, а найти им место

1 Этой задаче посвящена работа: Дугин А.Г. Социология русского общества. Указ. соч.

в общей структуре парадигмального русского социума, корректно расположить их в этой структуре.

Если первый, парадигмальный уровень социологического анализа русского общества рассматривает это общество как совокупность всех возможностей социального развития и социальной динамики, то каждый момент, этап или фаза, которые нам известны благодаря истории, представляет собой общество в его конкретном выражении. Это второй уровень анализа общества, который можно назвать *синтагматическим*.

Каждая отдельная эпоха русской истории есть *послание.* Эти послания могут быть написаны в разных жанрах, иметь различную композицию, различную архитектуру. Драматические моменты могут быть перемешаны с трагическими или комическими. Более того, разные уровни текста могут диссонировать между собой – на одном уровне будет развертываться канцелярский дискурс постановлений, на другом экономическая документация и хозяйственные расчеты, на третьем -- религиозные и богословские построения, на четвертом – бытовые зарисовки и миниатюры, на пятом – народная культура, на шестом – героический эпос и т.д. Поэтому можно рассмотреть это послание как *гипертекстовое*, наполненное перекрестными ссылками, ведущими на разные уровни, а также на разные текстовые топосы иных социальных текстов – причем, не только прошлых или сосуществующих в ином (контемпоральном) обществе, но и будущих и воображаемых. Одни эпохи готовят другие, которые начинаются задолго до того, как смена синтагм становится очевидной всем. На каком-то этапе *новое* зреет внутри старого и, соответственно, вплетается в этот контекст одной стороной, другой стороной примыкая к тому периоду, которому только еще суждено состояться.

Корректное вычленение этих исторических синтагм, их интерпретация, их упорядоченное расположение является основной задачей социологии русского общества в исторической перспективе, следующей за выявлением неизменной и постоянной парадигмы.

Этот синтагматический подход может быть *масштабирован* по-разному. Конечно, важно выделить большие циклы -- то, что Ф.Бродель называл периодами «большой длительности»

(la longue durée)[1]. В русской истории они очевидны и на них будет строиться основное изложении геополитической истории России. Эти уже упоминавшиеся периоды (синтагмы) можно изобразить на схеме 2.

В отношении «больших периодов» едва ли кто станет спорить, это общее место. Но вот выделение подциклов внутри больших эпох можно проводить по-разному в зависимости от конкретных задач и предметной специфики исследования. По мере приближения к современности логика истории представляется нам все более нюансированной. Но это в значительной степени результат оптической иллюзии, который подталкивает нас к неверному и упрощенному заключению: события близкие к нам по времени более насыщенны и разнообразны, нежели содержание периодов прошлого. Поэтому мы тщательно различаем близкие к нам эпохи и склонны обобщать то, что относится к далекому прошлому. Для социолога и историка это недопустимый предрассудок. Чтобы корректно понять общество, необходимо *сбалансировать наше отношение к разным его периодам*.

Во-первых, надо признать, что и в далеком прошлом время было насыщено событиями, переменами, трансформациями, отражающими не менее интенсивные процессы, чем те, которые протекают в наше время. Если мы о них не знаем, а чаще всего мы ими просто не интересуемся, это *не значит, что их не было*. Даже разрозненные фрагменты, дошедшие до нас из прошлого, свидетельствуют о гигантской насыщенности жизни общества смыслами, событиями, движениями на всех его исторических циклах. Эта насыщенность была разной и проявлялась по-разному, но она была всегда. Поэтому к *древнему* и просто *старому* нельзя относиться как к заведомо понятному, простому, снятому и прозрачному. В древнем есть множество тайн, закоулков, подземных ходов, смысловых содержательных сокровищниц, и многое из этого продолжает влиять на наше бессознательное, формируя нашу культурную, психологическую и социальную идентичность. Во-вторых, не стоит переоценивать настоящее и прилегающие к нему временные отрезки. То, что нам кажется фундаментальным, значимым, наполненным смысла, вполне может оказаться исто-

1 *Braudel F.* La longue durée// Annales. 1958. С. 725-753.

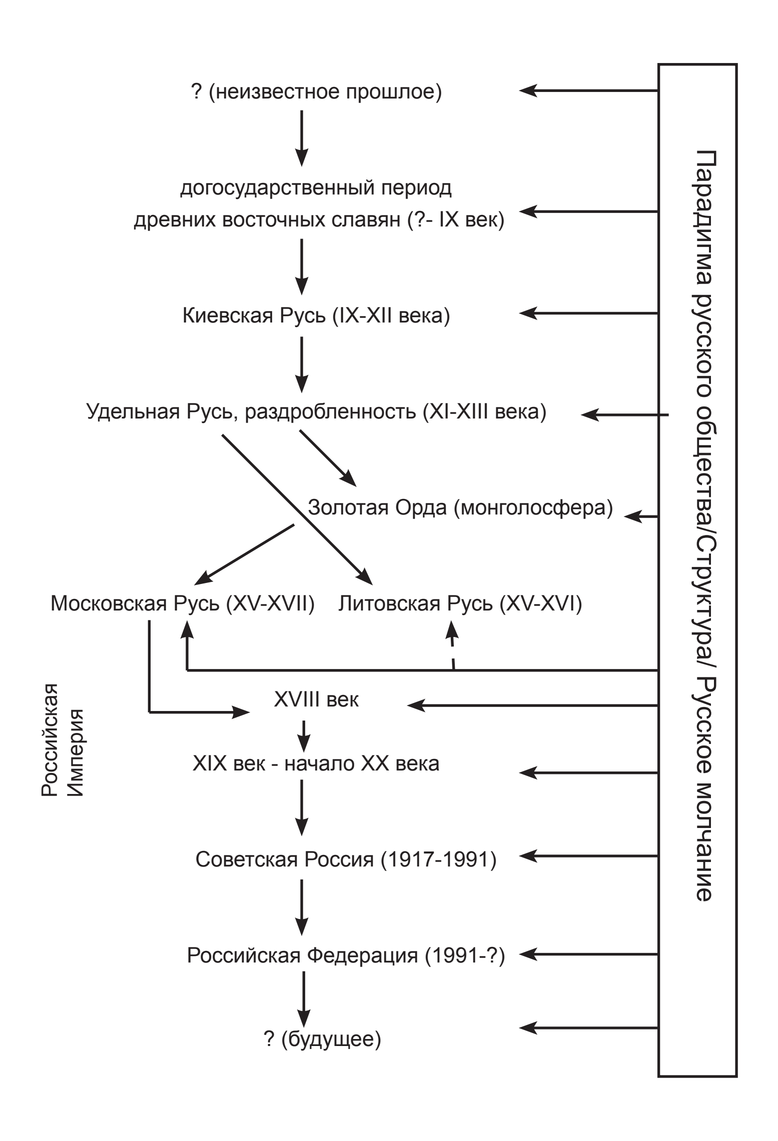

Схема 2. Синтагмы (большие периоды) русской истории.

рическим мусором, недоразумением, скверным анекдотом, бессмысленным междометием. Часто «настоящее» по своему значению и смысловой нагруженности уступает прошлому, и события прошлого оказываются более живыми и действенными, нежели те, что происходят здесь и сейчас. Поэтому и к настоящему стоит относиться с определенной дистанцией. Да, это часть единого общества, общества-парадигмы. Но это не более, чем синтагма, и даже какая-то ее часть. В прошлом такой синтагмы не было, и в будущем ее скорее всего не будет. В истории русского общества мало что длится больше столетия. Поэтому настоящее не надо переоценивать – особенно тогда, когда ему недостает подлинного исторического масштаба. Что для нас сегодня Иван Антонович, заключенный в Шлиссельбургскую крепость, или Керенский, Маленков, Черненко? Ничто. И не факт, что сегодняшним правителям удастся закрепиться в русской истории. Для этого им необходимо соучаствовать в смысле русской истории, в ее геополитике, в логике ее социологического развертывания. А уж кумиры современного общества исчезнут бесследно, как анонимные скоморохи или базарные шуты русского Средневековья.

Эти соображения следует учитывать, когда мы выделяем подциклы внутри «больших периодов». Не всегда близкие к нам эпохи стоит рассматривать более пристально, чем удаленные. Выбор масштабирования при синтагматическом анализе русского общества должен оправдываться интенсивностью исторических событий и их смысловой нагруженностью.

Есть еще один важный социологический момент. Мы привыкли считать, что будущее открыто, а прошлое как уже свершившееся однозначно и неизменно. Это тоже своего рода наивность. Прошлое – это смысл. Если мы знаем, что некоторое событие произошло, но не знаем смысла этого события, это означает, что не произошло вообще ничего. Но откуда мы берем инструменты для расшифровки смысла прошлого? Из настоящего. Одна историческая синтагма расшифровывает другую, ей предшествующую. Но что важнее: событие или смысл? Социолог отвечает однозначно: *смысл*. Даже если мы не уверены, имело ли место то или иное событие, но четко понимаем его смысл, мы надежно ориентируемся в прошлом. И наоборот, если нам известно событие, смысл которого нам

недоступен, мы теряемся. Поэтому *прошлое открыто в той же степени, что и будущее.* Стоит изменить интерпретацию прошлого, и мы изменим само прошлое. Из этого следует, что каждая последующая синтагма будет предлагать свою семантику прошлого, а значит, и свое собственное прошлое. На уровне синтагм нам ничего другого не остается. Мы обречены на вечное переписывание истории, так как история есть смысл, а смысл содержится в настоящем.

Единственный способ уйти от этой относительности -- прочертить предварительно границы русской парадигмы, в пределах которой будут допустимы колебания исторического анализа.

Чтобы понять сущность смены синтагм, нам стоит как раз привлечь принцип «*большого пространства*». Именно он поможет нам выделить в разных этапах нашей истории некую постоянную нить, некую последовательность. Это не снимает свободы толкования прошлого в каждом последующем периоде, но поставит эту свободу в четкие рамки. Соотнесенность с пространством упорядочит модель русского прошлого, придаст ей больше определенности и независимости от конкретной идеологической установки каждого следующего режима, по определению являющегося «режимом временщиков».

Например, рассмотрим синтагматическое высказывание «Киевская Русь». Мы можем его толковать как угодно, и даже вообще отрицать как явление[1]. В зависимости от правящей идеологии, мы наделяем этот период тем или иным смыслом. Но можно попробовать закрепить этот период, этот дискурс в нашем историческом сознании более надежно. Для этого его надо привязать к пространству – географическому и социальному.

В частности, Киевская Русь может быть осмыслена как, например, в книге «Начертание русской истории» русского историка Георгия Вернадского[2] в виде *динамичного диалога Леса (славянского и финно-угорского) и Степи (преимущественно тюркской)*. Киевская Русь, согласно Вернадскому, это *Лес*. Если быть более точными, то это речные поймы и

1 Так поступают, например, представители «исторического нигилизма», известного под именем «новой хронологии».

2 *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.

освобожденные от леса прибрежные зоны культивируемых полей, населенные динамичными восточными славянами, контролирующими финно-угорские зоны расселения охотников-собирателей. То есть от имени Леса выступают не сами жители Леса, а те, кто взял за Лес социальную и геополитическую ответственность: речные землепашцы.

Далее Вернадский идентифицирует конфликт со Степью. Это обратный удар лесной и речной зоны, которая долгие века находилась под властью степных кочевых империй. Теперь Лес наносит ответный удар. В лице Вящего Олега и особенно Святослава, Киевские князья стремятся не просто политически объединить Лес под своей властью, но и распространить свое могущество вплоть до Причерноморья, Северного Кавказа и Дуная. Эта борьба Леса со Степью конкретизирует историю Киевской Руси и помещает ее синтагму в поле пространственного смысла.

В таком же ключе Вернадский продолжает рассмотрение и более поздних эпох – вплоть до полной абсорбции Лесом Степи с XVIII века и распространения территории России вплоть до Тихоокеанского побережья.

Так, на уровне конкретных «высказываний» мы видим проявление парадигмальной установки русского общества на тягу к «большому пространству». Мы любим «большое пространство», и мы его верстаем в ходе исторического процесса. Вся наша история, геополитическая и социальная, теснейшим образом связана *с расширением наших границ*.

Почему? Мы должны найти этому объяснение с социологической точки зрения.

Почему мы, русские, любим большое пространство? Почему нам никогда не достаточно малого? При этом мы явно не хищные люди, и нас не так уж много. Нас, конечно, много, но не столько, сколько, например, китайцев. По сравнению с китайцами нас мало. Нас почти столько, сколько пакистанцев. Но они спокойно живут на своей, не слишком большой территории, а мы всё время куда-то бредем. Мы всегда двигались и всегда расширялись, и во времена Киевской Руси тоже. Мы не довольствуемся обработкой тех участков земли, которые нам достались. Древние славяне – наши предки -- сжигали лес, выкорчевали пни, собрали урожай и шли дальше по раскидистым

просторам нашего континента. Почему они *шли дальше*?

Потому что есть в структуре нашего общества что-то неизменное – это его «*широта*»[1]. Поэтому, что бы мы ни делали, мы всегда строим империю, поэтому: «широка страна моя родная». Всё, что происходило с нами давным-давно, вчера или происходит с нами сегодня, и даже то, что будет происходить с нами завтра, имеет глубинные корни в самой структуре русского общества, которая была, есть и будет принципиально тождественной не с точки зрения формы, но *с точки зрения смысла*

.

Пространство как социальный концепт. Rex extensa

Здесь возникает вопрос: как мы понимаем качественное пространство сегодня? Как сформировались исторически и социологически наши пространственные представления?

Пространство — социальный концепт. И у того пространства, с которым мы имеем дело сегодня, есть своя история. Другими словами, речь идет не о пространстве, которое было всегда, есть сейчас и в будущем останется неизменным, а о пространстве, возникшем как социальное явление в эпоху зарождения общества Модерна, причем не русского общества, а западноевропейского. То представление о пространстве, которое мы сегодня считаем единственным, разработал и ввел в оборот Рене Декарт в рамках своего философского мышления[2]. Он опознал субъекта как «*res cogens*», «вещь мыслящую», и объект как «*res extensa*», «вещь протяженную», «*пространственную* вещь», которая находится *с другой стороны* от мыслящего субъекта. Именно декартовское понимание пространства, которое мы сегодня считаем «просто пространством», пришло к нам в Россию через высшую и затем через обычную школу в течение последних веков, начиная с Петровских времен. В России это понимание укрепилось благодаря Санкт-Петербургскому и Московскому университетам, где европейские, прежде всего немецкие, преподаватели на немецком и на латыни рассказали нам в XVIII-XIX веках о том*, что такое пространство*. Мы поверили им, а затем

1 *Дугин А.Г.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

2 *Декарт Р.* Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия. М.: АН СССР, 1953.

сами несколько столетий транслировали это представление о пространстве своим ученикам, и, наконец, пришли к уверенности, что «другого пространства вообще нет».

Несколько иначе, чем Декарт, понимал пространство Исаак Ньютон. Если для Декарта пространство совпадало с материей, из которой созданы вещи, то Ньютон мыслил пространство как особое физическое объективное начало, в котором эти вещи располагаются и которое им предшествует. Но в обоих случаях речь идет о чем-то, что находится по ту сторону от человеческого субъекта, обладает автономной от него реальностью и относится к сфере объекта (у Декарта пространство – аспект материальной вещи, причем ее главное свойство, а у Ньютона – самостоятельная, предшествующая материальным вещам объективная реальность).

Каково же это придуманное Декартом и Ньютоном пространство? Это пространство однородное, локальное (по Ньютону) и не имеющее никаких качественных характеристик. Другими словами, *это пространство количественное*. Каждая точка количественного однородного, гомогенного пространства является абсолютно равнозначной любой другой точке этого пространства, ничем от нее не отличается.

Такое представление о пространстве возникло в рамках математического мышления Декарта в ходе развития западноевропейского общества в период Модерна[1]. Но что такое западноевропейское общество? Главное определение западноевропейского общества состоит в том, что оно *другое* по сравнению с русским обществом. В каком смысле «*другое*»?

В первую очередь, это «другое молчание», «европейское молчание». Западные европейцы молчат о другом, по-другому, а когда говорят на фоне этого молчания, — то проговаривают то, что лежит в основе европейского языка, европейской философии, европейского мышления. Поэтому само представление о количественном, однородном, гомогенном пространстве — уже «импортная» вещь. Такое пространство — это «концептуальный импорт», как импорт курток из болоньи или сапог на платформе в советское время. Точно так же «прислали» нам это количественное пространство, декартову «*res*

1 См. *Дугин А.Г.* Постфилософия. М.: Евразийское движение, 2009. С. 434-460..

extensa» (дословно, «протяженную вещь»). Оно основательно вошло в нашу науку. И в школе, на уроках физики, труда, геометрии, алгебры нам объясняют старательно, что такое это пространство. Объясняют, что оно однородно, протяженно, везде одинаково, и что оно – математическое пространство.

В высшей школе с этим пространством начинают работать как с чем-то само собой разумеющимся, и в результате, мы оказываемся под гипнозом того, что это и есть пространство как таковое, что другого пространства нет и не может быть, а если оно и есть, то представляет собой «иллюзию», «миф» или «абстракцию».

Теория естественных мест Аристотеля

Что же такое *качественное пространство*, с которым имеет дело геополитика? Прежде всего, это нечто совершенно *иное, нежели количественное пространство*.

Геополитика, оперируя с качественным пространством, выносит за скобки однородное локальное количественное пространство Декарта-Ньютона. Чтобы понять это, мы должны обратиться к социологии.

Социология, особенно структурная социология[1], демонстрирует, что представление о пространстве всецело определяется обществом и его установками. В обществе архаическом существует одно понимание пространства, в обществе религиозном – другое, в обществе современном – третье, в обществе Постмодерна – четвертое и т.д. Каково общество – таково и пространство.

Представление о количественном пространстве в Новое время формировалось в споре со средневековой схоластической аристотелевской концепцией о неоднородности пространства и неравнозначности его ориентаций (анизотропия). Аристотель учил о наличии у вещей *природных мест*[2]. С помощью этого он объяснял движение. Почему вещь движется? Потому что она перемещается из неправильного положения в правильное, из неестественного – в естественное. Каждая

1 *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. Указ. соч. С. 169-216.

2 *Аристотель.* Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.

вещь: падающая, летящая, катящаяся, движется к себе домой. Почему летит стрела? Она летит домой к себе, в сердце противника. Значит, сердце противника — это дом стрелы. У каждой вещи есть свое «естественное» место. И движение объясняется тем, что вещи стремятся вернуться на это место. Таково было представление Аристотеля, и оно лежит в основе всего учения Аристотеля о природе.

Аристотелевская модель мира предполагает наличие *нормативной конструкции,* которая является целью всех природных и общественных вещей и явлений. Это «телос» (τελος по–гречески – «цель», «конец»). И все вещи – живые и неживые – несут этот «телос», эту «цель» в самих себе (это называется «энтелехией» – неологизм Аристотеля, означающий буквально «несение (имение) цели в себе»). Это значит, что все пространство организовано в соответствии с этой нормативной конструкцией: оно сферично, его ориентации – верх и низ, центр и периферия, право и лево, Север, Юг, Восток и Запад -- имеют свои качественные характеристики. При этом совокупность вещей мира всегда находится на определенной дистанции от своих естественных мест, то есть они *смещены* относительно этой нормативной конструкции. Тяготение к тому, чтобы занять естественное место, есть энергия движения вещи. Но это движение происходит не в пустоте, а среди других вещей, которые также стремятся занять свои места. Пересечение их траекторий, воздействия, оказываемые друг на друга, мешают им достичь цели. Это составляет элемент случайности и объясняет то, что движение никогда не прекращается. Вещи хотят достичь цели, но у них не получается – им мешают другие вещи. Так развертывается динамика мира: в ней пространственная нормативная константа, полюса притяжения каждой вещи, и есть совокупность «случайных» столкновений вещей между собой. Все это составляет структуру мирового пространства, обладающего двумя измерениями: постоянным (топика естественного места каждой вещи) и переменным (координаты каждой конкретной вещи в данный момент времени, определяемые воздействиями других вещей и дистанцией от естественного места).

Это пространство является качественным, и оно было принято и в древнегреческом мире (Аристотель не просто создал свою теорию, но обобщил космологические представления разных философских школ его времени), и в европейском Средневековье.

Католическая схоластика рассматривала космологию Аристотеля как догму, освященную высшим авторитетом католической церкви. Поэтому можно считать, что качественное пространство Аристотеля было преобладающим в течение длительного периода европейской истории – приблизительно с VIII-го по XVI-й век.

Относительность количественного пространства и отказ от него в современной науке

Появление количественного пространства является отрицанием именно аристотелевского качественного пространства. Творцы парадигмы Нового времени ясно понимали, *что именно* они отвергают. Пространство Нового времени, в первую очередь, отвергло именно учение о естественных местах Аристотеля, то есть нормативную конструкцию мира и заложенную в самих вещах динамику движения к своему «телосу».

Здесь важно подчеркнуть один момент. Ученые Нового времени не просто «открыли истину о пространстве», не просто «доказали ложность представлений Аристотеля», они перешли к новому типу общества, в котором сменились доминирующие социальные представления, установки, ценности. Они перешли к иной социальной философии, которая конституировала совершенно иную Вселенную[1].

Концепция «*res extensa*», «количественного пространства», будучи точно таким же социальным конструктом, как и все альтернативные представления о пространстве, может применяться исключительно в тех обществах, которые принимают основную философскую модель Нового времени и именно на ней основывают свое представление об окружающем мире, о субъекте и объекте. Иначе говоря, для западноевропейской науки Нового времени вплоть до Эйнштейна и Нильса Бора пространство действительно является количественным[2]. К концу периода Нового времени, к началу эпохи критического переосмысления его парадигм, ньютоновские и декартовские представления о пространстве, начинают переосмысляться,

1 Зависимость науки от социально-исторического контекста тщательно проследили такие авторы как Т.Кун и П.Фейерабенд. См. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975; *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

2 См. подробнее *Дугин А.Г.* Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002.

корректироваться, подвергаться ревизии.

Например, в квантовой механике Нильса Бора содержится представление о *нелокальном* пространстве. Чтобы понять, что такое принцип нелокальности, следует напомнить, что такое принцип локальности. С точки зрения принципа локальности или количественного пространства, если в одной точке пространства нечто происходит, то это никак не влияет на происходящее в другой, бесконечно удаленной от первой, точке. Соответственно, принцип локальности проистекает из глубинного представления о пространстве как о чем-то однородном, безразличном, не имеющем внутренних ориентиров. Что касается квантовой механики, то там – в области бесконечно малых величин (элементарных частиц, кварков и т.д.) – свойства локального пространства не сохраняются: то, что происходит на квантовом уровне в точке, бесконечно удаленной от данной, как выяснилось, влияет на то, что происходит в данной точке. Еще более изменилось представление о пространстве в синергетических моделях (Хакен, Пригожин), изучающих неинтегрируемые процессы и неравновесные состояния, модели хаоса и т.д. Новый взгляд на размерность пространства предлагает теория фракталов (Б.Мандельброт), согласно которой декартовские координаты и, соответственно, трехмерное пространство – это рационалистическая абстракция. В природе нет прямых линий и гладких поверхностей, следовательно, реальная *геометрия природы,* по меньшей мере, на одно измерение шире научной геометрии; а значит, любая прямая линия в природе двухмерна, любая плоскость трехмерна, а любой объем – четырехмерен. И, наконец, совсем причудливые представления о пространстве мы встречаем в современной физической теории суперструн, в которой вводятся такие понятия, как «петлевое пространство», «мировой лист», «десятимерие», «голография» и т.д.

Социолог легко объяснит эти трансформации: меняется общество (от Модерна к Постмодерну), вместе с ним меняется и представление о пространстве; *пространство Модерна уступает место пространству Постмодерна*.

Тем не менее сегодня в быту мы оперируем не с квантовым, фрактальным, хаотическим или петлевым пространством, как профессиональные физики, а со старомодным европей-

ским пространством XVIII века – локальным, однородным, материальным, «объективным» и т.д.

Так примерно мыслил на заре XX века Владимир Ильич Ленин, когда он толковал материю («материя – это объективная реальность, данная нам в ощущениях»[1]) в механицистском ключе ранних материалистов XVII-XVIII веков. Ленинский взгляд на «объективный» мир отражал естественнонаучные представления европейцев раннего Модерна. Этот мир представлялся как четко работающий по принципам картезианско-ньютоновской модели механизм. Но уже в XIX веке эта модель стала ставиться под сомнение, а сегодня квантовое пространство вытеснило, по крайней мере, в науке, пространство картезианское, однородное и локальное. Ленин этому сдвигу большого значения не придал либо потому, что не следил за новыми тенденциями в фундаментальной науке, ограничиваясь научно-популярными брошюрами того времени, либо потому, что в России в конце XIX – начале XX веков все еще преобладал традиционно-религиозный взгляд на мир, и для Ленина было важно утвердить пространство Модерна в обществе, где оно было еще чем-то новым и «прогрессивным», тогда как в самой Европе в тот же самый период это пространство Модерна все чаще ставилось под сомнение новыми направлениями в науке.

Ленинский механицистский материализм и «объективизм» с его наивными представлениями об устройстве мира, вещества и материи сохранял статус догмата на протяжении всего советского периода, и несколько поколений советских ученых воспитывались на этом как на не подлежащих сомнению «научных» аксиомах. Социологу было бы очевидно, что «научность» и «аксиоматичность» этих постулатов -- явление исключительно идеологическое, политическое и социальное, но, видимо, поэтому и сама социология в советское время не приветствовалась и не изучалась. Тем не менее в нашем сегодняшнем обществе, когда марксизм-ленинизм и его догматы уже не являются общеобязательными и незыблемыми «истинами», мы сплошь и рядом имеем дело с наследием советского общества: большинство ученых воспитывались в советское время и были вынуждены принимать, заучивать и далее транслировать

1 *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм/ Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 18.М.: Политиздат, 1970-1983.

его аксиомы; кроме того сам процесс школьного образования по инерции продолжает именно эти механицистские и «объективистские» тенденции, не подвергшиеся критическому переосмыслению и социологическому анализу.

Поэтому мы и вынуждены столь подробно останавливаться на объяснении того, что пространство есть социологический конструкт и его свойства суть проекция доминирующих в данном конкретном обществе представлений. Нам все еще кажется, что свойства пространства объективны и принадлежат самому объекту. Так учил наивный материализм XVIII века, которого большинство современных ученых, как западных, так и восточных, давно не придерживается. И тем не менее, если мы не переступим через «объективистские», «материалистические» и «механицистские» предрассудки, мы не поймем ни социологии, ни геополитики.

Геополитика и пространственный смысл. Аристотель, архаика, феноменология

Рассмотрев разные варианты социологической трактовки пространства, мы приблизились к пониманию организации знания, методологии и предмета изучения в геополитике. Геополитика оперирует с качественным пространством, а значит, не с тем пространством, с которым оперирует классическая наука Нового времени. Однородное, изотропное, локальное, механицистское, объективное, материальное пространство Декарта-Ньютона не может быть взято в качестве предпосылки для развертывания геополитических принципов. Это, в частности, объясняет тот холодный прием, с которым геополитики столкнулись при попытках академической институционализации своих теорий в конце XIX – начале XX веков. Геополитика оперирует с пространством, отличным от пространственной парадигмы классического Модерна. Однако мы можем заметить и другую социологическую закономерность – интерес к геополитике снова проснулся в 1970-е годы, как раз в тот период, когда дали о себе знать *процессы перехода западного общества к новой социологической парадигме* – к парадигме Постмодерна. Этот переход не мог не повлиять на отношение к пространству; спектр приемлемых взглядов на природу пространства

существенно расширился, и геополитика перестала вызывать стойкое отторжение.

Можно ли заключить из этого, что геополитика – наука постмодерна? Ответ на этот вопрос не очевиден, и я посвятил этому отдельную книгу[1]. Всплеск внимания к геополитике и ее запоздалая (по сравнению с другими науками) институционализация – признак именно постмодерна, но суть геополитики к этому не сводится. Они возникла тогда, когда Постмодерна не было, и развивалась несколько десятилетий как область прикладного анализа внешней политики, военной стратегии и международных отношений, не давая себе отчета в философской и онтологической обоснованности своих теорий. Многие ее методики были полезны и применимы на практике, поэтому англо-саксонские общества (Англия и США), где геополитика получила наибольшее распространение, удовлетворялись этой практической значимостью и прагматической пользой. Поэтому в определенном смысле геополитика несет на себе следы Модерна, хотя и оперирует с представлением о пространстве, резко контрастирующим аксиомами науки Модерна.

Таким образом, геополитическое пространство – это особое явление, которое является сложным и может быть проанализировано одновременно на трех уровнях.

Геополитическое пространство несет на себе многие признаки аристотелевского взгляда на мир, то есть выражает собой *пространственные представления традиционного общества*. С точки зрения геополитики, совершенно небезразлично, *где* происходит тот или иной процесс, и с каким конкретно обществом мы имеем дело. И в зависимости от того, к какой точке будет относиться то или иное явление, как бы оно ни было похоже на происходящее в других точках, его смысл будет всегда толковаться по-новому.

С точки зрения качественного пространства, место нахождения явления, например, место расположения общества, пространственный рельеф, ландшафт территории, где происходит то или иное событие (будь то береговая или сухопутная зоны, река или гора, болото или лес) чрезвычайно важны для установления смысла этого явления, его истолкования и, соответственно, его анализа и прогнозов относительно дальнейших последствий.

1 *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. СПб.:Амфора, 2007.

Пространство – это не пустота, не преграда или отсутствие преграды, например, для прокладки железнодорожных путей или бетонной автотрассы. Это некая *смысловая среда* (Raumsinn – «пространственный смысл», по выражению немецких геополитиков), которая не просто влияет на общество, но определяет его структурные особенности. Более того, в значительной степени общество, помещенное в то или иное пространство, меняет свое содержание. Иначе говоря, пространство в геополитике является *смыслообразующим*. Пространство дает смысл явлениям, событиям, процессам, институтам, и выступает, таким образом, как интерпретационная, герменевтическая инстанция.

Качественное пространство дано нам как *живой окружающий мир*. Но если мы сразу же начинаем представлять себе круглую планету — это слишком поспешное действие: о планете нас известили теледикторы или школьные учителя. А мы знаем, что теледикторы часто врут или просто шутят. Современное телевидение – вообще сплошная юмористическая программа, по крайней мере, российское телевидение. А преподаватели подчас отстают от новейших тенденций в науке. Поэтому, в принципе, доверять тому, что мы живем на пространстве земного *шара* — значит делать слишком большое некритическое обобщение, поддаваться на внушение навязчивой пропаганды Модерна. То пространство, с которым мы имеем дело, это *пространство России* – пространство, где мы родились, где живем, откуда мы приехали или куда мы едем. В принципе, конечно, кто-то из нас путешествовал за пределы Российской Федерации. Мы допускаем, что за границами России нечто есть, но уверены ли мы, что это точно такое же пространство, как русское[1]? Понятен ли нам его *пространственный смысл*? Об этом можно говорить с условием, что мы чрезмерно поверхностны и некритичны, слишком доверяем «собственному опыту», который на самом деле является внедренной в нас когнитивной программой.

Пространство, данное нам *феноменологически* – плоское. Оно всегда имеет определенный рельеф. Оно то морское, то горное, то это впадины, то тундра, то реки. Оно никогда не является математическим пространством Декарта, это не «res extensa», это всегда *ландшафт*. Таким образом, понятие ландшафта может быть взято в качестве одного из главных свойств

1 *Дугин А.Г.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010

качественного пространства. Абстрактного пространства, с которым имеет дело научное мышление Нового времени, мы не знаем, оно не дано нам в опыте. В опыте нам дано созерцание ландшафта.

Когда мы летим в самолете, мы видим внизу рельефы: пашни, дороги, а уже ближе к восточным границам России — раскинувшуюся огромную, прекрасную, многомерную, многообразную и совершенно неизменную в течение суток, лет, веков пустошь.

Если, конкретизируя, говорить о русском пространстве, то это всегда пространство большое[1]. А если, например, говорить о японском пространстве, то это всегда будет маленькое пространство. Для нас же, наоборот, если пространство — то обязательно что-то без конца и края, чтобы можно было заблудиться, куда-то пойти и не дойти, не там свернуть, и, в конце концов, пропасть в этом пространстве или спастись в его бескрайности. Это совершенно разные *восприятия* пространства, а феноменологически – это *разные качественные пространства*.

Качественное пространство, состоящее из различий, никогда не ровное пространство, оно всегда имеет борозды, подъемы и впадины. Это пространство свойственно для человека. Его главная характеристика – *интенсивное различение*. Если посмотреть на пространство математическое, декартово, в нем способность различения замирает или становится ледяной, как во дворце Снежной королевы. А человеческое различение, напротив, подвижное, динамичное, живое. Мы всё время различаем, отличаем и живем этим различением. Такое феноменологическое качественное пространство запечатлено в нашем языке.

Исходя из самого языка, легко понять, о чем здесь идет речь, поскольку язык оперирует с качественным пространством. Если мы говорим «вверх», то подразумеваем «взлетать» или «подниматься», если «вниз», то – «падать» или «спускаться». Язык не позволяет нам сказать «спускаться вверх». Пространство языка качественное, аристотелевское и нам легко это понять. А в рамках количественного пространства механицистской модели, строго говоря, неупотребимы такие

1 Там же. .

понятия, как «спуститься» или «подняться». Здесь следует использовать термин «переместиться». Нечто переместилось, но не важно куда, поскольку в количественном пространстве у вещи нет естественного места.

Итак, *геополитика имеет дело с качественным пространством* и с теми процессами, которые развиваются в этом качественном пространстве. Поэтому геополитика оперирует не с пространством Декарта и его ортогональными координатами, а с пространством Суши и Моря, структура которых намного более сложна и многомерна.

Всякое пространство с точки зрения геополитического подхода, а равно и с точки зрения феноменологии интенсивного человеческого восприятия -- либо сухое, либо влажное, либо высокое, либо низкое, либо близкое, либо далекое. Поэтому геополитику и ее методы так легко осваивать даже людям, не имеющим специальной научной подготовки. Аппарат геополитических представлений воспроизводит феноменологические структуры обычного человеческого восприятия окружающей действительности. Геополитика оперирует с аналогом «жизненного мира» и привычными, часто употребляемыми бытовыми ассоциациями. В эпохи традиционного общества эта связь между наивным жизненным миром и научными теориями была более прямой и крепкой. Поэтому мы с полным основанием можем отнести геополитическое пространство и к аристотелевскому, и к религиозно-мифологическому, и к «жизненному» феноменологическому отношению людей к тому, в чем они пребывают.

Таким образом, один слой геополитического пространства мы идентифицируем с пространственными представлениями, предшествующими эпохи Модерна – то есть с мифологическим, архаическим и феноменологическим пространством.

Географический детерминизм и прагматика пространства

Но у геополитического пространства есть и иной срез. Этот срез можно назвать *прагматическим*. И вот здесь мы попадаем в парадигму Модерна с его специфическими представлениями. Многие геополитики, в том числе и основатель политической

географии Фридрих Ратцель[1], рассматривали пространство как объективное свойство окружающего мира, не ставя под сомнение основные принципы пространства Нового времени. Другое дело, что они уделяли влиянию объективной географической среды повышенное внимание.

Это можно проследить, начиная с трудов Шарля Монтескье[2], который объяснял различия в культурном уровне разных народов влиянием климата и географических особенностей. При этом Монтескье был одним из ключевых деятелей Просвещения и всячески укреплял парадигмы Нового времени. Для него географические особенности были выражением эмпирической силы воздействия объекта на субъект – в духе номиналистского и эмпирического подхода английской философии, которой англофил Монтескье восхищался. Здесь мы имеем дело с определенной версией материализма.

В таком же духе мыслил пространство и Ф. Ратцель, которого считают основателем «географического детерминизма». Ратцель полагал, что ландшафт оказывает решающее воздействие на социально-политические и хозяйственные стороны развития общества – сдерживает одни силы и тенденции и поощряет развитие других. И снова мы имеем дело с вполне модернистским представлением, спецификой которого, в данном случае, является постановка во главу угла «объективного» влияния пространства на общество.

Англосаксонская школа геополитики (родоначальники - А.Мэхэн[3] и и Х.Макиндер[4]) рассматривала географическое пространство как поле развертывания чисто прагматических сил, связанных с политическим и экономическим контролем над территориями земного шара. В значительной степени вся англосаксонская традиция геополитики, и частично ранняя немецкая, не выходят за рамки понимания пространства как объективно существующей реальности, но лишь подчеркивает, что эта реальность в форме географической среды, ландшаф-

1 *Ратцель Ф.* Народоведение. В 2 томах. С.-Петербург: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1904.

2 *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955

3 *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю 1660-1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Он же.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793-1812. СПб.: Terra Fantastica, 2002.

4 *Макиндер Х.Дж.* Географическая ось истории / *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000.

та существенно аффектирует политическую, стратегическую и экономическую природу государств и обществ. При этом немецкие геополитики руководствуются преимущественно органицистской философией и тяготеют к тому, чтобы рассматривать социокультурные явления как высший уровень органических и витальных процессов (отсюда тезис шведа Рудольфа Челлена, ученика Ратцеля, который и ввел самое понятие «геополитика»), а англосаксы склонны к механицизму и интересуются пространством и его закономерностями с утилитарно-прагматической точки зрения. Это, впрочем, не помешало и тем и другим внести огромный, решающий вклад в становление геополитики как науки.

Геополитика и пространство постмодерна

И, наконец, в наше время, в эпоху перехода к обществу Постмодерна, мы сталкиваемся с новыми тенденциями в геополитике, которые проецируют геополитические методологии на новые типы пространств – космическое пространство, виртуальное пространство, информационное пространство, сетевое пространство, коммуникативное пространство, экономическое пространство, глобальное пространство и т.д. Некоторые философы постмодернисты – в частности, Ж. Делез и Ф. Гваттари – вводят термин геофилософия»[1], пытаясь осмыслить разнообразие интеллектуальных культур Запада и Востока через различия в их интерпретации пространства. Делез и Гваттари предлагают новые формы чисто постмодернистского осмысления пространства, материи и телесности в таких понятиях. как «ризома», «тело без органов», «гладкое пространство», «изборожденное пространство»[2] и т.д., что можно применить и к новому толкованию социо-культурных, политических и геополитических явлений.

Сегодня все чаще делаются попытки разработать геополитическую теорию нового поколения. Эти опыты могут быть объединены термином «геополитика постмодерна»[3] (напри-

---

1 *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009.

2 *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М., 1990; *Делёз Ж.* Логика смысла. М., 1998.

3 *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. СПб:Амфора, 2007.

мер, «критическая геополитика О'Туатайла[1] и т.п.).

В этом отношении специфика геополитического пространства открывает еще один уровень – возможность геополитического рассмотрения тех явлений и сред, которые ранее к геополитике не относились.

Если суммировать эти уровни, то наше представление о геополитическом пространстве становится чрезвычайно многомерным и объемным. Это пространство одновременно является и архаико-мифологическим, и аристотелевским (нормативно-телеологическим) и феноменологическим, и «объективным» (но с учетом повышенного влияния на субъект – культуру, общество, человека – вплоть до органицизма), и постмодернистским.

Постижение пространственного смысла русской истории

Наша непосредственная задача — изучение социологии геополитических процессов России. Мы рассматриваем наше общество на всех его уровнях и в различных его фазах. Поэтому данная работа представляет собой *социологию русской истории* или, если угодно, *социологическую историю русского общества*. Геополитический аспект нашего исследования заключается в том, что мы постоянно выявляем то, как в разные исторические периоды русское общество соотносилось с *качественным пространством*.

Также мы обращаем пристальное внимание на те нерусские общества, с которыми русское общество сталкивалось и сталкивается. Когда мы приходим в степь, мы видим не только физическую степь, но и тех, кем она заселена -- людей степи, общества степи. И их взгляды на степь, на социологию степи, пространственный смысл степи может существенно отличаться от нашего понимания.

Точно так же, если мы обращаем взгляды на Запад, в Европу, то видим там не только реки, озера, фьорды, леса, парки, валуны, но еще и западных европейцев, по-своему сформулировавших пространственный смысл своего мира и окружающих

1 *O'Thuatail Gearoid.* Critical Geopolitics : The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota, 1996..

его внеевропейских зон. Когда же они смотрят на нас, они тоже видят нас, русских, одновременно и культурно, и этнически, и социально, и геополитически*. Они видят в нас качественное пространство*, русское пространство, которое вбирает в себя все остальное.

Пространство, с которым мы сталкиваемся и которое лежит в основе нашей геополитической истории, это пространство осмысленное, наделенное смыслом, причем многими смыслами. И когда ситуация доходит до отношений между народами, государствами и культурами, а подчас и до военных столкновений, то в дело вступает как раз этот пространственный смысл – как правило, разный для всех участников. Изучение его – задача данного курса.

Библиография:

Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство ""Лань"", 2000.
Геополитика. Серия: Учебники Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. М.: РАГС, 2007 г.
Геополитика. Антология, СПб.: Академический проект, Культура, 2006 г
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004 г.
Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия, М.: Изд-во АН СССР, 1953
Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007.
Дугин А.Г. Логос и мифос. Глубинное регионоведение. М., 2010.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М: Арктогея-центр, 1999 г.
Дугин А.Г. (отв. ред.) Основы евразийства. М. Арктогея-центр: 2002.
Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010.
Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.
Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-Центр, 2002.
Евразийская идея и современность, М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2002 .
Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб.: Издательство Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2004.
Исаев Б.А. Геополитика. СПб.: Питер, 2006 г.
Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб. : Северная Звезда, 2004.
Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007.
Кройцбергер С., Грабовски С., Унзер Ю. Внешняя политика России: от Ельцина к Путину, М.: Оптима, 2002 г.
Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1965.
Мосс М. Социальные функции священного: Избр. произведения / Пер. с франц. под общ. ред. И. В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000.
Ратцель Ф. Народоведение. В двух томах. М.: Типография Товарищества "Просвещение", 1903.
Сорокин П.А. Система Социологии. в 2-х т., М., 1993.
Циганков П.А., Циганков А.П. Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий. М.: Аспект Пресс, 2008.
Frobenius L. Erythräa. Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes. Berlin, 1931
Portmann A. Animals as social beings. New-York: Viking Press, 1961.

Глава 2. Обзор геополитических теорий

Геополитика и перспектива взгляда

Геополитика существенно отличается от социологии геополитики, но чтобы сочетать первое со вторым, необходимо знать и то, и другое. Термин «геополитика» был введен в XIX в. шведом Рудольфом Челленом[1](1864-1922). Он также предложил термины для дескрипции новых специфицированных дисциплин — «этнополитика», «кратополитика», но они, в отличие от геополитики, не выдержали проверки временем.

Геополитика — это дисциплина, занимающаяся отношением государства к пространству. Этимология термина очевидна — от греч. πολις, государство, и γεα, земля. Геополитика изучает отношение государства, политической системы, политического организма к ландшафту, к территории, к земле, к пространству.

Одним из предшественников Челлена, пользовавшихся геополитическим подходом, можно считать немца Фридриха Ратцеля (1844-1904), основателя политической географии, или антропографии. Он предложил учитывать пространственный фактор как один из главных в международных политических отношениях. И хотя Ратцель не употреблял термина «геополитика», именно он стал создателем ее первичных философских и концептуальных элементов. Одной из важнейших идей Ратцеля была идея «государства как формы жизни». Представление о государстве у Ратцеля восходит к традиции органицистской немецкой школы, относившейся к этому феномену не как к механистической конструкции, но как к живому существу, которое рождается, созревает, деградирует и умирает. По Ратцелю государство представляет собой форму жизни, и оно вписано в ландшафт таким же образом, как, например, растения или животные. Государство растет из почвы, адаптируется к почве, живет на ней, занимает территорию, расширяясь, сужаясь или сохраняясь в пределах этой территории.

Существуют две глобальные философские теории, распространяющие свои суждения на науку: *органицизм* и *меха-*

1 *Челлен Р.* Государство как форма жизни (Staten som lifvsform). М., 2008.

ницизм. Им соответствуют две метафоры — *метафора дерева* и *метафора часов*. Согласно метафоре часов, или механицизму, государство, общество, социум, политика представляют собой механизм. С точки зрения метафоры дерева, государство, общество, человек, культура представляют собой организм. Разница в подходах заключается в том, что в первом случае мы можем разъять что-либо как механизм на составные части, а потом собрать заново, а в другом случае — нет. Если мы, например, спилим дерево, а потом попытаемся его поставить на место, ясно, что из этого ничего хорошего не выйдет. Если мы расчленим какое-либо живое существо, то вернуться к предшествующему состоянию уже не удастся. Может быть, куски сшить и можно, но это будет чучело, а не живой организм.

Органицизм и механицизм можно встретить и в социологии, и в политологии, и в различных философских и даже естественнонаучных дисциплинах. В одном случае мы будем рассматривать человека, подобно Декарту[1] или Галену[2], как механизм. Жюльен Офре де Ламетри даже написал книгу «Человек-машина»[3], где легкие человека уподобляются кузнечным мехам, печень — огню, на котором всё жарится и варится, суставы — рычагам, так или иначе помогающим поднимать тяжести. Современная медицина исходит исключительно из механицистских представлений о человеке и мире. Органы рассматриваются как существующие отдельно от всего организма. Отсюда идея трансплантации, предполагающей, что можно взять и заменить один орган другим. Такой подход был категорически неприемлем для сакральной ятромедицины, рассматривавшей человеческое существо как целостное, в котором ничего без очень серьезных последствий кардинально поменять нельзя.

Геополитика основана именно на органицистском подходе. Поэтому с точки зрения геополитики совершенно не все равно, где находится то или иное государство, где живет то или иное политическое сообщество, в каком ландшафте и на какой территории. Первых геополитиков и, в первую очередь, Ратцеля[4] обвиняли в так называемом «географическом

1 *Декарт Р.*. Сочинения. Казань, 1914, т.1

2 *Гален К.* О назначении частей человеческого тела. М.: Медицина. 1971.

3 *Ламетри Ж.О.* Человек-машина // *Ламетри Ж.О.* Сочинения М. Мысль, 1976.

4 *Ратцель Ф*. Народоведение. Указ соч.

детерминизме». Что это означает? Детерминизм — это предопределенность. В зависимости от того или иного ландшафта политические системы организуются тем или иным образом. Примером географического детерминизма, в частности, является потамическая теория цивилизаций. Потамическая — от греческого слова «ποταμος», «река». Потамическая теория цивилизаций гласит, что цивилизация возникает там, где речные потоки пересекаются, так или иначе сходятся между собой. Там, где реки текут параллельно друг другу и не пересекаются, государств не возникает. Если мы посмотрим на историю, на географический рельеф всех известных нам государств, мы увидим, что это правило соблюдается. Там, где сходятся водные пространства, например, в Междуречье, в дельте Нила, в Западной Европе, возникают цивилизации. В России, например, это пересечение русских рек — бассейнов Оки и Волги. В таких местах цивилизации возникают раньше. А там, где реки текут параллельно, — например, в Германии или в Сибири, цивилизации складываются очень поздно. Поэтому германское государство возникло последним в Европе, хотя немцы – один из наиболее государствообразующих народов. Они создали европейскую политическую систему за счет своих франкских, германских династий, но тем не менее собственное полноценное государство у них появилось вообще чуть ли не в конце XIX в. До этого были раздробленные княжества: отдельно Пруссия, отдельно Австрия, отдельно Бавария. Бисмарк железной рукой собрал эти земли. Но это произошло лишь в конце XIX в., когда у Франции за плечами была чуть ли не тысячелетняя история. При этом Франция создавалась при участии тех же немцев. Но реки во Франции текли правильно, а в Германии — нет.

Или, например, Якутия. Наша Сибирь безгосударственная потому, что там реки текут параллельно. Пересекаем Урал, и здесь реки начинают пересекаться. Отсюда мощная долгая история Московской Руси. Это пример потамической теории. Многие считают, что она утратила свое значение, но цивилизации тем не менее сложились в те времена, когда этот фактор имел существеннейшее значение, и как раз именно такого рода цивилизации уже накопили определенный запас исторического развития. Поэтому это не малозначимый фактор даже сегодня. При этом патомическая теория — один из ярчайших примеров

географического детерминизма.

Р. Челлен предложил систематизировать геополитические знания, рассматривая отношение государства к пространству как абсолютно необходимый элемент любого политологического анализа. С этого момента термин «геополитика» начинает свое шествие в истории. Вначале у Челлена геополитика была частью политологического знания. Иными словами, она представляла собой часть политологии, прикладной политологии, и лишь постепенно обособилась в отдельную дисциплину.

Атлантизм. Seapower. Создатель геополитики Джон Хэлфорд Макиндер

Поворотным моментом в истории геополитической дисциплины была публикация в 1904 г. в английском журнале «The Geographical Journal» статьи Макиндера (1861 – 1947), которая называлась «Географическая ось истории»[1]. Макиндер, по сути дела, набросал основы методологии и топики геополитического мировоззрения или миросознания, и, по сути, этот небольшой текст лежит в основе развития всей геополитики в течение XX века. С этого момента интуиция Ратцеля о том, что государство есть форма жизни, на которую влияет пространство, а также интуиция Челлена о необходимости учитывать пространственный фактор в политологии и придавать государствам особый индекс при любом политологическом анализе, превращаются в некое стройное представление о мире. Именно Макиндер является создателем и разработчиком геополитической топики.
Что такое топика? Топика – это структура концептуального знания. Слово топика происходит от греческого слова «τοπος», «место», но речь идет не о месте физическом, а о месте концептуальном. Иными словами, это некая география идеи. Топика – это география идеи, пространственное изображение идеи. Можно сказать, это схема, которая лежит в основе того или иного научного подхода, того или иного научного метода.

Д. Х. Макиндер был практическим политиком. Он выполнял роль верховного комиссара Антанты по Украине во время гражданской войны и был представителем сил Антанты у Вран-

1 *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history The. Geographical Journal.№ 23, 1904. P. 421–37

геля. Иначе говоря, он занимался активной геополитикой, полагая, что геополитическое знание является лишь подсобным материалом в идее реализации британских интересов. Но, может быть, сам того не ведая, в своей статье он изложил нечто гораздо большее, нежели практические наблюдения за тем, что именовалось в то время, в XIX в. — в начале XX в., Большой Игрой, «Great Game».[1] Тогда этим словом обозначалось противостояние Англии и Российской империи, целью которого было получить контроль над пограничными зонами, начиная с Европы, Балтийско-Черноморского бассейна и Кавказа и заканчивая центральной Азией, Тибетом и Дальним Востоком. На всем пространстве Евразии между Российской империей и Англией шла борьба. Англия всячески нас оттесняла, а мы пытались отстоять территории. Это и называлось «Great Game». Об этом много писал Р. Киплинг[2]. И колониальные авантюры XIX в. Великобритании в значительной степени руководствовались конкуренцией с Россией.

«Большая Игра» признавалась и осознавалась фактически всеми в XIX веке, и Макиндер попытался ее концептуализировать. Каковы же результаты? Мы получили не просто концептуализацию противостояния британского империализма и русского геополитического национально-освободительного движения против английских агентов, но совершено новую науку. Другими словами, занимаясь практической политикой, Макиндер нащупал подход, ключи к науке, которая имеет гораздо большее значение, гораздо большую степень автономности, универсальности, нежели решение конкретных проблем по отделению Украины от России или натравливанию проанглийских антантовских «белых» на евразийских «красных», засевших на сухопутной территории.

Смысл макиндеровской статьи «Географическая ось истории» сводится к тому, что существуют два типа цивилизаций. Одну из них он назвал «*цивилизацией Моря*», имея в виду Англию, владычицу морей. Как раз в то время идея морского права активно дискутировалась. Эта идея очень интересна с точки зрения правовой истории. Англичане в конце XIX века

---

1 *Johnson R*. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757-1947. London: Greenhill, 2006.

2 *Киплинг Р.* Ким. М.: Высшая школа, 1990.

ввели в качестве международного закона обязательность английского контроля над мировым океаном. Они заявили, что владеют им по факту, и значит, их торговые суда должны беспрепятственно проплывать по всем водам мирового океана и «де юре». Впоследствии, в эпоху Вильсона, американцы также хотели заявить, что интересы Америки — это интересы всего мира, и все представители мира должны подчиняться интересам Америки. Иными словами, тогда как раз была очень свежа и актуальна идея придания факту мирового империализма некоего юридического или научного обоснования. Макиндер был классическим мировым империалистом, придававшим своему взгляду на мир концептуальные черты. Поэтому, будучи очень проницательным и тонким человеком, он провозгласил, что существуют две цивилизации: *цивилизация Моря* и *цивилизация Суши*.

Цивилизация Моря — это англосаксонский мир, Англия. А цивилизация Суши представлена, если брать исключительно европейский контекст, Западную Европу, восточными, варварскими, с точки зрения прочих европейцев, немцами, которых даже до Второй мировой войны называли гуннами, считая их потомками Аттилы. Отношение к немцам в Европе, кстати, примерно такое же, как у нас к кавказцам. То есть это «люди» и «европейцы», но всё-таки немножко другие, нежели жители Западной Европы. По крайней мере в эпоху Первой и Второй мировых войн немцев прямо называли гуннами в уничижительном значении этого слова. Однако Германия представляет собой цивилизацию Суши только в рамках Европы. В глобальном смысле, конечно же, цивилизацией Суши является Россия. В геополитике для нее существует и другое определение — «Heartland», «сердцевинная земля». Термин «Heartland» был введен Макиндером, который и называл эту «сердечную страну» географической осью истории.

Изначально геополитика, по сути дела, была наукой победы над Россией. Макиндеру принадлежит фраза: «Кто контролирует Heartland, контролирует всю Евразию. Кто контролирует всю Евразию, контролирует весь мир». Это ключевая геополитическая формула. Исходя из нее, Макиндер решил выяснить, а не является ли феноменология англо-русского противостояния, Большой Игры, специфическим свойством или обстоя-

тельством исключительно XIX–XX вв., или же можно отыскать в истории некие аналогии. И он пришел к выводу: противостояние цивилизации Суши и цивилизации Моря можно проследить вплоть до древности. Нечто аналогичное мы находим и в противостоянии Рима и Карфагена. Карфаген — по всем параметрам — типично морская цивилизация. Там доминирует наемная армия, все ценности являются ценностями ликвидными. Ориентация на деньги и бизнес в Карфагене была определяющей для этой демократической цивилизации, практикующей ритуальные убиения младенцев. Рим же представлял собой полную антитезу Карфагену. Это была культура застойная, героическая, мужественная, где основные ценности заключались в иерархическом подчинении, послушании, обустройстве всего пространства в соответствии с определенной иерархической структурой. Рим — это жесткий прямолинейный стиль цивилизации, ориентированной исключительно на вертикаль, на подчинение императору. Если Карфаген представлял собой гибкую торговую цивилизацию, то Рим — цивилизацию силовую. Иначе говоря, Карфаген воплощал собой либерализм, а Рим — традиционную силовую структуру. Карфагенские либералы покупали всё, что им было надо, в том числе и армию. А римские герои всё, что им было надо, отбирали.

Противостояние цивилизации Суши и цивилизации Моря сказывалось в методиках захвата полезных и необходимых ресурсов. Карфагеняне предпочитали покупать, римляне отбирать. Карфагеняне воровали, римляне грабили. Воровство и грабеж — разные вещи. Вор приходит тихо, он крадется и оставляет всё, как будто так и было. Грабитель же приходит, выламывает дверь, забирает всё и уходит. Помимо воровства, конечно, у цивилизации Моря были и позитивные стороны. Карфагеняне развивали бизнес, торговлю, они избороздили своими кораблями всё Средиземноморье, отличились в работорговле, приносили детей в жертву великой матери, Молоху и Ваалу. Римляне тоже могли кого-нибудь убить в гладиаторской битве на глазах у всего народа, который только аплодировал, подбрасывая вверх римские шапочки.

Рим хранит свое величие — это героизм, гигантские империи, территории, легионы, идущие ровными когортами и побеждающие всё, что встречается на их пути. Карфаген про-

сачивается тихо, невидимо, словно сетевыми змеиными кольцами, опутывая всё своими интригами и заговорами. Рим воевал с Карфагеном в течение трех Пунических войн, которые, с точки зрения Макиндера, суть вечные, не кончающиеся войны. И если древние Пунические войны завершились, то в современном мире идут новые Пунические войны. Только в начале XX веке на месте Рима, по Макиндеру, находилась застойная, страшная, неподвижная героическая Россия, отбирающая всё, что плохо лежит. А ей противостоял новый Карфаген — Англия, ловкие демократические торговцы, защитники прав человека, распространяющиеся по миру, оперативно всё скупающие, в том числе и интеллектуальную элиту. И вроде бы внешне всё тихо, демократично: права человека соблюдаются, гражданское общество присутствует. Но при этом всё пронизано сетями и скуплено.

Еще одна приведенная Макиндером аналогия -- противостояние Спарты и Афин. Спарта, согласно Макиндеру, — цивилизация Суши, Афины же – цивилизация Моря. Афины — это демократия, равенство, бесконечные дебаты и обсуждения, ареопаг. Спарта — короли, жесткость, аскетизм. Противостояние Спарты и Афин, по Макиндеру, было противостоянием не просто двух исторических полисов, но двух типов цивилизаций,

Макиндер утверждал, что афинский и карфагенский типы цивилизаций были унаследованы Голландией, затем Венецией, еще позже — Англией. Англия для Макиндера была последней стоянкой, последним воплощением карфагенской цивилизации Моря. Что касается цивилизации Суши, то можно сказать, что она от Спарты, а затем Рима через средневековую Европу постепенно сдвинулась к Heartland. Москва неслучайно была названа «Третьим Римом». Мы являемся наследниками именно сухопутной героической цивилизации.

Итак, от чисто стратегического анализа отношений двух империалистических держав — Великобритании и Российской империи Романовых — Макиндер переходит к анализу *цивилизационного дуализма*, объясняющего, с его точки зрения, содержание международных процессов. По сути дела, мы переходим к социологическому значению международной политики, к социологии международной политики: здесь открывается не просто стратегическая битва за ресурсы, а столкновение

двух цивилизационных типов, двух ценностных социальных систем. Таким образом, цивилизация Суши и цивилизация Моря приобретают для нас двойной характер. Мы можем поместить и расположить цивилизации Суши и Моря в географическом пространстве, а можем — в пространстве ценностном, аксиологическом. Геополитика оперирует именно с двумя накладывающимися друг на друга картами. Одна — чисто географическая, другая — ценностная, аксиологическая. Через наложение аксиологической карты на географическую, мы получаем геополитическую топику. Геополитическая топика, таким образом, может быть представлена как стратегический анализ противодействующих сил, а может — как абстрактное, умозрительное описание столкновения двух типов цивилизаций. Этим двум типам цивилизаций позже крупнейший немецкий социолог В. Зомбарт дал определения «героическая» и «торговая»[1]. По сути дела, здесь мы находим точное соответствие топике Макиндера. Зомбарт выделял два типа обществ: *общество героев* (*цивилизацию Суши*, по Макиндеру) и *общество торговцев* (*морское общество*). Но Зомбарт ничего не говорит нам о географическом и историческом расположении этих обществ. Он строит чисто социологическую ценностную модель. У Макиндера же анализ постоянно переходит с ценностного на стратегический уровень. Особенность геополитики как раз в том и состоит, что эта дисциплина способна легко и непротиворечиво переходить с одного уровня на другой. Можно оценивать стратегические взаимоотношения, а можно — цивилизационные. Всякое цивилизационное, социологическое явление, в рамках геополитической топики можно оценить с точки зрения его близости к стратегическим интересам. И, наоборот, при рассмотрении стратегических интересов видятся цивилизационно-ценностные аспекты. В этом суть геополитики.

В геополитике приводятся в соответствие две системы: ценностная и стратегическая. Сторонник либерализма, то есть *торговой цивилизации*, будет сторонником *цивилизации Моря*. Сторонник традиционного устоя, Суши, будет противником цивилизации Моря с ее либерализмом. И как бы ни пытались избежать либералы нового поколения этой геополитической

---

1 *Sombart W.* Händler und Helden. Patriotische Besinnungen. Duncker & Humblot: München/Leipzig, 1915.

связи, она их преследует, потому что законы геополитики действуют безотказно.

Карл Шмитт: Земля и Море

Наиболее серьезный вклад в геополитику как науку внес *Карл Шмитт*, (1888 -1985), немецкий юрист и философ. В своей небольшой, но принципиально важной работе «Земля и Море»[1], он показал, что Суша, как таковая, не должна рассматриваться только в качестве физического явления и что выделение Макиндером пары – цивилизация Суши и *цивилизация Моря,* сочетающее стратегию и ценностные системы, является не частно-научным, а общекультурным и даже философским обобщением. Суша и Море у Карла Шмита как базовая пара геополитической топики приобретает характер, можно сказать, духовно-цивилизационного образа. Другими словами, цивилизация может оставаться сухопутной, даже если она захватывает господство над морями, как, например, Испания. Цивилизация может оставаться сухопутной, даже если она является островом, окруженным со всех сторон морем, как Япония. Цивилизация также может стать морской, если, выйдя в стихию Моря, эта цивилизация принимает логику Моря. Народ может быть мореплавателем, но море воспринимать как промежуток между одной сушей и другой. Шмитт иллюстрирует это организацией политических систем в испанских колониях. Где бы испанцы ни создавали свои колонии, они всегда утверждали иерархии героического свойства, подобно римлянам. Они мыслили себя носителями Суши, покоряющими море. Сухопутный характер испанской цивилизации для Шмитта очень важен.

Другой пример — англосаксонские мореплаватели. Англия поначалу ощущала себя как вполне сухопутная европейская держава, поскольку Ла-Манш был просто ручейком, отделяющим их от Европы, и как остров англичане себя долгое время вообще не осознавали. Но, как показывает Шмитт, вступив в Море, англичане встали на сторону Моря. Они стали смотреть на Сушу с позиции Моря, и это совершенно изменило их сознание. Из аристократических, верных Англии отрядов они

1 См. *Шмитт К.* Земля и море // *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.

превратились в каперов – «пиратов Ее Величества». Кто такие пираты? Это свободное анархическое общество, развивающее индивидуальные достоинства или недостатки каждого (алкоголизм, жадность, грубость и жестокость), бороздящее моря, которые рассматриваются как абсолютно отчужденная, ликвидная, то есть жидкая стихия.

Отличие существования Моря от бытия Суши заключается и в том, что Море населено неприручаемыми животными. Их можно поймать, съесть, но их невозможно приручить. И сама морская стихия — это вода, которую невозможно пить. Матрос, попавший в бурю и потерявший паруса, плывет на корабле, изнывая от жажды. Кругом вода, а выпить ее нельзя. Это обманная вода, демоническая вода, антивода. Уж лучше бы не было ничего, чем вода, пить которую невозможно. И находясь по горло в воде, матрос умирает от жажды. Эту воду настоящий матрос, особенно переживший морские напасти, может только ненавидеть. И вот ненависть к воде, к Морю, постепенно формирует в нем патологическую любовь к этой стихии. То есть пират — это тот, кто ненавидит вообще всё, потому что он ненавидит стихию, его окружающую.

Еще одно свойство пирата. Мы знаем, что женщина на корабле всегда считалась очень дурным знаком, предвещающим кораблекрушение. Корабль — это всегда чисто мужской коллектив, экипаж матросов. Там не предполагается женщин. Но если долго не видеть женщин, понятно, чем начинают заниматься моряки. Развитие отношений мужчина-мужчина в социологии корабля, конечно, идет быстрее, нежели в социологии Суши. Для испанских моряков, к примеру, отсутствие женщин — это временное явление. Они покидают женщин в одном порту и находят в другом. Но люди, которые махнули рукой на Сушу, уже рассматривают всё с точки зрения Моря, поэтому они адаптируются к этому кораблю. Футбол, например — игра чисто англосаксонская и пиратская. Известен факт, что пираты играли отрубленными головами врагов или моряков, захваченных на абордаж. Не случайно английская королева Елизавета I в 1580 году пожаловала пирата Фрэнсиса Дрейка титулом сэра за огромное количество отрезанных голов, отобранных сундуков и взятых на абордаж кораблей. Поскольку Англия билась с

Испанией за господство над морем, Ее Величество поощряла своих пиратов, чтобы они нападали именно на благопристойных, служащих своей стране испанцев. Это, как блестяще показывает Карл Шмитт, была борьба в море между Сушей и Морем.

Одной из лучших иллюстраций идеологемы Моря для Карла Шмитта является произведение Мелвилла «Моби Дик», где писатель, становясь на сторону кита, полностью переходит на позиции Моря. Карл Шмитт также предложил два библейских образа для описания двух типов цивилизаций: образ Левиафана и образ Бегемота. Левиафан – это морское чудовище, Бегемот – сухопутное. Иначе говоря, цивилизация Суши изображается в образе Бегемота, цивилизация Моря – в образе Левиафана.

Петр Савицкий и Карл Хаусхофер

Идеи геополитики Макиндера подхватили два ярких ученых: немец Карл Хаусхофер и наш соотечественник *Петр Николаевич Савицкий* (1895 — 1965). Хаусхофер в начале национал-социалистического периода был близок к Гитлеру, потом ушел в оппозицию. Его сын Альфред Хаусхофер принимал участие в штауфенберговском покушении на Гитлера в 1944 году и впоследствии был казнен в Моабитской тюрьме. Хаусхофер основал «Журнал геополитики», применяя макиндеровские идеи к интересам Германии. В частности, с точки зрения Хаусхофера, экспансия с севера на юг по меридианальным осям осуществляется гармонично, а широтная экспансия, с Востока на Запад и с Запада на Восток, – катастрофична[1].

Интересно, что живя в Японии Хаусхофер (в эпоху Второго Рейха при Вильгельме II он находился в должности военного атташе Германии) познакомился с концепцией «chiseigaku[2]». Это японское название «геополитики». Японский язык -- наверное, единственный, в котором существует собственное название для этой дисциплины. Во всех

1 *Хаусхофер К.* О геополитике. М.: Мысль, 2001.

2 *Nozomi-Horiuchi R.* Chiseigaku Japanese geopolitics. Ann Arbor: University Microfilms, 1980
Russell Nozomi Horiuchi. Chiseigaku: Japanese Geopolitics. [1975] [Kakiuchi].

остальных – пользуются термином греческого происхождения. «Chiseigaku» – интересное название. Оно происходит от «gaku», «учение», и «chisei» – «живая земля». Отталкиваясь от этого термина, Хаусхофер сформулировал концепцию «Lebensraum», получившую два толкования. Одно из них, сугубо национал-социалистическое, рассматривало «Lebensraum» как «жизненное пространство». На этом понимании обосновывалась экспансия на восток – движение против СССР. Но сам Хаусхофер толковал «Lebensraum» как «живое пространство», в духе «чисейгаку». Живое, а не жизненное. Поэтому Хаусхофер был ярым противником нападения Гитлера на Россию. В своей статье «Континентальный блок» он говорил о необходимости альянса между Германией, Россией и Японией для того, чтобы объединить сухопутные державы. Хаусхоферовская идея создания оси «Берлин-Москва-Токио» против цивилизации Моря полностью расходилась со взглядами Гитлера и национал-социалистов, что вызвало гонения на Хаусхофера и его «Журнал геополитики».

Вторым продолжателем идей Макиндера можно считать Петра Савицкого[1], который был первым помощником-секретарем Струве в правительстве Врангеля. Вместе с князем *Н.С. Трубецким* (1890 — 1938) он был организатором Евразийского движения, одним из основателей евразийской философии. Значение фигуры Петра Савицкого (хотя собственно геополитике он посвятил буквально пару статей) состоит в том, что он, познакомившись с идеей Макиндера, предложил ее нам, русским, принять на свой счет. Он выявил и описал суть нашей цивилизационной и пространственной судьбы. Сохраняя нашу цивилизационную сухопутную идентичность, мы должны стратегически отстаивать имперское расширение России, направленное, по логике Большой Игры, во все стороны для блокирования англосаксонского морского господства. Иными словами, Савицкий был первым автором, принявшим топику Макиндера, но как бы с другой стороны шахматной доски. Макиндер всё видел с точки зрения успехов реализации англосаксонской

1 Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

империалистической стратегии, а Савицкий предложил всё рассмотреть с точки зрения русской контр-стратегии. Таким образом, было достаточно двух-трех его интуиций для того, чтобы фактически выстроить то, с чего началась уже тогда, в эпоху Белого Дела 1920-х годов, русская геополитика.

Евразийское движение Петра Савицкого и Николая Трубецкого, по сути, являлось цивилизационным выражением российской геополитики. Но несмотря на то, что сам Савицкий был географом по образованию, львиная доля его евразийского наследия посвящена защите цивилизационной идентичности России. Стратегическая безопасность затронута в гораздо меньшей степени. Однако именно евразийцы дали возможность рассмотреть геополитическую картину с другой позиции.

Макиндер видел всё со стороны Моря, Савицкий — со стороны Суши, хартланда. Хаусхофер находился между ними. Однако, с его точки зрения, анализ геополитической германской идентичности подводил к тому, чтобы быть с евразийцами. И поэтому первые евразийцы публиковали некоторые свои тексты в журнале Хаусхофера. Рихард Зорге, наш агент, работавший в Японии, тоже публиковал свои материалы у Хаусхофера.

В геополитическом германском контексте разрабатывались модели, позже воплотившиеся в «пакт Молотова-Риббентропа». Речь шла об объединении России с Германией против англосаксонского мира. Таким образом, геополитические идеи уже в XX веке имели самое прямое влияние на реальную политику. И будучи методологией осмысления международных процессов, в значительной степени эти концепции влияли на реальную политику и судьбы народов.

Николас Спикмен: развитие атлантистской геополитики в США

Однако у Макиндера был и прямой последователь — геополитик *Николас Спикмен* (1893 – 1943), наблюдавший за международными отншениями первой половины XX века и пришедший к выводу, что полюс атлантизма постепенно в

течение XX в. смещался на Запад[1]. Полюсом цивилизации Моря и главной морской державой постепенно становятся США. Макиндер тоже рассматривал США в качестве части англосаксонской цивилизации, хотя и считал при этом захолустьем. Но за 30 – 40 лет Америка из захолустья, — после Первой Мировой и особенно Второй Мировой войн, — превратилась в оплот мировой морской цивилизации. И уже сама Европа, Франция и Англия, бывшие воплощением Карфагена, в новой планетарной топике стали рассматриваться как некие в цивилизационно-стратегическом смысле оккупированные Америкой территории. Этот шифтинг цивилизации чрезвычайно важен, потому что в картине, где Соединенные Штаты Америки представляют собой абсолютный полюс глобальной морской цивилизации, мы живем сейчас. Мы шли к этому, начиная со второй половины XX века. Можно сказать, что сегодняшнее человечество живет под знаком Левиафана.

Спикмен в своем стратегическом разборе вычленил еще одно, промежуточное геополитическое пространство, которое он назвал Rimland, «крайней землей» («внутренний полумесяц» Макиндера). Rimland — береговая или окаемочная земля, земля-каемка. С точки зрения Спикмена, задача цивилизации Моря — максимально расширить свое влияние на Rimland для того, чтобы блокировать Heartland (если говорить конкретнее, Россию, Советский Союз, Российскую Федерацию) во внутриконтинентальном пространстве, окружив ее максимально широким поясом, отделяющим морские границы от сухопутных. То есть задачей мировой цивилизации Моря является предотвращение выхода русских к теплым морям, куда, кстати, русские как раз всегда и хотели прорваться. И это неслучайно, поскольку еще до концептуализации означенных идей у Макиндера и Спикмена русские политики и стратеги понимали смысл Большой Игры, которая велась задолго до того, как ее детали были названы своими именами, стали проявленными и очевидными.

Задача атлантизма — в расширении береговой зоны, в установлении на ней своего влияния. С этим связаны боль-

1 *Spykman N.* The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.

шинство процессов всего XX века, вплоть до вьетнамской и корейской войн, российского вторжения в Афганистан и перераспределения зон влияния на Ближнем Востоке. Везде страны Моря бьются с теми тенденциями, которые так или иначе ориентированы на Heartland и которые поддерживает Россия. С точки зрения геополитики разницы между Российской империей, СССР, современной демократической Россией нет никакой — это одно и то же пространство, порождающее один и тот же тип общества. Можно этот тип общества ослабить вместе с сокращением пространства. Именно поэтому современный геополитик *Збигнев Бжезинский* говорит, что Россию надо расчленить. Дальнейшие формы демократизации и либерализации России, а также защиты прав человека и утверждения гражданского общества возможны только за счет фрагментации Heartland, о чем пишет Бжезинский в книге «Великая шахматная доска[1]». Это классическое применение принципов геополитики, поскольку идеологические и стратегические процессы идут не только параллельно, но и представляют собой с точки зрения геополитической топики один и тот же процесс. Иногда нам даже говорят, что федерализация есть демократия в действии на уровне административных территориальных ячеек, субъектов. Больше демократии, значит, больше фрагментации.

В конце XIX века адмирал Альфред Мэхэн (1840-1914) написал целую серию книг о военной стратегии США, где он использовал выражение «Sea Power»[2]. «Sea Power» — это «морское могущество». По сути дела, А. Мэхен прозорливо, пророчески считал, что главным инструментом мировой доминации Америки будет использование морского пространства. Америка обречена быть Sea Power, поскольку военно-морские силы являются основой и костяком американской армии со стратегической точки зрения. Sea Power мы можем рассмотреть и с ценностной, аксиологической точки зрения. Это власть Левиафана, власть Карфагена, власть Молоха и Ваала. Со стратегической точки зрения это говорит о том,

1 *Бжезинский З.* Великая Шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.

2 *Мэхэн А.Т. Роль морских сил в мировой истории. М.: Центрполиграф, 2008.*

что американцы будут всегда стремиться максимально использовать мировую акваторию для противодействия своему врагу в лице России.

Русская школа геополитики, евразийство

В каком-то смысле, мы можем провести линию от А. Мэхэна к Спикмену. Сам Мэхэн, конечно, не употреблял термин «геополитика», Спикмен же, напротив, был крупнейшим геополитиком. От Мэхена, который был стратегом, мы можем провести линию к Савицкому, но у Савицкого были также русские предшественники — русские стратеги, военные, политические географы[1], предвосхитившие наше собственное геополитическое видение. Самым значительным среди них является *Алексей Ефимович Едрихин* (1867–1933) – автор, писавший под псевдонимом Вандам[2]. Он был сотрудником царской военной разведки, сражался против англичан в Южной Африке на стороне буров, и вынес оттуда псевдоним, которым он там пользовался. Он был наиболее последовательным выразителем борьбы с англосаксонской экспансией, с англосаксонскими тенденциями внутри самого российского общества. Жил Алексей Ефимович Едрихин в конце XIX — начале XX вв. и может быть отнесен к предшественникам российской геополитической школы.

Также следует отметить и другие фигуры.

В.П. Семенов-Тянь-Шанский (1870 —1942)— ученый и географ, говоривший о цивилизационной миссии России как географическом сухопутном образовании, а также о влиянии ландшафта на нашу культуру[3].

Д.А. Милютин (1816–1912) — знаментый российский полководец, в своих работах по геостратегии затрагивавший определенные аспекты, которые можно интерпретировать с точки зрения геополитической дисциплины. Надо отметить также работы по военной географии и особенно по стратегическому

1 *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география, М.: Аспект Пресс, 2005.

2 *Вандам Е.А.* Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.

3 *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф /Библиологический сборник. Петроград, 1916. Т. 2. вып. 1.

анализу Центральной Азии выдающегося военноначальника *А.Е. Снесарева* (1865--1937).

Последним терминологическим добавлением в эту картину, которая послужит для нас инструментом осмысления различных вех русской истории, является географическое определение Heartland и цивилизации Суши как Евразии. С одной стороны, Евразия — всего лишь географическое понятие нашего континента. Но с геополитической точки зрения Евразия не просто географическое понятие. Это культурное, ценностное понятие, означающее с геополитической точки зрения именно цивилизацию Heartland. Цивилизацию с двух точек зрения: стратегической, связанной с расположением евразийского государства, евразийской культуры, евразийского общества именно на данном географическом пространстве, и ценностной, что предполагает евразийство как мировоззрение. Евразия — понятие ценностное, аксиологическое, утверждающее верность корням, традиции, героическому стилю не только как дань прошлому, но и в качестве проекта будущего.

Иначе говоря, будущее должно корениться в прошлом и двигаться в сторону тех идеалов, которые были намечены в прошлом. Если угодно, это консерватизм. Поэтому всё течение евразийства — от Савицкого до Трубецкого — можно рассмотреть как учение внутри русской философии, русской жизни, русской науки, которое максимально остро осознало сухопутную идентичность русского общества. Мы все являемся в той или иной степени евразийцами и по нашему географическому местонахождению, потому что мы выросли на этой земле, и по нашим взглядам, потому что мы — часть русского евразийского общества.

Во второй половине XX века сформировался блок НАТО, Североатлантический альянс, представляющий союз США, нового флагмана цивилизации Моря, и Европы, точнее, совокупности европейских стран, ориентированных на стратегические интересы США. Это связь Европы с Америкой в интересах цивилизации Моря. С этого момента в геополитический обиход был введен термин «атлантизм». Атлантизм — важнейшее геополитическое явление, стратегически означающий альянс США и Западной Европы, а ценностно — заявку на доминацию, превосходство торгового типа над другими типами циви-

лизации. Иными словами, атлантизм — это власть торговцев, ориентированная на либеральные ценности. Однако это не моральные, но исключительно геополитические категории. Поэтому пара атлантизм-евразийство является точным синонимом пары Море-Суша, но применительно к ситуации, которая сложилась во второй половине XX в.

В завершение знакомства с геополитическим методом можно сказать, что к евразийцам принадлежал *Лев Гумилев* (1912-1992), считавший себя учеником Савицкого. Гумилев – крупнейший русско-советский этнолог, о геополитике он формально ничего не писал, но если понимать смысл и структуру геополитического метода, то у Гумилева можно найти очень важные и ценные замечания по поводу геополитических процессов[1].

Полноценная российская геополитическая школа, обобщившая всё вышесказанное и облекшая его в достаточно строгие формы, сложилась в виде небольшого кружка в конце 1980-х гг., когда падение советской идеологии оставило гигантский идеологический вакуум. Появилась острая необходимость в методе позволяющем ориентироваться в тех процессах, что происходили в международной сфере. Тогда же было замечено, что американская политическая, научная и дипломатическая элита на всем протяжении XX века в значительно большей степени руководствовалась геополитическими моделями, нежели собственно защитой либерально-демократических ценностей. Более того, было замечено тождество стратегического и идеологического в американском подходе.

Тождество ценностного и стратегического в одном и том же геополитическом импульсе является абсолютной осью мировоззрения американской правящей элиты. Когда наши коллеги увидели, что идеология для американцев — ровно половина их мировоззрения, и что идеология неотделима от стратегии, тогда, естественно, с нашей стороны стал складываться некий ответ, который в конце 1990-х частично облекся в так называемый «путинский курс». Наши силовики, военные, часть политиков стали понимать, что отказ российского общества от коммунизма не кладет конец конфликту с Западом. Все обещания и прогнозы прекращения противостояния по мере де-

1 *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь», Астрель, АСТ, 2004.

идеологизации были ложью, с помощью которой владеющие геополитикой американцы обманули не владеющих геополитикой коммунистов. Так не владеющие геополитикой коммунисты утратили страны Варшавского Договора и республики СССР. Именно в момент катастрофических территориальных потерь начала 1990-х годов и родилась российская геополитическая школа, называющая себя евразийской или неоевразийской.

В настоящее время происходит медленная, с огромным отставанием, синхронизация самосознания политической элиты России с самосознанием геополитической элиты США. Не будем забывать, что в геополитике всегда доминировали именно англосаксы. Макиндер первым осмыслил ее главные фундаментальные закономерности и первым принялся ее внедрять на практике. Уже тогда, будучи эмиссаром Антанты на Украине, он занимался вопросом, как можно лучше произвести сецессию Украины от тогдашней коммунистической России. То же самое сегодня делают современные американские геополитики Брюс Джэксон, Збигнев Бжезинский, Стивен Манн и другие. Прошло сто лет, но мы видим всё те же самые процессы, те же самые сетевые модели, ту же самую геополитическую борьбу за расширение Rimland и блокирование Heartland. А Россия всё так же ведет, может быть, иногда успешную, но, как правило, не слишком последовательную отчаянную борьбу за выход к теплым морям для того, чтобы прорвать «кольцо анаконды», смыкаемое англосаксонским миром вокруг России.

Итак, смысл геополитической топики заключается в органичном тождестве ценностного и стратегического. Геополитика утверждает, что ценностный и стратегический аспекты тождественны. Мы часто утверждаем, что ценности — одно, а интересы — другое, что они не одно и то же в аксиологической философии и в конкретной политике. А вот в измерении геополитики ценности и интересы совпадают. Это и есть специфика геополитической топики — объединение ценностей и интересов, идей и стратегических проектов.

Обрисованную в целом геополитическую топику мы будем применять к русской истории. Мы рассмотрим русскую историю, ее отношение к пространству, отношение русского общества и государства к различным импульсам, с которыми они сталкивались на своих ранних, средних и поздних этапах, с

точки зрения геополитической топики.

Нашей задачей мы видим помещение русской истории, истории русского общества, русской социологической и социальной истории в контекст геополитических координат. Мы постараемся проследить, как Суша и Море взаимодействуют друг с другом, например, на раннем этапе возникновения славянской государственности. Мы рассмотрим, каково геополитическое значение Киевской Руси, феодальной раздробленности, Московской Руси, монгольских завоеваний, петровской Руси, СССР и современной Российской Федерации. Иными словами, наша задача — поместить основные моменты русской истории в геополитическую систему координат, и сделать то, что еще, по сути, никем не было сделано: написать геополитическую историю России.

Библиография:

Бжезинский З. Великая Шахматная доска (The Grand Chessboard). М.: Международные отношения, 1999.
Вандам Е. А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002 .
Гален К. О назначении частей человеческого тела. / Пер. С. П. Кондратьева, под ред. и с примеч. В. Н. Терновского, вступ. ст. В. Н. Терновского и Б. Д. Петрова. М.: Медицина. 1971.
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. О термине "этнос" // Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.
Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия, М.: Изд-во АН СССР, 1953
Декарт Р. Сочинения. Казань, 1914.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999 .
Классика геополитики. XIX век. М.: АСТ, 2003 .
Классика геополитики. XX век. М.: АСТ,2003 .
Киплинг Р. Ким, Высшая школа", Москва 1990.
Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география, М.: Аспект Пресс, 2005 г.
Ламетри Ж. О. Человек-машина // Ламетри Ж.О. Сочинения М. Мысль, 1976
Ратцель Ф. Народоведение. В двух томах. М.: Типография Товарищества "Просвещение", 1903 .
Мэхан А. Т. Роль морских сил в мировой истории (The Influence of Sea Power upon History), М.: Центрполиграф, 2008 .
Романов А. Геостратегия: Россия и мир в XXI веке, М.: Тривола, 2000 .
Россия и Британия. Связи и взаимные представления XIX-XX века, Издательство: Наука, 2006 г.
Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике, Издательство: Наука, 2007 г.
Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы,

реальность / Russian-American Relations in Past and Present: Images, Myths, and Reality, Издательство: РГГУ, 2007 г.

Савицкий П.Н. Континет Евразия, М.: Аграф, 1997 г.

Хаусхофер К. О геополитике, Издательство: Мысль, 2001 г.

Челлен Р. Государство как форма жизни (Staten som lifvsform). М.: Российская политическая энциклопедия, 2008 .

Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757-1947. London: Greenhill, 2006.

Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The. Geographical Journal.№ 23, 1904. P. 421–37

Nozomi-Horiuchi R. Chiseigaku Japanese geopolitics. Ann Arbor: University Microfilms, 1980.

Sombart W. Händler und Helden. Patriotische Besinnungen, Duncker & Humblot: München/Leipzig, 1915.

Spykman N. The Geography of the Peace, New York, Harcourt, Brace and Company,1944.

Глава 3. Основные направления геополитики

Три формы геополитического пространства: три типа геополитики

Говоря о геополитике, мы всегда указываем на необходимость специфического взгляда, то есть ситуирования. Геополитика – это дисциплина, чье содержание зависит от места субъекта. Поэтому, если объект геополитики один и тот же, потому что речь идет об исследовании отношения обществ, государств, систем к пространству, то в зависимости от того, на чью сторону мы становимся, то есть где располагаются субъекты геополитики, возникают, по меньшей мере, две, а то и три полноценные геополитические модели. В одном геополитическом пространстве существуют три возможных ситуирования субъекта. То есть геополитика заключает в себе три геополитики. Современный ученый, представитель критической школы геополитики *Гераоид О'Туатайл* говорит о том, что геополитика – это сложный, многомерный дискурс, меняющий значение в зависимости от того, на чем делает акцент – на политике или на географии – тот, кто использует этот метод. Гораздо более верно с точки зрения критической геополитики было бы установить трехсубъектную возможность геополитических моделей.

В рамках общего геополитического подхода существуют три типа геополитики. Прежде всего, это геополитика моря, когда взгляд на существующие процессы в геополитическом пространстве рассматривается с точки зрения Seapower. Это геополитика типичная для англосаксонского мира: её можно назвать атлантистской геополитикой, талласократией. Существует противоположная модель геополитики, которая видит мир с точки зрения Landpower – земного могущества. Это называется теллурократией. И есть еще Rimland, то есть береговая зона, промежуточная между Seapower и Landpower. Rimland – крайняя земля.

Так вот, на самом деле существуют три геополитики: геополитика Seapower, которая рассматривает, где субъект ситуируется в атлантическое пространство; геополитика Landpower, где субъект ситуируется в пространство земли; и геополитика

римленда, где субъект помещается в промежуточном состоянии. Геополитика – это та дисциплина, где структура научного дискурса, и даже структура методологии, зависит от расположения субъекта.

Это объясняет, почему геополитику долго не признавали наукой. Длительное время полагали, что геополитики основывают свои принципы на субъективном подходе. Получалось, что это не наука, а некий субъективный дискурс, некая идеология или даже пропаганда. В нежелании признавать геополитику наукой есть резон, это было характерно даже для ее отцов-основателей, таких, как Карл Хаусхофер. Но сейчас, по прошествии ста лет серьезного развития этой дисциплины, мы можем объяснить, в чем здесь дело. Если мы описываем геополитику только с одной из этих сторон, то есть если мы фиксируем субъекта и остаемся в рамках этого субъекта, у нас нет науки. Геополитика становится в таком случае лишь политическим, мировоззренческим, стратегическим дискурсом. И этот дискурс с необходимостью субъективен. По-настоящему научной является та геополитика, которая учитывает релятивизм субъекта, от имени которого ведется исследование. Вот это уже наука, и вот это уже по-настоящему критическая дисциплина.

Геополитику можно отнести к социологической теории второго уровня или к социополитической теории, расположенной где-то между социологией и политологией. Если мы относим геополитику к социологической теории второго уровня, это означает, что мы квалифицируем ее как исследование отношения общества к пространству или как социальный взгляд на политику по отношению к пространству. Мы можем рассматривать геополитические процессы с социологической точки зрения, и тогда мы должны говорить об обществе, о стратификации, о связи социальных моделей с геополитическими и стратегическими интересами. А можем рассматривать геополитику с точки зрения политологии, но тогда следует фокусироваться на строго политических явлениях и их связи с пространством. В случае отнесения геополитики к политологическим наукам мы рассматриваем больше отношение государства к пространству. С точки зрения социологической науки мы рассматриваем отношение общества к пространству. В этом есть определенное различие. Наш курс связан именно с социологическим по-

ниманием геополитических процессов.

Проведем беглый анализ различных авторов геополитики и рассмотрим их точную соотнесенность с той или иной субъектной позицией. Когда мы составим три колонки авторов, связанных с тремя базовыми геополитическими категориями, мы получим систематизированное понимание геополитической дисциплины как критической науки.

Англосаксонский подход

К этому разряду относятся авторы и теоретики, которые мыслили и мыслят, исходя из субъекта морского могущества. Это геополитики моря. Соответственно, весь мир представляется для них полем для экспансии моря. Наиболее ярким и фундаментальным геополитиком такого толка был Джон Хэлфорд Макиндер. По сути, он создал геополитический метод, которым пользуются все остальные. Его значение для геополитики фундаментально. Он творил не на пустом месте: его методология лежит в основе того, что мы называем геополитикой. И хотя не он ввел понятие геополитики (это сделал Рудольф Челлен, о котором мы поговорим чуть позже), Макиндер сделал, пожалуй, самое главное: он систематизировал метод.

Три этапа творчества Х. Макиндера

Первый этап. «Географическая ось истории»[1] – ключевой текст Х. Макиндера, опубликованный в 1904 году, с которого начинается геополитика, где автор дает основное описание структуры мира, говорит о Heartland, о морском внешнем могуществе, о фундаментальной битве Моря и Суши – Land-power и Seapower – за контроль над миром. Макиндер исходит из позиций английского, великобританского империализма. В данном случае его субъектность полностью сказывается на его субъективности. Он описывает картину мира так, как её видит англичанин-империалист начала XX века, определяя своих противников в лице сухопутных держав, и в частности, царской России. И главной его заботой является недопущение объединения царской России с континентальной Германией, в

1 *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history The. Geographical Journal. № 23, 1904. P. 421–437.

чем он видит угрозу существования Seapower. Очевидно, что атлантистская модель геополитики описана у Макиндера абсолютно пристрастно. Перед ним предстает мировой остров в лице Евразии, предстает Heartland, его сердцевинная земля, Европа, сама Англия как центр этой мировой империи, и океаническое могущество -- как то, что нуждается в укреплении и контроле со стороны моря на суше. Это метафизическая картина атлантистской геополитики, которая сохраняется на всем протяжении истории до сегодняшнего дня. Макиндер смотрит на мир с точки зрения Seapower, определяя друзей и врагов, зоны интереса, основные задачи, которые заключаются в том, чтобы сдерживать Heartland, не позволяя ему продвинуться к береговым линиям на западе и на юге. Отсюда ближневосточная политика Англии и ее колониальная политика в Китае и Индии начала XX века. Отсюда необходимость альянса Англии с Францией против Германии и стремление не допустить германо-русского союза. Вот, пожалуй, основные моменты англосаксонской геополитики или Большой игры Великобритании против России. Основные ее штрихи, пункты, методы (кто с кем борется, какова структура мира), – все это изложено в краткой работе Х. Макиндера 1904 года.

Второй этап. Вторая книга Х.Макиндера 1919 года «Демократические идеалы и реальность. Исследование политики реконструкции»[1]. Книга написана сразу после окончания Первой мировой войны по ее результатам. В этот момент Макиндер является комиссаром английского лорда Керзона (его близкого друга) по Украине. И именно тогда он конкретно занимается расчленением России, подготовкой антибольшевистского фронта. Он понимает, что белогвардейцы являются атлантической, проантантовской силой, то есть противниками Евразии, и считает необходимым максимально поддерживать и финансировать эту армию, выбивая для нее новые и новые транши с Запада. Макиндер – финансист с англосаксонской стороны и комиссар по делам Украины. Его цель - расчленить территорию континентального противника и создать между Россией и Германией расширенную зону англосаксонского контроля. Он не просто теоретически описывает это в своей книге, он действует, исходя из этих принципов. Мы знаем, что белое движе-

1 *Mackinder, H.J.* Democratic Ideals and Reality. New York: Holt, 1919

Карты 1-2

2 версии геополитического деления Heartland'a

Карта 1. Базовая. Впервые использована Макиндером в 1905 году («Географическая ось истории»)

Карта 2. Пересмотренная. Предложена Макиндером в 1943 году. Разница заключается в вопросе о Lenaland, сибирских территориях, лежащих к востоку от Енисея.

Карта 3

Территория *Heartland* и прилегающие к ней бассейны Черного и Балтийского морей, - зона, примерно совпадающая с территорией России (карта приведена в книге Х. Макиндера «Демократические идеалы и реальность»).

ние потерпело поражение, но фундаментальные приоритеты англосаксонской политики на евразийском пространстве остались точно такими же, как они были описаны сэром Хэлфордом Макиндером в его книге.

В 1919 г. Макиндер расширяет представление о Heartland, включая в него Балтийское море, средний и нижний Дунай, Черное море, Малую Азию, Армению, Персию, Тибет, Монголию, Австрию, Пруссию и Россию. Хартлендом он называет почти всю территорию Евразии, кроме Китая и Индии, то есть огромные пространства, которые принадлежат либо России, либо тем европейским странам, которые непосредственно к ней примыкают. Это максимальный объем Heartland. Вначале Макиндер говорит о Heartland практически как о территориях России, потом вводит понятие максимальный Heartland, Heartland-2, включающий Австрию, Германию, Монголию, Тибет и Персию. Соответственно, многие исследователи говорят, что Макиндер, не знал, как точно описать границы Heartland. Но это неверно. У Макиндера прослеживается четкая мысль: описывая в работе «Демократические идеалы и реальность» границы большого Heartland, он показывает, каким может быть максимальный размер континентального блока. Этот проект практически осуществился в эпоху Советского Союза, когда указанные территории либо принадлежали социалистическому лагерю, либо держали по отношению к нему нейтралитет. Поэтому границы Heartland-2, Heartland из работы 1919 года, до сих пор имеют важнейшее значение. Это потенциальные границы континентального блока, при создании которого англосаксонский мир начинает сталкиваться с фундаментальными геополитическими проблемами.

Тогда же, в 1919 году, Макиндер вводит концепцию Manpower, то есть человеческой силы. Она не получила дальнейшего развития, не является обязательной для геополитики, но эта концепция очень интересна. Речь идет о том, как менеджерски обустроить большие пространства. Manpower – это совокупность высоких технологий, рабочей силы, технологического и индустриального развития и логистики управления территорией. Согласно Макиндеру, для того, чтобы контролировать большие пространства, необходим достаточно высокий уровень развития Manpower. В Manpower он включает и такие вещи, как культура. Различные

формы концентрации и выражения культурных ценностей (одной из них может быть представление о наличии у государства исторической миссии), могут служить мобилизующим фактором для подготовки Manpower по защите большого пространства. Manpower - переменная величина, которая находится в рамках постоянной величины - Landpower. Если Manpower в рамках Landpower будет адекватным, то Landpower станет сильнее, чем Seapower. Если Manpower будет сильнее в Seapower, тогда он будет сильнее, чем Landpower. В этом же труде Макиндер формулирует свое главное, уже ставшее пословицей, высказывание: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Heartland, кто правит Heartland'ом, тот командует мировым островом, кто управляет мировым островом, тот правит миром». Мировым островом называется вся территория Евразии, Heartland – ее внутренняя часть. Восточная Европа – это то, что отделяет Западную Европу от Heartland. Поэтому значение Восточной Европы для Макиндера является ключевым.

Чуть позже, в январе 1920 года, находясь в Марселе на борту королевского крейсера «Кентавр», Макиндер пишет докладную записку британскому правительству[1], в которой подробно обрисовывает те государства, которые, по его мнению, должны появиться на территории России. Это Белоруссия, Украина, Южно-россия, Дагестан (включающий весь Северный Кавказ), Грузия, Армения, Азербайджан. Если не создать эти марионеточные государства под контролем западноевропейских держав, уверяет Макиндер, то рано или поздно большевики укрепятся на всем пространстве бывшей Российской Империи и дадут бой «цивилизации Моря».

3) Третья статья «Круглый глобус и завоевание мира»[2], публикуется в 1943 году, когда Макиндер был уже совсем пожилым человеком (85 лет). Он публикует ее в журнале Foreign Affairs. Это журнал, который издавался в Америке организацией CFR, Council on Foreign Relations. В номере 21-4 от 1943 года Макиндер дает третью версию Heartland, куда уже не включает Монголию и Персию. Английский геополитик вновь возвращается к территории, большей частью относящейся к России. Он анализирует геополитику Второй мировой войны и набрасывает границы будущего. С

1 *Mackinder H.J.* Situation in South Russia 21 Jan. 1920/Documents on foreign policy 1919-1939. Fisrt series. V. III, 1919. London 1949. С. 786-787.

2 Mackinder H.J. The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs №21, 1943. P. 595-605.

его точки зрения, самое главное – это превратить Атлантический океан в так называемый «Middle Ocean» -- «серединный океан», называемый так по аналогии со Средиземным морем. Превратить Атлантику в то, чем было для греко-римской цивилизации Средиземное море, сделать ее интеграционной зоной общих интересов. Таким образом, Макиндер воссоздает представление о трансатлантическом стратегическом партнерстве на основании общих целей и общей модели Manpower. Он закладывает основы атлантизма как мировоззрения, как стратегии, как политики, как социологического явления. Концепция «Middle Ocean» - это концепция объединения англосаксонского мира, Америки и Европы, направленная против России. Далее он говорит о необходимости сдерживать экспансию Heartland и привлекает внимание к тому, чтобы после Второй мировой войны (уже в 1943 году было понятно во что разовьется наступление Советского Союза), предотвратить расширение Советской империи на Запад любой ценой. С его точки зрения, в СССР Manpower достигает оптимума управления большим пространством, что создает смертельную угрозу для США в послевоенном мире. Макиндер не использует терминов «сдерживание», «холодная война», но в его последней статье, которая называется «Круглый глобус и завоевание мира», описываются основные стратегии «холодной войны», которая в XX веке проходила строго по Макиндеру. Здесь он уточняет также следующий вопрос: является ли география причиной политической истории. Очень важный момент, с точки зрения науки. Является ли география причиной событий? И отвечает, что география является не причиной событий, но «кондишенингом» (conditioning). Что такое «кондишенинг»? Это форма косвенной географической каузации (causatio). Condition – это условие, а conditioning – это обусловливание. География не прямо определяет, какова вероятность развития политических процессов на той или иной территории, но определяет границы этих процессов. Иными словами, география не есть политическое решение, но она есть условие этого решения. Можно выбрать между холодным и теплым, а можно – между кислым и сладким. География предопределяет, что в определенной точке мира мы выбираем между кислым и сладким, и только в этом имеем свободу выбора. В другой точке мира можно выбрать между светлым и темным, в третьей – между мужским и женским, а в четвертой точке вопрос обязательно стоит о выборе

между холодным и горячим. Это называется conditioning -- определение границ условий выбора, но не решения, в пользу чего этот выбор будет сделан. Это чрезвычайно важная концепция. Если мы говорим о социологической академической институализации геополитики, то представление о «кондишенинге» имеет огромное методологическое значение. И если мы вернемся к проблематике русской национальной истории в геополитическом срезе, то увидим, что речь шла о кондишенинге. Принимались разные решения, собирались и разрушались союзы, выбор делался то в одном, то в другом, то в третьем направлении. Но структура этих решений предопределялась географическим контекстом, то есть географической каузацией. Другими словами, географическая каузация предопределяет семантику политических решений, исходя из географии. Семантика политических решений – это не само решение. Нападать или отступать география не решает. Она просто указывает на то, что стоит вопрос – наступать или нападать, а не плясать или спать.

Классиком американской школы геополитики является контр-адмирал Альфред Мэхэн (1840-1914). Наиболее важная его работа – «Влияние морской силы на историю» 1890 года[1]. Он не использует термин «геополитика», но вводит понятие Seapower. То, чем занимался Мэхэн, и есть классическая геополитика атлантизма. Он рассматривает морское океаническое пространство как главную силу – Seapower, и противостоящее ему сухопутное континентальное образование ассоциирует с Россией. И это происходит еще в конце XIX века, когда между Россией и Америкой существовали скорее хорошие отношения, либо не было никаких особенных отношений, поскольку обе страны являлись периферийными державами. Сам Макиндер в 1904 году был не уверен относительно геополитического статуса США. Он рассматривал их как некое захолустье Евразии. А для американца Мэхэна, уже в XIX веке Америка была морским могуществом, которая вместе с Англией призвана была захватить моря и установить свой контроль над миром через победу над континентальной Россией. В этом заключается фундаментальное значение работ Мэхэна. Он рассматривал влияние географического фактора на рост преимуществ в военной стратегии и утверждал, что развитие военно-морских сил является решающим направлением для морских

1 *Мэхан А. Т. Роль морских сил в мировой истории. Указ. соч.*

держав в достижении мирового господства. Эта теория получила название «навализм», от слова «Navy» - «военно-морские силы». До сих пор основу Вооруженных Сил США составляют ВМС. Если у нас в России основа армии – это пехота, то у американцев – военно-морские силы. Это совершенно не случайно, если мы учтем геополитический характер обоих государств. Соответственно, Мэхэн выступал за англо-американский морской консорциум и рассматривал необходимость объединения англосаксонских стран против континентальной России, противостоящей Seapower. В XIX в. это было абсолютным новаторством. Сегодня это очевидно для всех.

Макиндер и Мэхэн – классики англосаксонской геополитики. В каком-то смысле в 1943 году публикация в американском журнале Foreign Affairs последней статьи Макиндера сплавляет воедино две судьбы -- американскую и английскую. К этому времени Америка уже выступает как прямая наследница английской империи. Две линии совпадают, и далее можно говорить только об американской геополитике.

Зрелость американской геополитики воплощает в себе следующий автор -- Николас *Джон Спикмен* (1893-1943 гг.), голландско-американский геополитик. В социологии международных отношений встречается понятие «реализм». Макиндер в «Демократических идеалах и реальности» дает основание для так называемого «реалистического подхода». Под «реализмом» в международной политике, если мы имеем дело с англосаксонскими авторами, подразумевается атлантистская геополитика. Реализм – это учет географических факторов, и ничто иное. В классической теории международных отношений автором классического реализма считается тот же самый Николас Джон Спикмен, который является продолжателем Макиндера. Он пишет две фундаментальные книги: «Американская стратегия в мировой политике» (1942)[1], и «География мира» (1944)[2], и формирует представление о Rimland. Если для Макиндера в его формуле ключевую роль играла только Восточная Европа, то Спикмен рассматривает Восточную Европу как частный случай Rimland, и переформулирует формулу Макиндера, утверж-

---

1 *Spykman N*. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

2 *Spykman N. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.*

дая, что «тот, кто контролирует Rimland, управляет Евразией, кто управляет Евразией, управляет судьбами мира».

Здесь речь идет об обобщении эмпирических интуиций Макиндера в геополитический закон. Тот, кто контролирует всю территорию по краю Евразийского материка, тот контролирует Евразийский материк и поэтому контролирует мир. Что означает в геополитике слово «мир», борьба за мир? То же, что в реалистической школе – господство. Мир как Pax, например Pax Atlantica, то есть усмирение всех территорий под контролем атлантического полюса. Pax Romana – это римский мир, который Рим утверждает на своих завоеванных территориях. С точки зрения «реалистской политики» мир означает утихомиривание тех, кто не согласен. То есть Pax Russica – это русские завоевания других народов. Вот что такое мир и борьба за мир в этом контексте.

Даллес, Боумен, Берман, Уитлесси, Джемс

Учеником и близким другом Спикмена был *Джон Фостер Даллес* (1888-1959), бывший Госсекретарь США, брат Аллена Даллеса, основателя ЦРУ. Именно Даллес разрабатывал теорию сдерживания постсоветского пространства, основываясь на идеях Макиндера. Знаменитые слова Даллеса о том, как необходимо поступать с советским обществом для того, чтобы его подчинить, это не что иное, как приложение общей геополитической модели, заимствованной из атлантистской школы геополитики.

Американский дипломат *Джордж Кеннан* (1904-2005) , один из теоретиков «холодной войны», тоже был учеником и сторонником Спикмена. Спикмен имеел дело с американской элитой, так же, как Макиндер имел дело с элитой английской, с лордом Керзоном.

. Еще один классик американской геополитики – *Исайя Боумен* (1878-1950), ведущий политический географ. Его называют «американским Хаусхофером». Он являлся продолжателем идей Макиндера и другом Спикмена и, что любопытно, был первым главой «Совета по внешним отношениям» Совет по внешним отношениям – Council on Foreign Relations – был создан в 1921 году после Версальской конференции по инициативе Ву-

дро Вильсона и его окружения, в частности, полковника Манделла Хауса, для обеспечения западному, и именно атлантическому миру, мирового господства. Другими словами, Council on Foreign Relations – это инструмент разработки планов завоевания мира. Именно после Версаля, после того, как западный мир, страны Антанты столкнулись с серьезной угрозой в лице вильгельмовского Второго рейха, после того, как Первая мировая война была закончена, возникла идея заложить новую конструкцию мира, которая бы обеспечивала англосаксонские интересы на планетарном уровне, чтобы больше не сталкиваться с подобными вызовами. Но поскольку вызовы уже приобрели глобальный характер, то Council on Foreign Relations поставил перед собой задачу мыслить глобально. Первым его руководителем, как сказано выше, был Исайя Боумен. Одна из главных его книг – «Новый мир: проблемы политической географии»[1]. Он публикует её в 1921 г. и дальше развивает концепцию мирового господства демократического свободного мира в лице англосаксонских держав.

Другая фигура среднего периода геополитики, – *Джеймс Бернем* (1905-1987). Любопытно, что он начинал как троцкист и коммунист, но постепенно перешел на ультраконсервативные позиции и в 1947 г. написал книгу «The struggle for the World»[2], то есть «Борьба за планету». Основная идея книги состоит в том, что необходимо препятствовать тому, чтобы политическая организация Heartland, была осуществлена жителями самого Heartland. Политическая конфигурация Heartland должна быть делом рук внешних по отношению к нему сил, то есть Соединенных Штатов Америки. Бернем был одним из основателей ЦРУ – Центрального разведывательного управления США (вместе с Далласом). Мы находим эти фигуры во главе американской геополитики (во главе с Council of Foreign Relations) с самого начала. В журнале Council of Foreign Relations Foreign Affairs публикуется Макиндер, друг Спикмена Аллан Даллес, основывает ЦРУ. И геополитик Джеймс Бернем также является куратором ЦРУ.

Вот несколько цитат из Бернема: «Если какая-то одна

1 *Bowman I.* The new world: problems in political geography. Chicago: World Book Company, 1928.

2 *Burnham J.* The Struggle for the World. New York: The John Day Company, Inc, 1947.

сила сможет организовать Heartland и его внешние барьеры, эта сила будет контролировать мир». Еще интересно, что Бернхем не стесняется упоминать термин «империя». Он говорит: «Реальность такова, что единственной альтернативой коммунистической мировой империи является американская империя, которая пусть будет не точно мировой по границам, но оказывающей решающее влияние на весь мир».

Геополитика Seapower стремительно развивается и наступает.

Следует упомянуть еще нескокько авторов, разрабатывавших важные для становления геополитики темы. Это:

- политический географ *Дервент Уитлесси* (1890-1956 гг.), автор книги «Земля и государство[1]»;
- интересная дама, политический географ *Элен Черчиль Симпэл*[2] (1863-1932 гг.), которая занималась изучением влияния географического окружения на политические процессы в духе Фридриха Ратцеля.
- *Стивен Джонс* – очень важный автор, разработавший *объединенное поле теории политической географии*. где в духе реализма рассмотрена модель реализации долгосрочных политических планов в рамках больших географических пространств[3].

Теория Стивена Джонса содержит в себе несколько уровней. Сначала рождается и заявляет о себе политическая идея, затем происходит принятие решения на основе политической идеи, далее следует движение, то есть воплощение этого решения в реальность. Самым главным у С.Джонса является понятие «поля». Под полем понимается географический простор. И наконец, – политическая область. Пять названных категорий – политическая идея, решение, движение, поле и политическая область -- выстраиваются вертикально. То есть, прежде, чем мы придем к политической организации пространства в виде государства или какой-то политической системы, последова-

1 *Whittlesey D*. The Earth and the State: A Study of Political Geography. New York: H. Holt and company, 1944.

2 *Siemple. E C.* Influences of Geographic Environment: On the Basis of Ratzel's System of Anthropo-Geography. New York, Henry Holt and Company, 1911.

3 *Jones S. B.* Boundary-making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law. 1945.

тельно возникают: идея, решение, движение, которые далее объединяются в сферу четвертой, наиболее фундаментальной теории геополитического поля, где решение как субъективный фактор сталкивается с объективными -- природными, географическими -- условиями. В результате описанной динамики на пятом уровне мы получаем конкретную политическую область, то есть государство или некую модель во взаимоотношениях нескольких государств. Такова общая теория геополитического поля Стивена Джонса.

Поздние американские геополитики

«Поздние» американские геополитики -- это наши современники. *Сол Коэн* – автор «Геополитики мировой системы», а также книги «Географии и политики в разделенном мире»[1]. Он уточняет и развивает классическую геополитическую теорию, выделяет морские силы в лице США, Евросоюза и Японии, относя к сухопутным силам Россию и Китай. Также он говорит о существовании геостратегически независимых государств, таких, как Пакистан, Индия, Таиланд и Вьетнам. Также он полагает, что некоторые страны в этой глобальной системе морских и сухопутных полюсов являются странами прохода – «Gateway Countries», которые выполняют роль связных. Есть асимметричные государства, которые вообще нельзя строго отнести ни к какому лагерю и которые выпадают из общей геополитической модели, например, такие, как Албания. С. Коэн вводит понятие «осколочный пояс» – «шаттер белт» (shatterbelt, «shatter» – «осколки», «belt» – пояс). Shatterbelt – это те государственные образования, которые граничат с полюсами с различными знаками. Например, Heartland, Landpower – это Россия и зона ее влияния. А Ближний Восток находится между влиянием Landpower в лице Советского Союза с одной стороны (в 1960-70 гг., когда Коэн писал свои основные тексты) и морской цивилизации с другой. Таким образом, «шатер бэлт кантри» – это такие осколочные пояса-страны, в которых, по определению, нет и не может быть стабильных политических режимов, потому что взаимоисключающие политические воз-

1 *Cohen S.* Geography and Politics in a World Divided. Oxford: Oxford University Press, 1974.

действия со стороны моря и суши их постоянно расшатывают. Это зоны перманентной нестабильности. Так С.Коэн объяснял структуру мира во время «холодной войны» и, в частности, позиции Советского Союза и США на Ближнем Востоке. Понятиее «шаттер бэлт кантри» тоже интегрировано в современную геополитическую модель.

Колин С. Грей считается классиком современной послевоенной геополитики. Родился в 1943 году, работал в администрации Рейгана, был советником британского и американского правительства. Он полагает, что «Холодная война» была битвой островной империи США против империи, Heartland СССР за контроль или недопущение контроля над зоной евразийско-африканского Rimland[1].

Генри Киссинджер – советник Никсона в 1979 г, республиканец, восстановил в 1970-е годы концепт геополитики в качестве кооперативной модели для политического анализа. До этого к геополитике обращались, видимо, только в рамках закрытых проектов Council on Foreign Relations и ЦРУ. С 1945-го по 1970-е годы. этот термин в американской политической аналитике используется редко. После 1970-го, когда вышла книга Киссинджера «Мои годы в Белом доме[2]», заново начинается употребление термина «геополитика». Интересно, что Киссинджер – один из главных руководителей Council on Foreign Relations и был им еще до того, как стал советником Никсона, то есть с 1960-х гг. Его считают у нас умеренным политиком и чуть ли не другом России, между тем, в 1994 году он недвусмысленно заявил ,что «все, изучающие геополитику знают, что Россия независимо от того, кто ее возглавляет, занимает территорию геополитического Heartland и является наследницей одной из самых влиятельных устойчивых имперских традиций. Для защиты от нее необходим контроль над Rimland путем глобальной доминации»[3].

Пол Вулфовиц – сильная личность, неоконсерватор. Он возглавляет еще одно направление, альтернативное Council on Foreign Relations в Америке. Это ультрарадикальные аме-

---

1 *Gray C. S.* The geopolitics of the nuclear era: heartland, rimlands, and the technological revolution. New York: Crane Russak & Co, 1977.

2 *Kissinger H.* White House Years. New York: Little, Brown and Company, 1979.

3 *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? (Does America Need a Foreign Policy?). М.: Ладомир, 2002.

риканские империалисты, хотя, по сути дела, все представители Seapower представляют собой американских империалистов, называющих империализм «реализмом». Пол Вулфовиц был заместителем министра обороны США в 1990-е годы, потом был руководителем Всемирного Банка. В 1992 году он издал важный документ, который называется «Defence planning guidance», что можно перевести как «Руководство по военному планированию». Вот что пишет он от имени министерства обороны: «Наша стратегия после распада СССР должна состоять в том, чтобы сосредоточиться над недопущением появления в будущем потенциальной глобальной силы или глобального конкурента, в первую очередь, на территории Евразии». То есть, речь идет о классической модели Seapower. И это в период самых тесных отношений с Россией Ельцина. То есть Россия Ельцина – это замечательно, но наша задача, чтобы она никогда не поднялась с колен[1].

Еще один заслуживающий внимания геополитик *Маккабин Томас Оуэнс*. В 1999 г. он пишет книгу «В защиту классической геополитики». Основная мысль М. Т. Оуэнса состоит в том, что необходимо не допустить возникновения гегемона, способного доминировать в Евразийской континентальной области и бросить вызов США в морской области. Та же самая идея[2].

Збигнев Бжезинский – советник по национальной безопасности при Картере, автор серьезных геополитических работ. Наиболее известная и большая работа – «Великая шахматная доска. Американское господство и его геостратегические императивы»[3], вышедшая в 1997 году. Збигнев Бжезинский – американец польского происхождения. Несколько его цитат: «Геополитика перешла от регионального к глобальному масштабу с контролем над всем Евразийским континентом». «Американская глобальная доминация будет зависеть от того, как долго и насколько эффективно будет поддерживаться американское господство над Евразийским континентом». Удивляют ли нас такие слова, если мы следим за логикой развития аме-

1 *Armstrong D.* Drafting a plan for global dominance, Harper's Magazine, October 2002.

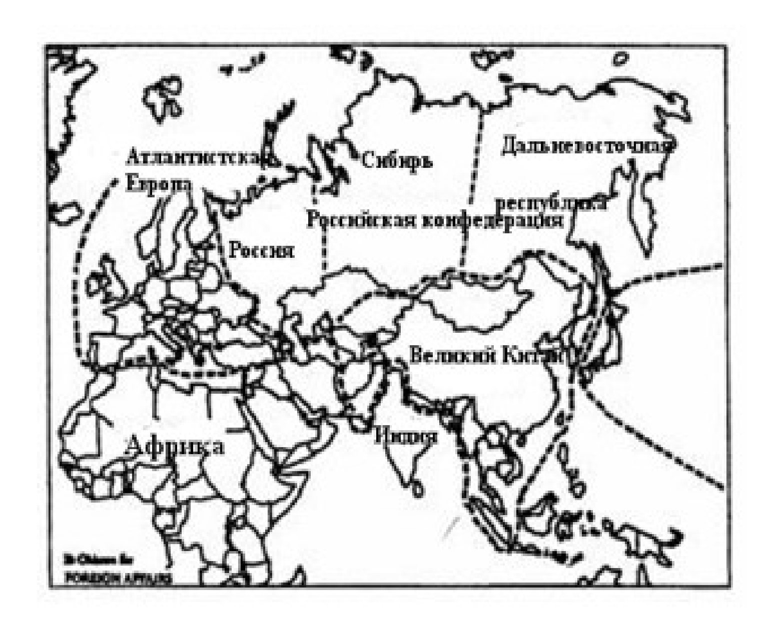
2 *Owens M. T.* In Defense of Classical Geopolitics, Naval War College Review, Autumn 1999, Vol. LII, No. 4

3 *Бжезинский З.* Великая Шахматная доска (The Grand Chessboard), М.: Международные отношения, 1999.

Карта 4

Схема «Евразийской шахматной доски» З. Бжезинского из одноименной книги. Показано предлагаемое Бжезинским деление Евразийского материка.

<u>Карта 5</u>

Карта расчленения России, по З. Бжезинскому - «Foreign Affairs” (1997, сент.-окт.)

<u>Карта 6</u>

Евразийские Балканы – зона нестабильности и притяжения силы на Евразийском континенте, по З.Бжезинскому («Великая шахматная доска»). Карта показывает особую значимость для континентальных и атлантистских сил регионов Кавказа и Центральной Азии.

риканской геополитики? Конечно, нет. И последнее, что можно процитировать из Бжезинского: «Задача создать гегемонию нового типа. Это должно быть глобальное превосходство»[1]. США должны быть первой и единственной по-настоящему глобальной державой. Для этого он предлагает расчленить уже территорию Российской Федерации, чтобы никогда больше не возвращаться к теме Heartland. «Heartland должен быть поделен» – это уже не просто продолжение Макиндера, Макиндер почти реализован, (за исключением создания «Южной Руси» и «большого» Дагестана). Бжезинский заявляет, что этого мало, необходимо создать республику Поволжье, республику Саха, республику Башкортостан и наделить их суверенитетом. Бжезинский, один из руководителей и теоретиков Council on Foreign Relations, начиная с 1960-х годов и до настоящего времени. Около сорока лет работы в CFR.

Ричард Хаас – нынешний руководитель CFR, Council on Foreign Relations, автор ряда статей. 11 ноября 2000 г. он обратился к американской публике с речью, которая называлась «Имперская Америка». В ней, в частности, он сказал: «Пришло время для американцев пересмотреть свою роль от традиционного государства нации к имперскому могуществу». Задача США – стать единственной глобальной империей.

Был такой автор, критически настроенный по отношению к американскому могуществу, Пол Кеннеди, написавший книгу «Подъем и падение великой державы[2]». Там он ввел понятие «имперского перерастяжения». Пол Кеннеди пророчил американскому господству крах из-за того, что оно перенапряглось, перерастянулось. Споря с ним, Ричард Хаас утверждает, что Америке грозит не имперское перерастяжение, а имперская недорастяжка. То есть, США мало кого поставили на колени, это только начало.

Геополитики-неоконсы

Вслед за Вулфовицем можно перечислить и других главных американских неоконсов: Дональд Рамсфельд, Льюис Либби,

1 *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство (The Choice: Global Domination or Global Leadership). М.: Международные отношения, 2007.

2 *Kennedy P.* The Rise and Fall of Great Powers. New York: Random House, 1987.

Джеб Буш, брат бывшего президента США Джорджа Буша-младшего, Роберт Кейган, Чарльз Капчин, Уильям Кристол. Они объединены, в основном, «Проектом нового американского века» – *Project for New American Century*, где рассуждают о «благой гегемонии», о «добром контроле», о «благой империи». Реалисты утверждают то же самое, только говоря о мире, дружбе и взаимоотношениях. А неоконсы уже не путают господство с дружбой, а называют вещи своими именами. При Джордже Буше-младшем они были доминирующей политической силой.

Из новых геополитиков можно назвать еще несколько совсем молодых имен.

Томас Барнетт разделяет весь мир на «functioning core» и «non integrated gap», где «functioning core», то есть «действующее ядро», представляет собой англосаксонские страны, а «non integrated gap» («неинтегрируемый провал») – все остальные[1]. Интересен *Алан Ларсен* – теоретик, пишущий о геополитике нефти и природного газа. У него есть интересная фраза: «Аксиомой является то, что нефть и газ почти всегда находятся в странах с сомнительным политическим режимом или со сложной физической географией»[2]. Любопытная аксиома: газ там, где режим заведомо сомнителен, что позволяет США туда прийти и все «поправить».

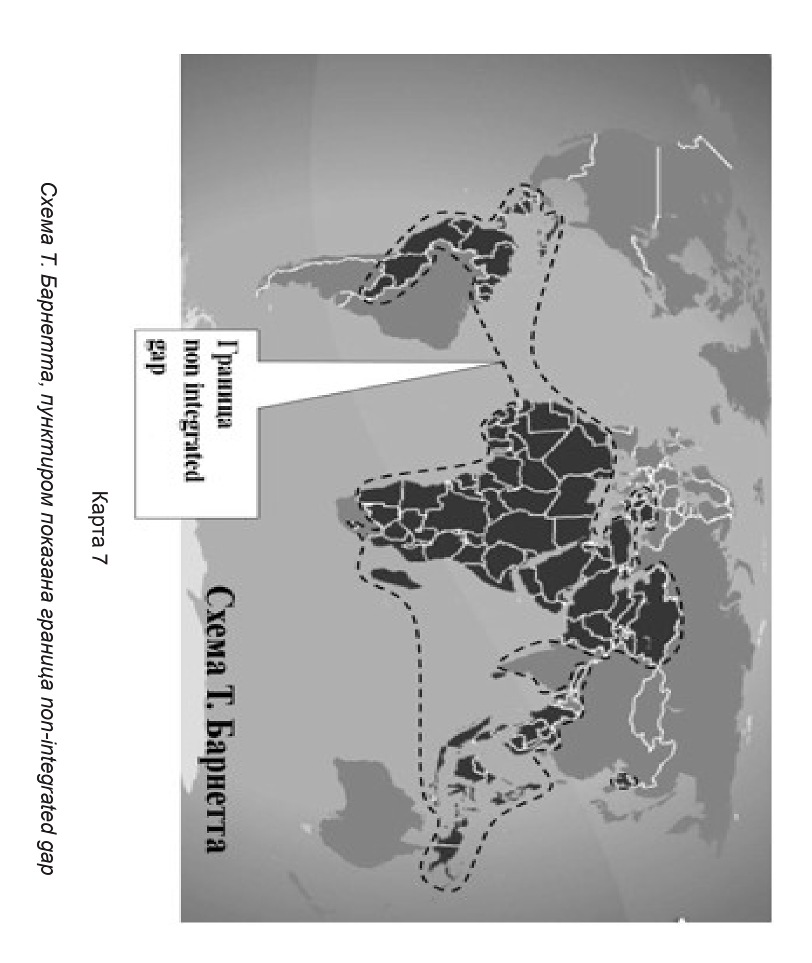
Майкл Клэр, современный геополитик, заявил, что цель войны в Ираке – изменить геополитическую карту Евразии, обеспечить мощь США в регионе против потенциальных конкурентов – России, Китая, Евросоюза, Японии и даже Индии[3].

Роберт Каплан – один из классических неоконсов, который говорит о необходимости Америки нести бремя белого человека. Смысл его книги «Imperial grunts»(«Имперское кряхтение») состоит в том, что Америке трудно быть единственной сверхдержавой, так как эта ноша слишком тяжела , но ее надо нести, несмотря на то, что самим американцам это может не

1 *Barnett T. P. M. The Pentagon's New Map. New York: Putnam Publishing Group, 2004.*

2 *Larson A.* Geopolitics of oil and natural gas // Economic Perspectives vol.9 №2, May 2004.

3 Klare M. Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. New York: Henry Holt & Company Incorporated, 2008.

Карта 7

Схема Т. Барнетта, пунктиром показана граница non-integrated gap

нравиться[1].

Так видят мир геополитики Seapower со времен Хэлфорда Макиндера до сегодняшних дней. С 1950-го по 1970-е годы все эти темы секретно изучались в ЦРУ и в Council on Foreign Relations. Начиная с 1990-х годов, после того, как СССР разрушился, политическая элита США говорит о них открыто. При этом нужно учитывать, что несмотря на расцвет «гласности» в отношении геополитических теорий, американские массы едят гамбургеры, ездят в свои большие открытые кинотеатры, занимаются веселой жизнью, работают, а перечисленные выше идеи относятся к мировоззрению политических элит.

Германская школа геополитики

Германская школа геополитики имеет долгую историю, начинающуюся с политической географии Фридриха Ратцеля, (1844 -1904 гг.). Он также является автором антропогеографии, то есть человеческой географии. Он вводит такие понятия, как «пространственный смысл», «Raumsinn» и также «Lebensenergie», то есть «жизненная энергия». Он принадлежал к органицистской философской школе и рассматривал государство как естественное явление, которое растет как бы из почвы, как цветы или леса. Возникает вопрос, где локализовать представителей органицистской школы. С одной стороны, есть традиция относить их к Landpower, потому что в рамках Западной Европы, если мы абстрагируемся от Евразии и России, самая восточная, самая континентальная, самая запоздалая в своих колониальных приобретениях страна – это Германия, поздно объединившаяся, позднее других вступившая в концерн европейских наций. Поэтому, с одной точки зрения, Ратцеля и других представителей органицистской школы относят к представителям геополитики Суши. В то же время восточнее Германии простираются гигантские территории, по отношению к которым Германия занимает западное положение.

Поэтому будет корректно расположить эту немецкую школу ближе к Heartland, но все-таки она может иметь двойную легитимацию – принадлежности к Heartland и к Rimland. По срав-

1*Kaplan R.D.* Imperial Grunts: The American Military on the Ground. New York: Random House, 2005.

нению с Францией – это начало Heartland, а по сравнению с нашими землями это начало Rimland. Эта двусмысленность чрезвычайно важна и с точки зрения критической геополитики, когда мы хотим выстроить не случайный, а научно фиксированный и обоснованный политический дискурс, с точным и верным распределением терминов.

Следующий представитель этой геополитической школы – *Рудольф Челлен* (1864-1922 гг.) - был шведом, но при этом сторонником единой германской зоны влияния. Рудольф Челлен ввел термин «геополитика» в 1899 году, полагая, как и Фридрих Ратцель, что государство – это форма жизни. Он был органицистом.

Фридрих Науманн (1860-1918 гг.) сформировал концепцию «Средней Европы», политически обосновывая германскую экспансию, с геополитической точки зрения, стремясь объединить европейский Heartland в нечто самостоятельное.

Карл Хаусхофер (1869-1946 гг.) – крупнейший немецкий геополитик, создатель журнала «Zeitschrift fur Geopolitik». Он основывал свои теории исключительно на англосаксонской геополитике. Поэтому, несмотря на то, что с его именем часто ассоциируется геополитика, можно сказать, что в этом отношении он был вторичен. Его мысль являлась реакцией на англосаксонскую геополитическую модель. Кстати, в Америке в наши дни существует даже разделение на geopolitics (англоязычный термин) и Geopolitik (немецкий). Считается, что geopolitics – это научно, а Geopolitilk (то же самое, только по-немецки) – это уже ересь. Чужая геополитическая теория заведомо обвиняется в антинаучности. Мы же, изучая геополитику научным образом, должны понимать, что представление о том, что, например, теория Хаусхофера не научна, а теория Макиндера научна, является принципиально предвзятым мнением.

Карл Хаусхофер

Хаусхофер, применяя англосаксонскую модель в Германии, обнаруживает ту же самую конструкцию, о которой шла речь выше[1]. Где находится Германия? С одной стороны, с точки зрения Европы, это Landpower, и надо это признать, а, с другой

1 *Хаусхофер К.* О геополитике. М.: Мысль, 2001 .

стороны, существует и русский континентальный фактор на востоке. И в 1939 г. Хаусхофер пишет работу, которая позже, уже в 1943 году, станет известна под названием «Континентальный блок» в которой говорит о необходимости объединения Германии, России и Японии. Японию Хаусхофер, в отличие от других геополитиков, считал сухопутной державой, которая на протяжении своей истории серьезно не развивала морские силы и лишь под воздействием англосаксонского морского могущества были вынуждена, защищаясь, строить флот. Тогда же японцы впитали элементы морского стиля. Хаусхофер предлагал объединить все три Landpower'а – немецкий, русский и японский - в единый континентальный блок. Слово «континентальный» синонимично английскому «лендпауэр». Понимая, что Гитлер намеревается двигаться одновременно и против Seapower и против Landpower, Хаусхофер прагматически соглашается временно отказаться от континенталистской стратегии и встать на сторону морских держав, но не действовать отдельно от всех. Тогда он посылает своего ученика Рудольфа Гесса, который был лучшим другом Гитлера и вторым человеком в НСДАП, в Лондон на переговоры. Но чем это кончается? Гесса объявляют сумасшедшим, и впоследствии он отбываетсрок в тюрьме Шпандау, пока не умирает, а тюрьму не сносят. Геополитическая неопределенность стоила Германии всего. Это очень важная модель. Это пример того, как теория обращается в конкретную историческую практику.

Основные пункты учения Карла Хаусхофера. Первая идея – Lebensraum*, «жизненное пространство». Так же, как англичане, Хаусхофер считает, что большому народу нужно большое пространствое. По сути дела, он повторяет концепцию «Manpower», обращая ее в «лебенсраум» и придавая ей органицистский, чисто германский, гетевский романтический смысл. Вообще, как уже было сказано понятие «лебенсраум» взято из японского названия геополитики. «Lebensraum» – это не пространство для жизни, а «живое пространство», которое должно быть естественным образом объединено в рамках государства. Это отнюдь не прагматический империалистический призыв всех завоевывать. Эта идея изначально отражает свойственное органицистской философии представление о

Панрегионы по Хаусхоферу

Карта 7.

Геополитика панидей по К. Хаусхоферу. Панрегионы: Англо-американская зона (Пан-Америка), Евроафрика, Пан-евразийская зона, Пан-тихоокеанское пространство.

том, что государства растут в естественных условиях.

Вторая идея К.Хаусхофера – автаркия, которая необходима для того, чтобы государство объединило большое пространство вокруг себя или объединило близкие зоны и обрело самодостаточное существование.

Третья идея – панрегионы. Это созвучно идее Куденофф-Калерги, создателя паневропейского движения, австрийского геополитика и аристократа, кстати, японца по матери. Панидея, по Хаусхоферу – это мысль об объединении нескольких регионов в один панрегион. Пан-Европа – это Европа вместе с Африкой, или Евроафрика, пан-Америка – как две Америки, Северная и Южная, паневразийское пространство – это мы, русские, и все, что нам принадлежит, включая, по Хаусхоферу, Иран и Индию. И четвертый панрегион – это Тихоокеанский регион, в котором господство, конечно, Хаусхофер отдавал своим «друзьям-японцам». Таким он видел будущий мир. Идея панрегионов основана на идее широтной и долготной экспансии. По Хаусхоферу, экспансия по вертикали, меридиональная экспансия, естественна и позитивна. Соответственно, с севера на юг продвигаться - это прагматично и правильно, а продвижение с востока на запад чревато большими проблемами. Так он обосновал теорию долготной и широтной экспансии и предлагал всем регионам интегрироваться преимущественно по вертикали. То есть, если уж американцы желают экспансии, пусть остаются в рамках доктрины Монро, если немцы стремятся расшириться, то пусть заходят в Африку, если русские намерены приобретать новые территории, то пусть «моют сапоги в Индийском океане», а если японцы мечтают о новых землях, то им по праву принадлежит зона тихоокеанского процветания (о чем и заявляли японцы, захватывая очередное государство).

Интересно, что Хаусхофер полностью принимает концепцию «Морское могущество против сухопутного могущества» как наиболее общую модель объяснения динамического противостояния в современном мире.

Еще одна идея Хаусхофера – динамические границы. С его точки зрения у государств не должно быть четких границ, они должны постоянно изменяться в зависимости от того, кто становится сильнее или слабее, поскольку государства – это органические структуры.

Карл Шмитт

Важнейший философ геополитики – *Карл Шмитт* (1885-1985 гг.). Он придает ей философское обоснование рассматривает Seapower и Landpower как морское общество и сухопутное общество. Шмитт дает возможность рассмотреть такие термины, как Seapower и Landpower, не только как стратегические концепты, но и как цивилизационные понятия. То есть он закладывает основу социологической интерпретации геополитики. Шмитт утверждал, что сухопутные режимы, сухопутные державы имеют традиционный и консервативный характер. Морские же цивилизации и морские общества – динамичные, торговые, более склонны к прогрессу, техническому развитию, к индустриализации. В обществе сухопутном доминирует постоянство, стабильность, иерархия; в обществе морском доминирует социальная динамика. В одном случае – социальная статика, в другом случае – социальная динамика. Так Карл Шмитт превращает геополитический метод в социологический и философский. У Шмитта есть прекрасная работа, которая называется «Земля и море». Она полностью приведена в хрестоматии в конце моей книги «Основы геополитики»[1].

Шмитт также вводит понятие «номоса земли»[2]. Номос земли – это такое устройство политического пространства, которое представляет собой политическую организацию географических территорий. Шмитт говорит о том, что в наше время существовали, сменяя друг друга, три номоса земли. Первый номос земли – это Вестфальский мир, где субъектами были названы государства-нации. Второй номос – это двуполярный мир, который сложился, по сути, после Второй мировой войны, когда субъектами стали блоки государств, а не отдельные государства. И третий номос земли складывается и сложится, по Шмитту, в том случае, если одна из сторон во взаимном противостоянии докажет окончательное превосходство. Поэтому однополярный мир – это третий номос земли. Сегодня мы живем, согласно Шмитту, в геополитической легитимности под

1 *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.

2 *Шмитт К.* Номос Земли (Der Nomos der Erde). СПб: Владимир Даль, 2008.

законом третьего номоса земли. Четвертый номос (в перспективе) – это то, что должно бороться с третьим номосом земли со стороны тех, кто выступает против него.

Генрих Йордис фон Лохаузен (1907-2002 гг.), австрийский геополитик, который написал в 1979 году неплохую книгу «Мужество к власти. Мыслить континентами». Также у него была книга «Думать народами»[1]. Представитель немецкой геополитической школы. Мышление этой группы полностью предопределяется ситуированием самих немецких геополитиков и политических географов. Они находятся между европейским Landpower, малым Heartland и большим Heartland. Если мы посмотрим, как эти понятия рассматриваются у Макиндера, то увидим именно эту симметрию. В одном случае они в Heartland не входят, а входят в Rimland, а в другом случае сами являются Heartland. Это колебание между Heartland-1 и Heartland-2 раннего и среднего Макиндера имеет чрезвычайно большое значение. В одном случае Германия и Центральная Европа – часть Heartland, это позволяет им одним образом построить свою геополитическую оптику, в противном случае они – часть Rimland, и тогда их геополитическое видение мира имеет совсем другой характер.

Французская школа геополитики

Классическая школа Rimland – это французская школа геополитики. Ее основатель *Видаль де ла Блаш* (1845-1918 гг.). Он ввел концепцию «поссибилизма», очень близкую к концепции «кондишенинга». Поссибилизм (от «поссибилитас», «возможность») – это география, связанная не с необходимостью и причинностью, но с возможностью или вероятностью возникновения того или иного явления на той или иной территории.

Интересно, что де ла Блаш, хотя и косвенно, но влиял на германскую политику. Дело в том, что американские и англосаксонские геополитики оказывали воздействие на принятие решений их государствами и правительствами и в значительной степени воспитали всю американскую политическую элиту XX века. А Видаль де ла Блаш во Франции ни на кого не влиял,

---

1 *Von Lohausen H.J.* Denken in Völkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte. Graz: Stocker, 2001.

его никто не слушал, хотя он писал весьма адекватные, полезные вещи. К свременному же французскому геополитику Иву Лакосту прислушивался Миттеран. Ив Лакост[1] до сих пор жив, он издавал журнал «Геродот», где пытался обойти все острые темы: и Seapower, и Landpower. Лакост в основном занимался региональными вопросами, то есть микролизацией геополитики и сведением ее к частным проектам. Конечно, периодически его заносило то в одну, то в другую крайность. По большей части, он старался в качестве представителя Rimland уйти от острых тем и больших дискурсов.

Эмрик Шопрад, современный французский геополитик, сторонник евроконтинентализма. Это новое направление во французской геополитике, которое мыслит Европу скорее в германском или промежуточном ключе, утверждая, что она должна принадлежать к Heartland[2]. Еще более последователен в этом отношении французский философ и геополитик *Ален де Бенуа*[3], который выступает за четвертый номос земли. Как геополитик он считает, что необходимо, чтобы Heartland победил Rimland, чтобы Россия вместе с Европой под эгидой борьбы с англосаксонским миром установила мировой порядок альтернативный актуальному. Этот геополитический мыслитель предлагает глобальный альянс лэндпаэур и Rimland против Seapower. Это уже, конечно, не просто французская школа, а новая франко-германская европейская геополитика.

Российская школа геополитики

Теперь мы подошли к российской школе геополитики, которой, к сожалению, почти не было. Удивляет то, что при столь фундаментальном значении Heartland, при таком серьезном напряжении глобальных сил вокруг нас, мы о геополитике почти не задумывались. Больше ста лет идет страшная рубка, страшная война за контроль над Heartland, которым мы и являемся, а такое впечатление, что мы вообще не слышали, что что-то происходит. Есть лишь отдельные исключения. Например, очень интерсный географ *Вениамин Петрович Семенов-*

1 *Lacoste Y.* Geopolitique: la longue histoire d'aujourd'hui, Paris: Larousse, 2006.

2 Шопрад Э. Россия – главное препятствие на пути создания американского мира // Русское время №1 (2) январь-март 2010.

3 *Бенуа де А.* Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009.

Тянь-Шанский (1870 —1942), сын крупнейшего русского географа Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского (1827-1914 гг.), главы Русского географического общества. Он очень верно отметил континентальный характер России.

Ближе к геополитике был другой любопытный автор *Владимир Иванович Ламанский*[1] (1833-1914 гг.). Этот славянофил и патриот писал о дуальности двух систем – греко-славянской и романо-германской. Он и Данилевский провели эту границу. О геополитике напрямую они не говорили, но соотносили народы, общества, социальные и этнические системы с их пространственным расположением. То есть греко-славянский мир – это максимально восточная часть Европы, романо-германский мир – это остальная часть. Этот дискурс с большой натяжкойможно отнести к геополитике.

Военную стратегию тоже можно включить в отечественную геополитику: прежде всего, это труды генералов Милютина и Снесарева. Однако надо понимать, что геополитика не ограничивается геостратегией, то есть чистыми аспектами пространственной организации войны[2].

К предгеополитической русской мысли можно отнести также Ивана Ивановича Дусинского (1879-1919), автора внушительного труда «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики»[3]. К категории непосредственных предшественников становления русской геополитики наряду с В.П.Семеновым-Тянь-Шанским и И.И.Дусинским, был Алексей Ефимович Вандам (Едрихин)[4] (1867-1933 гг.). Он участвовал в Первой мировой, потом в Гражданской войне, последнюю закончил генерал-майором повстанческой Псковской армии, довольно эфемерного образования: это были русские белые, перешедшие на сторону немцев. Основные части белых были на стороне Антанты, то есть воевали против немцев и против большевиков, а были про-

1 *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.

2 *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география, Издательство: Аспект Пресс, 2005.

3 *Дусинский И.И.*Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1910. Книга недавно переиздана с новым названием, данным редакторами *Дусинский М.* Геополитика России (Пути имперского сознания). М.,2003.

4 *Вандам Е. А.* Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.

германские антибольшевистские русские в дивизии во Пскове, они даже печатали свои деньги – так называемые «вандамки». Ничем они особенно не отличились, просуществовали какое-то мгновение, но сам Алексей Ефимович был очень интересным человеком, особенно до войны и революции. Он принимал участие в Англо-бурской войне на стороне буров и питал особую ненависть к англичанам. И на ненависти к Seapower он, по сути дела, создал довольно интересную картину. Его тексты сейчас изданы, они чрезвычайно проницательны и интересны, потому что, строго говоря, это почти наша геополитика. Вандам видит, что Англия – это плохо, понимает, что Англия – это наш враг, и как военный стремится противостоять этой державе. На основании анализа поведения британцев он выстраивает модель, которая в принципе довольно точно резонирует с идеями адмирала Мэхэна.

Евразийцы

Петр Николаевич Савицкий (1895-1968 гг.) – пожалуй, первый русский автор, который использовал слово «геополитика» в статье «Континент – океан». Петр Савицкий был одним из основателей Евразийского движения. Геополитика первых евразийцев, поначалу являлась реакцией на всю ту конструкцию геополитической модели, которая сложилась на Западе к 1920-м годам. Сталкиваясь с геополитической конструкцией Seapower, ее проектами глобальной доминации, евразийцы понимали, что Росси оказывается в положении объекта этой геополитики, с которой атлантисты намерены совершать определенные внешние операции для того, чтобы внешний субъект Seapower достиг глобального господства. Петр Николаевич Савицкий задумывается о выстраивании альтернативы. Он начинает создавать Евразийское движение и публикует статью «Континент – океан», где говорится, что Россия представляет собой самостоятельную цивилизацию, независимое политическое и экономическое единство и должна за себя постоять. То есть, основа мысли Савицкого очень верная, мы – субъект Landpower, мы – суша как субъект, а не объект, мировой истории. Чем важна эта статья, почему она является вехой в русской геополитике? Потому что впервые, по сути дела, пред-

ставитель России, то есть Heartland, с которым представители Seapower, Rimland или немецкой геополитической школы обращались как с объектом, препятствием, пассивной массой, начинает выступать как субъект. Таким образом, именно Савицкий и евразийцы, которые начинают вслед за ним использовать термин «геополитика», в частности, Вернадский, начинают мыслить в геополитических категориях. Так возникает уникальная вещь – евразийская теория, которая и есть, по сути, теория русской геополитики. В чем ее специфика? Все основные моменты разъяснены в вышеупомянутой статье Савицкого[1].

Мы видели, что геополитика началась со статьи Макиндера. Геополитика – это не столько труды и огромные работы, это проницательные, емкие статьи, которые вдруг ухватывают какое-то реальное положение дел, и лишь потом постепенно они конституируются в полноценную критическую геополитику. Чрезвычайная важность статьи «Континент – океан» Савицкого заключается в том, что мы видим, как представители Landpower осознают себя как представители Landpower, сухопутной силы особого континента – России, и начинают мыслить мир, исходя из своей оптики, определяя свое отношение к Западу, к Востоку, к морским силам и к Германии. Евразийцы, опираясь на славянофилов, опираясь на консервативных мыслителей и их предшественников, обосновывают свою геополитическую конструкцию, свое понимание собственного места в мире. Таким образом, они достраивают чисто теоретическую модель трех субъектов геополитики до полноты. Мы видели, насколько ясно понимает свои захватнические, империалистические интересы американская геополитика, англосаксонская, шире – Seapower. Мы видели как серьезно в эпоху Хаусхофера, и это сказалось в значительной степени, в том числе, и на поведении германской политики, мыслит мир, глобальный мир немецкая школа, думая о своем месте – Heartland или Rimland. Мы видели, как французы, которых особо никто не слушал, мыслят свое западное Rimland'ское положение. Спикмен, кстати, в данном случае, будучи англосаксом, говорил о значении большого Rimland, что именно там, между двумя силами: Seapower и Landpower, за счет этого напряжения рождается наиболее динамичная культура.

1 *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997 .

Наконец-то, мы увидели, что и в рамках сухопутного могущества – Landpower возникает разумная, рациональная, субъективная конструкция, субъективная школа, которая рассматривает, как бы «переворачивая» геополитику, геополитические объекты, глядя с суши, беря на себя миссию суши. Вначале суша выступала как объект для моря, а море выступало как субъект. Для евразийцев суша начинает выступать как субъект, а море как объект.

Это, можно сказать, зеркальная конструкция по отношению к Seapower. Они говорят: «Для того, чтобы нам владеть миром, нам надо владеть вами». А мы отвечаем: «Чтобы вы нами не владели, мы должны вас выбросить в море, мы должны отправить вас туда, откуда вы пришли. Смотрите, насколько это честно: вы нам черное, мы вам белое, и так далее». То есть, совершенно правильная игра.

Что касается более серьезной институционализации русской геополитики, то пришлось еще после Савицкого подождать еще 80 лет. В 1995 г. я опубликовал «Основы геополитики», которые, в общем, обобщают всю эту картину. В таком же воинственном духе, как и наши английские коллеги, но уже со стороны нашего, русского Heartland, там утверждалось следующее: Heartland – это мы, мы должны себя защищать, чтобы не стать субъектом чужой игры. Это очень многим не понравилось, А многим и понравилось, потому что это есть приход нашего народа к самосознанию нашей геополитической точки зрения. Когда я встречался с Бжезинским в Вашингтоне, у него в кабинете стояла шахматная доска. Тогда я заметил Бжезинскому, что шахматы – это игра для двоих, на что тот ответил, что никогда об этом не думал. Это очень важно, потому что для Бжезинского геополитика – это геополитика Seapower. То, что не геополитика Seapower, это какая-то чепуха, такой геополитики нет. А уж евразийство, которое, крайним образом, является симметричным и пункт за пунктом повторяет, только со стороны суши, геополитику моря, это уже за гранью возможного.

Наш курс – это не курс евразийской геополитики. Наш курс – это курс критической геополитики, когда мы, понимая нашу позицию, можем отнестись к ней как угодно, можем приехать в Штаты, можем приехать в Европу и начать смотреть на свою собственную страну и собственную историю другими глазами.

Речь идет о научном компаративистском методе критической геополитики, связанной с социологическими явлениями.

Библиография:

Бенуа де А. Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009.
Бжезинский З. Великая Шахматная доска (The Grand Chessboard). М.: Международные отношения, 1999.
Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство (The Choice: Global Domination or Global Leadership). М.: Международные отношения, 2007.
Бжезинский З. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы М. : Международные отношения, 2007.
Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада (The Death of the West). М.: АСТ, 2007.
Вандам Е. А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.
Дугин А.Г. **Геополитика постмодерна**. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.:Арктогея-центр, 1999.
Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? (Does America Need a Foreign Policy?). М.: Ладомир, 2002 .
Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география, Издательство: Аспект Пресс, 2005 .
Мэхан А.Т. Роль морских сил в мировой истории (The Influence of Sea Power upon History). М.: Центрполиграф, 2008.
Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
Панарин И. Н. Информационная война и геополитика, М.: Поколение, 2006 .
Хаусхофер К. О геополитике. М: Мысль, 2001.
Шопрад Э. Россия – главное препятствие на пути создания американского мира // Русское время №1 (2) январь-март 2010.
Шмитт К. Номос Земли (Der Nomos der Erde). СПб.: Владимир Даль, 2008 .
Armstrong D. Drafting a plan for global dominance, Harper's Magazine, October 2002.
Barnett T. P. M. The Pentagon's New Map. New York: Putnam Publishing Group, 2004.
Bowman I. The new world: problems in political geography, World Book Company, 1928
Bowman I. International Relations. Chicago: American Library Association, 1930.
Bowman I. The new world: problems in political geography. Chicago: World Book Company, 1928.
Brzezinski Z. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. New York: Basic Books, 2008.
Brzezinski Z. Between Two Ages : America's Role in the Technetronic Era. New York: Viking Press, 1970.
Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest. Boston: Atlantic Monthly Press, 1986.
Brzezinski Z. Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York: Charles Scribner's Son, 1989.
Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977-1981. New York: Farrar, Strauss, Giroux,1983.
Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership, New York: Basic Books, 2004.
Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic

Imperatives. New York: Basic Books,1997.
Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York: Basic Books,2007.
Brzezinski Z. Soviet Bloc: Unity and Conflict, N.Y. Harvard University Press, 1967.
Burnham J. The Struggle for the World. New York: The John Day Company, Inc, 1947.
Cohen S. Geography and Politics in a World Divided. Oxford: Oxford University Press, 1974.
Gray C.S. The geopolitics of the nuclear era: heartland, rimlands, and the technological revolution. New York: Crane Russak & Co, 1977.
Jones S. B. Boundary-making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law. 1945.
Kagan R. Dangerous nation. New York: Vintage, 2007.
Kagan R. Of paradise and power: America and Europe in the new world order. Vintage: 2004.
Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. New York: Vintage, 2009.
Kagan R., Kristol W. Present dangers: crisis and opportunity in American foreign and defense policy. New York: Encounter Books, 2000.
Kaplan R.D. Imperial Grunts: The American Military on the Ground. New York: Random House, 2005.
Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. New York: Random House, 1987.
Kissinger H. Crisis: The Anatomy of Two Major Foreign Policy Crises. New York: Simon & Schuster, 2004.
Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994.
Kissinger H. Does America need a foreign policy?: toward a diplomacy for the 21st century. New York: Simon & Schuster, 2002.
Kissinger H. White House Years. New York: Little, Brown and Company, 1979.
Klare M. Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. New York: Henry Holt & Company Incorporated, 2008.
Kristol I. Neoconservatism: the autobiography of an idea. Lanham: Ivan R. Dee, 1999.
Lacoste Y. Dictionnaire de Geopolitique. New York: French & European Publications, Incorporated, 1993.
Lacoste Y. Geopolitique: la longue histoire d'aujourd'hui, Paris: Larousse, 2006.
Lacoste Y. Géopolitique de la Méditerranée. Paris: Colin, 2006.
Lacoste Y. La Géopolitique. Paris: Centre national de documentation pédagogique, 1990.
Larson A. Geopolitics of oil and natural gas // Economic Perspectives vol.9. May 2004. №2.
Layne C. The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
Lieven A. America Right Or Wrong: An Anatomy of American Nationalism. Oxford: Oxford University Press US, 2005.
Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. № 23, 1904. P. 421–37.
Mackinder H.J. The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs, 21 (1943) P. 595-605.
Owens M. T. In Defense of Classical Geopolitics // Naval War College Review, Autumn 1999, Vol. LII, No. 4
Siemple. E C. Influences of Geographic Environment: On the Basis of Ratzel's System of Anthropo-Geography. New York, Henry Holt and Company, 1911
Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.
Spykman N. The Geography of the Peace, New York: Harcourt, Brace and Company,

1944.
Von Lohausen H.J. Denken in Volkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte. Graz: Stocker, 2001.
Von Lohausen H.J. Ein Schritt zum Atlantik: Die strategische Bedeutung d. Ostverträge. Wien: Österr. Landsmannschaft, 1973.
Von Lohausen H.J. Les empires et la puissance: la géopolitique aujourd'hui. Paris: Le Labyrinthe, 1996.
Von Lohausen H.J. Mut zur Macht: Denken in Kontinenten. Heidelberg: Vowinckel, 1981.
Von Lohausen H.J. Reiten für Russland: Gespräche im Sattel. Graz: Stocker, 1998.
Von Lohausen H.J. Zur Lage der Nation. Krefeld: Sinus-Verlag, 1982.
Whittlesey D. The Earth and the State: A Study of Political Geography. New York: H. Holt and company, 1944.

Раздел 2. Геополитические процессы в русской истории и их социологические импликации

Глава 4. Геополитика Киевской Руси и социополитические парадигмы древнерусского общества. Роль религии.

Концептуальные парадигмы русской истории

Геополитика соотносится с социологией через представление о качественном пространстве, что дает описание геополитики как таковой, как дисциплины со своей методологией и принципами. Теперь наша задача – приложить геополитический метод к русской истории, выйти на его актуальность, и постепенно набросать перспективу будущего.

История – гуманитарная наука, и будучи таковой, она зависит от того, какой парадигмы придерживается тот, кто ее исследует. Сколько идеологий, столько и историй, и прежде, чем формулировать историческую картину какого бы то ни было общества, необходимо описать, с каких позиций мы ее исследуем. И в этом отношении никакой одной единой истории не существует. В зависимости от выбранной идеологической позиции, можно написать несколько вариантов истории.

Сделаем краткий обзор тех мировоззренческих позиций, с которых можно описывать русскую историю. Например, возьмем одно из направлений – славянофильское мировоззрение, которое сформировалось в первой половине XIX в. и оказало большое влияние на русское самосознание XIX- XX вв. С точки зрения славянофилов, русская цивилизация относится к восточноевропейской цивилизации, наследует православную византийскую линию, а Россия представляет собой альтернативу Европе.

Россия, с одной стороны, часть Европы, но с другой – альтернативна Европе. Славянофилы утверждали, что помимо западной римско-католической, католико-протестантской Европы, Западной Европы, существует еще греко-православная, греко-русская Европа. Она имеет общие корни и с Римом, и с Византией, но пошла по другому пути развития, начиная уже с III - IV вв., когда откололась западная Римская империя под натиском варваров. Тогда жители Западной Европы пощли в одном направлении, а жители Восточной Европы – в другом.

Жителей Восточной Европы, греко-русского православного мира представители Западной Европы забыли, и применили представление о Европе исключительно к самим себе. Славянофилы считали что, православные – это тоже часть европейской культуры, только не той, которая сформировалась на Западе, а той, которая сформировалась у нас. Они полагали, что есть две Европы и что Россия является альтернативной европейской цивилизацией[1], Европой– два.[2].

Существует также подход западнической историографии, который утверждает, что Европа только одна и Россия – это захолустье единственной Европы. Западная Европа и есть истинная цивилизация, к которой относится и Россия, представляя собой ее убогие задворки. Наша элита – это карикатура на западную, а наш народ – умственно неполноценен. Приблизительно такой подход мы обнаруживаем у П.Чаадаева в «Философических письмах»[3], у Грановского, раннего Герцена[4] и Огарева.

Точка зрения западников состоит в том, что Россия с ее самодержавием, с ее бестолковым черным народом должна подвергнуться вестернизации и модернизации. Для чего? Для того чтобы присоединиться к культуре и цивилизации в празднике европейских народов.

Итак, если для славянофилов Россия – это самостоятельная европейская цивилизация, то для западников Россия – это забытая Богом страна на задворках западноевропейской цивилизации, единственной цивилизации, и задача русской интеллигенции, русского государства, русского движения – стать Западом, примкнуть к цивилизации.

Существует также еще один, марксистский, подход к истории. Марксисты утверждают, что в истории происходит смена формаций, двигателем истории является классовая борьба, которая начинается вместе с имущественным расслоением общества в незапамятные времена, когда старейшины племен набирают себе больше богатств и полномочий, нежели рядо-

1 *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.

2 *Византизм и славянство.* Великий спор. М.:: Эксмо-Пресс, 2001.

3 *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. М.: Наука, 1991.

4 *Герцен А. И.* Сочинения: В 9-ти т. М.: Гослитиздат, 1955.

вые члены племени. По мере развития производительных сил расслоение между богатыми и бедными возрастает, выражается в политических институтах, проходит фазу рабовладельческого и феодального строя, затем достигает пика в капитализме. Далее в результате пролетарской революции происходит переход от капитализма к социализму, начинается мировая революция и построение коммунизма[1]. В истории марксисты видят именно эти стадии общества или общественно-экономические формации: первобытнообщинный строй, родоплеменной строй, рабовладельческие отношения, феодальный строй, капитализм, а потом социализм и коммунизм.

В этой исторической парадигме есть множество натяжек, но самое главное, что в тот момент, когда по марксистским прогнозам у нас должен был наступить коммунизм, мы вернулись к самому грубейшему и чудовищному капитализму, который Россия когда-либо только знала (1990-е годы). Мы вернулись неизвестно куда, и я предлагаю, познакомившись с марксизмом и зная, что такая точка зрения есть, просто его отложить в сторону. С точки зрения исторической перспективы этот исторический метод нерелевантен применительно к русской истории.

Существует также либеральный подход к русской истории. Он близок к западническому, но может быть рассмотрен отдельно. С точки зрения либерализма как идеологии и философии в основе исторического процесса лежит индивидуум: именно он является актором или субъектом истории. Индивидуум в русской истории, как и в нерусской истории, изначально находится в ситуации подавления, т.е. в традиционном обществе, в котором его свобода всячески ограничивается. Затем он начинает двигаться к своему освобождению. Поэтому, чем больше свобод у индивидуума, чем выше степень независимости его от всех уз – от государственных, общинных, политических, моральных, религиозных – тем лучше. Есть два типа свободы. Бывает «свобода от чего-то» и «свобода для чего-то». Этот тезис сформулирован классиком либерализма Джоном Стюартом Миллем[2]. «Свобода от» – это и есть либера-

1 *Герцен А. И.* Сочинения: В 9-ти т. М.: Гослитиздат, 1955.
2 *Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964.

лизм, liberty, освобождение от ограничений. И есть «freedom» – «свобода для». Либерализм как политическая идеология и философия настаивает на «свободе от», потому что «свобода для» чего-то предполагает какое-то вмешательство в индивидуальный выбор. Человек должен быть свободен не для чего, а от чего, это и есть либерализм. От чего должен быть свободен человек с точки зрения либерализма? От всего, что его ограничивает: от семьи, от этноса, от церкви, от государства, от работы, от насилия, от иерархий, от всех социальных моделей. И должен стать автономным индивидуумом.

Либеральный взгляд на нашу историю заявляет, что вначале у нас было полное и тотальное рабство, а затем у нас должна расцвести свобода. От рабства к свободе – вот либеральная парадигма русской истории. Согласно ей, чем глубже в историю, тем больше рабства, чем ближе к современности, тем больше свободы. Однако, если посмотреть на ту гигантскую степень свободы, которая была в Новгороде или Пскове, в вечевых республиках городов-государств Древней Руси, прямолинейная либеральная модель вызывает большое сомнение: оказывается, что сегодня у нас свободы гораздо меньше, чем, к примеру, в средневековом Новгороде.

Есть народнический взгляд, народническая трактовка русской истории, согласно которой субъектом исторического процесса является народ, народ сам по себе. Этот народ проходит различные фазы. Вначале он самоорганизуется, потом впадает в зависимость. Народничество совпадает с социализмом в том, что считает, что народ постепенно должен освободиться, осуществив национальную народную революцию, но не по марксистской модели и без прохождения капиталистической фазы. То есть народ как постоянное явление, представляющий собой субъект истории, не обязательно должен проходить открытые Марксом общественно-экономические формации. Это народнический, немарксистский социализм. С точки зрения народников, можно построить народный русский социализм без капитализма.

И наконец, евразийство. Евразийство – это политическая философия, которая утверждает, что Россия представляет собой самостоятельную цивилизацию. В отличие от славянофилов, евразийцы полагают, что эта цивилизация не европейская,

а евразийская, которая в чем-то сопоставима и с Европой и с исламским миром, и с Китаем.[1] Другими словами, это особая цивилизация, имеющая восточные и западные черты, но не совпадающая ни с Востоком, ни с Западом.

Россия -- это огромная самостоятельная цивилизация, в которой проживает множество этносов и которая есть, как говорили евразийцы, «государство–мир». Евразийцы называли Россию «Россией-Евразией», чтобы подчеркнуть, что речь идет о цивилизации, а не о просто государстве.

Парадигмы русской истории и геополитическая шкала

Конечно, есть во всех этих моделях трактовки русской истории нечто общее: ни одна из этих концепций не оспаривает сам факт великой русской истории, но каждая из исторических моделей трактует тот или иной период по-своему. Можно сказать, что марксисты в рассмотрении русской истории акцентируют классовый подход, либералы – индивидуальный, народники подчеркивают, что субъектом является народ, евразийцы настаивают, что субъектом является цивилизация, славянофилы считают, что Россия - альтернативная Западной Европе европейская цивилизация, а западники - что Россия просто периферийная европейская страна. Этот спор актуален и до настоящего момента и, по сути дела, в нашем обществе, так или иначе, есть представители всех шести исторических парадигм.

Сразу встает вопрос: по какой шкале мы будем исследовать русскую геополитическую историю? Очевидно, что для полноты картины мы будем показывать, как она может быть рассмотрена с разных позиций, упоминать разные точки зрения и толкования. Мне как ученому ближе славянофильство, народничество и евразийство, то есть, три парадигмы, в рамках которых можно спорить, является ли Россия самостоятельной цивилизацией или альтернативной европейской. Но для нас очевидно, что Россия – цивилизация. Второе – мы полагаем, что субъектом истории не является ни индивидуум, ни класс. Мы не придерживаемся ни марксистского, ни либерального подходов. И в этом отношении нам близко народничество.

1 *Mill J.S.* On liberty and other essays. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Итак, мы рассматриваем приоритетно нашу историческую перспективу в оптике славянофильства, народничества и евразийства, и не рассматриваем её с точки зрения западничества, либерализма и марксизма, хотя вполне легитимно рассматривать русскую историю и иначе. И, наверняка, есть и историки, и преподаватели, которые толкуют нашу историю с западнических, либеральных или марксистских позиций.

Возникновение русского государства

Славяне занимали, когда мы их встречаем в истории, довольно обширные земли. Они жили на Центральной и Среднерусской возвышенности, а также на Таманском полуострове в Тмутараканьском княжестве, на берегах Азовского моря и Керченского пролива. Тмутараканское княжество – это первая форма русской государственности. Оно было создано осетинской элитой, аланами, осетинскими князьями с доминирующим славянским населением древних антов. От них, скорее всего, от роксаланов, которые назывались «красные аланы», «русаланы», то есть от знати, по версии Льва Николаевича Гумилева[1] и Георгия Вернадского[2], общее славянское население получили имя – «русские». Позднее, после образования Тмутараканского княжества пришли норвежские варяги с севера, создали новый правящий класс и стали называться «Русью», переняв это имя от осетин через антов и славян. Это была первая русская государственность, имевшая очень большое значение. Она была христианизирована еще задолго до Киева.

Вторая русская государственность – это Киевская Русь, которая начинается с призвания Рюрика новгородцами, а затем похода Олега на Киев, взятием Киева, что положило начало современной русской государственности.

С момента возникновения русской государственности уже в Киевский период ее главной задачей, носившей геополитический характер, было укрепление Heartland. Напомним, что так называлась в общей географической картине Макиндера сухопутная территория евразийского континента. Территория северо-восточной Евразии – Heartland, сердцевинная земля.

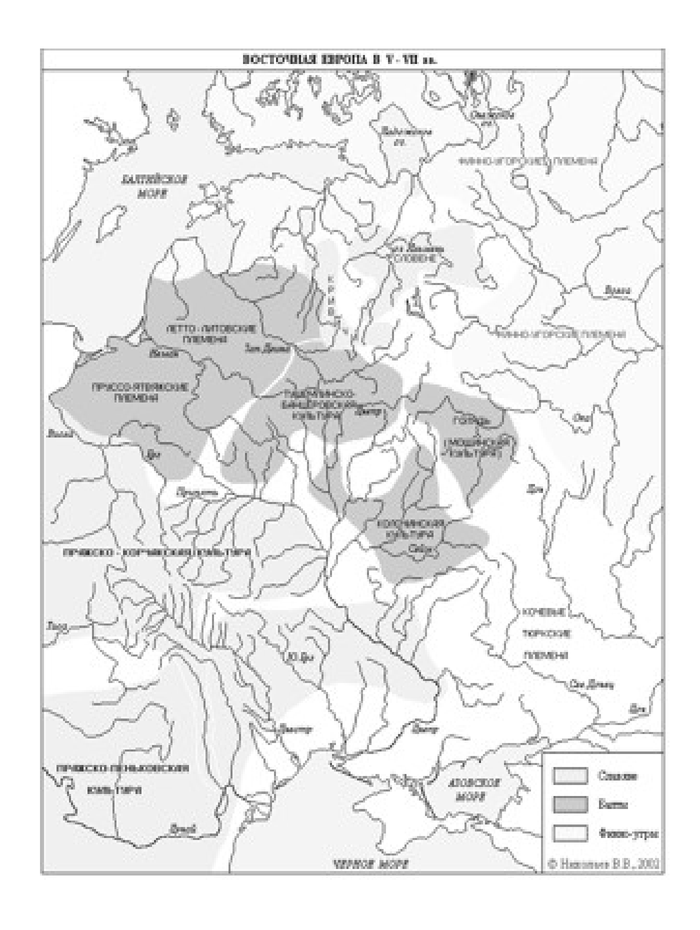
1 *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.

2 *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. - СПб.: Издательство «Лань», 2000

Как и множество славянских племен, русские жили на Среднерусской возвышенности совместно с финно-угорскими и балтскими племенами. И это расположение в зоне Heartland предопределяло стратегическую судьбу нашей истории и нашей государственности. Уже в эпоху Олега, нашего второго правителя после Рюрика, и особенно в эпоху Святослава, Киевская Русь представляет собой мощную империю, которая разрушает существовавшую здесь, в степном поясе, Хазарскую империю, присоединяет Тмутаракань и выходит к Греции, к Дунаю, по сути дела, захватывая стратегические позиции в Болгарии. Это государство много раз воюет с Восточной Римской Империей (Византией), и даже заставляет, византийцев принимать русских купцов без пошлины.

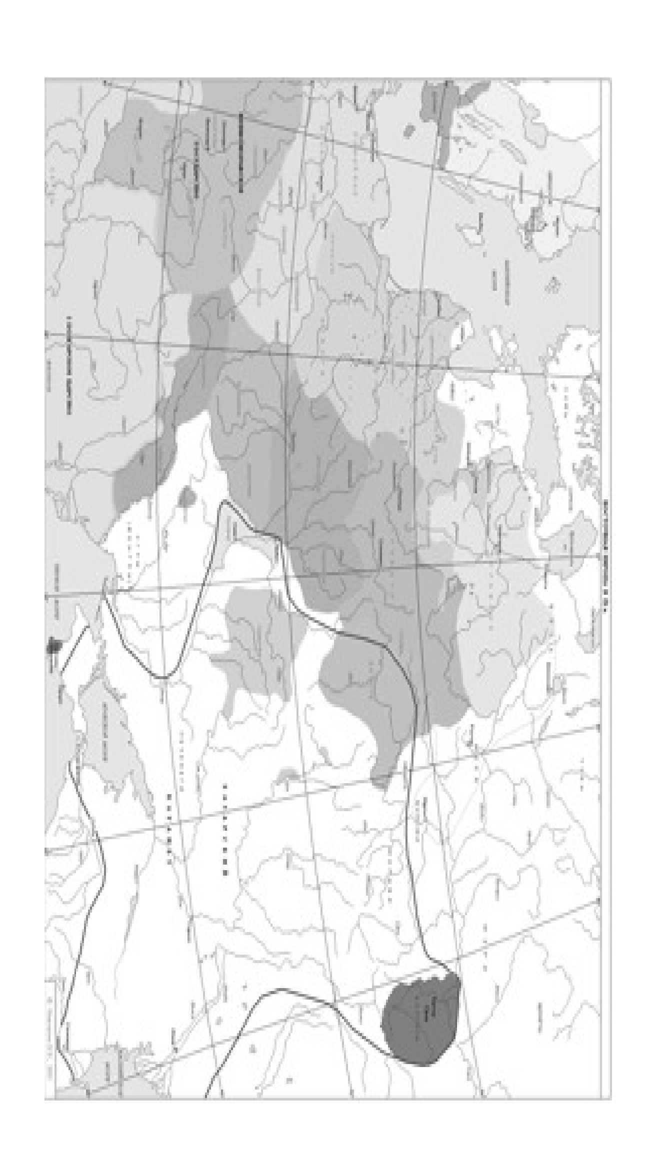
Максимального объема русская империя достигает в эпоху великого князя Святослава, который создает ту конфигурацию и архитектуру русских земель, к которой будет тяготеть Русь на протяжении всей своей истории. Святослав первым захватил Северный Кавказ, который стал русским еще до крещения Руси, в начале X века. Можно себе представить, какое это было огромное государство. Оно было полиэтническим, в состав его входило множество этносов, проживавших на территориях вокруг Киева и южнее, и в порогах, и в степи, и Святослав даже хотел перенести на Дунай, в Болгарию, русскую столицу. Таким образом, в начале нашей истории мы видим стремление объединить под одним и тем же стратегическим контролем лесную и степную зоны. Эти два элемента – Лес и Степь – будут постоянно повторяться в русской истории.

В принципе, субъектно русские мыслили себя всегда как лес, который должен защититься от степи. Для защиты от степи в низовьях Днепра, на его порогах строились первые вооруженные сооружения, валы, которые слабо, конечно, защищали от набегов печенегов, а позже половцев, но тем не менее изначально представляли собой, своего рода, геополитические фортификации в сознании жителей леса, стремящихся защититься от степи. Степь долгое время для русского сознания была чем-то враждебным, оттуда приходила опасность. Люди выходили из леса в степь биться, как мы видим в «Слове о полку Игореве»: русская земля за холмами, русские выходят в степь испытывать свою богатырскую удаль. Другими словами,

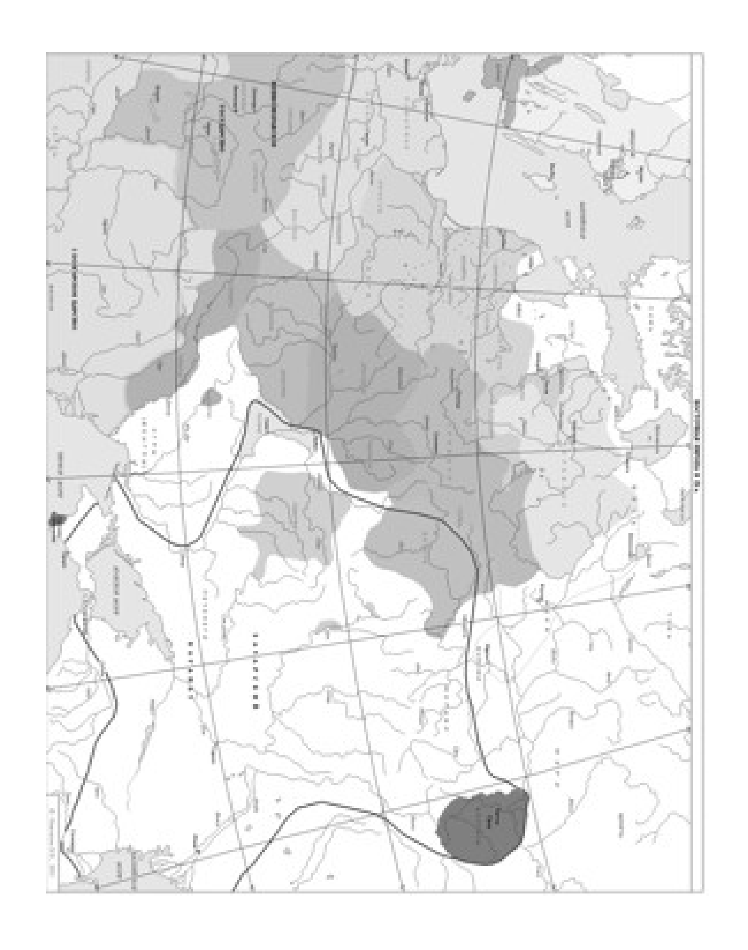
Карта 9

Восточная Европа в V-VII веках. Славяне и их соседи: финно-угры, балты и тюрки.

Карта 10

Славянские племена в IX веке и Хазарский каганат

Карта 12

Русь и ее соседи в XI веке

открытая, свободная, бескрайняя степь была территорией контроля других кочевых племен, в отличие от оседлых русских, и одновременно местом поединка и источником угрозы.

Так сформировался геополитический дуализм леса и степи. Русские мыслили себя как лес. Но уже при Святославе, то есть в X веке, мы видим, что делаются попытки присоединить к Киевскому княжеству и хазарские территории. Хотя мы, русские, разбили хазар как главного конкурента, существовавшего в качестве степной империи еще раньше, до нас, мы одновременно освободили место печенегам, которые пришли на место хазар и точно так же, как хазары, стали нас атаковать.

Затем, когда мы наконец с большим трудом победили печенегов совместными усилиями, пришли половцы, и все повторилось заново. Противостояние леса и степи является константой ранней русской геополитики. Однако уже на самом первом этапе, в эпоху Святослава, делаются попытки объединить лес и степь и основательно закрепиться на Северном Кавказе.

Таким образом, задача соединения Леса и Степи относится не к позднему периоду XVI-го - XVII го веков, но стоит у истоков нашей государственности, истоков нашей геополитики. Важно также то, что в период Тмутараканьского княжества, то есть еще в VII -- VIII вв., русские (из Тмутаракани) в значительной степени контролировали Крым. Поэтому когда говорят о принадлежности Крыма к России, это не только факт истории относительно недавних времен после окончательного поражения крымского хана, бывшего нашим довольно серьезным соперником в XVI в., когда он брал и сжигал Москву. Но это еще и очень древние претензии, поскольку Тмутараканьское княжество, Тамань, Таманский полуостров были центром нашей государственности очень давно.

Соседи Руси (социологический портрет)

Итак, противостояние Леса и Степи. Степь воспринималась как нечто враждебное, Лес – как «свое». Славяне киевского и более ранних периодов вели себя чрезвычайно активно. Во-первых, их было очень много. Славянами было населено все, вплоть до Эльбы, до острова Рюген на севере и до Балкан на юге. То, что сегодня называется Пруссией и Восточной Гер-

манией, было населено славянами – полабскими славянами, которые контролировали юг Балтийского моря. Откуда они пришли туда и как они смогли расселиться на этой территории, никто не знает. Славяне появляются довольно поздно, первое упоминание об антах – это V-VI вв. Что было с ними раньше, не понятно, но они возникают и в VIII-IX вв. вдруг начинают активно расселяться. Если описывать ситуацию в терминах теории Льва Гумилева, то имел место пассионарный толчок.
Кем были славяне того периода с геополитической точки зрения? Они были активными освоителями новых земель, торговцами и носителями культуры постнеолитической революции, то есть, они занимались земледелием и скотоводством, а также торговлей.

Это очень принципиальный момент, поскольку по сравнению с большинством населения лесов, лесной зоны древней Руси, они стояли на более высоком уровне технологического развития. И это предопределило специфику расселения славян по лесу. Когда мы говорим о «лесе», в целом, о лесной зоне, мы не должны забывать, что собственно сам лес был враждебной древним славянам стихией, потому что лес как таковой был оплотом финно-угорского начала. Финно-угры, которые в основном в лесу и проживали, были действительно люди леса, потому что они кормились преимущественно охотой, сбором грибов, ягод и ловлей рыбы, расселяясь в лесах и болотах. Несмотря на то, что славяне стали контролировать лес, сами они в значительной степени были речными людьми.

Вот тут как раз и получает подтверждение и развитие потамическая теория происхождения цивилизации[1]. Славяне селились вдоль рек, именно реки и лодки служили для древних славян, создателей русской государственности, главным источником жизни. Они подплывали к какому-то пункту на реке, сжигали лес и засеивали место зерновыми культурами. Потом, когда земля переставала плодоносить, они двигались дальше. Это была борьба с лесом и, в общем, наверное, с местным населением, которое лес воспринимало как часть самого себя. Славяне же смотрели на лес немножко издалека, из своей береговой зоны, с лодок. И поэтому в русском бессознательном

1 *Mackinder H. J.* The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951. *Cohen*

лес имеет много отрицательных сторон. Лес ассоциируется с чащей, с чем-то мрачным. Значит, славяне скорее всего не могут быть названы цивилизацией леса. Это цивилизация рек. Славяне – люди рек, которые интегрировали территорию через речные артерии. На севере они это делали успешно, заняв ключевые стратегические посты, а на юге им противостояли представители другой кочевой цивилизации, столь же высокой, как и славянская, поскольку они разводили скот.

В развитии народов есть очень важный культурный момент – это неолитическая революция[1]. Народы до неолитической революции получали продукты питания непосредственно из природы. А после нее люди стали заниматься выращиванием зерна и разведением скота. Они не вступали с природой в динамические отношения, характерные для народов до неолитической революции, но производили продукты сами, таким образом, между природой и культурой, как производной человека, возник определенный зазор.

Такие же процессы происходили в степи. Кочевники степи были очень высоко развиты, потому что они питались скотом, а охотились в меньшей степени. В основном, они кочевали со стадами своих лошадей, питаясь кониной и бараниной. Это в основном были животноводческие племена, с высокой степенью организации. Важный момент: и русские, и степняки стремились контролировать торговые пути. Уже тогда вопрос о пролегании торговых путей имел колоссальное значение, потому что как раз через Русь проходил путь «из варяг в греки», от Северной Европы до Византии. Он шел по рекам, по которым возились бобровые шкуры, мед, жемчуг, а с юга шелка, изделия из меди и серебра, иногда даже из золота. Все это циркулировало по торговым путям из варяг в греки, и русские были главными носителями этой торговли.

Русские захватили торговые пути в зоне лесов, видимо, вступая в особый договор с ее жителями. Откровенно говоря, наверное, этих жителей каким-то образом подавили и усмирили. Можно предположить, что были трения, о которых летописи, написанные русскими (а до русских летописи не писали) умалчивают. Но как бы то ни было, русские утвердились на

1 *M. N.* The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture. New Haven, CT: Yale University Press, 1977.

этих берегах и не собирались уходить, поставив под контроль торговлю и начав заниматься сельским хозяйством, разведением скота и посадкой зерновых культур Постепенно они срубали все больше лесов, расчищали землю, передвигались вновь, сжигали новые леса, занимаясь подсечно-огневым земледелием, и так далее.

К этому надо добавить, что степняки тоже стремились контролировать торговлю, они, по сути дела, брали дань за торговый путь из варяг в греки. Русские же все время пытались защитить этот маршрут, чаще всего безуспешно. Таким образом, и степняки были наследниками торговых степных империй, и русские были представителями своеобразной речной торговой империи. И как таковые они и утвердились в этом геополитическом пространстве.

Надо добавить, что по этому же пути, от Скандинавии до Черного моря и Византии, циркулировали варяжские дружины (еще один компонент), которые вместе со славянами участвовали, видимо, в укрощении мирного населения и установлении над ними своего собственного контроля. Варяжские дружины принимали участие в этногенезе русских, и их воинский дух, видимо, хорошо сочетался с характером славянских воинов, потому что славяне древних повествований VIII и IX веков были бесстрашные, мощные, гибкие, очень мобильные, динамичные люди, торговые и крайне агрессивные. Среди них преобладали свободные земледельцы.

Кроме обычных торговых операций славяне занимались иногда и работорговлей, однако в общей экономике древнерусского Киевского государства рабы большой роли не играли. Их брали как холопов, но русские, видимо, всегда отличались широтой души: рабы работали, потом вместе с семьей ели, назывались челядью, а потом становились членами семьи и, в общем, так и оставались. Славяне отличались большой степенью интегративности.

Видимо, налаживался контакт и с местными лесными племенами. Получилось, что постепенно местное, аборигенное финно-угорское население леса признало речных славян. Речные, конечно, старались в лес далеко не уходить, и там, где лес был погуще, там лесные полностью сохранились – в Мордовии, на севере Поволжья. А где лес был пореже или сла-

вян было больше, там происходило смешение славян с финно-уграми, особенно на севере и на востоке Киевской Руси.

Итак, в целом можно сказать, что геополитической задачей древней киевской государственности было стремление отстоять независимость от кочевников, интегрировать местное население, установить контроль на всем пространстве Киевской Руси. При этом периодически возникали проблемы с мадьярами, которые жили западнее, с другими славянскими племенами, в частности, с поляками, чуть позже в дело включились и немцы.

С Византией у нас были самые драматичные отношения, потому что до определенного периода византийцы считали себя главными потребителями нашей торговли, именно туда вели торговые пути. С другой стороны, мы периодически вступали с ними в политические противоречия. Этот конфликт и потенциал отношений с Византией сохранился даже после принятия христианства.

Социология древнерусского общества: восточные и западные факторы

Теперь рассмотрим, что представляла собой древняя русская государственность – Киевская Русь. Вообще, это была цивилизация городов-государств. Она напоминает Древнюю Грецию, не случайно скандинавы называли Русь «Гардарикой». В Киевской Руси в разных ее концах и разных ее пределах существовали разные модели формирования политических систем. Другими словами, существовало единое цивилизационно-стратегическое пространство, единое геополитическое пространство Киевской Руси, которое имело в себе множество разных политических вариаций. Начинается история Киевской Руси с призвания Рюрика. Новгородские славяне, словене вместе с кривичами и финно-угорскими племенами призвали Рюрика. Жители Новгорода, политическое устройство которого представляло, вечевую демократию, приглашали князя как бы по найму для организации и укрепления их благополучия. Это была инициатива не всего, конечно, русского населения, а лишь северных славян и, скорее всего, одних новгородцев, которые, по сути дела, просто наняли себе князя из варягов.

Были ли это чистые варяги, как считает норманнская теория, либо они представляли из себя варяжско-славянские смеси, как считает Татищев - вопрос открытый. Да это и не суть важно. Дело в том, что в тот период, видимо, сам стиль существования славян был очень похож на варяжско-скандинавский. И славяне, скандинавы активно плавали по тем же самым рекам и грабили все, что попало, одни и те же просторы и территории были для нас основными, только славян было больше и компактность их расселения по берегам Среднерусской возвышенности была намного выше. Варяги приходили туда отдельными отрядами. Иногда лни соперничали, сражались со славянами, а иногда смешивались, поскольку стиль жизни был приблизительно один и тот же. Это были носители еще одной, дикой, нехристианской варварско-языческой цивилизации. Часть пантеона русских князей потому явно носит нормандский, а часть – славянский хапактер.

Конвенциональным является сам факт призвания Рюрика. Скорее всего он пришел с варяжской дружиной. Есть даже точка зрения, что он был еще и этническим - либо полностью, либо наполовину - славянином. Это открытый вопрос, который, тем не менее, ничего принципиально не меняет. Вначале Рюрик достаточно тихо сидел в Новгороде, выполняя приказания. Но некто Олег, чья генетическая и династическая принадлежность не определена (то ли это был дружинник из войска Рюрика, то ли кто-то еще, по крайней мере, он был военным наместником, когда Рюрик умирает), спускается в Киев, берет город, убивает Аскольда и Дира, и объединяет Новгород, где впервые появилась наша государственность, с Киевом. А Киев – это уже серьезно.

Объединение Новгорода с Киевом создает новую геополитическую конструкцию. Обозначается первая силовая линия. Она очень проблематичная. И Новгород, и Киев будут выступать в разных ролях в геополитической истории. Торговый вечевой город Новгород нанял себе, видимо за хорошее вознаграждение, варяжско-славянского князя Рюрика. Его военачальник Олег приходит в Киев, убивает князей Аскольда и Дира, судя по всему, тоже варягов, которые приплыли в Киев первыми, а может быть, были и призваны (вот этого никто не знает) мощным киевским вече. Вече в Киеве было не такое сильное, как

в Новгороде, но, в принципе, ярко присутствующее. Почти во всех русских городах того времени были вечевые институты, и кое-где были князья. Например, у древлян, как известно, был князь Мал. Наряду с князьями было боярство и знатные люди -- так называемые большие люди,. То есть, были представители всех форм управления.

После взятия Киева начинается история Киевской Руси. Сам Олег совершает походы на Византию и на хазар. Хазар победить не удается, но возникает линия от Новгорода (а это далекий север), через Киев до северных границ Византии, до Болгарии. Болгары долгое время были нашими конкурентами. Болгария – это тюркское название, болгары -- тюрки, хотя, возможно, сами изначально древние болгары были смешанным тюркско-финно-угорским народом, которые с волжской Болгарии вместе с ханом Аспарухом перешли в нынешнюю Болгарию и смешались там со славянским населением, которое стали называть тюркским именем.

Конечно, русская политическая история очень сложна, и в ней было множество перипетий. Мы намечаем её только в общих чертах, приблизительно, освежая в памяти основные моменты. Конечно, самое интересное связано со Святославом. Киевский князь Святослав был сыном Ольги, жены Игоря, по одной версии, скандинавки, по другой версии - чистой славянка, принимает христианство. Где она его принимает – это вопрос открытый. Есть версия, что в Тмутаракани, в летописях говорится о ее посещении Византии, Константинополя. Некоторые критические историки говорят, что этого не могло быть в силу отсутствия какого бы то ни было упоминания этого события в византийских хрониках. Однако в сочинении Константина VII Багрянородного (17/18 мая 905, Константинополь—9 ноября 959, Константинополь) «О церемониях» существует свидетельство о втором приеме Ольги в 957 году, где с ней обращаются как с легитимной, крещеной правительницей Руси[1], при сопоставлении с другими сведениями взникает версия о ее первом визите и крещении в 955 году соответственно. Как бы там ни было, нужно признать: есть версия, что она была

1 Константин Багрянородный. «О Церемониях». Книга II. Глава 15. Второй прием Ольги Русской. // Е. Голубинский, История Русской церкви, I, II изд., М., 1901, стр. 99—102 (Constantini Porphyrogeniti libri II. de ceremoniis aulae Byzant. (Leipzig, 1751-66, ed. J. J. Reiske), vol. iii. (Bonn, 1829).

крещена либо в Киеве, либо в Тмутаракани, либо в Константинополе. Мы этого не знаем наверняка. Знаем только, что она приняла христианство. Ее сын Святослав оказался первым русским правителем, который создал империю. Святослав разбивает хазар, устанавливает, хотя и временно, свой контроль над Северным Кавказом, и набрасывает границы той империи, к которой русские будут возвращаться на всех этапах своей истории.

Святослав предлагает перенести столицу к югу, в Болгарию, но византийцы, которые выступали с ним в союзе, испугавшись усиления русских, его предают и помогают болгарам. До этого византийцы помогали нам справиться с болгарами, так как болгары оказывали давление на Византию. Это обычная история, в которой пока ничего религиозного нет - просто идет борьба за стратегический контроль. Империя Святослава по сути своей показывает самую главную цель русской геополитики – это интеграцию леса и степи и выход к теплым морям. Вот к чему тяготеют русские. И хотя это получит название «стратегической доктрины» лишь в XIX веке, уже в X веке, девятьсот лет назад, наши предки начинают строить империю и формулируют наши геополитические цели. Это интеграция пространства при контроле Леса над Степью и выход к теплым морям, то есть замыкание торговых путей в системе из варяг в греки и контроль над этой территорией.

Важнейшим центром древней Киевской Руси является Галицко-Волынское княжество, располагавшееся на территории современной Западной Украины. Это мощнейшие города-государства, с прилегающими к ним областями, имеющие очень самобытное, самостоятельное существование. Князья, которые правят Галицким и Волынским княжествами, крайне агрессивны, задиристы и постоянно становятся участниками различных переворотов, нападений и конфликтов.

В Новгороде, напротив, довольно устойчиво во всем киевском периоде сохраняется идея торговой вечевой республики. Новгород представляет собой огромную феодальную республику, которая находится на севере, на берегу гигантского озера Ильмень. И ильменьские славяне создают северную русскую империю, которая устанавливает контроль над лесными зонами чуть ли не до Северного Ледовитого океана. Это и есть

источник древней русской демократии.

Обратим внимание, что новгородцы позвали князя демократическим путем, заложив, по сути дела, монархию и централистское управление. И они тем не менее все время пытаются ускользнуть от той власти, которую что они сами нам на голову призвали. Через Новгород приходит к нам монархическая централизаторская царская власть, и сам Новгород постоянно, до XVI века, ей сопротивляется. Грозный окончательно замирил эту демократию. Таким образом, пятьсот лет, если не больше, новгородцы боролись за свою собственную политическую систему. Это родина политических институтов древней русской демократии и одновременно центр торговли. Интересно, что даже новгородские былины воспевают именно купца Садко и Василия Буслаева, который был просто хулиган и богохульник. Во всяком случае, ясно, что мы имеем дело с очень специфическим социокультурным, социологическим явлением русской древней демократии – разгульной, купеческой, торговой, и довольно скептически относящейся к монархической власти.

Киев – мать городов русских. Киев, Киевская Русь становится центром русской жесткой монархической идеи. Да, в Киеве есть вече, и иногда киевское вече определяет даже, какому князю править, особенно в эпоху усобиц и различных других проблем. Но Киев тем не менее осознается как престольный град, столица, престол великого князя. В истории киевского государства великокняжеский престол отличается от просто княжеских престолов тем, что великий князь считается отцом, руководителем всех остальных князей. Киевский престол занимают Рюриковичи по ветви старшинства, хотя постоянно оспаривают друг у друга это право, особенно когда количество Рюриковичей увеличивается в геометрической прогрессии и возникают трения между братьями и старшими дядьями, которые занимают различные, но не великокняжеские, княжеские престолы,. Существует долгое время также Тмутараканское княжество. И часть этого Тмутараканского княжества объединяется позже с Черниговым. Черниговское княжество представляет собой зону, заселенную северянами. Кто такие северяне с этнической точки зрения? Это древние тюрки савиры, которые ославянились, стали говорить по-русски. Вначале они были тюрками, потом савирами, северянами, потом стали

славянами, потом просто опять слились со всеми нами и растворились, заговорили по-русски. Значит, Чернигов и его зона влияния на территориях бывшего Тмутараканского княжества представляли собой единое политическое пространство, хотя и разделенное степной зоной. Эта интеграция была одной из стратегических задач ранней российской геополитики.

По ходу развития Киевской Руси русские князья доходят и на восток, и самой восточной точкой является Суздаль. Вначале Ростов, потом он уступает место Суздалю на севере, и потом уже строится Владимир. Все это на востоке. Города Ростов, Суздаль и особенно Владимир обладают значительно меньшими традициями вечевой культуры. Князья приходят туда с дружинниками и ограниченным количеством славян. Приходят из зоны Киевской Руси, заходя на восток. И там они встречают лесных финно-угров, которые не могут по настоящему участвовать в вечевом процессе, потому что они живут в лесу, а не в городах, построенных славянами. И, во-вторых, их на вече, видимо, не допускали и сами они туда не рвались. Они били белку, собирали ягоды и особенно не вмешивались в происходящее в княжеских столицах.

Этот элемент, упускаемый многими исследователями, является принципиальным для русской истории. На востоке Киевской Руси формируется структура княжеского управления со слабым вечевым сопротивлением. Возникает очень интересная модель формирования почти абсолютизма, где есть князь и есть те, кто ему подчиняются. Есть, конечно, вельможи, есть, конечно, младшие князья, но основная идея, если говорить о геополитической и социальной, о социологической идее Суздальской Руси, Суздальско-Владимирской Руси, это постановка монархической княжеской власти над другими сдерживающими институтами, в том числе вечевыми.

Итак, в разных концах Киевской Руси существует несколько векторов, по которым может развиваться русская государственность. Восточный вектор, воплощен в Суздале, где местным славянским населением были вятичи, которые дольше всех не вступали в Киевскую Русь и оставались вассалами хазар. Здесь и формируется жестко-монархическая вертикаль власти. В русской геополитике киевского периода восточный вектор и Суздальское (позже Владимирское) княжество вопло-

Карта 13

Русские княжества в XII веке

щает в себе идею, если угодно, абсолютной монархии, полного централизма, или, скажем, восточного деспотизма. Владимирско-Суздальский вектор, с одной стороны, самый восточный (обратим внимание, как пространство коррелирует с социологией). А с другой стороны, он самый деспотичный и жесткий: здесь вече играет меньшую роль, потому что эти центры создаются почти на пустом месте.

Новгород–Псков на севере – это центр демократии и вечевого капитализма. А на галицко-волынских территориях формируется аристократическая форма правления. Лишь однажды происходит единственный случай в киевской истории, когда галицкий престол захватывает высокопоставленный боярин - настолько невелика была разница между князем и боярами, то есть его высокопоставленными слугами. В Галиции и Волыни формируется аристократическая модель Руси – аристократическое управление. Несколько активных ярких рыцарей, которые могут претендовать почти на равные права вместе с князем. Да, вече есть в Галиции, но оно не так значимо. В основном вся политическая власть концентрируется в руках аристократической верхушки, где князь не сильно от неё отличается. Эта своеобразная модель отражается в былинах о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче, в русском фольклоре, в русских старинах. Именно в них описывается Галиция и существовавший в ней социально-культурный тип. Это будущий западнический вектор российской государственности.

Итак,в Древней Руси мы обнаруживаем восточный вектор геополитики – к централизму, к деспотизму, к Востоку, и того времени. И что поразительно? Здесь так же, как в Западной Европе, сильно влияние католической церкви. Есть на Руси и ориентация на Север, на демократию, в то время, как Киев уравновешивает все эти тенденции.

Любопытно, насколько интересная социально-геополитическая конструкция складывается в модели древней Киевской Руси. В Киеве есть великокняжеский престол, в Киеве есть и вече, то есть новгородский элемент. Княжеский престол такой же монархический и жесткий, как в Суздале и Владимире. В Киеве присутствует сильная аристократия, но не такая сильная, как в Галиции. Поэтому Киев становится уравновешивающей моделью для трех потенциальных путей русской государствен-

ности. Русская государственность в киевский период могла пойти по северному, восточному и западному путям, но общей точкой пересечения был Киев. Отсюда колоссальное значение этого города не только с точки зрения его стратегического положения, но и с точки зрения социологической модели власти, которая в нем утвердилась.

В геополитике ценности и интересы, или идеология и стратегия совпадают. Из такой модели следует, что это правило полностью подтверждается в рамках русской истории. Три, даже четыре ориентации – восточная, северная и западная, а также уравновешивающий центр – представляют собой не только различные географические пространственные ориентиры расширения или структуры нашей древней первичной государственности, но одновременно различные социологические и социополитические модели управления. Вот пример того, как пространство резонирует со структурой социально-политического устройства.

На основании Суздальско-Владимирского княжества разовьется в будущем и Московская Русь. Андрей Боголюбский – это уже прообраз Ивана Грозного. Это будущая Московская Русь. Андрей Боголюбский берет Киев в эпоху раздробленности и перемещает во Владимир великокняжеский престол. Перемещение великокняжеского престола в эпоху феодальной, удельной Руси в Суздальскую землю – уже означает трансляцию: не просто перенос центра империи, но перенос геополитической модели от уравновешивающей киевской к довольно жесткой, диктаторской или деспотической суздальской. Из этого вырастет все, где мы живем - Московская Русь. Вот он первый выбор славян, который фактически предопределяет нашу геополитическую судьбу. Пострадает больше всего – Новгород. Через него все началось, в него Рюрик впервые пришел, и он, в конечном итоге, пал последним оплотом северной демократии под ударами Москвы. Ну, а Москва – это просто новая столица Владимирско-Суздальского княжества.

В галицких и волынских князьях мы видим историю будущей униатской Литовской Руси и нынешней Украины. И как тогда они предлагали свою европейскую аристократическую модель против владимирско-суздальской, так сейчас «хохлы» ругают «москалей», как бы продолжая этот диалог между за-

падной и аристократической, европейской, напоминающей общеевропейскую модель и моделью азиатских деспотических москвичей.

Крещение Руси и геополитические последствия выбора св. Владимира

После крещения святого равноапостольного князя Владимира Киевского Красное Солнышко Россия отождествляет себя с восточным православием, с восточным христианством, и становится частью православной цивилизации, куда входят Болгария, будущия Румыния, Валахия и Молдавия (которых пока нет), большинство жителей Киевской Руси, естественно, греки и анатолийцы, часть сирийцев и все остальные народы, что входили в Восточную Римскую Империю.

Был период, когда первые проповедники христианизации славян святые равноапостольные Кирилл и Мефодий действовали в Моравии, в Чехии -- тогда был практический шанс обратить всех славян в православие. Для этого и был создан перевод Библии. Еще до собственно раскола противостояние между восточной и западной церквями проходило довольно интенсивно. Противостояние было связано с языком. Язык – чрезвычайно важное понятие. Католическая месса служилась только на латинском языке, а православная церковь предполагает возможность перевода богослужения на национальные языки, по логике глоссолалий – того, как апостолы в пятидесятницу заговорили чудесным образом в иерусалимской горнице на языках. Этот принцип глоссолалий применяется в православной традиции, обосновывая возможность перевода богослужения на иностранные языки.

Возникает славянская православная цивилизация, а часть славян уходит под папский Рим. Таким образом, славянский, еще полуязыческий, народ попадает с самого начала под влияние двух мощных геополитических центров, связанных с религией. Христианизация Руси – это чистая ортодоксия, это православие. И, обратим внимание, под православие подпадают восточные земли. Тот, кто к Востоку, тот становится православным. Тот, кто к Западу – католик. Православные предполагают различия этнических богослужебных языков, католицизм

настаивает на латыни. Католицизм объединяет Западную Европу, а православие объединяет Восточную Европу.

Мы теряем значительную часть славян, родственных нам, которые постепенно начинают интегрироваться в западную цивилизацию через католицизм. Возникает первая цивилизационная геополитическая граница, которая намечается уже в IX веке, с эпохи подвига славянских первоучителей Кирилла и Мефодия. Славянский мир делится: часть отходит в католическое пространство, а часть -- в греко-византийское. Мы становимся, безусловно, частью греко-византийского мира. Отметим, что Галицкое и Волынское княжество, игравшие огромную роль в эпоху Киевской Руси, становятся православными, но влияние Запада здесь ощущается сильнее. А уже до Суздаля с Владимиром, до Ростова Великого, естественно, католические тенденции вообще не доходят.

На юге нам геополитически противостоят степняки, и наша задача – от них защититься. На Западе нам противостоит католическая цивилизация, которая официально порвет отношения с православной в 1054 г., в год великой схизмы, великого раскола. К Востоку лежит особенно не беспокоящая нас территория, которую мы условно считаем пустой. На самом деле она очень густо населена различными народами, но, видимо, по сравнению с активными, носящимися по Среднерусской возвышенности славянами того периода, активностью этих народов тогда можно было пренебречь. Постепенно, возможно мы с ними смешиваемся и теряем какие-то навыки, которые нас поддерживали на первом этапе, зато нас становится больше и мы постепенно все захватываем.

Проблем востока на севере Heartland мы, строго говоря, не видим, хотя в Поволжье находятся булгары, а дальше сибирские царства. Это очень мощные центры, нынешний Татарстан и Казань. Но с ними отношения складываются «раевовесные»: то мы на них нападем и ограбим, то они на нас. Потом обмениваемся заложниками, какими-то кладами, друзьями. Это обычная история, здесь нет ситуации цивилизационного выбора. Сами булгары, конечно, другие, и к нам относятся, наверное, так же, как и мы к ним -- одновременно с недоверием и с симпатией, и с интересом, как любые народы относятся друг к другу. Но от них никакого мощного цивилизационного импуль-

са не исходит. Стратегически они нам мешают, но не являются фундаментальной преградой, потому что мы движемся на восток только до тех пор пока не встречаем активного цивилизационного сопротивления.

Север Руси контролируется Новгородом. И там возникает очень своеобразная социологическая модель. Русская демократия северного Новгорода очень напоминает древненорвежскую, древнегерманскую демократию и совершенно не похожа на демократию западноевропейскую. Она сугубо не римская. Она основана на всенародном представлении о сословиях, которые собираются на концах Новгорода, который является, в свою очередь, центром демократической империи. Каждому из этих концов новгородских принадлежат огромные земли на севере Руси. Иннами словами, Новгород -- это город - империя с очень специфической моделью демократии, резко отличной от католической. Здесь, скорее, сохраняются древние индоевропейские принципы демократии, напоминающие германский динк или скандинавский тинг.

Суммируя общую картину геополитики древнекиевского периода, мы можем сказать, что:

Киевская Русь, представляет собой район лесной части Heartland. Задача этой лесной части Heartland – отбиться от выпадов степи, укрепиться и в перспективе победить степь. Кстати, это нам удается при Святославе. Когда мы побеждаем хазар, мы еще не знаем, что скоро придут печенеги. Мы побеждаем степь и утверждаем над степью свой контроль. Другими словами, Святослав описывает те границы и направления, которые потом станут константами русской геополитики. Тот же самый Северный Кавказ и степь. Движение на юг из варягов в греки кончилось тем, что мы стали частью православного мира. Становясь частью православного мира, формально мы попадает под церковную юрисдикцию константинопольского патриархата, становимся одной из епархий этого патриархата, и с самого начала пытаемся выйти из-под него, получить самостоятельность. Мы только приняли православие, только крестили русский народ, и сразу пытаемся поставить, вопреки константинопольскому патриарху, митрополита Иллариона, русского славянина, которого выбирают русские епископы. Практически, это заявка на автономию при Владимире Моно-

махе. Это длится недолго, нам присылают другого, все-таки константинопольского митрополита и, соответственно, Русь опять становится епархией Византии. Но мы все время, на протяжении всей нашей истории, видим, что и в церковном, и в политическом смысле мы хотели быть независимы даже от Константинополя, частью которого, с точки зрения религиозно-геополитической, мы стали, поскольку религиозная власть константинопольского патриарха была очень серьезна и велика. Именно из Константинополя вплоть до XVI века и вплодь до падения Константинополя, мы и получали митрополитов. Поэтому Русь на всем протяжении своей истории до начала московского периода находилась под его религиозным контролем. Мы были частью восточно-православной цивилизации[1]. В то время признание сюзеренитета византийского императора было очень ограничено. Конечно, византийские источники говорили о том, что есть только один император, а все остальные – князья. Мы и не претендовали на то, что нами правит царь. Нами правил великий князь, можно было рассмотреть это условно, вписав в византийские правовые модели империи. Но конечно все это было очень относительно, потому что киевские великие князья себя вассалами константинопольского императора не признавали.

Социополитическая парадигма Киевской Руси и геополитические константы русской истории

Итак, Россия стала частью православного мира, борется со степью, движется на восток. У нас есть мощнейший запас новгородской и псковской демократии, а также есть вечевые демократии по всем городам, но они так или иначе уравновешены, в частности. в большинстве городов княжеской властью. Коегде складывается аристократическое правление, ярче всего в западных областях. И на всем протяжении от Балтики до Черного моря мы постепенно входим в конфронтацию с давлением цивилизации Запада.

Вот она – судьба России на протяжении последующего тысячелетия до сегодняшних дней. Мы обрисовали события

1 *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: 1998.

X века девятисотлетней давности. Если мы внимательно проследим за каждой из этих тенденций, мы увидим, во что они превратились сегодня, как они живут, как они действуют, как русская территория то сужается, то расширяется, то опять сужается, то опять расширяется. Как между собой балансируют различные тенденции в социальном и политическом устройстве, и как эти социальные и политические тенденции связаны с географическими ориентациями, то есть, собственно, с геополитикой. Таким образом, описанная картина киевского периода предвосхищает в значительной степени всю нашу геополитическую историю в будущем.

Киевский период делится на несколько этапов. Первый этап можно назвать этапом объединения, когда, в общем, из одной только новгородской земли с несколькими окрестными племенами образовалось достаточно крупное государство. Конечно, Рюрик еще не был великим князем всех будущих русских. Он был просто нанятым «менеджером» одного Новгорода, и таким он, видимо, и умер. Но постепенно его потомки объединили гигантскую территорию от Новгородской земли до Болгарии под единым контролем киевского престола, создав славянскую империю, единое киевское государство. Потомки Игоря, потомки Святослава, потомки Владимира Святого и более поздние князья получали в удельное владение различные княжества, но великий князь все равно сохранял свой престол в Киеве и удерживал некоторое время единство Киевской Руси. Этот период – так называемый золотой период киевской государственности, который заканчивается после Владимира Мономаха и в период правления Всеволода Большое Гнездо. Это уже начало удельной Руси.

Чтобы закончить краткое описание киевского периода, можно отметить, что как ни странно, начинается он с больших территориальных и более универсальных, более мощных этапов и тактов, нежели заканчивается. То есть, если говорить о прогрессе, то в некоторых странах, в некоторых обществах, в некоторых случаях, в некоторых культурах мы можем увидеть прогресс и действительные улучшения, а в некоторых можно обнаружить регресс. И киевский период, если взять его отдельно в русской истории, мы, конечно, наблюдаем как вспышку, причем, почти без подготовки, как будто звезда взрывается и

остывает.

Золотой век киевской государственности – это эпоха произнесения митрополитом Илларионом своего знаменитого «Слова о законе и благодати». Это текст на древнерусском языке, который предполагает такой уровень интеллектуального восприятия, который в России больше уже, по нашему мнению, не был достигнут. Люди, которые слушали на русском языке митрополита Иллариона о законе, благодати, иудаизме, Новом завете, христианстве, обладали таким серьезным богословским самосознанием, которое сейчас уже не встречается. Не понятно, кто сегодня смог бы понять то, о чем говорил митрополит Илларион. Нам представляется, что практически никто.

Мы тысячу лет развивались и доразвивались до того, что то, что было в начале нашей истории, сейчас нам абсолютно не понятно. Мы говорим о демократии, но новгородская и псковская демократия, и вообще вечевая демократия, были высокими образцами прямой демократии, которая не позволяла совершать над людьми никаких манипуляций, потому что люди, когда они выбирали того или иного человека, принимали то или иное решение, видели, кого они выбирают, размышляли об этом решении, могли спорить. И очень часто вечевые собрания заканчивались настоящей дракой, а это значит, что людям было не безразлично, чем кончится обсуждение того или иного вопроса.

В тот же период происходила христианизация Руси. Это важнейшее событие, потому что христианская идеология – очень глубокая метафизическая традиция. Сегодня большинство интеллектуалов и ученых вообще не могут ничего понять в православной теологии. Но в X и XI веках мы видим митрополита Иллариона, который свободно рассуждает в богословских терминах. А кто-то его еще и слушает. Ведь не сам себе же он это рассказывает, и не трем монахам, если до нас дошло «Слово о законе и благодати»» в списках, во всех рукописях. И это классика русской литературы[1].

Другими словами. Возможно мы имеем дело с Киевской

1 Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона в «Библиотека литературы Древней Руси» / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 1: XI–XII века

Русью как с непревзойденным пиком нашей истории, когда даже для девочек, для их воспитания в духе христианского вероучения, существовали учебные заведения.

Киевский период – это действительно настоящий Золотой век нашей русской истории. Золотой век, который вспыхивает на фоне какой-то неизвестности, каких-то исторических провалов. Ведь в то время о славянах было очень мало упоминаний. И вдруг, во мгновение ока возникает гигантская империя почти на пустом месте, где конечно, есть какие-то леса, какие-то собиратели грибов, где, разумеется, существует что-то очень интересное, но совершенно не историческое, живущее в своем тихом режиме. И вдруг – вспышка, и создается то, что потом предопределит все остальное. В Киевской Руси мы можем найти не карикатуру на демократию, как сегодня, а настоящую прямую демократию, демократию соучастия народа в своей собственной судьбе. Мы видим настоящих рыцарей и подлинное посвящение в рыцари в Галицко-Волынском княжестве, или турниры. Мы видим провозвестие московского самодержавия в лице тотальной авторитарной власти в Суздальской Руси. Мы наблюдаем центр всего этого великолепия в Киеве. Мы видим Тмутараканское, Черниговское княжества на юге и востоке. И в какой-то период мы наблюдаем также разбитых поверженных хазар.

В эпоху Святослава, в эпоху Владимира Красное Солнышко Русь представляла собой некий идеал. Мы победили почти всех, кого только могли, освоили гигантское пространство и, в общем, в полной мере реализовали на тот период свои геополитические интересы, создав свою самобытную культуру, свою самобытную государственность и проявившись, войдя в историю как народ. Это начало, это только начало, это первые сделанные два-три шага. А дальше – все это угасает. Князья - бурные, яркие, активные, хваткие. Им уже мало места, они уже не могут покорить, например, мадьяр, и начинают схватку между собой. И ту явную пассионарность, благодаря которой строилась гигантская Киевская Русь, они начинают обращать вовнутрь. Русь становится удельной, и дальше уже возникает «Плачь о погибели земли русской», потому что брат идет на брата, население опустошают собственные княжеские дружины, возникает отчуждение народа от власти, власть становится

самостоятельной, Русь рушится.

Резкая вспышка, движение вверх и потом медленное, мягкое угасание. Поэтому ни о каком прогрессе речи быть и не может. Да и эта молниеносная вспышка русской воли, русского духа, создающего основы нашей геополитической истории, тоже не прогресс, потому что это событие возникает буквально чудесным образом. Было пустое место, и возникла огромная, прекрасная страна городов, царство городов, населенное высокоинтеллектуальными образованными людьми. После принятия христианства, кстати, мы вводим правила об отмене смертной казни и кровной мести. Это были для законодательства того времени вещи совершенно беспрецедентные. Другими словами, это была эпоха высшей демократии, гуманизма, солидарности, классового баланса и ясной стратификационной модели, где доминирующим производителем является не раб, не холоп, а свободный труженик, вообще никому не подчиненный. Конечно, он платил дань. Но он всегда платил дань либо своим, либо чужим. Когда крестьянин занят производственным трудом, он не может сосредоточиться на военной защите себя. Поэтому он откупался либо от своих, либо от чужих, он отавал дань всегда. Так и мы платим налог, и мы своего рода данники. Мы получаем деньги и платим подоходный налог. Налог на что? На то же самое – на содержание государственных органов, на различные бюджетные программы. Тогда было то же самое.

Тогда была эпоха свободных землепашцев, благородных князей, высокоразвитых жителей городов, которые представляли собой демократически-аристократически-монархическую модель политического управления, женское образование, высокий уровень теологии, отсутствие смертной казни в законодательстве.

Эпоха киевской государственности является для нас, с одной стороны, геополитическим, заветом, а с другой – социологическим образцом, потому что, если мы внимательно посмотрим на киевский период и осмыслим различные социологические модели, которые формировались и кристаллизовались в тех или иных уголках Киевской Руси на раннем, на первом этапе нашей истории, мы прочтем в этом рассказе всю нашу будущую историю. Вот та матрица, тот кристалл, который

будет разрастаться, пульсировать, который будет доходить до гигантских пространств, потом сужаться и коллапсировать. Но алгоритм русской истории, геополитический и социологический одновременно, заложен именно в киевском периоде.

Такое описание, конечно, ставит в тупик марксистов, либералов и западников, потому что мы видим совершенно самобытное государство, которое и западное и не западное, восточное и не восточное одновременно, и христианское, и отличное от западноевропейского христианства. Иными словами, в киевский период мы находим все, и все в самом хорошем качестве. Мы находим русского митрополита, которого не было потом практически никогда. Мы находим свободу, находим жесткость, находим рабство, находим свободных землепашцев, находим демократию, находим авторитаризм, аристократию. Чего здесь только нет. И самое интересное, мы находим империю, все типы политических моделей, и все типы геополитических ориентаций, которые можно себе только представить.

Библиография:

Аксаков И.С. Иван Аксаков в его письмах. М., 1888-1896.
Аксаков И.С. Сочинения в семи томах. М., 1886-1887.
Аксаков И. С. У России одна-единственная столица. М.: Русский мир, 2006 г.
Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт Русской Цивилизации, 2009.
Антонов К. М. Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект, М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006 г.
Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Томск: Водолей, 1996.
Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство ""Лань"", 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Византизм и славянство. Великий спор. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
Герцен А. И. Сочинения: В 9-ти т. М.: Гослитиздат, 1955.
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004 г.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: 1967.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. О термине "этнос" // Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.
Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Алгоритм, 2007.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ, Харвест, 2008 г.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством, М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.

Дугин А.Г. Основы евразийства. М.: 2002.
Евразийская идея и современность, М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2002 .
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.
Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. СПб.: Изд-во "Владимир Даль", 2002.
Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. М.: Молодая гвардия, 1992.
Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964.
Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: 1998.
Савицкий П.Н. Континент Евразия, М: Аграф, 1997.
Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма (1840-1876). М., 1997.
"Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред*. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко*. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997.
Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история, СПб., 1997.
Фроянов И.Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991.
Cohen M. N. The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture. New Haven, CT: Yale University Press, 1977.
Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The. Geographical Journal. № 23.1904.
Mackinder H. J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951
Mill J.S. On liberty and other essays. Oxford: Oxford University Press, 1998

Глава 5. Геополитика и социология монголосферы (XIII-XV вв.)

Геополитика Турана

В геополитической картине мира есть такое понятие, как «Туран». Под Тураном принято понимать степную зону Евразийского континента, простирающуюся к северу от череды Евразийских гор и доходящую до европейской Трансильвании. «Туран» – это понятие древней сакральной географии, которая предшествовала геополитике. Термин «Туран» встречается в иранской культуре в Шах-наме у Фирдоуси[1] в противопоставление Ирану. Южнее Памирских гор находится Иран, представлявший собой, в историческое для нас время, как правило, оседлых ариев, которые называли себя иранцами или арийцами. «Арий» на древнеиранском языке означало «благородный». Такой же смысл это слово имеет и в Индии.

В географической картине Евразии южнее Памирских гор мы видим оседлые цивилизации – Китай, Индию, Ирак, Вавилон, до этого Междуречье, Ближний Восток, Египет. То, что находится южнее этой череды гор, как правило, оседлые цивилизации. А в степи – кочевые. Поэтому динамика «оседлый Иран - кочевой Туран» составляет некую пару географических и геополитических понятий, чрезвычайно важных с точки зрения генезиса цивилизационной карты, с которой мы имеем дело даже сегодня. Именно против Турана построена Великая Китайская стена. Она была поставлена против степных кочевников, которые периодически нападали на оседлых китайцев с севера. Эти же кочевники периодически вторгались, особенно через территорию Афганистана, а также с севера в Иран, , и в частности, сегодня северная часть Ирана заселена преимущественно тюркскими племенами, наследниками кочевых племен Турана. Это так называемые южные азербайджанцы, со столицей в Табризе, в котором проживает в три раза больше азербайджанцев, чем в северном Азербайджане. Азербайджан – это также иранское по происхождению образование.

Понятие «Турана» в иранской сакральной географии оз-

1 *Фиурдоси. А.* Шахнаме: В 6-и томах. М.: Наука, 1989

начало понятие зла. Иран был добром, светом, оседлые арии воспринимались как позитив, как свет, а жители Турана интерпретировались как нечто отрицательное, как некое темное начало. Хотя с этнологической точки зрения в значительные периоды Туран контролировался арийскими племенами, но это были именно кочевые арийские племена. Эти два понятия – кочевые и оседлые народы – в генезисе геополитических и социальных моделей имеют очень большое значение. Одни культуры являются оседлыми, другие -- кочевыми. Туран – это место кочевой культуры и одновременно степь и пространство обитания различных народов.

Систему Турана можно рассматривать не только как определенную чисто географическую, но и как социологическую реальность. Обратим внимание, какую функцию в противостоянии у Фирдоуси в «Шах-наме» играет Туран: это народы зла. В этносоциологии существуют понятия о негативном гетеростереотипе и позитивном автостереотипе. Вот пример геополитического применения этого социологического принципа – иранская цивилизация осознавала себя как позитивный автостереотип, а туранцев наделяла негативным гетеростереотипом. Происходила социологическая демонизация: оседлые не понимали и демонизировали кочевников.

Нечто подобное встречается и севернее степи, то есть в славянском лесе, объединенном в Киевскую Русь. Славянские, преимущественно оседлые, народы также воспринимали степняков как носителей демонического, злого начала. Таким образом, геополитика и социология между собой связывались в этом отношении. Население степной зоны, практиковавшее, преимущественно, скотоводство, противопоставлялось населению оседлой зоны южнее этих гор. Приблизительно такое же представление есть у китайцев, которые говорят о демонах севера и кочевых народах Турана, воспринимая их как абсолютное зло. Меньше с ними контактировали индусы, поэтому основной удар кочевников брали на себя на юге иранцы и китайцы.

Туран - оплот теллурократии, «Разбойники Суши»

Вспомним идею Х. Макиндера о «географической оси исто-

рии». В своей главной статье, в которой постулируется геополитический метод, Макиндер говорит о таком явлении, как «разбойники Моря» и «разбойники Суши»[1]. Это две инновационные научных метафоры Макиндера, которые определяют два типа цивилизационного подхода. Разбойники Моря, с его точки зрения, это те мореплаватели, которые захватывают различные земли по ходу морских путей. Британская империя была типичной империей пиратов или разбойников Моря, которые плывут, высаживаются, колонизируют и плывут дальше.

Форма освоения мира через море – дело так называемых «разбойников Моря». Это носители «талассократической цивилизации», «морского могущества», «Sea power». Им противостоят «разбойники Суши». При этом, с точки зрения Макиндера, именно в степных зонах максимально видно то сухопутное, теллурократическое направление, которое формирует власть, могущество Суши, Land power. Именно «разбойники Суши» несут в себе альтернативный «Sea power» геополитический импульс.

Он, разумеется, может зародится не только в глубине суши Турана. Есть еще Аравийская пустыня, которая создает теллурократический земной сухопутный халифат, другие локальные степи, но основное сердце импульса, создающего теллурократическую цивилизацию – это так называемые «разбойники Суши». Разумеется, «разбойники» условно. По Макиндеру, речь идет не о легальности или нелегальности, например, действий морских или степных завоевателей. С точки зрения Макиндера и с точки зрения его геополитической схемы, речь идет о пассионарном трансграничном импульсе. Дело в том, что и разбойники Моря и разбойники Суши принципиально не признают естественных границ цивилизаций и вторгаются туда, куда могут. То есть, они несут в себе некое экспансионистское начало, и именно эти два импульса –разбойников Суши и разбойников Моря – лежат в основе двух типов империй – морской и сухопутной. Эти две империи (несколько забегая вперед) отличаются, в первую очередь, отношением к завоеванным землям. Морские империи превращают завоеванные земли в колонии, а сухопутные империи превращают завоеванные земли

1 *Mackinder H. J.* The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. Op.cit.

в провинции.

Какая разница между колонией и провинцией? Колония находится за морем. И если местное население колонии восстанет или кончатся ресурсы, территория будет полностью ограблена; завоеватели, колонисты, сядут на свой корабль и уплывут подальше, полностью бросив на произвол судьбы эту территорию-колонию. Когда представители сухопутных империй захватывают новые земли, они присоединяют их к своей территории, и те превращаются в провинции. Жители этих провинций, например, провинций Римской империи, которая была сухопутной империей, становятся гражданами этого сухопутного государства, практически такими же, как граждане, живущие на первоначальной территории государства. Здесь речь идет об интеграции.

Теперь, зная социологический принцип «установки эксклюзии–инклюзии», можно сказать, что в сухопутных империях доминирует принцип инклюзии, инклюзивной экспансии: они расширяются, чтобы включить в себя. А морская, колониальная империя строится на принципе эксклюзии. Они включают, но лишь частично. Море не позволяет интегрировать колонии в метрополию полностью. Между метрополией и колонией остаются различия, причем стихия морской поверхности, а не просто расстояние создает фундаментальную границу. Жители колонии – это не граждане морской империи. Жители провинции – это граждане степной сухопутной империи. В этом принципиальная разница, и эта разница аффектирует цивилизационные установки и устои разных стран на всем протяжении истории.

Степь в русском языке также называется словом «поле». Существуют два слова в русском языке: «мир» и «свет», которые означают приблизительно одно и то же. При этом «мир» означает «уют и безопасность». А «свет» означает «чисто поле». Он обычно белый. Белый свет или чисто поле. Когда мы в древних легендах читаем, что богатыри отправляемся в чисто поле, это означает не просто движение, но что они покидают лес и выдвигаются в степь. Когда богатыри уезжают в чисто поле, они отправляются на завоевание Турана -- иного по отношению к лесу ландшафта. Поэтому пришествие в чистое поле – это попытка открыть для себя дополнительное измерение Турана. Напомним, что Святославу это удается, и

он интегрирует в империю территорию между Черным морем и Крымом, степную область, прилегающую к Азовскому морю, и низовья Днепра и Дона, которые всегда оставляли столько проблем.

На территории Турана существовала среда кочевых империй. Кочевой образ жизни предполагает постоянное перемещение вдоль системы пастбищ. И цивилизация, народ движутся за скотом, поедающим траву. Иными словами, степи или территория Турана на протяжении тысячелетий периодически объединялась под тем или иным началом. Некоторое время степь Турана контролировалась скифами. Наиболее древняя известная нам кочевая империя – это империя скифов. Позже приходят гунны, сарматы, в XI – XII вв. приходит тюркский каганат, так называемая Голубая орда[1]. Он был достаточно непрочным, но объединил Туран под эгидой нового народа, который внезапно вспыхнул в алтайских горах, в долине Эргенекон - тюрок, которые затем давали огромные волны тюркских энергетических потоков, объединявших Туран. И также потомками скифов были сарматы, потомками сарматов были аланы, ассы и современные осетины. Это наследники арийских туранцев, то есть кочевых ариев. Нынешние осетины – это прямые наследники тех, кто контролировал некогда гигантские пространства Турана от Манчжурии до Трансильвании и Паннонии, то есть вплоть до Европы, где по Приднестровью и Венгрии продолжаются степные зоны, заканчиваясь только в Трансильвании. Вся эта зона представляет собой Туран. Она периодически объединялась и интегрировалась в одно геополитическое образование, которое всегда имело свою социальную специфику. Эта социальная специфика Турана заключалась в молниеносности, в неопределенности, в постоянной подвижности, в гибкости ее властителей. Это была плавающая динамическая империя.

Когда греческие, а позже римские войска и другие завоеватели, вплоть до Наполеона и Гитлера, попадали в область Турана, в сердцевину евразийской модели, они все время наталкивались не на то, что они предполагали. Они видели перед собой оставленные города, голые степи, безмерную пустоту, отсутствие врага. Радуясь, они двигались вперед, но потом за-

1 *Гумилёв Л.Н.* Древние тюрки. М.: 1967.

мечали, что слишком далеко оторвались от своих баз, от черноморских или европейских обозов. И сзади вдруг, откуда ни возьмись, из тьмы на них нападали свежие и бодрые азиаты или степные арии и резали всем глотки. Жители Турана сдают свои земли, потому что понимают, что речь идет о живом и динамичном начале, а не о какой-то фиксированной позиции. А представители оседлых цивилизаций считают, что им достаточно захватить высоту и все будет в порядке. Туранцы демонстрируют, что как захватил, так и потеряешь высоту. Они все отдавали, а потом все отбирали назад, и уничтожали всех подряд. Скифские воины были на службе и у сирийских царей, и в Византии, и в Риме, это были воинственные народы. Это было доминацией, если угодно, воинского начала.

Строительство Монгольской империи (этапы, этика ясы) – социальные идеи Чингисхана

В период возникновения монгольской империи Чингисхана Туран представляет собой разрозненную этническую систему. На территории донских степей жили половцы, на территории от Причерноморья до Южной Сибири -- разные другие кочевые народы, в основном тюркского происхождения. На территории нынешних Монголии, внутренней Монголии и на прилегающих районах Сибири проживали племена тунгусов, меркиты и разрозненные монгольские племена, не родственные тюркам, но представляющие одну из разновидностей огромного разнообразия туранских этносов.

В одном таком монгольском племени и рождается маленький князь Темуджин, имеющий очень небольшое наследство. А вокруг него раскинулись китайское многотысячелетнее царство, иранское царство, индийские государства, Европа, Киевская раздробленная Русь удельного периода, занятая внутренними склоками. И сама степь представляет собой множество разных племен, находящихся в состоянии хаоса. Темуджин появляется на свет в ситуации полной раздробленности Турана и относительной консолидации Китая и Ирана. Никаких шансов в этой ситуации построить не то, что империю, а просто заработать себе на жизнь, в общем, не было. Дальше начинаются вещи, которые с трудом укладываются в человеческом созна-

нии. Постепенно этот сначала ребенок, а затем юноша, у которого меркиты, кстати, угоняют жену Бортэ, которую он очень любил, начинает превращаться в великого воина. Вначале он справляется со своими местными врагами и становится на путь войны. Темуджин объявляет войну всем. Лев Николаевич Гумилев замечает, что у него были явные отклонения, потому что с детства он боялся собак[1]. Для монгола, монгольского мальчика собаки – это нечто обычное. Если он боялся собак, значит, у него были проблемы с психикой. И в какой-то момент эти проблемы стали проблемой всего остального человечества. Потому что он сказал: «Я избран небесами». Это подтверждает шаман и провозглашается цель – завоевание вселенной. Через некоторое время в Монголии вокруг Чингисхана создается уже огромное мощное царство.

В чем секрет Чингисхана? Очень трудно сказать. Возможно, это необъяснимая вещь, но тем не менее можно проанализировать, в чем был его основной принцип. Чингисхан считал, что это туранская этика, которая воплотилась в своде его заветов, называемых «Яса монголов». От этой «Ясы» остались только фрагменты. Она содержала в себе свод социальных законов Турана. Принцип мог быть сформулирован так: «Нет худшего преступления, чем предательство. Ты можешь быть каким угодно, но если ты предаешь, вырезают тебя, твою семью, твоих родственников, твоих друзей, твоих соплеменников. Если предает князь какого-то государства, вырезается это государство, все его жители. Это первое. Второе – нет хуже преступления, чем трусость. Если человек трусит, вырезается он, его семья, его родственники. Если какой-то князь струсил, вырезается население этого княжества и полностью сжигается».

Что это означает? Это целый этический завет. Быть верным и бесстрашным. А дальше все будет в порядке. Дальше Темуджин организует всю свою вначале крошечную, а потом гигантскую армию по отрядам, тысячам, задача которых довольно проста: быстро передвигаться и убивать всех подряд, кто не сдается. А тот, кто сдается, сразу становится дополнительным и отрядом. Никакого этнического предпочтения. Поэтому армия Чингисхана, которая вначале состояла из его род-

1 *Гумилев Л.Н.* «Древняя Русь и Великая степь», Астрель, АСТ, 2004.

ственников и людей из одного с ним селения, через некоторое время состояла из разных племен. Через десять лет она состояла из сотен народов, которые следовали за ним, потому что он предложил очень простую логику бытия. Он предложил два правила: не трусить и не предавать. Кто трусит и предает, того уничтожают сразу[1].

Как выяснилось, цивилизации, которые окружали очаг нового туранизма, возрождающегося харизматического туранизма, постоянно хитрили и юлили как китайцы, пребывали в роскоши, как иранцы, и предавали друг друга как, например, русские или половецко-кипчакские князья, находящиеся постоянно во вражде.

Идею не предавать и быть храбрым Чингисхан заложил в основу свой «Ясы». Еще одна из идей его «Ясы» заключалась в уважении религии и не уничтожении людей другой веры, какой бы они ни была. То есть во всех его страшных завоеваниях был еще один принцип: не уничтожать людей веры. Люди веры - святые, пусть они себе верят. Большинство в армиях Чингисхана состояли из представителей буддизма, местного монгольского шаманизма и несторианства, христианской ереси, которая была распространена среди уйгуров, тюркского народа, обитавшего на северо-западе Китая, в Тохарии, где до этого жили тохары. Сейчас это Синьцзянь-Уйгурский автономный округ. Таким образом, веротерпимость, абсолютная воля к мировой глобальной империи, уверенность в том, что речь идет о новом короле мира в лице самого Чингисхана, и простые принципы «не предавай и не трусь», создавал колоссальную во мгновение ока империю. И Чингисхан объединил Туран. Империя Чингисхана при его жизни достигла совершенно невероятных пропорций. Он захватил гигантский Китай, где и была позже основана ставка великого хана. Ее перенесли из Монголии. Он завоевал Иран, весь Ближний Восток, дошел до Паннонии и Трансильвании, по ходу дела захватил всю Русь, вплоть до Киева и самой крайней западной части Киевской Руси, Галицкого княжества, и практически при жизни интегрировал всю Евразию под своим руководством. Монгольская империя была, с точки зрения территории, самой крупной им-

1 *Хара-Даван Э.* Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера. — М.: Аграф, 2002.

Карта 14

Завоевания монголов – максимальная граница Монгольской Империи

Карта 15

Карта монголосферы в конце XIV века

перией мира. Она расцветала в то время, когда Европа была просто захолустьем, и была самой, пожалуй, прогрессивной с точки зрения транспорта. Из одного конца в другой можно было добраться за неделю за счет ямского принципа, при котором повсюду были точки смены коней. И посланцы Чингисхана всегда скакали на полном скаку, поскольку точки смены лошадей были распределены так разумно, что можно было всегда найти свежих коней ровно в тот момент, когда кони должны были бы уже устать и перестать двигаться. Благодаря четкой логистике пространства была выстроена модель самых быстрых на тот период коммуникаций[1]. Фактически вся территория Евразийского континента была под властью Чингисхана.

Чингисхан, таким образом, стал воплощением того, что можно назвать теллурократией или сухопутным могуществом. В его монгольской империи наличествуют все те элементы евразийской или сухопутной модели, о которых говорит геополитика. Поэтому империя Чингисхана является образцовой для всех исторических сухопутных империй. Конечно, сухопутной империей была и Римская империя, и Российская империя, и арабская империя, Арабский халифат, но тот объем завоеваний, та кристально ясная социологическая логика туранизма, которую воплотил в своей империи Чингисхан, являла собой образцовый проект сухопутной геополитики.

Правда, эта империя недолго простояла. Уже после смерти Чингисхана она разбилась на четыре части: Китай, Персия, Джагатайская империя, это современный Туркестан, Центральная Азия, и Улус Джучи, который был самой западной частью империи Чингисхана. Властитель китайской части империи Чингисхана был великим ханом, остальные три хана ему подчинялись. По крайней мере, еще некоторое время.

Вторжение на Русь, аннексия русских княжеств к Улусу Джучиеву (социальный контекст Золотой Орды)

Нас интересует Улус Джучи. Его столицей был город Сарай, недалеко от современного Волгограда. В Улус входили терри-

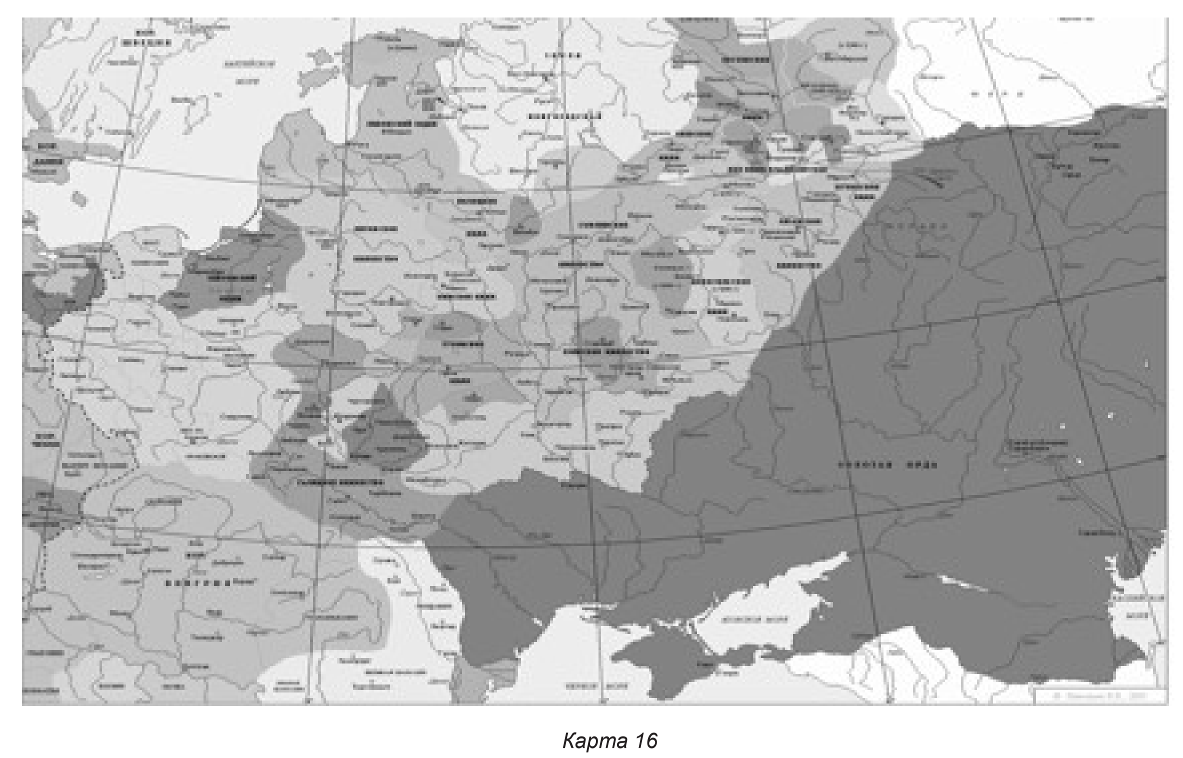
1 *Якунин В.И.* Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005.

тории как степной, так и лесной частей, включая бывшее болгарское царство, ставшее потом казанским ханством. Эта территория, конечно, значительно превышала размеры империи Святослава, но имела с этой империей очень много общего. Она включала в себя лес, и она включала в себя степь. Поволжье, это тоже лес, лес булгарский и русский.

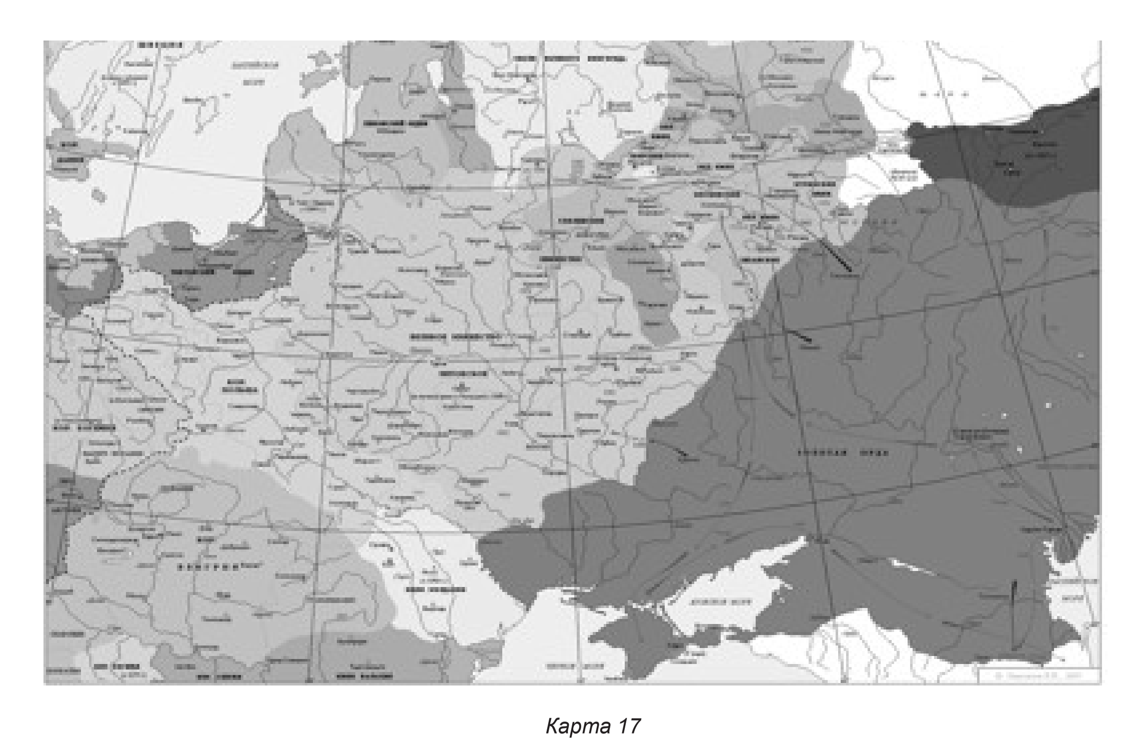
Когда Батый вторгся на территорию Руси, русские попытались оказать ему сопротивление. Но через некоторое время вся Русь - и западная, и восточная, и северная - пала. Она пала, и была интегрирована в монгольскую империю. А конкретно – в ту часть монгольской империи, в одну из четырех частей, которую представляет собой Улус Джучи.

Начинается принципиально новый этап геополитической миссии России. Русские становятся частью мировой империи. Мы никогда в такой ситуации не были. Мы, в общем-то, имели выход на универсальные перспективы через Царьград по принятию нами православия, но это касалось нашей религиозной идентичности. Вассальные отношения киевского князя с константинопольским императором никогда не заходили далее формальных условий. Одновременно Россия, Русь участвовала в западноевропейской политике, наши князья вступали в войны и конфликты то на стороне одного, то на стороне другого европейского правителя, но в этом отношении мы особенно ничем не отличались до монголов от обычного западноевропейского княжества, обычного западноевропейского государства, вяло вовлеченного в периферийную европейскую политику.

Если говорить о том, кем была Киевская Русь по отношению к другим геополитическим моделям, то это, в общем, было православное европейское государство, вполне в духе других европейских государств, большинство из которых были католическими, за исключением православных Болгарии и Сербии. Мы, русские, не сильно отличались от православной Болгарии или православной Сербии на разных исторических этапах, и просто были одним из европейских государств с православной верой. Соответственно, и мировоззрение у нас было европейское, так или иначе видящее мир через призму греко-римского сознания. То есть то, что находилось восточнее нас, как и древние греки, мы считали варварским, скифским, чужим, населенным ордами гогов и магогов.

Карта 16
Русь, Литва и Орда в XIII веке

Карта 17

Ослабление Орды, рост Московского княжества и Великого княжества Литовского, возникновение Казанского Ханства в XIV веке

На нас нападает система Востока, и наша русская элита и русское общество, которое насильственно интегрируется в Орду, получает почти 200-летний заряд туранской социологической модели. Это конкретный период, когда в европейско-православный христианский мир древней Киевской Руси вторгаются туранские социологические элементы. То есть, за 200 лет происходит мощная ассимиляция русских. Но эта была ассимиляция не с этническим составом туранского полюса. Этнический состав монгольской империи был чрезвычайно пестр. Например, в битве за Южный Китай в тот период в войсках великого хана участвовало огромное количество русских войск. Мы были частью этой мировой империи, и русские были интегрированы туда наряду со всеми остальными. Дань ханам платили все, все население этой империи, не только мы. Платили тюрки, маньчжуры, татары. Кстати, татары были племенем, близким к монголам, но враждовавшим с монголами. Потом татарами стали называться тюрки, половцы, кипчаки, финно-угры, и многие другие. Поэтому татары – тоже условное понятие. А европейцам нравилось, что это слово похоже на тартов, то есть на ад греческий, поэтому оно и сохранилось. Татарами стали позднее называть себя совершенно другие народы.

Различие геополитических судеб Западной и Восточной Руси (формирование двух различных социокультурных типов – Руси Московской и Руси Литовской)

Уже в Киевской Руси наметились два социокультурных типа – один галицкий тип, напоминающий западноевропейский, тяготеющий к аристократической модели, и другой – суздальский, который за счет слабости вече тяготел к монархическому, если угодно, авторитарному стилю правления. Очень интересно, как ведут себя эти два княжества. В Суздальской земле и Галиции проявились два последующих типа геополитики Руси.

Даниил Романович Галицкий бился с венграми, с немцами, которые к этому времени переместили тевтонский орден из Палестины в Пруссию, на территорию, населенную славянами и балтами, и приступили к геноциду местного населения и превращению пруссов, бывших литовским племенем, в немцев.

Славяне и литовцы подвергаются полному геноциду и ассимиляции, и насильно обращаются в католичество либо из язычества, как пруссы и литовцы, либо из православия.

Немцы начинают наступать. И Даниил Галицкий достаточно активно им противостоит. Очень яркий князь. Но неукротимо близятся монголы со своей туранской этикой, предлагают всем сдаться и быть свободными.

Тогда Даниил Галицкий обращается в Ватикан к Папе Римскому и просит у него помощи за счет присоединения его к католичеству. Папа Римский обещает, в католичество его принимает, корону ему отправляет, а помощи не предлагает. И поэтому, когда монголы спокойно, не обращая внимания на суету Даниила Романовича, подтягиваются к Галичу, он оказывается безоружным и кланяется монголам. Но, тем не менее, вектор был проложен. И Галицкое княжество, вслед за Даниилом Романовичем, предпринимает уже после монгольского завоевания все больше и больше попыток сблизиться с польскими королями, литовскими князьями, с Западом для того, чтобы при его поддержке отвоевать свою собственную независимость. Даниил Галицкий воплощает в себе, если угодно, западнический вектор русской геополитики, который пытается спастись от давления Востока при помощи Запада.

В это время в Новгороде на севере княжит другой князь – святой равноапостольный князь Александр Невский, который делает совершенно другой геополитический выбор. Он утверждает, что главная опасность идет со стороны немцев, которые теснят Русь. При этом очень интересно, что монгольское завоевание, то есть вектор со стороны Турана, и европейское завоевание, то есть вектор со стороны Западной Европы, имеют разные социологические модули. В случае Турана происходило превращение захваченных территорий в провинции и обложение их данью. Можно подумать, что раньше крестьяне не платили дань своим князьям. Какая разница простому человеку, кто ее берет, строго говоря? Но с другой стороны они несли с собой новую этику, более жесткую, более беспощадную. Трус – на кол. Предал – в воду. И одновременно они совершенно не затрагивают религиозно-культурную идентичность русских. Будучи сами поликонфессиональной империей, монголы одновременно, даже после того, когда хан Золотой Орды Узбек при-

нимает ислам (обратите внимание – таков закон не ислама, конечно, а закон именно Чингисхана), не препятствуют исповеданию Православия на Руси. Таким образом, политически и военным образом зависимые от монголов русские с точки зрения религиозной православной идентичности чувствуют себя великолепно. Плохо жить под пятой у другого народа, очень плохо, но лучше, если народ сохраняет твою идентичность и дает тебе возможность в будущем освободиться.

А крестоносцы и Запад несут с собой полное подчинение народов западноевропейской католической модели. Никакого православия, все, кто попадают под контроль католиков или рыцарей, либо вырезаются, либо обращаются в католичество, в том числе из православия, которое на Западе после 1054 года считалось ересью. Поэтому здесь мы наблюдаем потерю и политической, и религиозной свободы. Две модели. Выбор святого Александра Невского был сделан в пользу татар. Против тех и других воевать мы не могли, он выбирает альянс с татарами, с монголами, он выбирает Туран против Запада. Даниил Галицкий выбирает Запад против Турана.

В этих двух точках формируется будущее России последующих двухсот лет, да и далее, в течение нашего времени. Две геополитические судьбы бывшего единого Киевского княжества. Русь раскалывается приблизительно пополам. Часть этой Руси интегрируется в Улус Джучи. Столицей этой Руси является Владимир и потом Москва, после того, как митрополит Петр переносит свою кафедру из Киева в Москву, поскольку Киев после захвата его монголами, превратился в развалины и захолустье. Москва становится, таким образом, северным центром Улуса Джучи, Сарай – южным. Сарай – главный, Москва – второстепенный. Здесь полностью расцветает суздальская модель сильной единоличной государственной власти, почти авторитарной стиль, помноженный на туранский импульс.

Переселенцы в суздальско-владимирские, преимущественно финно-угрские, земли, не имели местного самоуправления. Естественно, в этих городах, заново основанных русскими, и княжеская власть была сильнее. Этот авторитаризм умножается на туранский принцип «Ясы». И там зачинается Москва и наше государство.

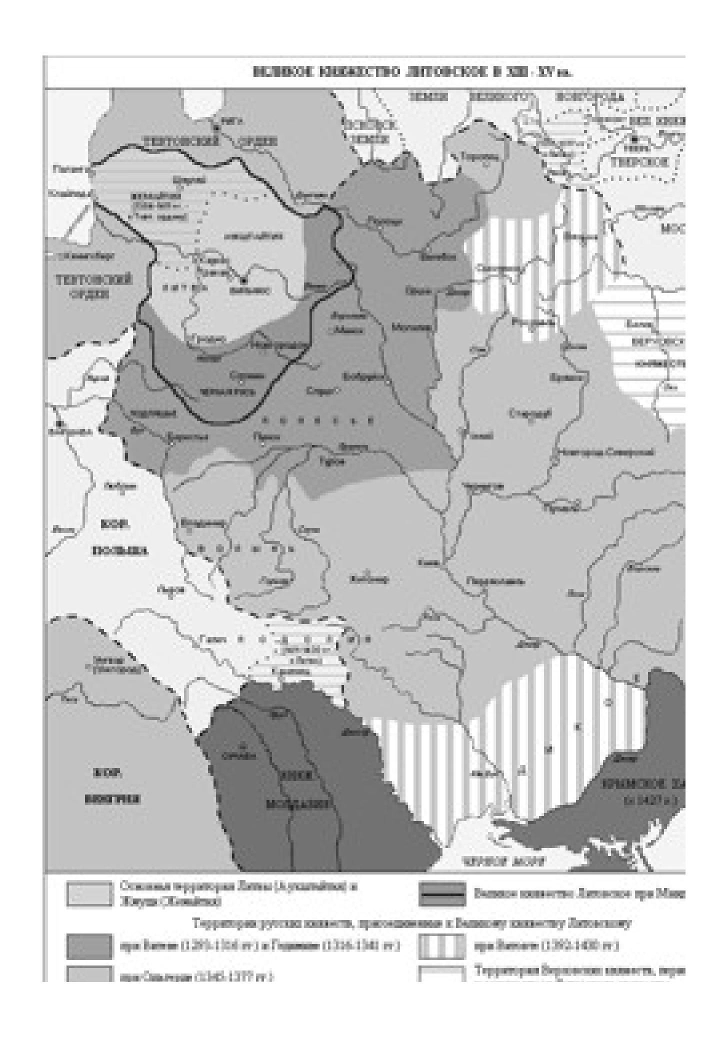
На западе возникает новое политическое образование --

Литовская Русь. Вначале это довольно безобидная вещь, которая точно так же, как и восточная часть, платит дань татарам. Только восточные князья, в первую очередь, владимирские князья, великие князья больше тяготеют к тому, чтобы разбираться в политике в Сарае, и вначале даже ездят в ставку великого хана в Каракорум. Таким образом, они интегрируются в монгольскую элиту, которая является для них имперской. А западные русские, в частности, Галицко-Волынское, Полоцкое княжество, тяготеют к участию в локальной политике вместе с литовцами. Причем, литовцы, которые возвышаются в тот период, до этого это были вялым языческим племенем, которое в расчет особенно никто не брал.

Литовцы поднимаются в период XIII и XIV веков, становятся мощной силой. Многие из них являются либо язычниками, либо православными. Возникает Литовская Русь, где русские князья и русские бояре занимают ведущие роли в государстве. Это государство долгое время является данником монголов так же, как восточные княжества, но с точки зрения политики интегрируется преимущественно в европейские дела.

А потом происходит страшное событие – Кревская уния. Литовские князья, до этого времени с симпатией относящиеся к православию, и даже подумывающие о том, чтобы его принять, заключают альянс с поляками (рьяными католиками) на тех условиях, чтобы укрепить свои княжества через принятие католичества. До Кревской унии русские были важным этносом и в значительной степени правящим классом Литовской Руси, после Кревской унии представители западной Руси оказываются изгоями под католической диктатурой. А католическая диктатура приблизительно одинаковая – что польская, что литовская, что немецкая. И соответственно, они оказываются заложниками того выбора, который сделал в свое время Даниил Галицкий. Именно тогда они делают выбор в сторону Запада. Вот откуда берут истоки «оранжевые» настроения на Украине. Этим настроениям около тысячи лет. Даниил Галицкий мог бы быть вдохновителем «оранжевой революции» в Киеве.

Но чем заканчивается эта авантюра? Русская идентичность, русская государственность, русские как народ и как этнос со своей культурой сохраняются и укрепляются под монголами. И те же самые русские растворяются, оказываются в

<u>Карта 18</u>

Объединение западнорусских земель в Великом Княжестве Литовском

положении людей второго сорта под католиками, под польскими панами, под литовскими князьями, а потом и под немцами, которые не преминут прийти и которые подчиняют Львов и всю область и интегрируют их уже в германо-австрийскую империю[1]. Не удается сохранить Польско-Литовской Руси ни самобытности, ни идентичности, ни государственности, ни собственной культуры. А ведь это половина нашего Киевского княжества. Таким образом, наша Киевская Русь разделилась, одна пошла к Востоку, другая пошла к Западу. И интересно, что позднее в полемике рабы польских панов, забитые малороссы, упрекали русских, что они были под монголами. Но дело в том, что они были под монголами точно так же, как и мы, и платили им дань. Просто наша система политических интриг или геополитических разборок была в Сарае, а у них на Западе. Но дань мы платили в равной степени. Фактически политический контроль над западной и восточной частью Улуса Джучи был приблизительно одинаковым. А геополитический выбор был совершенно разным.

Истоки двух альтернативных версий восточнославянской идентичности

Получилось, что монголы стали, по сути, теми, кто сохранил русскую идентичность. Дело в том, что Улус Джучиев активно воевал с Литвой и с немцами. И поэтому, даже если русские периодически не участвовали в этом, именно монголы отбивали территорию будущего Московского царства, защищая русский Улус как свою землю от тех, кто на нее покушался. И тем самым они сохраняли независимость и давали возможность русским князьям отстраивать, укреплять свою идентичность. Конечно, до поры до времени, когда Сарай и Золотая Орда были сильны, а Московское царство еще слабо, мы были вынуждены довольствоваться этим. Но постепенно Москва укреплялась благодаря линии князей, идущей от Александра Невского, через Ивана Калиту и вплоть до Дмитрия Донского. Это прямая линия князей, которые из Московского, бывшего Владимирско-Суздальского, княжества сделали огромное госу-

1 *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. -СПб.: Издательство «Лань», 2000.

дарство. Что-то они завоевали, где-то подкупили, где-то кого-то интригами и посулами обманули. В конечном итоге кого-то они покорили, кого-то защитили. И постепенно создали Московское княжество под монголами.

Что было принципиальным в этом Улусе Джучиеве? Дело в том, что после того, когда империя Чингисхана вышла из своего пикового светлого состояния, из своего апогея, когда стала остывать, то судьба ее частей была различной. Монголы в Китае полностью растворились в китайской цивилизации. И то, что было частью великой империи, снова стало Китаем. Было Китаем до великой империи и осталось Китаем. Монголы получили там все права, потом постепенно окитаились и исчезли, растворились в китайцах. Нечто подобное произошло и в Персии. Джагатайское княжество, которое было создано в Туркестане, и представляло собой центрально-азиатскую степную реальность, подчас давало знать о себе еще несколько столетий.

В Золотой Орде существовало два полюса – Сарай и Москва. Москва воплощала в себе Лес, Сарай – Степь. Они были интегрированы между собой очень тесно. Отношения между лесом и степью сложились динамические. Народы, которые жили на промежуточных пространствах, перемешались. Культурные стили перемешивались. И произошла та интеграция степного и лесного, которой не было в эпоху Святослава. Святослав наметил границы возможного объединения Леса и Степи. Он показал, как русские могут этим управлять, но недолго, потому что Степи они всерьез не поняли, Степь оставалась иным для русских. После существования в рамках Улуса Джучи возникла новая степень инклюзий и интеграции. Степь и Лес узнали друг друга, приняли друг друга, познакомились друг с другом и, по сути дела, интегрировались друг с другом в единый тип цивилизации, где доминировала туранская социология, принятая именно восточными русскими, которые были к этому готовы. На севере преобладало активное, сильное, самостоятельное православие. И все это было скреплено неприязнью к европейской экспансии, от которой постоянно страдали русские земли, потому что тевтоны периодически доходили вплоть до Смоленска и Пскова. Литовцы также подходили к нашим границам. И Сарай это воспринимал как удар по своим

собственным интересам. Вместе с монголами мы бились с Евросоюзом того времени довольно успешно. За 200 лет успели подружиться, познакомиться и перемешаться в значительной степени, потому что, по сути дела, это была единая социальная система. Жители Сарая так же отличались от жителей Москвы, как сегодня жители, например, Москвы от Санкт-Петербурга. По Сараю ходило множество русских купцов, там было представительство русского митрополита, епископа Сарайского, у которого была в Сарае своя кафедра. У епископа Сарайского было свое подворье, оно и сейчас осталось – Крутицкое подворье. И Крутицкое подворье было представительством епископа Сарайского, который осуществлял посреднические связи между ханом Золотой Орды и митрополитом Московским.

Можно привести в пример текст из Георгия Вернадского, великого русского историка, в котором он говорит об объединении Леса и Степи в Улусе Джучи: «Мы не видим полного слияния Улуса Джучи с русской государственностью. Мы видим два центра – Сарай и Москва. Первый центр имеет главное, основное значение административно-государственной жизни всего царства Золотой Орды, но все же это не единственный центр. Исторически это может быть объяснено тем, что Золотая Орда явилась преемницей сразу двух государственных миров – степного, частью половецкого, и лесного, севера русского. В пределах первого, в южнорусских степях оказался главный центр Золотой Орды. Недаром государство джучидов известно нам на всем Востоке под именем Кипчакского царства. Кипчаки – это половцы и киргизы[1]».

В период монгольского завоевания происходит формирование Московского царства, московского геополитического пространства как совершенно новой и уникальной геополитической реальности. В этой геополитической реальности, безусловно, есть наследие Киевской Руси как европейского православного государства. И европейскую, и православную идентичность (европейскую, может быть, в меньшей степени, чем православную) Московская Русь полностью сохраняет. Монголы, оберегавшие своих данников в русском Улусе от нападок немцев и литовцев, сохранили компактное, мощное, населенное православными народами пространство, которое

1 *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Указ. соч.

оставалось под их контролем. Таким образом, монголы спасли нас как православную идентичность. А православная идентичность западных украинцев, Литовской Руси подвергается очень существенным нападкам. Здесь на нас напали и физически, и морально, и заставили еще целовать духовный сапог Папы Римского, который отправлял всех крестоносцев и Тевтонский орден, потом ставший Ливонский орденом, именно на нас.

Таким образом произошло разделение геополитических судеб, и Киевская Русь перевоплотилась в Русь Московскую. В этот период в русском Улусе осуществляется синтез православного начала, которое сохраняется и укрепляется под монголами, с туранским началом, с этикой разбойников Суши или с заветом, с «Ясой» Чингисхана, и с принципами верности и чести, мужества и жесткости к своим и чужим, которые лежат в основе степной этики. И, соответственно (для нас тоже очень важно) пространство великого монгольского мира эпохи его расцвета для русских, русских Московского царства, после этого остается открытым и знакомым. Мы уже жили в составе великого государства, чьи границы простирались до Тихого океана. Поэтому, когда мы придем сюда снова через несколько столетий, когда мы дойдем до завоевания, освоения Сибири, мы не просто придем куда-то на неизвестные нам земли. Мы уже здесь ходили. Мы доезжали до Южного Китая, посылали туда своих князей, мы знаем, кто здесь живет и для нас это пространство единой и понятной нам империи. Империи, которая потенциально существовала и после распада собственно империи Чингисхана. В период монгольских завоеваний Московское царство, Московская Русь или русские становятся впервые по-настоящему частью степной силы, то есть носителями сухопутного могущества, Land power. Носителями теллурократии.

Формирование евразийской идентичности России

Посмотрим на то, что осталось от монгольской империи. Это уже значительная часть Heartland, того самого Heartland, по Макиндеру, который называется географической осью истории, вокруг которого вращается вся история мира. Потому что Макиндер утверждал, что тот, кто контролирует Heartland,

контролирует Евразию; а тот, кто контролирует Евразию, контролирует мир[1]. Это аксиома геополитики Джона Хелфорда Макиндера. В период монгол мы укрепляем наш контроль над Heartland. Изначально было необходимо решить проблему степи. Походами Святослава и разгромом хазар это не удалось сделать. Мы их победили, но пришли новые степняки. И Туран долгое время поставлял новые и новые туранские этносы, с которыми русские справиться не могли. Нам нужна была прививка этого Турана. Для того, чтобы интегрировать степь в себя и тем самым открыть себе возможность к завоеванию, к захвату и контролю над всем евразийским пространством, нам надо было впустить туранский дух и вобрать в себя туранскую социальность, самим встать на сторону Турана, самим принять этику «Ясы». Только так мы могли интегрировать в себя степь и жить дальше, и чувствовать себя ее хозяевами, а не просто приезжающими сюда на битву, как в былинную эпоху.

Знакомство со степью, интеграция степи и открытие для себя Сарая -- это очень важный урок русской геополитики монгольского периода. Надо сказать, что было еще одно царство, не менее значимое по геополитическому весу в тот период – это бывшее Булгарское царство в Поволжье. На территорию этого царства откочевали многие кипчаки из степи, поднялись по Волге, и перемешались с местным населением древней Булгарии, которое было частично тюркско-исламским и архаическим, как, например, чуваши, которые жили севернее (это архаические не кочевые тюрки), и частично финно-угры. И здесь постепенно сложилось Казанское ханство. Казанское ханство в целом воспроизводит модель Булгарского царства предшествующей эпохи. Казань была тоже значимым полюсом, входила в Улус Джучи, была его частью. И поэтому, когда мы завоевали в свою очередь и Казань, то мы восстанавливали то территориальное единство, опыт которого нам дал Сарай. Мы ездили в Казань и в Сарай почти как к себе домой, потому что это был общий монгольский, русско-монгольский дом, в котором все друг с другом торговали и взаимодействовали в политическом и культурном смысле.

В какой-то момент начинает трещать по швам и Улус

1 *Mackinder H. J.* The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. Op.cit.

Джучи, ослабевает Золотая Орда. В самом Сарае, различные ханы спорят между собой за власть, привлекая русских князей то на одну, то на другую сторону. Мы охотно участвуем в этих интригах с переменным успехом. Но в какой-то момент, когда Тохтамыш и темник Мамай начинают между собой внутренние склоки, и Мамай движется на Русь, когда ослабление Орды достигает критической точки, русские вместе с Дмитрием Донским на Куликовом поле дают первый бой Сараю, показывают, что они готовы не всему подчиняться и не на все условия соглашаться, и требуют определенной политической независимости. Победа на Куликовом поле была фундаментальным моментом перелома истории, когда оказалось, что из русского Улуса на глазах монгольских правителей возникло мощное Московское царство, прибравшее к рукам все остальное, что было на севере, и уже заявившее о своей готовности выйти на новые исторические рубежи. И, конечно, после Куликова поля мы еще почти восемьдесят лет платили дань Сараю, но это уже была дань не столь жесткая, не столь обременительная, как прежде, обставленная почти как налог в федеральный бюджет, с большой степенью суверенитета.

Падение Орды и захват османами Византии: социальное, религиозное и геополитическое значение этих событий для Руси

Когда Улус Джучи со ставкой в Сарае окончательно ослаб, это было во второй половине XV века, в нашей истории происходит уникальное событие, откуда берется затем наша настоящая геополитика. Мы хотим сказать, что современная геополитика берет свое начало в XV в.

В 1453 г. потомки сельджуков, анатолийские сельджуки, одно из туранских племен, турки из Турана, которые из Центральной Азии вышли в Анатолию и организовали Конийский султанат, берут Константинополь. Это принципиальное событие. Дело в том, что взятие Константинополя турками и окончание константинопольской монархии означало не просто политическое поражение Византии. Конец Византии был глубоко религиозным событием.

Византийская православная идея основана на принци-

пе симфонии властей, который предполагает, что Патриарх и Император правят совместно. Патриарх отвечает за духовные православные аспекты, а Император – за империю. Император отождествлялся с фигурой Катехона (от греч. о κατέχων — «Удерживающий»), который во Втором Послании Апостола Павла к Фессалоникийцам описан как тот, кто препятствует приходу Антихриста. Это толковалось так во всем православном мире: как только не станет империи, дорога в мир будет открыта для Антихриста. Поэтому взятие турками Византии все православные народы восприняли как наступление последних времен, как упразднение Катехона и упразднение той фигуры, которая предшествовала последним временам. Соответственно, турки-османы, которые захватывают Константинополь, воспринимаются как кара Божья, как наказание, и, по сути дела, как конец света.

Накануне вторжения и падения Константинополя император Константинопольский и Патриарх Константинопольский делают тот же самый жест, что когда-то сделал Даниил Галицкий. Они обращаются к Папе Римскому и говорят, что согласны перейти в католичество, признать лионскую унию, если им помогут разобраться с турками. Папа соглашается. И опять история повторяется. Опять присылают корону, каких-то людей. Император и Патриарх ждут войск, но войск нет. С Запада никакой помощи нет. И наступает конец Византии, Византия рушится.

Русские смотрят из Москвы. Русские знают, как важно хранить веру, как важно хранить православие, независимо от того, кто впадает в отступничество. И знают, что происходит с теми, кто идет в сторону католичества и поддается католическим агрессорам. Поэтому русские изначально отрицают Лионскую унию. После того, как митрополит Исидор, который ставился константинопольским патриархом, приезжает в Москву с Флорентийского собора и предлагает русским последовать за греками, его немедленно сажают в тюрьму. Он оттуда сбегает и у католиков становится кардиналом. Но русские после Флорентийской унии отвергают сближение с католиками. Через некоторое время и сами греки тоже его отвергнут, но будет уже поздно, потому что это их не спасло, но поставило в ужасное положение. Русские же сразу говорят «нет» католичеству. И что оказывается? Русские попадают в ситуацию, когда

они остаются одни в качестве носителей православия с точки зрения Царства. Не с точки зрения Церкви. Есть еще православные народы. Но не Царства, так как Империи больше нет. После падения Византии должен был наступить конец света, а русские свято в это верили, но он не наступил. По крайней мере, для всех наступил, а для нас нет. Так возникает религиозная миссия Москвы.

Параллельно этому в то же самое время (с расстоянием буквально в десять лет) падает Орда, мы перестаем платить ей дань, и оказываемся независимыми от Улуса Джучи, царства Золотой Орды, чьими вассалами мы были. Оказалось, что русские больше не должны обращать внимания ни на кого: они не являются более духовными вассалами павшего Константинополя и политическими вассалами великого хана. «Так кто же мы тогда?» – спросили себя русские люди, подданные огромного государства, прибравшие к рукам все, что было вокруг. Наши западные коллеги – все под католиками, наши вчерашние ханы перессорились и больше не способны нас контролировать, к нашему большому удовольствию. И даже Византийская империя с императором и патриархом вначале уклонилась в ересь, которую русские не приняли, а потом, как считали русские, за это и поплатились.

Когда русские видят, что кто-то отказывается от православия, а затем с ними случаются неприятности, вывод делается один: вы отказались от православия, вот вам и неприятности. И действительно, история постоянно показывает, что, как только народы отрекаются от веры, происходят неприятности. Верность православной идентичности, сохранение социальной структуры и особенностей культурной идентичности сопрягаются в русской истории с положительным знаком. Отстояли при монголах себя от Запада? Отстояли. Монголы исчезли, а мы сохранились. И не пошли по гибельному пути Константинополя, имея опыт Даниила Галицкого.

Если подытожить влияние монгольского периода на геополитику Руси, можно сказать, что в этот период формируется новая идентичность. Можно назвать ее «евразийской идентичностью» России, потому что в этот момент Русь отождествляет себя с центром земной силы, то есть с теллурократией. Киевский период, в принципе, открывал возможность движения

России по европейским путям и становления частью Европы, то есть католического, а затем протестантского мира. Эпоха разделения Киевской Руси показала нам, что у Киева существовало два выбора, и они впоследствии воплотились в строго определенные маршруты.

Сегодня можно сказать, что только русские князья с самого начала были правы, со своим Суздалем, Андреем Боголюбским, с разгоном вече, потому что они готовили русским свободу и величие. А другие - те что пошли на Запад - были не правы. Но ведь в тот период, когда все это происходило, существовало два почти равнозначных подхода, и интеграция князей и из восточной и из западной частей Киевской Руси в европейскую политику была очень значительной. И те, и другие – являлись данниками татарского хана. В тот период все было размыто, неопределенно: никто не знал, чем все закончится ни с Византией, ни с Ордой, все жили настоящим. И тем не менее законы геополитики действуют так же, как действуют законы социологии. Они идут сквозь множество индивидуальных решений, сквозь случайные ситуации, сквозь личные драмы, сквозь конфликты князей. Гегель называл это «хитростью мирового разума». Он утверждал, что множество людей действует, исходя из локальных соображений, случайных событий, неоправданных решений, эмоциональных порывов, а в результате мы видим четкие, ясные линии истории. Все интересы, эмоции, случайности - лишь осцилляции вокруг прямой линии. Князья мирились, ругались, сталкивались друг с другом, но все это были колебания вдоль ясных линий геополитических и социологических закономерностей. И если внять логике истории, то можно не только понять и разгадать прошлое, но предвосхитить будущее, то есть с абсолютной уверенностью предсказать, ч т о произойдет на пути развития того или иного вектора. Потому что, если правильно осмыслять геополитику Киевской Руси, можно увидеть в ней контуры Руси Московской и Руси Литовской еще до того момента, когда Киевская Русь разъединилась. И точно так же можно было проследить последствия решений Даниила Галицкого и Александра Невского.

Почему Александра Невского русские называют святым? Он был и остается нашим общенародным русским святым, потому что вектор заложенной им национальный политики -- это

вектор возвышения Руси. Не будь его, не известно, существовала бы Русь вообще. Сам по себе он продолжал линию суздальских князей, в частности, Андрея Боголюбского. И в этом, действительно, нельзя не увидеть гегелевскую хитрость мирового разума относительно евразийского вектора Московской Руси, который действует в самых корнях киевской истории.

Библиография:

Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: 1967.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. О термине "этнос" // Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.
Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Алгоритм, 2007.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002.
Гумилев Л.Н. "Тайная" и "явная" истории монголов XII-XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ, Харвест, 2008 .
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005.
Дугин А.Г. Основы Евразийства. М.: 2002.
Васильев А. А. История Византийской империи. Т. II От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998
Вернадский Г. В. Монголы и Русь (The Mongols and Russia) / Пер с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997.
Вернадский Г.В. Московское царство. В 2-х ч. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство ""Лань"", 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М.: 1966.
Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006.
Кицикис Д. Османская империя. М.: Весь Мир, 2006 .
Похлёбкин В. В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2005.
Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана, М.: Аграф, 2000.
Фиурдоси. А. Шахнаме: В 6-и томах. М.: Наука, 1989.
Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингисхан и монголосфера. М.: "Аграф", 2002.
Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: 2005
Якунин В. И. Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005 .
Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The. Geographical Journal. № 23.1904.
Mackinder H. J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot

of History. L., 1951
Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York: Three Rivers Press, 2004.

Глава 6. Геополитика и социология Московского царства (XV-XVII вв.)

Геополитические и социологические импликации теории Москва-Третий Рим

Напомним ряд исторических событий, включенных в содержание понятия Московской Руси или Московского царства. Их надо иметь в виду, потому что на разных этапах периода Московского царства меняются социальные, социологические и геополитические парадигмы рассматриваемого нами общества, то есть российского общества в его основаниях и корнях. Итак, эти корни формируются благодаря политике Александра Невского в самом начале монгольского периода. Корни Московского царства уходят в предыдущий исторический период, в монгольский период, которому была посвящена предыдущая глава. Важнейшая дата, с которой начинается путь свободного московского государства, это 8 сентября 1380 года – Куликовская битва. Это не просто исторически выигранное сражение, это фундаментальный момент этногенеза, как писал Лев Николаевич Гумилев. На Куликовскую битву под знаменами Дмитрия Донского вышли москвичи, суздальцы, владимирцы, а вернулись с этого сражения представители великоросского этноса[1]. Это был старт этногенеза.

Огромное значение в русской истории имеет Куликовская битва и с точки зрения первой фундаментальной победы, одержанной над Ордой. До этого русские постоянно проигрывали, и все попытки восстать против всевластия Орды терпели неудачу. Куликовская битва – это первая победа над силами Орды. Она была не окончательной. Мы знаем, что Тохтамыш в 1382 году взял и сжег Москву, и мы обязаны были вновь платить дань. Но Куликовская битва была фундаментальным рывком Московской Руси к независимости.

Важнейшим фактором победы над Ордой явилось Православие. Куликовская битва (1380 год) в полной мере показала значение сохранения в восточной части Руси (то есть части Руси под монгольским контролем) православной идентично-

1 *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.

стии. На Западе она была в значительной степени ослаблена и размыта, особенно после Кревской унии, то есть объединения Литвы с Польшей. На Востоке же православная идентичность сохранилась в полной мере. И она заявила о себе как мощном социоорганизующем, политическом, историческом и геополитическом факторе в лице Сергия Радонежского, благословляющего Дмитрия Донского на ратные подвиги. Церковь в лице своего святого Сергия вдохновила русских на битву за освобождение от татарского контроля.

Факторы, определившие дальнейшее будущее России -- это военная победа над монголами, централизация Московского царства, особенно в эпоху Ивана Калиты, перенос митрополичьей кафедры митрополитом Петром из Киева в Москву. В 1380 году, за сто лет до начала полноценного Московского периода русского государства, произошла фундаментальная демонстрация всех тех факторов, трендов, тенденций, социальных и геополитических парадигм, которые в полной мере реализуются позднее.

Вскоре Дмитрий Донской завещает великокняжеский престол сыну Василию I как «свою отчину», то есть без получения ярлыка на княжение от Орды. Несмотря на взятие Москвы Тохтамышем и продолжение выплаты дани, политически Москва уже не так зависима, как ранее. В Орде идет «великое замятие», как пишут летописцы того времени, ханы постоянно меняются, прогрессирует развал, и Москва начинает становиться все более независимой.

Далее следует время Василия Темного, Василия II, ослепленного своим дядей, князем звенигородским Юрием Дмитриевичем и двоюродными братьями, Шемякой и Василием Косым, которого сам Василий Темный, предварительно ослепил. Это период борьбы между двумя центрами русской восточной государственности - Звенигородом и Москвой. Интересно, что в этот период Звенигород, который достался в удельное княжение младшему сыну Дмитрия Донского Юрию Долгорукому, претендует на фундаментальную роль столицы и много раз захватывает Москву, поэтому Василию II приходится даже бежать в Коломну. Москва могла уступить место столицы Звенигороду, который в то время был сопоставим по количеству людей и своему стратегическому положению с Москвой того периода.

Конечно, правление Василия Темного – это период смут внутри вызревающего, подготавливающегося московского периода. Этот период чрезвычайно важен, именно в это время происходят следующие важнейшие события:

1) В 1439 г. состоится Флорентийский собор, на котором греки, представители Византии, которая еще была империей, и патриархатом, в которой мы входили как епархия греческой церкви, подписывает Флорентийскую унию и соглашается признать главенство Папы Римского. Налицо отказ греков от православной истины. Соглашаясь признавать правоту и первенство Рима, православная Византия отпадает от своего православия. Митрополит Исидор, участник Флорентийского собора, приезжает в Москву и пытается соблазнить русское общество принять унию, то есть поклониться католикам. Греки идут на это перед лицом нарастающей турецкой угрозы, в надежде на военную помощь Западной Европы. Русские митрополита Исидора сажают в тюрьму, откуда, правда, он потом сбегает. Но в 1448 году русская церковь становится автокефальной и впервые назначает своего главу на соборе русских епископов. Первым русским митрополитом становится Иона (1448-1461).

Далее происходит очень интересная вещь. На глазах русских людей в 1453 году падает Византия под ударами турок, Константинополь взят. Все это приходится на период княжения Василия II. И, несмотря на то, что это был период усобиц, одновременно внутри русского общества того периода происходила фундаментальная ломка геополитического и социального самосознания. В чем она заключалось? В совпадении двух одновременных параллельных процессов. Первый процесс – ослабление хватки Орды. Московитяне, жители Московской Руси все больше осознают себя не зависимым от Орды государством. Русские мыслят себя не как часть Золотой Орды, но все больше осознают себя самостоятельным государством. Соответственно, русские берут на себя новые политические обязательства. В период от Куликовской битвы до конца правления Василия II Темного меняется статус Москвы. Одновременно возникает серьезный разлад с греками. Греки уклоняются во Флорентийскую унию, а русские еще до распада Византии провозглашают автокефалию русской православной церкви. Значит, ее главой становится русский митрополит, избираемый со-

ветом русских епископов. Это автокефалия: мы признаем номинально даже патриарха, но считаем его патриархом-еретиком, коль скоро он подписал Флорентийскую унию. В 1453 году рушится Византия как политическое государство, как империя, частью которой мы никогда, конечно, не были в полном смысле слова, но на которую мы всегда обращали взгляд, почитая византийского императора как Катехона, как того, кто удерживает приход Антихриста.

Итак, русские в период Василия II Темного оказываются перед лицом новой ситуации. Раньше мы были частью, как бы районом государства Золотая Орда, Улуса Джучи, с центром в Сарае. Мы подчинялись константинопольскому патриархату и, в целом, следовали в религиозных вопросах за теми процессами, которые проходили в византийском обществе, в византийском православии, и считали, что конец света не наступит, пока Византия, Царьград стоит, и ими правит православный император. Вся ситуация меняется в эпоху правления Василия Второго. Наверное, для современников все эти события были не очень заметны, но они неумолимой поступью меняли социальный и геополитический статус Московской Руси. Мы перестаем быть частью державы, которая распадается, Золотой Орды. Мы перестаем быть просто провинцией греческой церкви и берем ответственность на себя, потому что эта церковь уклоняется в ересь, принимая Папу Римского и католицизм. Православное царство, которое служило для православных людей всего мира оплотом отдаления прихода Антихриста, то есть Византия, Царьград, рушится под ударом иноплеменных, под ударом турок-мусульман.

Приблизительно с этого периода, начинается совершенно новая эпоха, которая строго совпадает с правлением Ивана III. Правление Ивана III – начало в полном смысле слова московского периода, с фундаментальны моментом стояния на Угре (1480 г.). Тогда хан Ахмат, которому Иван III отказывается платить дань уже окончательно, приезжает на Угру вместе с литовским королем Казимиром. Обратим внимание, что геополитически татары вместе с Западом хотят укротить Восток: литовцы - своего главного врага, московских великих князей, а татары – своих данников, которые отказываются платить дань. Но мощь русского войска была такова, что хан Ахмат был вы-

нужден повернуть назад в степи. Там его догнал и убил союзник Москвы сибирский хан Ивак.

Таким образом, 1480 г. – это начало новой русской независимой государственности. С этого периода мы в полном смысле слова становимся независимой державой. В истории каждого народа одни и те же события происходят по-разному, в разных обстоятельствах, с разными смыслами, в разных контекстах. Мы были уже когда-то независимой державой в Киевской Руси, поэтому – это повторение. Мы вторично становимся государственностью. Но мы были государственностью одного типа, которая распалась на две – восточную и западную Русь. Одна из них потом попала под контроль внешних сил. Но одна из этих двух частей – восточная часть – обретает свою независимость и государственность вновь. В каких условиях? Это происходит в условиях нашей религиозной самостоятельности. То есть, теперь мы сами должны решать, что православно, а что нет. Мы только что отвергли посланцев патриарха, приславшего нам митрополита Исидора, который подписал Флорентийскую унию. Мы отвергли власть Константинопольского, Вселенского патриарха за еретичество. Увидев, что мы не приняли это еретичество, а они приняли, и это их не спасло от турок, русские люди убедились в справедливости такого решения.

Греки, наши учителя, отказались от веры для того, чтобы сохраниться политически -- и политически рухнули. «Отказались от веры, -- подумали русские люди периода правления Ивана III , политики и простые граждане, -- следовательно, были наказаны». Значит, не отступайся от веры. Мы не отступились. Следовательно, мы стали независимыми. Византия отказывается от своей церковной идентичности, православной идентичности, признает правоту католиков, и политически исчезает. Мы отвергаем католиков, утверждаем собственную православную правоту и освобождаемся. Последовательность этих событий в традиционном средневековом русском сознании приобретают характер причинности. То есть, те пали, потому что отступили от веры. Мы укрепились, потому что сохранили веру. Не важно, верно это или нет. Важно, что таково социологическое самосознание русских московского периода. Одно следует за другим, и русские ставят знак причинности, следствия, консиквентности.

Иван III начинает закреплять новый статус своего великого княжения и уже называется Государем или Царем Всея Руси, Московской Руси. Он захватывает другие русские княжества, которые до этого враждовали с Москвой. А после смерти своей первой жены княгини Марии Борисовны Тверской он сочетается браком с племянницей последнего византийского императора Константина XI Софией Палеолог, тем самым возводя свою династическую линию к византийским императорам. Это чрезвычайно важно.

Так формируется государственная идея Третьего Рима[1], которая радикально меняет социологический статус Московского царства, московского государства. Это не просто великое княжество, это нечто новое, Третий Рим или новая Вторая Византия. Византия, с точки зрения православной традиции, представляет собой не только веру или религию. Это еще и социально-политическое устройство, нормативно основанное на принципе симфонии властей. Наш современный Патриарх всея Руси Кирилл в своей традиционной речи при вступлении в патриарший сан, говорил об этой симфонии властей как о принципе православного политического устройства. Смысл симфонии властей – это созвучие властей, то, что патриарх и император, то есть царь, участвуют в управлении империей совместно. И именно царь выполняет роль внешнего епископа церкви, и одновременно выполняет роль Катехона, «удерживающего». Во втором послании апостола Павла фессалоникийцам, говорится: «И сын погибели не придет, пока не будет взят от среды удерживающий теперь». Кто такой «удерживающий»? Катехон. Как он интерпретировался в православии? Как православный император. Поэтому, когда пала Византия, все ожидали конца света, потому что не было Катехона, не было удерживающего. Взятие Константинополя турками было воспринято как конец времен. И вдруг, этот конец времен для русских отложился, замедлился, потому что та империя, которая рухнула, Византия, была транслирована, перенесена на север -- в Москву, в Московское царство. И русский великий князь начинает осмыслять себя не просто великим князем, но императором, царем или Катехоном. Не политической фигурой, а внешним епископом церкви.

1 *Лисовой Н. Н., Соколова Т. А.* Три Рима. М.: Olma Media Group, 2001.

Этапы становления Московского царства

Московское царство за правление Ивана вырастает в пять раз. Новгород сдается, и попытки сохранить некую автономию в рамках уже восточной Руси становятся все более и более уязвимыми. Дальше следует период правления Василия III (1505 – 1533 гг.). При нем процессы укрепления страны, централизации, установления контроля над провинциями продолжаются, хотя и с меньшей динамикой.

Далее наступает кульминация московского периода -- царствование Ивана Васильевича Грозного, Ивана IV. В этот период происходит окончательное оформление концепции «Москвы - Третьего Рима» в качестве главной государственной идеи. И в 1547 г. Грозный официально венчается на царство. Это фундаментальный момент. Царем Всея Руси в некоторых документах называет себя еще Иван III. Ему же вместе с Софьей Палеолог привозят византийский трон и царские (императорские) регалии. Но официальной коронации Ивана Третьего мы не знаем. Царем Всея Руси, то есть по статусу императором новой римской империи, третьей Римской империи или новой византийской империи в 1547 г. становится Иван IV. При нем государственная идея «Москвы – Третьего Рима» достигает своего апогея. Все общество теперь мыслит себя как удерживающее, катехон.

В период правления Ивана Грозного, с 1533 по 1584 гг. всесторонне расцвела московская идея в геополитическом, социальном и религиозном аспектах.

Именно в этот период Русь начинает по-настоящему осмысляться как святая Русь. Она становится святой, потому что представляет в сознании ее граждан, ее жителей последний оплот от прихода в мир Антихриста. Соответственно, русский народ становится богоносным народом, мыслит себя как народ – богоносец, потому что только ему среди всех народов выделена, уготована миссия препятствовать приходу Антихриста. Точно также идея Катехона, идея удерживания, распространяется на русского царя и на русский народ. И русский царь, который воплощает в себе русский народ и русскую миссию, в лице Ивана Грозного представляет собой трагический пик пирамиды

<u>*Карта 20*</u>

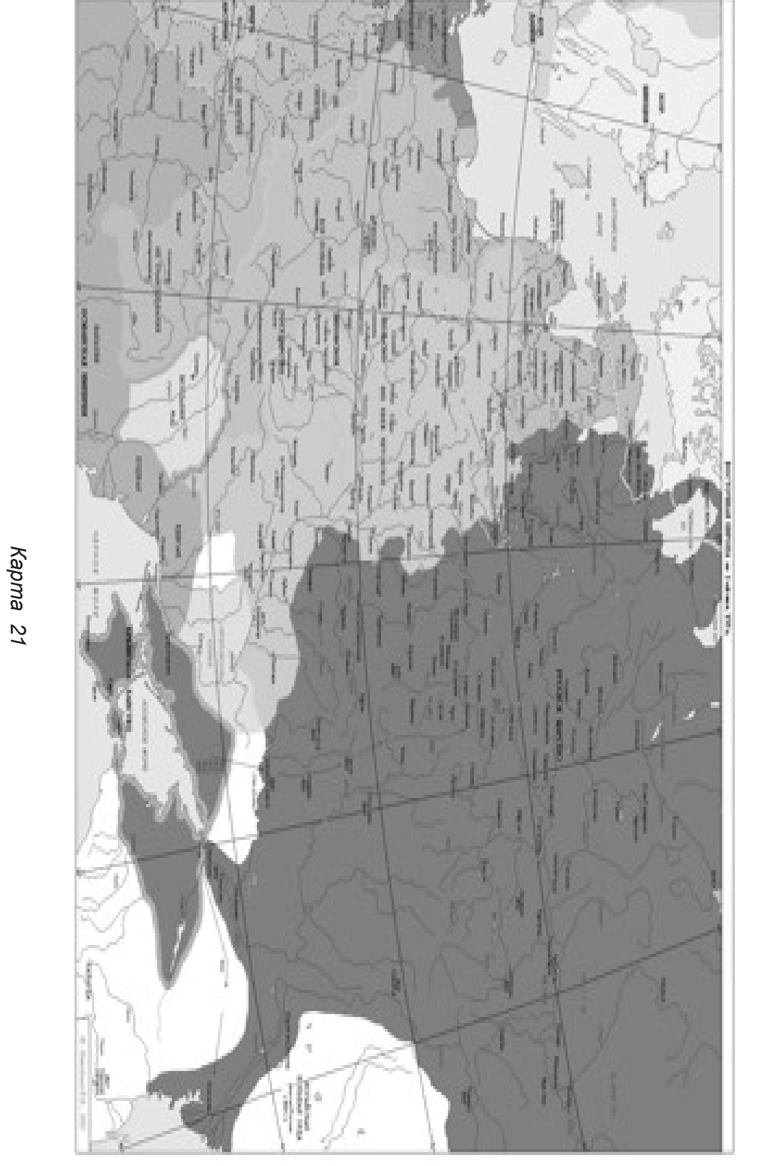
Рост Московского княжества в XIV-XV вв.

общества, перед лицом которого стоит тотальный конец света[1]. Потому что само падение Византии мыслится как безусловный признак конца света. Русским людям через русское общество и русскую государственность дается некоторое послабление, некоторое приращение времени к благодати Божьей, но конец все равно близок, и его никто не отменял.

Так возникла идея «Москвы – Третьего Рима», как ее формулировал старец Филофей: «Два Рима – падоша, третий – стоит, а четвертому – не быти». Обратим внимание: два Рима – падоша, это понятно. Третий стоит – это Московское царство. А четвертому – не быти. Это означает, что Московское царство, во главе которого стоит царь Иван Грозный, лицом к лицу сталкивается с концом – «четвертому не быти», будущего нет. Впереди приход Сатаны, приход Антихриста. Эта близость Антихриста и смерти составляет, формирует психологический портрет нашего великого царя Ивана Грозного. И сам Грозный пишет канон, который вошел в религиозный обиход Русской православной церкви как «Канон Ангелу Грозному», где, обращаясь к смерти, которая ждет и стоит лицом к лицу перед ним, он пишет удивительные проникновенные слова. Такое впечатление, что ангел смерти смотрит царю в глаза, и сам он говорит с ним, находясь в прямом живом диалоге. Ничего более пронзительного и яркого по своим формам, хотя и в соответствии с древней церковной литургикой, с сохранением классических православных тропов, придумано не было.

Итак, Иван Грозный становится носителем этой миссии, а вслед за ним и вся Московская Русь. И «Москва – Третий Рим» – это не просто идея бравурного самопрославления русских. Так же, как и идея Святой Руси и идея народа-богоносца, эта идея чрезвычайно сложная. Это идея, в первую очередь, ответственности, того, что было проявлено в принципе тяглового государства[2]. Что такое тягловое государство? Тягло – это то, что все должны всем, что люди должны давать государству. И это то, что высшие классы – бояре и дворяне – должны передавать царю. И то, что царь должен передавать Богу. Потому что царь, наш русский царь Иван Грозный впервые остался один на один с Богом, представляя все человечество. Все остальное

1 *Фроянов И.Я.* Грозная опричнина. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009.
2 *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.

Карта 21

Московская Русь в конце правления Ивана IV

человечество впало в ересь, и уже с нашей точки зрения человеческим считаться не могло. Мы остались последними православными, которые несли на себе двойную миссию: Ветхого и Нового Заветов. Ветхий завет перешел в Новый завет. Все праведники Ветхого завета перешли в Новый завет, согласно учению христианства. Далее, с точки зрения православных, от христианского завета отпали католики, западная церковь, и потом уже рухнуло само византийское православие. Таким образом, православными остались одни мы, русские, Московское царство, которое взяло на себя наследие всего новозаветного христианства и всей ветхозаветной церкви иудейской. Отсюда возникает идея «Россия – Новый Израиль», идея нового избранного народа. Но этот избранный народ не просто кичится тем, что он такой. Он чувствует колоссальную тягловую ответственность. Поэтому соучастие в социальной, политической, экономической жизни этого периода приобретает характер исполнения религиозного долга. Это религиозный долг крестьян перед боярами, бояр перед царем, а царя перед Богом. И все это на фоне приближающейся смерти, на фоне фигуры Антихриста, который «близ стоит», и смотрит на все то, что русские делают в Московском царстве.

Ощущение колоссальнейшей ответственности перед лицом исторических судеб мира, которые сводятся к Московскому царству, предопределяет психологию и социологию этапа «Москвы – Третьего Рима». Многие неверно понимают эту идею как национальное бахвальство. Можно сказать, русские чувствуют Святую Русь и самих себя народом-богоносцем. И понимая ответственность, действительно чувствуют, что они особенные - потому, что остались верными православию, потому что в исторический период падения Византии они заново обрели свою государственность. Эти ноты народной избранности сопряжены с колоссальным тяжелейшим ожиданием – ожиданием скорого конца света, последних времен, последнего отступления. Русские мыслят «Третий Рим, который стоит, а четвертому не быти» как оттяжку конца, как послабление, но не как изменение хода исторического процесса. Поэтому это очень мрачный период, и в нем обостряются эсхатологические ожидания, предвкушения смерти, конца, финальной катастрофы.

И в этом парадоксальность правления Ивана Грозного. Предчувствуя смерть, он сеет смерть. Находясь с ней в диалоге, он ее провоцирует. Существует либеральный, точнее, западнический миф, о двух Иванах: Иване Грозном периода Избранной Рады – «хорошем» и Иване Грозном периода опричнины, который чаще всего оценивается негативно[1].

Правление Ивана Грозного – это эсхатологическая драма. Все ритуалы Ивана Грозного с его опричниной и многочисленными эксцессами правления были лишь иллюстрацией, репетицией эсхатологической драмы, драмы приближающегося конца света[2]. И идея «Москвы – Третьего Рима», двойственная, дуальная, парадоксальная, демонстрирует ощущение избранности и одновременно тягловой обязанности, и еще ощущение бесконечного трагизма, предчувствие кошмара и ада, с которым каждый, кто живет в этой идее, сталкивается. Поэтому эта идея и трагичная тоже. Люди знают – четвертому не быть. Мы стоим на пороге конца, думают люди в этот период. И чувствуют этот финал, и визуализируют его в своих образах, и вглядываются в лица бесов на иконах, и видят их как довольно быстрых и скорых пришельцев.

Геополитика Смутного времени (Годунов, Шуйский, Лжедмитирии) – внешние факторы и социальные процессы

Следующий период - Смутное время (1598–1612гг). После напряжения периода правления Ивана Грозного, где все держалось на одном человеке, на человеке Грозном, стоящим перед Богом и адом и отвечающим за все русское человечество, а поскольку все человечество свелось к русскому человечеству, то за все человечество вообще, начинается Смута. Иван Грозный и берет татарские ханства, и резко увеличивает наши территории, фактически восстанавливают полностью границы Золотой Орды, Улуса Джучи, только теперь подчиненные Москве, а не Сараю. Напряжение, действительно, слишком велико и фигура Годунова и Федора Иоанновича, а также убийство царевича

1 *Костомаров Н.*Личность царя Ивана Васильевича Грозного. М. 1990.

2 *Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52-75.*

Димитрия создает ощущение того, что теперь будет конец. И Смутное время многими воспринимается совершенно апокалиптическим образом. Правители, Лжедмитрии сменяют друг друга, бояре всех предают, родители, как пишет историк Щапов[1], от голода варят своих детей в котле и продают вместо баранины на рынке, идет дикая, тотальная деградация. Московское царство постоянно оккупируется разными народами, которые живут вокруг него, юг терзают крымские татары, шведы берут Новгород, литовцы по приглашению Лжедмитрия берут Москву. И так все продолжается до 1612 года.

Что в этой ситуации показательно? Сильная царская власть, на которой держалась Московская Русь, мощнейшая грозная московская власть Ивана III, Александра Невского, Дмитрия Донского, Андрея Боголюбского пошатнулась. И московское общество требует сверхчеловеческого царя, царя, который был бы более, чем человек, который мог бы держать всю распадающуюся, разъезжающуюся груду народных обломков в одной жесткой руке, превращая их в тягловое, повинное население, в людей, которые двигаются к последнему спасению перед лицом финального наступления конца света. Поэтому и тяготы, которые несет русский человек, есть тяготы религиозного порядка. И даже если ему тяжело пахать землю, тяжело платить налоги, тяжело ездить по дорогам, по которым невозможно проехать – это все несет в себе религиозное значение. Это аскеза. Как монахи одевают на себя вериги, так и русские люди надевают на себя экономические повинности для того, чтобы очистить свою душу перед концом времен. Это и есть тягловая идея. И во главе должен стоять сильнейший грозный правитель, который всех будет гнать – свое население и весь остальной мир -- пинками к спасению, куда они тоже пойдут и потянут своих мужей, жен и всех остальных[2]. Только нет такого человека в Смутное время, несмотря на то, что мы восстанавливаем патриаршество, стремясь все больше и больше укрепить наши позиции. В этот период (как раз в правление Годунова в 1589 году было учреждено патриаршество, точнее, в царствование Федора, так как Годунов практически правил

1 *Щапов А.П.* Великорусскія области и смутное время (1606-1613): Статьи 1 и 2.- СПб.,1861

2 *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: На пути к Опричнине. М., 2007.

Карта 22

Смутное Время и иностранная интервенция в начале XVII века

при Федоре Иоанновиче). Власть без такого ультра, сверхчеловека, диктатора-ангела Грозного у нас не держится. Приходит обычный человек и все разъезжается.

Боярство как высший класс ведет себя в Смутное время отвратительно. Они перепродают страну. Некоторые бояре по несколько раз в день меняют свою лояльность от Лжедмитрия к Шуйскому. Где шубу получат, туда и бегут. Люди понимают: на боярах и на аристократах нельзя основывать никакое правление в стране. Есть только единый сильный государь. Нет сильного государя, бояре демонстрируют дурные нравственные качества -- и рушится Русь. Уже присягают Владиславу, польскому католическому королю. Русь опять оккупирована, Русь опять упала, вот-вот начнется новое иго.

И вдруг возникает новое начало, совершенно забытое на каком-то историческом периоде -- вечевое начало или народное самоуправление. Оно начинает формировать народное ополчение. И народ-богоносец, который понимал, что он делает, и понимал религиозное значение своего долготерпения, своего труда, поднимается и заявляет о себе. Этот народ-богоносец начинает выступать как самостоятельная сила, противостоящая распаду московской идеи[1].

Какая страта приходит на помощь московской государственности? Высшей фигуры нет, диктатора нет, представители же аристократических страт общества ведут себя как абсолютно никчемные существа. Бил их Иван Грозный, порол, ссылал, опричников на них напускал, резал, отбирал, грабил, чего он только ни делал со своими боярами, и что? И ничего. Он правильно делал, потому что стоило перестать их бить, они пригласили литовцев, пригласили Лжедмитрия. Период Смуты показывает, что аристократическое правление для Руси – это погибель, что в России может быть только монархия.

Но монархия ослабла, рухнула. Аристократы ничего не могут сделать. Кто поднимается? Поднимаются низшие страты. Мясник Минин из Нижнего Новгорода поднимается из самого низа. А до этого, кстати, первое народное ополчение было создано Прокопием Ляпуновым. На самом деле, не только Минин начал создавать народное ополчение. И до Минина были инициативы. По всей стране народ начинает организовываться.

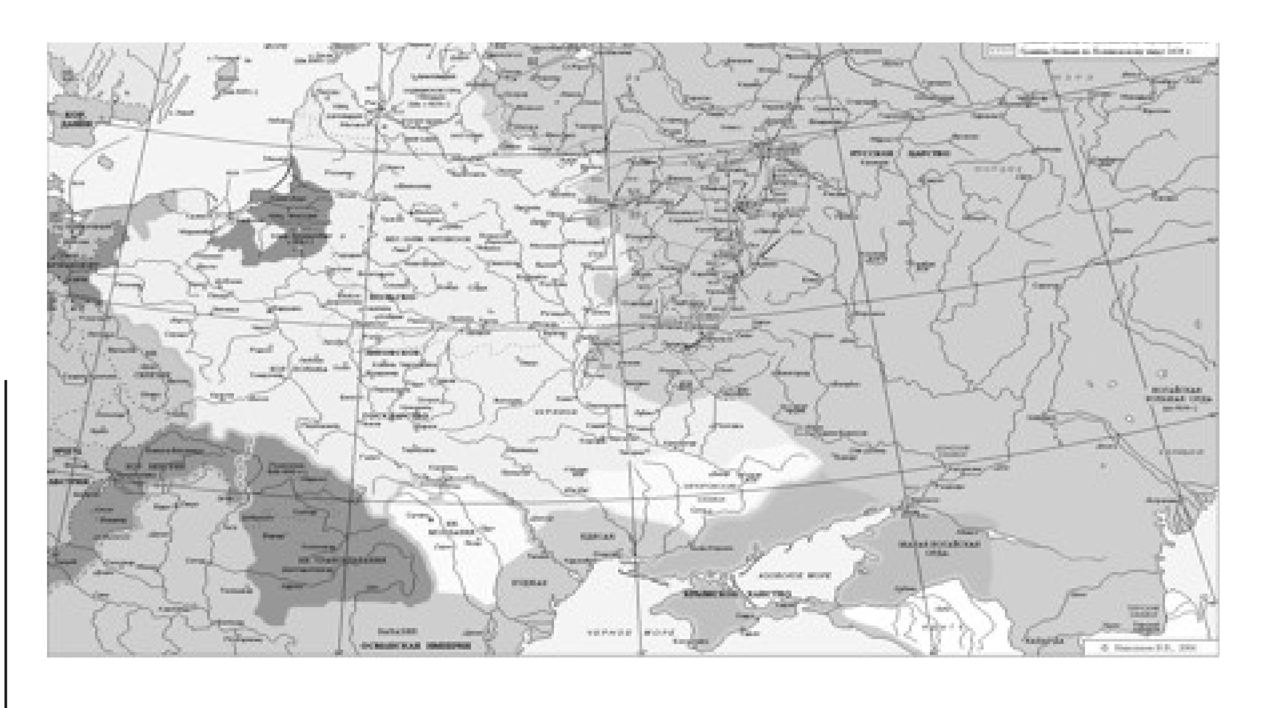
1 *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Указ.соч.

Вторая сила, которая участвует в войне с интервентами, это церковь. Русская православная церковь, как и в эпоху Сергия Радонежского, начинает выступать в качестве мощнейшей государственно-организующей силы. И из заточения патриарх Гермоген, а до этого патриарх Иов посылают все новые и новые обращения. К высшим стратам, высшим классам обращаться бесполезно. Они за шубу мать родную продадут. И иерархи обращаются к народу-богоносцу. И если бы этот народ был действительно быдлом, которое Иван Грозный лишь закрепил за землей и который только и ждал, чтобы вырваться из-под этого контроля, как считают марксисты, то, конечно, он бы либо весь ушел в восстание Болотникова, к казакам и тому подобное, но уж никак бы не внял словам первосвятителей Русской православной церкви. А он внял, самоорганизовался, создал народное ополчение и, не рассчитывая на эффективность боярских дружин, символически погнал перед собой князя Пожарского. Это было самое настоящее народное движение за святую Русь под эгидой православной церкви. Вот какие социальные силы завершают Смутное время.

Геополитическое и социальное значение избрания на царство Романовых

Смутное время заканчивается воцарением династии Романовых. Их избрал Земский Собор. А Земский собор – это и есть богоносный русский народ. Он следует не путем династической преемственности, так как московская ветвь Рюриковичей прервалась на убиенном царевиче Дмитрии, но сам выбирает себе царя. И выбирает он Михаила Романова. Так начинается новая династия.

В эпоху Михаила Романова продолжается централизация, Русь залечивает раны. И без особенных уже внутренних проблем мы справляемся с интервентами и постепенно начинаем расправляться. Отвоевали Новгород, отвоевали Смоленск, разогнали Литву, разобрались с остатками татар, которые еще нам мешали на юге. И постепенно Московское царство начинает приходить к очень хорошему, добротному состоянию. Это уже настоящее, мощное гигантское государство, обширнее большинства европейских царств. Сплоченное, с бурно

Карта 23

Геополитические изменения в Восточной Европе во время Смуты и в период правления Михаила Романова

развивающимися городами, с огромным количеством бойкого веселого населения, которое помнит, как организовываться в самоополчение, как прогонять интервентов, как стыдить бояр, которые с собой не могут справиться, и как созывать земские соборы. Это очень демократическое общество, но по-особому демократическое. Это не вечевая ранняя демократия, это демократия всенародная, которая уже в полной мере впитала в себя исторический смысл событий предшествующих периодов. Это московская демократия, где народ помалкивает до поры, до времени. Народ тягловый, народ тянет, народ подчиняется мощнейшему царю и требует этого мощнейшего, жестокого, грозного царя, и не хочет мягкого, доброго богомольца. Он хочет сильной руки. Для чего ему эта рука? Для того, чтобы идти к спасению, чтобы она его гнала к спасению, как пасторским жезлом. Это необходимая вещь для русского народного собора – мощная монархическая, религиозная самобытная православная власть.

Геополитический и социологический смысл Раскола (роль внешних факторов – греки, латиняне, другие православные народы, Украина)

При Михаиле Романове и при Алексее Михайловиче идея сильной мощной власти, великой русской империи, московской идеи Третьего Рима, вселенского значения миссии русского православия, подкрепленная нашими геополитическими завоеваниями, приобретает характер глобальной исторической конструкции. И воплощается эта идея в боголюбческом кружке, который создается при молодом Алексее Михайловиче группой религиозных деятелей. В этот круг входят протопоп Аввакум и будущий патриарх Никон, а также Иван Неронов* и другие видные религиозные деятели и бояре. Они грезят о возрождении великой православной империи и объединении вокруг Москвы всех православных народов, включая отвоевание у турков Константинополя, возврат всех белорусов и украинцев из нашей западной части Киевской Руси, которая отошла под поляков и литовцев. И что происходит? Ведь задуманное сбывается. Мы действительно захватываем вплоть до Полоцка Литовскую Русь, русские наступают и освобождают право-

славный народ от панского шляхетского гнета. Все события свидетельствуют, что в столь печальный, трагичный, травматичный период истории Московская Русь должна вспыхнуть и загореться перед концом времен. О конце времен все помнят, никто не забыл. И все уверены, что под короной великого русского православия, под жезлом русского царя, русского императора и предстателя Русской православной церкви соберутся все народы мира, кроме еретиков.

Но происходит страшная вещь - перебор, перерастяжка имперской идеи. Она воплощена в патриархе Никоне. Какова главная задача Руси? Это духовное спасение. Какова главная сила в нашей истории? Это религия, это вера православная. И поэтому Никон решил поставить себя над царской властью. Далее, для того, чтобы быстрее реализовать геополитическую идею о Москве – Третьем Риме и создании единого вселенского православного царства под своей эгидой, Никон приказывает заменить старые московские обряды новогреческими, которые были распространены и на Западной Руси[1]. Он стремится быстрее включить представителей других православных народов, некоторое время назад попавших под католиков, и решает пойти им навстречу. Он отдает приказы переписать книги, поскольку, когда в конце XVI в. изобрели книгопечатальный станок и стали много печатать, встал вопрос о разночтениях. Рукописные книги стали сверять по современным греческим и украинским образцам, которые отступали от московских. Началась книжная справа. И тут вступила в силу и дала о себе знать вторая половина концепции московской идеи – эсхатологическая, темная, ожидающая прихода Антихриста. Протопоп Аввакум воплощает в себе эту другую сторону московской идеи. Никон же из идеи «Москва – Третий Рим» берет триумфальный аспект, оптимистический, прогрессивный, и строит Новый Иерусалим как площадку для нового Иерусалима. То есть в ожидании эсхатологического сценария у Никона возникает идея положительной империи. Русская империя становится всемирной, мощной, и на этом, на светлой, мажорной ноте история заканчивается.

А у Аввакума все наоборот. Он видит, исходя из концепции Москвы, как Третьего Рима, опасность, которая тревожила и

1 *Кутузов Б. П.* Тайная миссия патриарха Никона.-М.:Алгоритм, 2007.

Грозного. Аввакум видит Антихриста. И он видит Антихриста везде, он видит (самое главное, самое страшное) Антихриста в Никоне. Он утверждает, что Никон пытается нарушить древние устои, которые легли в основу православной идентичности, православного царства, православной религии[1].

Вначале это был спор двух фундаментальных русских патриотов, мистических националистов, носителей одной идеи «Москва – Третий Рим». При этом один разделяет оптимистический сценарий, а другой – пессимистический. «И собрались», -- пишет Аввакум, -- «мы со старцами и решили между собой, что зиме быть предстоит, поскольку ноги озябли». Ноги озябли , означает ощущение дыхания Антихриста. Дело плохо, считает Аввакум, и начинает войну с Никоном, а также с Алексеем Михайловичем, который Никона поддерживает. Это уже последний этап Московского царства – новая Смута и практически конец.

Вначале Никон проклинает Аввакума, ссылает его в Даурию. Это первый этап. Затем начинаются гонения на староверов. Староверы – это, говоря метафорически, те же участники народного ополчения, земского собора из тяглового люда Московской Руси эпохи Ивана Грозного, это социальная страта народа-богоносца, который чувствует себя и в этот период, ответственным за решение судеб страны.

И снова, спустя какое-то время, православному народу надо делать выбор: либо идти за царем, которого они сами утвердили на земском соборе, который поддерживает Никона и принимает новины, либо послушать старообрядцев. И происходит страшная вещь в русском народе – в глубине его происходит раскол. Эпоха раскола – это страшное, не только религиозное, но социальное, геополитическое, политологическое, культурное событие нашей истории. Часть народа выбирает Аввакума, приблизительно одна треть. Две трети выбирают Никона и царя. Эти две трети считают, что «ничего, как-нибудь, царю виднее». А о других писал Аввакум: «Русачки же мои во огнь дерзают, а правоверие не предают»[2]. Это он говорил о самосожженцах, то есть о той трети русского народа, которая

1 Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Acadeia, 1934.

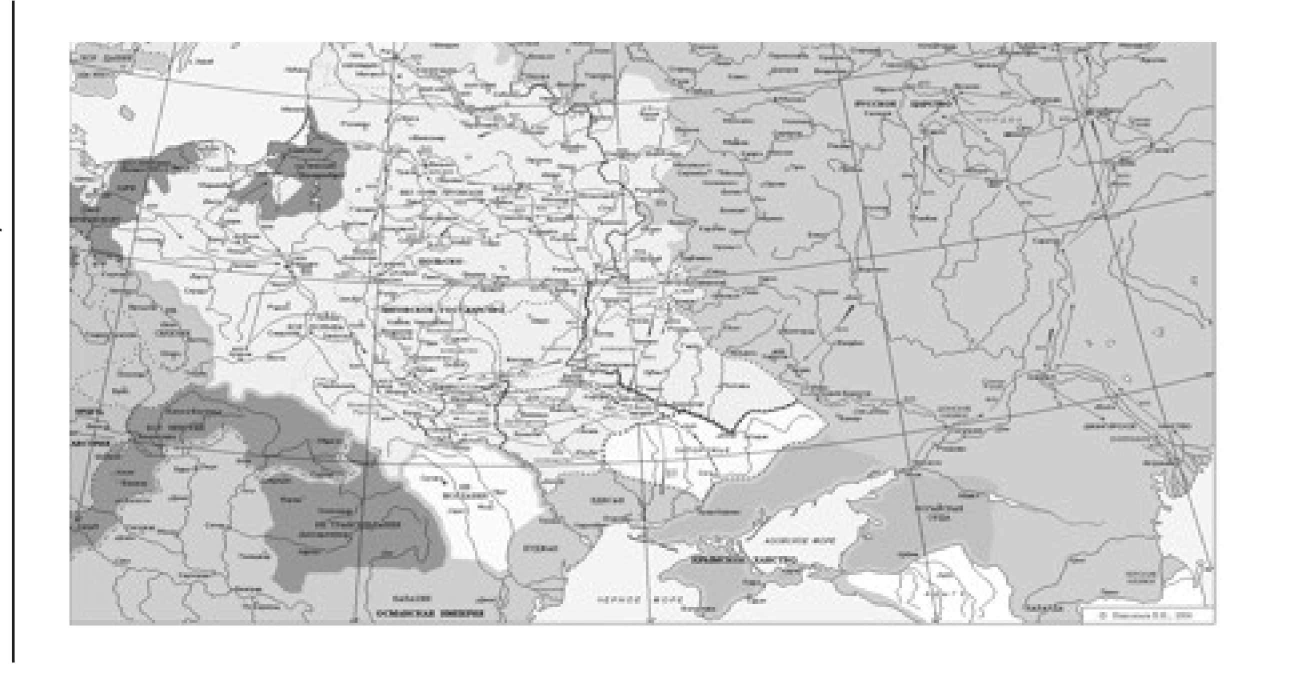
2 Там же.

считает, что лучше погибнуть, чем принять изменения в вере. И в этой ситуации народ должен сделать исторический выбор. Он же не присягнул полякам. Он не принял Лжедмитрия. Он не пошел за Годуновым или Шуйским. И он, в принципе, пошел за самим собой, за московской идеей. И в момент раскола он идет за московской идеей, но московская идея перемещается на периферию нашего общества. Если это был центр круга в эпоху московской Руси, то теперь наоборот, Москва ударяется в бега, Москва помещается на периферии, старообрядцы расселяются по окраинам нашей страны, по ходу дела колонизируя Сибирь, Кавказ, присоединяя к русскому государству все, что вокруг существует, что еще осталось не заселенным нами. Это уже другой социологический аспект. Столкнулись две московские идеи: одна монархическая, другая с опорой на идентичность, одна оптимистическая вариация идеи «Москва-третий Рим», вторая – пессимистическая.

Второй раскол происходит после первого, это раскол между низами и верхами, между низшим и высшим духовенством. Низшее духовенство поддерживает старообрядцев. Высшее духовенство поддерживает Никона. А бояре поддерживают царя, на народ им наплевать. Бояре всегда выполняли не слишком красивую функцию. И они все дальше и дальше отходят от нашего народа. Происходит как раскол внутри одной страты, внутри одного социального класса, так и раскол между двумя стратами; нарушается единство той гармонии, в рамках которой Русь так или иначе существовала на протяжении всего московского периода, за исключением Смуты.

Никон слишком возвысился над Алексеем Михайловичем. И Алексей Михайлович Никона ссылает. Тот уезжает в свой монастырь Новый Иерусалим, и думает, что его позовут обратно. Так же, как уезжал в свое время Иван Грозный. Но Грозного потом народ сам пошел звать обратно. К Никону никто не приходит, и он остается там забытым, а Алексей Михайлович, минуя все релииозные процедуры, назначает другого патриарха[1]. Окончательное низвержение Никона происходит в 1666 году. Этого года боялись на протяжении всего московского периода. Эта цифра считалась одной из возможных дат конца света, по

1 *Каптерев Н. Ф*. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912.

Карта 24

Русское государство при Алексее Михайловиче. Присоединение Восточной Украины к России

крайней мере, конца Московской Руси. Так все и произошло. Конец Московской Руси приходится на собор 1666-1667 годов. Что на нем происходит? На нем снимают Никона и анафематствуют Аввакума. Теперь уже все представители идеи «Москвы – Третьего Рима» анафематствованы, и оптимистические и пессимистические. Делают это греки. Греков позвали, потому что уже больше не на чем было основываться, потому что вся внутренняя, собственно христианская общественность, вся Церковь разделилась на новообрядцев-никониан и старообрядцев-аввакумовцев. И больше не к кому царю было обратиться, чтобы пересилить и тех и других. И он не нашел ничего лучше, чем вновь обратиться к иностранцам, советникам, которых, Никон завез, чтобы править книги. В те времена вокруг престола вращалась масса всяких авантюристов, которые по десять раз перекрещивались: то они были иезуитами, то они у турецкого султана служили, потом они в Москву православных приезжали учить. И, фактически, Алексей Михайлович обращается к грекам, на которых мы уже двести лет не обращали внимания со времен падения Константинополя, за исключением тех случаев, когда они приезжали за подарками в богатое Московское царство, посланные от константинопольского патриарха.

На соборе 1666-1667 годов анафематствуется православный Стоглавый Собор 1551 года, который собирал Иван Грозный, на котором утверждалась избранность православной веры и который фактически придавал идее «Москвы – Третьего Рима», московской идее, религиозное значение. Это событие вменяется яко не бывшее, признается трехперстие, хождение по-гречески противосолонь, против солнца вокруг алтаря, принимаются все другие нововведения Никона, и вводятся еще дополнительные новые. И главное -- отвергается концепция «Москвы – Третьего Рима», и утверждается, что вселенское православие – это греческое православие, а Московское царство является просто одним из православных государств. Вот когда приходит конец московской идее. Она зачиналась при Александре Невском, она давала о себе знать на Куликовском поле, она обрела первую фундаментальную манифестацию Иване III, при Иване IV она вошла в апогей, пережила кризис Смуты, удержалась во времена первого Романова, но на вто-

ром Романове она закончилась.

Таким образом, мы рассмотрели драматическую историю Московской Руси с точки зрения социологии, с точки зрения геополитики, с точки зрения ее религиозного смысла. После раскола уже нет идеи Московской Руси, нет идеи Третьего Рима, нет идеи трансляции империи, и зреет совершенно новая социологическая и геополитическая парадигма, которая называется Санкт-Петербургской Россией, и связана она с реформами Петра. Но конец всякого исторического периода длится какое-то время, и конец московской идеи начался именно тогда, с Расколом.

Формирование казачества и его геополитическое и социальное значение в русской истории

На всем протяжении Московской Руси, до начала Романовых, Москва восстанавливает контроль почти над всей территорией Золотой Орды. И дальше, в эпоху Романовых, и, в принципе, уже при Грозном, она начинает продвигаться дальше, в Сибирь, к Сибирской орде. Самое главное, что Орда и её остатки не воспринимаются больше русскими как враги. Мы, наоборот, собираем под своим контролем те земли, частью которых мы некогда были. Мы воссоздаем в период правления Грозного Золотую Орду, Улус Джучиев, только не под контролем южной столицы Сарая, а под властью северной столицы Москвы. Границы после взятия Казахского и Астраханского ханства почти те же самые. Мы воссоздаем государственность, в основу которой интегрально включена степь. И теперь, пожив при степно-лесном государстве, при монголах, когда монголы ослабели, и когда мы начали от них освобождаться, мы не вернулись в леса. Мы живем в лесо-степном государстве, чувствуя, что Казань, Астрахань и территории Сарая, южные донские степи – это наши земли, наше государство. У нас уже нет дуализма между лесными как своими и половцами, кипчаками, степняками как чужими. Мы сами уже, в некотором смысле, стали степняками.

И именно в тот период, когда мы начинаем осознавать себя как лесостепное государство, Московскую Орду, в этот момент появляется упоминание о казаках. Казаки – это уникальное яв-

ление «своих степняков». Это те русские, которые контролируют степь в интересах России. Как степные люди, они дикие, не подчиняются никаким законам; это мужская воинственная демократия. Казаки - очень жесткая, фактически военная каста. Эта идея очень важная. Это «свои степняки», которых, несмотря на то, что они являются представителями русского народа, воспринимают как другой особый этнос[1]. Конечно, об этносе казаков, как об исключительно русском говорить очень трудно. Среди них было множество славян, много тюркских и черкесских элементов, много кровей, которые перемешались на юге, в степных зонах[2]. Но именно казаки были представителями русской степи, которая была верна московскому государю. Это московская русская степь - новое в нашей истории понятие. Казачество также пополнялось беглыми людьми, и так постепенно проходила казацкая колонизация степных, и в том числе азиатских, казахских, например, земель.

Монголы научили нас обращаться со степью. Это чрезвычайно важный момент. А дальше мы, казаки, тот же самый Ермак Тимофеевич, двинулись и в другие части бывшего царства Чингисхана - туда, за Урал, и дальше в Сибирь. Казаки – это «свои степняки», которые держали контроль над русскими землями и расширяли зону нашего влияния на юг и восток. Они, конечно, подчинялись Москве с большими оговорками. Многое им не нравилось в том, что делает московский царь, часто, выходя из-под контроля, они грабили всех подряд, в том числе и русских людей. Но в целом они выполняли геополитическую функцию русского контроля над степью. И поэтому казаки с социологической, социальной и геополитической точки зрения являются неотъемлемой частью русского общества, поскольку они представляют собой тот сегмент русского общества, который контролирует степь.

Обратим внимание, где дислоцируются казачьи войска? Терское, донское казачество, далее уральские казаки, и даже сибирские казаки - все они расселены традиционно в степной зоне Евразии, южнее границы леса и степной зоны. Поэтому нет архангельских казаков или пермских казаков. Есть казаки

1 *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь, Астрель, АСТ, 2004.

2 *Щенников А.А.* Червленый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. М.: Наука, 1987.

южноуральские и есть сибирские казаки, есть также кавказские казаки, и есть казаки донские или кубанские. Когда мы говорим о казачьих войсках, атаманских войсках или просто их расселении, мы описываем степи. Казаки – это степь. Когда мы говорим «казак» – это означает житель русский или русоподобный, на нас похожий, может быть, нас недолюбливающий, но все равно «наш степняк», интегральная часть нашей государственности.

Отметим, что не везде, не у всех русских была такая история, как в Московском царстве. Мы хотим напомнить, что одновременно с историей Московского царства, существовала история другой её части – Руси Литовской, второй половины Руси изначальной, которая тоже платила дань Орде, но была больше интегрирована в польскую, литовскую, европейскую политику. Что происходит в этом обществе? Это западнорусское общество, состоящее из тех этносов, которые сегодня мы называем белорусами, жившими в северной части этой зоны, и малороссами, которые жили южнее этой зоны, кроме казачества. На самом деле, Восточная Украина заселена не малороссами, она заселена казаками, то есть «нашими степными». Фактически вся территория степной части Украины – это казачеcкие поселения. То есть, это тот же самый народ или та же самая структура, которая у русских контролирует степи. Она была такая же непокорная, такая же вздорная, такая же непослушная, но, тем не менее, это была часть нашего социального и геополитического организма. Это казаки.

Литва (Западная Русь) в XV-XVII веках: социальная и религиозная структура

Возьмем малороссов и белорусов. Это те, кто не участвовали в Куликовской битве. Это не великороссы. То есть, это две части западных русских, которые оказались в другой социальной, политической и геополитической ситуации. Генезис и белорусов, и малороссов в эпоху Литовской Руси происходил следующим образом. Это было православное славянское население бывшей Киевской Руси, ее западной части. В эпоху Литовского княжества это была его элита: большинство в Литовском княжестве составляли именно русские православные князья, а русское православное население образовывало значительную

долю всех жителей, его влиятельное уважаемое большинство. И даже языческие князья, такие великие князья литовские, как Гедимин, признавали силу православия и, будучи язычниками, относились к православной вере терпимо. Многие литовцы даже собирались принимать православие, и в связи с этим чуть было не сложилась западнорусская православная цивилизация, западнорусское православное царство. Но судьба распорядилась иначе, и после Кревской унии литовцы стали жителями католической польско-литовской страны с политической доминацией польского дворянства, шляхетства. И в это же шляхетство, в этот же католицизм вписались занимающие центральные посты, в частности, великий княжеский престол в Литовском княжестве, литовцы. И с этого момента статус фактичекого государствообразующего религиозного большинства, которым обладали малороссы и белорусы или их предки на первых этапах литовской государственности, стал постепенно таять. Вначале поляки установили свою власть над малороссами и белорусами, потом часть этих земель в результате войн и конфликтов перешла под контроль Австро-Венгрии. Всякий раз значение католического фактора увеличивалось, и через какое-то время малороссы и белорусы, представлявшие собой большую часть населения, оказались в положении людей второго сорта. Из влиятельного большинства Литовской Руси они превратились в подавляемое рабское сословие польско-литовского и затем австрийского государства.

В отличие от татарского гнета, который ограничивался установкой мягкого политического контроля и выплатой дани, польско-литовское государство требовало и дани, и политического подчинения, и смены религии, то есть, в совокупности, смены идентичности. Для того, чтобы быть полноценным членом польско-литовского княжества, русскому православному малороссу или белорусу необходимо было сменить веру. Но сменить веру значит сменить «Я», сменить сущность. За долгие века русские настолько сжились с православной идентичностью, что не мыслили себя без нее. Смена веры, особенно под давлением физических обстоятельств, означает предательство, признание себя никем, еретичество.

Насильственный переход в католичество расколол малорусский и белорусский народ: часть его приняла эти условия

Карта 25

Рост территории России в XVII веке. Присоединение Сибири

и интегрировалась в польско-литовское государство. Но это была крошечная часть. Подавляющее число малороссов и белорусов не пошло по пути отказа от своей веры. В основном опять по пути предательства и смены веры пошли бояре, которые смешались с шляхетством, с литовским дворянством. По тому же пути шли дворяне и бояре, бежавшие из Московской Руси, предавая государя, великих князей и царей, как Андрей Курбский. Хотя многие из них оставались некоторое время православными, но затем постепенно ополячивались, принимали католицизм и теряли идентичность. Народа это почти не коснулось. Была более тонкая стратегия. После того, как стало ясно, что окатоличивание действует не слишком эффективно, и даже под социальным, политическим и экономическим гнетом русские не собираются менять свою идентичность, была предпринята более коварная попытка – Брестская уния. Брестская уния предложила улучшить социально-экономическое положение западных русских в Литовском государстве, в случае, если они, сохраняя свой православный обряд, признают главенство Папы. Это называется униатство.

Униатство – это сохранение православного обрядапри безоговорочном признании главенства Папы Римского, признании подчинения церковной иерархии римской метрополии и римским кардиналам. То есть западным русским было предложено стать частью римской церкви, которая сохраняет православный греческий обряд, стать как бы католиками греческого обряда.

Можно понять несчастных белорусов и украинцев, которые приняли униатство и изменили свой социальный статус. Они стали из людей десятого сорта более полноправными подданными, к ним относились гораздо лучше, чем к православным. Конечно, они все-таки воспринимались поляками и литовцами в качестве «недочеловеков, но настоящие православныедля них вообще были людьми нулевого сорта.

Какой процент населения приблизительно принял униатство? Сложно посчитать, но если брать социологические и исторические хроники, не более пяти-семи процентов русских людей. То есть, основная масса малороссов и белорусов продолжала оставаться верными православной церкви. Конечно, влияние западной церкви, католицизма и униатства было

очень сильным. Оно носило и теологический, и языковый, и гносеологический характер. Но все же они отстояли веру. И поэтому когда Алексей Михайлович со своими воеводами пошел отвоевывать их от католиков и поляков, русские запада встречали нас с распростертыми объятьями. Православное население Белоруссии и Малороссии воспринимало приход русских в XVII в. и вхождение в состав российской государственности как избавление. Они превращались из людей никакого сорта, из просто еретиков, из презренных париев, ущербных изгоев, в полноценных, уважаемых жителей своей православной страны. И они возвращались на Родину. Ведь такой же была несколько веков назад наша общая Родина – Киевская Русь. Это была православная свободная страна, где каждому русскому православному человеку жилось в целом гораздо лучше, чем в рамах других геополитических образований. Поэтому «западные русские» не просто завоевывались или насильственно присоединялись к России, как утверждают украинские и белорусские националисты. Они освобождались от польско-литовского ига. Они попадали к себе домой и восстанавливали свои народные права, свое народное достоинство.К большому сожалению, мы не всех освободили, и часть оставалась еще долгое время под влиянием и под контролем польско-литовской государственности.

В любом случае эта часть западных русских людей представляет собой довольно однородную социально-этническую группу. Тем не менее, к сожалению, проживая около двухсот лет в разных государствах и социальных системах (великороссы – в Московской Руси, а малороссы и белорусы – в Литовской Руси), помимо православной идентичности, которая сохраняется и сближает их с московской социальной и геополитической системой, эти народы сформировали некоторые специфические особенности своего исторического пути и опыта. И мы в чем-то перестали друг друга понимать. Мы изменились, у нас образовалось больше татарско-восточного, а у них больше европейского, даже если они сохраняли свою православную идентичность.

Поэтому между великороссами и православными малороссами и белорусами тоже возникали социологические и геополитические барьеры. Нельзя сказать, что мы -- одно и то же.

Мы слишком далеко разошлись, и когда мы соединились, то только по нескольких признакам: по общности государства, по общности социальных, исторических и этнических корней в Киевской Руси, по общей геополитической модели и по общим религиозным корням. Это лежит в основе нашего сближения, нашего единства до сих пор. Но были и существенные различия, которые укреплялись. К тому же западнорусское общество было открыто к влиянию западной социальной системы. Все-таки они жили в недоаристократическом обществе (с точки зрения правления). Правление аристократов – это правление немногих. Правление монархическое – это правление одного. Это политологические термины, они не говорят, что хорошо, а что плохо. Монархическое – это власть одного, аристократия – власть нескольких, власть недостойных аристократов - олигархия.

Они жили в олигархическом обществе польско-литовского шляхетства и, конечно, не могли не впитать часть социального паттерна господствующего класса, как любые социальные страты, даже самые низшие. Какой ни какой обмен все-таки был, и циркуляция их социологических паттернов проходила сверху вниз. Через этнические, социально открытые модели уже по горизонтали происходил обмен различными социальными установками, католическое и униатское влияние проникало даже в православную среду.

Поэтому современное белорусское и украинское общество – это наследники истории существования у русских двух типов государственности, которые первично разошлись, как мы видели, в начале удельной Руси, еще дальше разошлись при монгольских завоеваниях, и затем частично сошлись в том московском периоде Алексея Михайловича, который знаменует отвоевывание части Малороссии. Такая возникла сложная социальная, этно-геополитическая конструкция, чьи последствия в полной мере в геополитическом, социальном и политическом смысле мы можем видеть сегодня.

Поэтому знание истории, знание геополитического смысла процессов, происходивших в древности, и понимание социологических трансформаций, флуктуаций, изменений и циклов в разных сегментах нашего общества совершенно необходимы не только как часть культурного багажа любого человека, но

как необходимые знания для того, чтобы ориентироваться в настоящем, творить и понимать будущее.

Библиография:

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998
Антонович В.Б. Монография по истории западной и юго-западной Руси Киев, 1882.
Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
Вернадский Г. В. Монголы и Русь (The Mongols and Russia) / Пер с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997.
Вернадский Г.В. Московское царство. В 2-х чч. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство ""Лань"", 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004 г.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: 1967.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. О термине "этнос" // Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.
Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Алгоритм, 2007.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002.
Гумилев Л.Н. "Тайная" и "явная" истории монголов XII-XIII вв. //Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ, Харвест, 2008 .
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005.
Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Acadeia, 1934.
Заседателева Л. Б. Терские казаки (Середина XVI – начало XX в.). М, 1974.
Зеньковский С. Русское старообрядчество, М.: Харвест, 2007.
Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912.
Кобяков С. Г. Заселение Дона в XVI – XVII вв. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. 1955. Т. 10. Географический ф-т, вып. 3.
Костомаров Н. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. М. 1990.
Кутузов Б. П. Тайная миссия патриарха Никона.-М.: Алгоритм, 2007.
Лисовой Н. Н., Соколова Т. А. Три Рима. М.: Olma Media Group, 2001.
Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты культуры. 2010.
Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Мадрид, 1966.
Фроянов И.Я. Грозная опричнина. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009 .
Фроянов И.Я. Драма русской истории: На пути к Опричнине. М., 2007.
Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52-75
Щапов А.П. Великорусскія области и смутное время (1606-1613): Статьи 1 и 2.- СПб.,1861.

Щенников А.А. Червленый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. М.: Наука, 1987.
Fedorowicz J. K. A Republic of nobles: studies in Polish history to 1864. New York : Cambridge University Press, 1982.

Глава 7. Геополитические и социологические особенности России в XVIII-XIX веках

Геополитическое и социальное значение реформ Петра Великого

Данная глава посвящена геополитическому анализу периода петровской и послепетровской России. Обычно он называется Санкт-Петербургским периодом, и к нему относят последнюю часть XVII века, весь XVIII век, XIX век и начало XX века вплоть до Октябрьской революции. Этот период представляет собой совершенно новую социальную модель. После Раскола заканчивается Московское царство, которое было организовано в согласии с социологической конструкцией, описанной в прошлой главе. С социологической точки зрения, эпоха Раскола, совпадающая с реформами и затем с низвержением Никона и дальнейшим этапом секуляризации, – это эпоха разрыва. То есть, те процессы, которые происходили в период Московской Руси, начало которым было положено в эпоху монголосферы, с социологической точки зрения закончились, и этот конец приходится на время Раскола. Тогда происходит не только разделение русской церкви на две составляющие: одни идут в старый обряд – старообрядцы, другие в новый обряд - никониане. Но происходит одновременно и разделение в социальном строе России. Мы показывали, что, как об этом писал князь Трубецкой[1], происходит разделение одной общей культуры на две разных.

Культурный тип Московской Руси представлял собой нечто однородное. Основная графическая модель, в которой может быть отражено московское общество -- это центр и круг. Это не треугольник, не социальная пирамида, а именно центр, в котором находится царь и окружающие его дворяне, и круг – простые люди. С этим было связано такое интересное явление, как гомология структуры русского быта. Покрой кафтана царя и покрой одежды простых людей, например, был одинаковым. Покрой, сама мода, сама форма была тождественной, но

1 *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.

у царя одежда делалась из очень дорогих тканей, а у простого человека – из простых, вплоть до холщовых рубах. Нечто промежуточное было характерно для боярства. Но крой был один. Обратим внимание, менялась материя, от сверхдорогой, украшенной бриллиантами, до простой, а покрой оставался одним и тем же.

То же самое в отношении архитектуры. Архитектура царского дворца эпохи Московской Руси представляла собой великокняжеский терем, царские хоромы и воспроизводила ту же самую модель, что и крестьянский дом, при том, что один был огромный, грандиозный, гигантский, а другой – малый (маленький и покосившийся, если это был плохой крестьянский дом). Здесь существовала гомология, социологическая гомология объектов быта, одежды и мест проживания. И это составляло специфическое отношение. Конечно, понятно, что дорогой, украшенный дом с большим количеством комнат и прислуги, дворец, белокаменные палаты, и маленькая покосившаяся хижина, это разные объекты. Но это объекты, которые представляли собой по форме одно и то же, а по качеству и размеру – разное. Точно так же и в отношении одежды. Точно так же и в отношении культуры. Религиозная культура царя и религиозная культура простолюдина в эпоху Московской Руси была одной и той же. Противоречия были не между одной и другой формами, а между качеством или, скажем, богатством той материи, из которой они были сделаны.

Если вспомнить Аристотеля, который в каждой вещи выделял форму и материю (форма – «морфе», и «гюле»*– «материя»[1]), то можно сказать, что различие в Московском царстве между вещами, большинством бытовых вещей, была в гюле, то есть в материи. Это были сходные формы, наложенные на разную материю.

Что происходит после того, когда мы переходим в следующий социальный, социологический период после раскола? После Раскола и в начале реформ Петра с социологической точки зрения происходит разрыв и формы (морфе) тоже. Это очень важно. Этот период называется периодом вестернизации русского общества, и это очень серьезный разрыв. С социологи-

1 *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.

ческой точки зрения можно сказать, что русское общество начинает усердно копировать европейскую модель социальной стратификации, сопряженную с жесткой сословной, кастовой системой. (Она была и на Руси жестко сословно кастовой, но другой по модели, это важно).

Существует дуализм двух типов архитектуры: европейского, основанного на жестком вертикальном делении, и русского московского периода, когда различие в статусе подчеркивалось именно в различии материи -«гюле», а не в различии формы-«морфе». Поэтому существовала идея плоского круга, в центре которого стоит государь. Но круг и центр располагаются в одной и той же плоскости. Архитектура западноевропейского общества - социальная архитектура, продукт социума, социальной деятельности, социальных конструкций, -- представляла собой замок, стоящий на холме. Внизу располагался город простолюдинов, у которого с замком подчас не было почти никакой связи - одна узкая улочка, которую легко было перекрыть для того, чтобы предотвратить восстание черни или создать блокаду города, и закрыться, например, от врагов которые могут спокойно разграбить предместье, побить местное население, а в замок не войдут.

Западноевропейская социологическая модель, современная Московскому царству, развивалась, начиная с западного средневековья вплоть до начала Нового времени. Эта модель создала другую социальную конструкцию, нежели Московская Русь. И когда мы приходим к концу Московского периода, с социологической точки зрения начинается разделение и видоизменение архитектуры русского общества. Российское, русское общество фундаментально меняется, потому что происходит раскол формы. Различия между боярами, дворянами и простолюдинами меняют свою структуру. Теперь бояре и дворяне носят отдельные одежды, передвигаются другим способом, живут в других помещениях. И возникает две формы: одна - форма высших классов, другая - форма низших классов. То есть, социальная форма единая в Московском царстве, единая с точки зрения общей социальной парадигмы разделяется на две. Таким образом, церковный раскол, который делит церковь на две части: на новообрядцев и старообрядцев, не останавливается на этом и проводит новую черту в структуре российского обще-

ства по линии формы (морфе). Возникает двойная социальная морфология (это больше напоминает западноевропейскую морфологию), где высшие классы представляли собой одну структуру, одевались по одному, а низшие классы по-другому. Меняется костюм, меняется самосознание, и простой человек, по сути дела, оказывается в другом отношении к центру. Это не периферия по отношению к кругу, а низ по отношению к верху. И с этого момента начинает формироваться новая модель утверждения власти над народом.

Московская идея, тягловая идея, заключалась в том, что все за что-то отвечают: царь отвечает перед Богом за страну, дворяне служат царю и Отечеству, а крестьяне кормят дворян и царя - на всех наложено *тягло*[1]. И несмотря на то, что бедные все время работают, богатые и властные тоже все время работают, они все постоянно воюют. Иван Грозный всю свою жизнь провел в войне, и все дворянство воевало. Одни люди пахали землю, а другие воевали и сражались. Все что-то делали, и всем было довольно тяжело, но все были частью некоего единого, цельного организма. Социальная дифференциация, конечно, была, и стратификация была, и в материальном и во властном положении были различия. В Московском царстве присутствовали все формы социальной стратификации классической схемы, разделенной по четырем социологическим осям - материальному благополучию, деньгам, славе и власти. Но структура социальной стратификации в Московском периоде русской истории она была иной, чем в следущем Санкт-Петербургском периоде.

Московской модели в геополитическом плане соответствует то, что можно назвать *евразийской ориентацией*, которая предполагает объединение всей Евразии или части Евразии через собиранием северных и южных лесов и степей с осмыслением всего этого в качестве самостоятельной цивилизации. В рамках Московской идеи русское государство осознает себя как самодостаточная цивилизация. И поскольку с востока идеологической, религиозной опасности, как таковой, нет, то, в основном, это самосознание утверждается перед лицом Запада. На Востоке есть, конечно, враги, противники, есть кого завоевывать и у кого что-то отбирать или, наоборот, что защищать.

1 *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.

Но в эпоху Московского царства оттуда не идет идеологической угрозы. Идеологическая угроза приходит с Запада.

Таким образом, Москва, Московское царство, формируется как цивилизация с одной стороны православная, с другой стороны, в значительной степени, евразийская, то есть, не западная, но и не восточная - цивилизация, которая отстаивает свою самобытность. После неурядиц, после смерти Алексея Михайловича два его сына при патронаже царицы Софьи приходят к царской власти. Затем остается один Петр Алексеевич, и с ним начинаются фундаментальные изменения во всей конструкции российской социальной и геополитической истории. Хотя, возможно, раскол создавал предпосылки реформам, которые начал Петр.

Истоки реформ Петра - и геополитических, и социальных, и религиозных - приходятся исключительно на эпоху Алексея Михайловича, эпоху Раскола. Делится церковь. С одной стороны победившая новообрядческая или никонианская церковь. С другой стороны – церковь старообрядческая или старообрядческое движение. Старообрядческое движение принципиально хранит верность московской религиозной идее. Новообрядчество, никониане и особенно греки, пришедшие после Собора 1666 года представляют собой новую модель религиозности, в которой очень много западных элементов.

В религиозном плане происходит то же самое, что и в социальном. Вводится многоголосье, так называемое партесное пение в противоположность знаменному одноголосному пению, которое было в Московской Руси. Вводится трехперстное крестное знамение. Это взяли у католиков и от западных православных, которые долго были под католиками. Греки сами постепенно тоже начали креститься щепотью. Обливательное крещение – это когда человека крестят, не полностью погружая в воду, как было в московском периоде, а как было принято у католиков и у греков: либо обливают водой, либо окропляют, без трехкратного погружения. Возникает новый тип иконописи. С точки зрения изобразительной и с точки зрения музыкальной все меняется в церкви. В иконописи вводится перспектива, то есть, элементы Возрождения, которые называли в XVII веке «фряжским письмом» Появляются первые портретисты, профанная живопись. Это новая религиозная модель, церковь

меняется эстетически, сокращаются службы, изменяется порядок осуществления религиозных литургий, происходит книжная справа, меняются тексты под киево-могилянские новые изводы, старые книги уничтожаются. Фактически, это новая церковь, которая представляет собой часть единой церкви. Старообрядцы сохраняют строгое соответствие прошлому. Новообрядцы модернисты, они открыты к новому. Церковный Раскол совпадает с расколом социальным.

Многие простолюдины поддержали именно старообрядчество. Среди старообрядцев, за редким исключением, боярыни Морозовой или высокопоставленного епископа Павла Коломенского, не было представителей ни крупной церковной, ни крупной социальной иерархии. Были, конечно, те, кто сочувствовал расколу, но в действительности огромное количество людей, которые остались верными старообрядчеству, старой московской религиозности, были именно простые люди. И еще раскол – это раскол между сакральным и профаническим, священным и мирским (это одна из основных социологических категорий, по Дюркгейму[1]).

Именно в этот период Святая Русь перестает быть святой, она становится светской Россией. Святость означает священную миссию. Светскость означает открытость, логичность, секулярность, обмирщение Таким образом, в этот период происходит разделение церковное, социальное и разделение между светским и священным. Все эти тенденции к концу XVII века приобретают характер секуляризации как отделения церковной, духовной миссии от государственной, отделение церквей как носителей сакральности от паствы, отделение старообрядцев от новообрядцев, и разделение культур.

На месте одной московской культуры после раскола намечается две культуры. Одна – культура верхов, другая – культура низов. Начиная с раскола, эти формы все дальше и дальше расходятся между собой. Петр I, таким образом, приходит на готовое. С социологической точки зрения Петр, ставит окончательную печать на тех процессах, которые были начаты до него. При Петре все эти процессы приобретают яркое, очевидное воплощение. Петр начинает стричь бороды. Что он делает,

1 *Durkheim E.* Les formes élémentaires de la vie religieuse. New York : Simon & Schuster, 1995..

на самом деле? Он изменяет форму правящего класса - ведь он не всем стрижет бороды, он не постриг ни одной бороды купца или простолюдина. Он стрижет бороды только боярам. Для них с еще традиционным сознанием остриг бороды был, приблизительно, тем же самым, что и публичное оскорбление или даже кастрация. Для человека московского периода мужская борода была необходимым социальным и культурным элементом, как юбка для женщины, без чего, в принципе, нельзя показываться на публике. Идея публичного бритья бород, и вообще идея перехода к европейской модели одежды и поведения означала фундаментальное изменение социального образа правящей элиты. Правящая элита, которую Петр пытался сделать совершенно не русской, западной, отторгалась волевым принудительным или добровольным образом от старых форм.

Социология петровских реформ

Таким образом, возникает особая социологическая структура. Причем интересно, что в этот период в русскую социологическую систему вводится понятие шляхетство. Именно в эпоху Петра дворян и бояр называют шляхтой, копируя польско-литовскую и польскую модель. Формируется, по сути, новый тип элиты, которая и одевается теперь совершенно по-другому. Она одевается в облегающие рейтузы, в букли, в хвостики, парики, то есть, копируется западноевропейская дворянская мода современных аристократов.

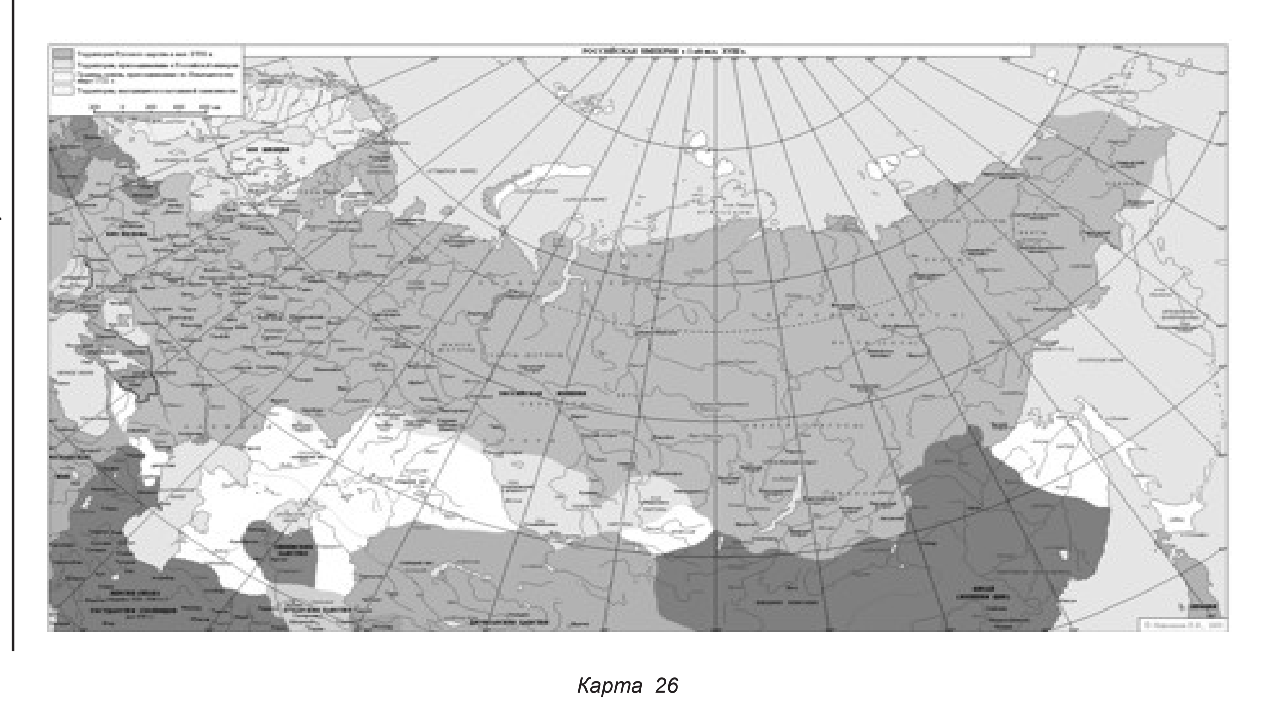
В свою очередь, простолюдины продолжают инерциально сохранять формы Московской Руси. Получается, что московская социальная система, социальные образы уходят в простой народ. И между петровским высшим классом и социальными низами начинает складываться антагонизм нового толка. И раньше были противоречия, между центром и периферией не может не быть противоречий, но горизонтальная система напряжений социальных оппозиций – это одно дело, а вертикальная – другое. Одно дело -- когда большое противостоит малому. Другое – когда круг противостоит квадрату. Между ними не просто различия в количестве, материале или объеме, а качественное противостояние.

Можно отметить, что в этот период вводятся западноевропейские модели мышления, в том числе и в язык, поскольку с этого момента, именно с периода начала XVIII века, элита все чаще говорит по-голландски, по-немецки, кто-то по-английски, но это редко, и по-французски. Петром сознательно завозятся, экспортируются представители Запада, которые, конечно, чужды русскоязычному, простонародному контексту. И интересно, что наша родная элита, боярская и дворянская, подражая иностранцам, начинает относиться к русскому народу, к своим крестьянам точно так же, как относятся приехавшие. То есть, раньше это были свои, теперь крестьянство перестает быть своим. У элит все меняется - одежда, внешний вид, самосознание, язык. Раскол общества приобретает зримые формы.

Меняется отношение формы правления аристократии над простолюдинами, начинается настоящее крепостное право. Копируется феодальная модель личной и полной зависимости крестьянина от феодала. И хотя это еще не феодализм в полном смысле слова, но модель воспроизводится феодальная, с одним только очень важным для нас с социологической точки зрения различием. Дело в том, что феодальная модель вырастала из логики именно западноевропейской истории. Закрепощение сервов за лендлордами, за баронами и создание вассальных иерархий складывались исходя из логики развития западноевропейской культуры. Такова была модель социального развития тех этнических и социальных групп, которые сложились в Западной Европе. В нашей же истории ничего подобного не было.

От московского периода сохраняется очень интересная идея – монархия. И именно монарх своей тотальной властью, в частности, Петр Первый, который демонстрирует абсолютизм своего управления, сознательно раскалывает общество и искусственно создает элиту, противостоящую массам. И до этого были элиты, и до этого были массы, и между ними были напряжения, но Петр делает эту оппозицию формальной. Поэтому, как правило, историки разделяют самодержавие, которое свойственно московскому периоду, и абсолютную монархию эпохи Петра.

Интересно, что в России мог бы возникнуть феодализм как в Европе, если бы феодалы сложились самостоятельно

Карта 26

Успехи геополитики Петра Первого: рост территории России в начале XVIII века

как некий социальный институт. Но нет, Петр делает феодалов из своих холопов. Из из бояр, из дворян, из просто авантюристов, типа Меньшикова, искателей приключений. Петр делает шляхетство. Шляхетство не растет снизу, оно делается Петром, поэтому это шляхетство в отличие от феодалов обладает колоссальной степенью холуйства. От Московской Руси остается только полная тотальная власть царя. Русское шляхетство – это рабское шляхетство. Это не шляхетство воинов, которые окружают равных, и первый среди равных между ними – монарх. Так было в западноевропейской культуре, поэтому там можно монарха, в случае крайней необходимости, снять или переизбрать. В России же, по-сути дела, ярлыки рыцарей прилепили царской дворне. Такое квазишляхетство возникает потому, что оно выросло не само по себе, отстояв свой социальный статус, оно было «назначено» таковым.

Происходит жесткое закрепощение крестьян за конкретным владельцем. Раньше при московском периоде бояре и дворяне получали землю вместе с крестьянами во временное пользование, пока они служат стране. Как только они пытались предать, как Курбский, у них все это изымалось, поскольку это была не их личная собственность. Теперь же возникает отношение к крестьянам как к частной собственности, лишь с одним ограничением: теперь уже царь без всякого интереса Отечества, просто по собственной воле, может кому угодно отдать что угодно и у кого угодно это отнять.

Личная воля, профанная, секулярная воля абсолютного монарха ограничивает и видоизменяет структуру российской аристократии. Российская аристократия – это не западная аристократия, не аристократия замков. Это аристократия подделки, аристократия симуляции, псевдорыцарство, ряженые. На самом деле, старорусская власть лишь переоделась в европейскую. И Петр чувствовал смехотворность, потешность своих реформ: пытаясь сделать из России европейскую страну, но делал это, как говорят Соловьев[1] и Ключевский[2], ультраазиатскими способами. Предшествующую систему он сломал, но построил ли он что-то новое? Этот вопрос задавали славяно-

1 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 - начало 20-х годов XVIII века. М.: АСТ, Фолио, 2001.

2 Ключевский В.О. Курс русской истории, СПб, 1904.

филы, которые считали, что именно при Петре произошел полный разрыв той этносоциальной структуры, которая сложилась в Московском царстве.

То, что сложилось при Петре, глубоко русском человеке во всех отношениях, оформляется в постпетровский период, когда к власти приходят дамы, которые либо убивают своих мужей и сыновей, либо пытаются это сделать. Это Екатерина I, Анна Иоанновна с Бироном, Елизавета. Дальше до конца XVIII века правят дамы, и разве что при Екатерине II что-то начинает меняться, предуготовляя XIX в. Но можно сказать, в целом, что все это время, и даже в XIX веке, вплоть до 1917 года, так или иначе сохраняется новая послепетровская социологическая парадигма: раскол общества и псевдоморфоз, то есть, различие в морфологии социальных структур верхов и низов.

От Анны Иоановны до Павла Первого

Вслед за Петром во главе абсолютной монархии становятся какие-то курляндские княжны и другой сброд, совершенно не имеющий отношения к русской монархии и сплошь и рядом плохо говорящий по-русски. Идеологически это даже и не новообрядчество, которое формально сохраняется. По сути, уже при Петре основной спор идет между протестантским и католическим толкованием православия. Стефан Яворский и Феофан Прокопович, один католик, другой протестант, спорят в псевдоправославном контексте о том, кто из них прав[1].

Петр упраздняет московское патриаршество, вводит Священный Синод, при котором над головой русской церкви, независимой даже в самые тяжелые периоды самодурства русских царей, ставится чиновник типа стряпчего, обер-прокурор, светское лицо, которое и провозглашается первым лицом в церкви. Церкви остается только служить министерством нравственности. И, естественно, у нее отнимается государствообразующая, идейнообразующая и смыслообразующая роль в социальном контексте. Петр I пытается запретить монашество, считает, что монахи -- бездельники, не признает никаких форм сакральной деятельности, которая бы не приносила практического плода,

1 *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М.: Изд. Д. Самарина, 1880.

Карта 27

Расширение Российской Империи во второй половине XVIII века

и подражает Западу во всем, вплоть до провозглашения себя главой церкви, в духе англиканских монархов. Постепенно Петр начинает выступать как анти-Третий Рим, анти-Русь, воплощая в себе полюс антимосковской идеи.

Этот период тотально ломает московскую модель и пытается превратить Россию в Запад. Наступает эпоха вестернизации и секуляризации. Важно, что после Петра во главе страны оказываются иностранцы, которые не просто подражают Западу, но приезжают с Запада, здесь поселяются, и относятся к русскому народу как к местным аборигенам, как африканским, австралийским племенам или индейским племенам, то есть, как к рабам. Они физически не понимают, что бубнят русские люди, почему они носят бороду, почему на них традиционный костюм, потому что это ничего им не напоминает. И отсюда возникает стремление просто превратить их в своих сервов на европейский манер.

Власть монарха или царицы остается фундаментальной социологической силой, которая в значительной степени снижает значение феодального аристократического класса, который, тем не менее, возрастает в своих функциях и все дальше удаляется от народа.

Интересен такой социологический пример: в XVIII веке человеку в русской одежде был запрещен вход в Санкт-Петербург. Степень западничества и пролиферации западного просвещения и западной культуры в русское общество была в XVIII веке гораздо выше, чем сейчас. Это было более современное, более модернизированное, более либерально-демократическое общество, чем сегодня. Это был действительно период полноценного западничества. Петр организует университет в Петербурге, а позже Академию, университет в Москве, в этих университетах преподают иностранцы на иностранном языке, а русские сидят и слушают. Теперь уже русские ничего не понимают, даже если это дети бояр, они слушают, что немцы вещают. Поскольку немцам скучно вещать, приглашаются также немецкие студенты, они выписываются из Германии, из Голландии и тоже слушают немецких и голландских учителей.

Наблюдается расцвет наук, расцвет культур. И это самосознание элиты как части Запада, а не местного народа, сохраняется в течение XVIII в. почти до начала XIX в. Можно сказать,

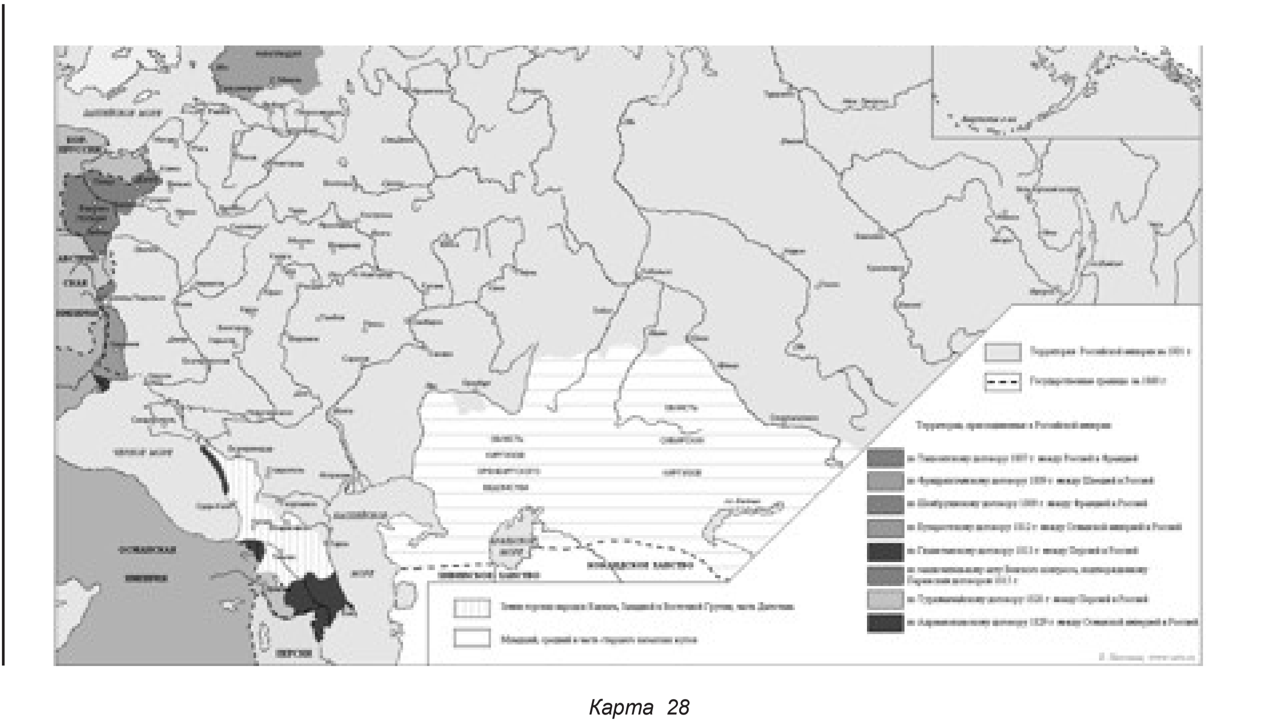
что в русской истории с социологической точки зрения XIX век является более древним и архаичным, чем XVIII в. Такого пика просвещения и западничества, как в XVIII в., ни XIX, ни XX вв. не знали. XX в. еще более архаичный. То есть, наша история в какой-то момент сделала очень странный виток по сравнению с западноевропейской историей. По крайней мере, после Московского царства она шла в сторону Запада, а затем, формально продолжая процесс вестернизации, просвещения и модернизации, повернула в другую сторону так, что никто и не заметил. Но XIX век оказался более архаическим, чем XVIII век.

XIX век – консерватизм и модернизация

Перелом приходится на Великую Французскую революцию, когда Екатерина II Великая, вначале симпатизировавшая Вольтеру, Дидро, переписывавшаяся с ними, вдруг осознает, что так можно и «места лишиться», если еще немного продолжить. И возникает коллизия внутри абсолютной монархии. Екатерина понимает: либо абсолютная монархия с акцентом на ее абсолютность и, соответственно, ее полновластие, либо модернизация. С того момента, когда Екатерина выбирает монархию, в стране вновь начинается консервативный тренд. Екатерина II предала демократию, которую сама взрастила, стала преследовать масонские общества, которым сама же, собственно, покровительствовала, запретила свободомыслие. После нее приходит консервативный император Павел, которому долго не дали, правда, возможности процарствовать. И дальше -- Александр, Николай, Александр II, Александр III и Николай II.

По сути дела, с каждым из этих царей мы углублялись во все большую и большую архаику. Со второй половины царствования Екатерины, начинается возврат в значительной степени к старорусским обычаям, восстанавливается старчество. Старчество – это духовная часть православной церкви, которая, конечно, в эпоху рационализма Петра была невозможной. Паисий Величковский заново переводит на русский язык «Добротолюбие» -- афонское старческое наследие, сугубо православную духовную традицию[1]. Если в XVIII веке, да и в первый период царствования Екатерины, любой человек, который

1 Русское подвижничество. Под ред. Т.Б. Князевской. М.: Наука, 1996.

Карта 28

Рост территории России в первой половине XIX века

заговорил бы о старчестве, немедленно отправился бы в дом умалишенных, то теперь это становится осторожной духовной традицией, которая становится все более популярной. В XIX веке старчество захватит сознание уже очень больших православных кругов, а в конце XIX – начале XX веков, когда мы подойдем к почти полному избыванию петровского периода, вернемся почти в Московскую Русь, в этот момент старчеством заинтересуется уже император Николай II, окружающий себя старцами, и вся интеллигенция, начавшая ездить по монастырям и в Оптину пустынь. Но начинается это все в эпоху Екатерины.

С этого момента, с XIX в., начинается народное просвещение. До этого было только дворянское просвещение. Когда начинают просвещать народ, народ начинает не просто тупо смотреть, что вытворяют наверху, а начинает говорить. Что он говорит? Он говорит по-московски, он говорит нечто, что принадлежит ему, что он помнит из предшествующих эпох.

Это начало говорения народа отражается в таком социологическом явлении, как спор славянофилов и западников. Славянофилы – это часть европеизированной элиты, получившей прекрасное образование, говорящие на языках, которые обнаружили значение народа как социального фактора и значение московского периода как обосновывающего уникальность русской истории и самобытность русской культуры как историко-социального фактора. И славянофилы говорят «нет» петровским реформам, «да» народу и «да» московской модели[1].

Это становится одним из фундаментальных направлений или, как мы бы сейчас сказали, трендов XIX века. В какой-то период само правительство при Николае I, и позднее в эпоху Александра II, Александра III, берет их идеи на вооружение. Знаменитая формула Уварова «Православие, самодержавие и народность» - это формула Московской Руси[2]. Речь идет о самодержавии, а не об абсолютной монархии, о православии как об особом культурном и религиозном типе, и о народности. Это та народность, о которой вряд ли кто-то посмел сказать в XVIII

1 *Хомяков А.* Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

2 *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М.: ACADEMIA, 2007

веке Бирону, например. Поэтому идея православия, монархии и народности, которая кажется сегодня нам реакционной, это формула консервативного возрождения XIX века, взятая у славянофилов, которые представляли собой совершенно специфическое направление. Они не просто хотели сохранить то, что есть, они хотели вернуться в то, чего давно уже не было. Потому что между XIX в. и Московской Русью прошло много времени, и еще больше до славянофилов, которые появились-то в 30-е годы XIX в. Поэтому, общество разделяется на славянофилов и западников. И важно, что к славянофилам относятся представители элиты, часть дворян, они говорят о самодержавии, они поддерживают царя. То есть, они поддерживают в монархии именно не аристократическое, а централистское начало. Им противостоят западники, которые, наоборот, стремятся продолжить петровские реформы и критикуют ситуацию, петровскую ситуацию XVIII в. с другой стороны. Это приводит к движению декабристов, которое, кстати, и есть первое проявление такого организованного западничества, которое требует перераспределения власти от абсолютного монарха в сторону аристократии. Пока еще аристократии.

У Георгия Вернадского есть блестящая статья о тайных обществах начала XIX в. Там, например, во главе одного из тайных обществ («Союз Русских рыцарей») входившего в масонское движение, которое возникает в России в начале XIX в., стоял некий Мамонов, который предлагал после установления свободной республики вырезать всех иностранцев, находящихся на территории Российской империи[1]. То есть, наряду с либеральными проектами, там была жесткая патриотическая идеология. Действительно, в XIX веке элементы либеральности и западничества соседствовали с самыми разнообразными моделями. Было, например, создано тайное общество доносов - масонское либеральное общество, в котором каждый обязан был писать доносы царю. Преломления свободы в дворянском сознании, в сочетании с возвратом консервативных тенденций, порождали очень интересный спектр социальных явлений.

Тенденции к консерватизму, то есть, по сути дела, московские тенденции внутри Санкт-Петербургского периода, постоянно нарастали в течение всего XIX века. Идея освобождения

1 *Вернадский Г.В.* Два лика декабристов. Свободная мысль. 1993. N 15.

крестьян изначально активно поддерживалась именно славянофилами, которые считали простой народ и крестьянство носителями московской идеологии, московских ценностей. Поэтому, с одной стороны, за освобождение крестьян ратовали западники либералы. А ультраконсерваторы, славянофилы были еще более последовательны в защите крестьян. И в течение XIX века все эти настроения только нарастали, особенно славянофильство. Николай II – самый архаический царь Санкт-Петербургского периода. Как будто время в России XIX века пошло обратно.

XIX век вновь переживает сближение морфологии дворянства и крестьянства. Обратим внимание, как одеты баре в XIX и в XVIII веках. Баре XVIII века носят строго западные костюмы. В XIX веке начинается симбиоз между народным и западным костюмом. Дальше мы встречаем на портретах в XIX в. вначале бакенбарды, а потом и бороды. И уже к концу XIX века появляются русские цари с бородами. То есть, не только славянофилы, не только любители древности, не только русские мужики, которые так и не брились все это время, но и сами цари начинают воспроизводить морфологию народа. Народное просвещение, начавшееся с либеральной идеи подтянуть к западному стандарту отстающие низы, кончилось тем, что низы утянули в себя тех, кто их пытался просветить. Они своим внутренним упорством, своей московской инерциальной линией открыли град Китеж. Град Китеж -- это запрещенная старообрядческая легенда, а в XIX веке, благодаря ее введению в искусство, она стала общерусским символом, общекультурным местом[1]. В свое время это была, в каком-то смысле, революционно-консервативная московская идея. А в XIX веке Град-Китеж становится образом всей Руси.

В рамках Петербургского периода от Петра до Николая II основным алгоритмом является западничество и отказ от московской социальной модели. Основными тенденциями являются вестернизация элит и углубление конфликта элит и масс, причем именно в морфологическом смысле, в диаморфозе (то есть, двойной форме). Тем не менее многое в петровской Руси

1 *Шестаков В. П.* Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995.

сохраняется от Руси Московской. Прежде всего, сохраняется народ. Народ не меняется по принципиальным соображениям. Не то, что бы он не может измениться, он не хочет меняться. В этом есть определенный волюнтаризм и определенное решение. С другой стороны, сохраняется колоссальное значение абсолютной монархии как отблеска самодержавия, и эта традиция чрезвычайно важна. Все перемены происходят в высшем элитарном классе, в высших стратах, но не на самой верхушке. Наша политическая и социальная система даже в Питерский период устроена так, что есть две постоянные константы: монархическая власть, хотя она и меняет свое содержание, и мощный, всегда одинаковый, достаточно непоколебимый в своей неизменности народ. Эти два предела социологического устройства общества при фундаментальном изменении, переходе от мономорфоза к социологическому диаморфозу тем не менее в определенных граничных социологических условиях не меняются. Это первое замечание. Второе замечание состоит в том, что стремление преодолеть глобальный раскол общества и вернуться к синтезу Московской Руси, начиная со второй половины правления Екатерины, становится одной из важнейших тенденций XIX века, которая движется по нарастающей.

Геополитика пост-Петровской России

Такова общая картина социологических трансформаций того периода. Посмотрим на связь их с геополитикой. С геополитической точки зрения период Санкт-Петербургский от Московского отличает новая столица.

Москва не только географическая, но и геополитическая, социологическая, и даже архитектурная столица Московского царства. В Москве все выстроено по круговому принципу, который отражает структуру московского русского общества. Это евразийская, мессиански наделенная, купеческая столица. Но не купечество делало Москву Москвой. Москву создавала миссия, воплощенная в этой столице.

И Петр I, чувствуя, с чем он имеет дело, понимая, что Москва как столица и есть воплощение бород, мономорфизма, однородности культуры, некоей неподвижности, консервативности, определенной заторможенности, «застывшести»

Московского царства, решает взломать эту геополитическую модель, создавая на пустом месте, на западном рубеже свое пресловутое «окно в Европу». Обратим внимание на различия в архитектурном стиле двух городов. Москву строили либо русские люди, либо итальянцы под руководством русских людей, привезенные Софьей Палеолог при Иване III. Это в целом русская архитектура, связанная с плоскостной и круговой застройкой. Санкт-Петербург представляет из себя строго европейскую модель. Это европейский город, формально построенный европейскими архитекторами, которые учили русских царей, что и как надо строить.

Это город образовательный, город, который накладывает на нашу историю совершенно иной социальный паттерн. Между Петербургом и Москвой существует социологическое противостояние, которое до сих пор у заметно у москвичей и питерцев. Это различие в том, два города воплощают идеи двух ориентаций развития России. Санкт-Петербургский путь – это путь на запад, Московский путь – это путь Руси в саму себя. В одном городе доминируют прямые углы, в другом -- круги. Два типа культуры, два типа общества, одно общество московское, другое -- санкт-петербургское. Поэтому Москва и Санкт-Петербург, и также связанные с ними исторические периоды, когда Москва была второй столицей, и когда она была первой, единственной столицей, – это два разных периода русской истории. Вновь мы видим связь пространственного или геополитического фактора с социологическим. Мы говорим «Москва», но подразумеваем одну социальную организацию, говорим «Санкт-Петербург» и мыслим другую социальную структуру. А архитектура, стиль жизни, исторические события, связанные с Москвой и с Санкт-Петербургом, являются лишь оформлением, обрамлением различных социальных алгоритмов.

Между Москвой и Санкт-Петербургом существует разрыв, и перенос столицы в Санкт-Петербург, и строительство Санкт-Петербурга, это строительство совсем другой России -- светской, секулярной России, где церкви отводится совершенно иное место, нежели в Московской Руси. В Московской Руси церковь была в центре Московского Кремля, владычество московских митрополитов, позже патриархов, было почти равнозначно царскому владычеству. Никон при Алексей

<u>*Карта 29*</u>

Геополитические итоги Романовского периода Российской Истории – территория Российской Империи в 1914 году (Е Европейская часть).

Карта 30

Геополитические итоги Романовского периода Российской Истории – территория Российской Империи в 1914 году (Азиатская часть)

Карта 31

Территориальное расширение России с 1614 по 1914 гг. (сводная карта)

Михайловиче поднимался даже выше, чем царь. Но все это было заложено в византийской модели симфонии духовной и светских властей. Поэтому Москва – это сакральная власть, власть церкви, власть государя. Санкт-Петербург – это светская власть, церкви там не дано права рот открыть. Церкви и соборы там строго подчинены обер-прокурору, который прямо с попоек приезжает на Священный Синод и говорит архиереям, как надо себя вести и в каких ситуациях что исполнять. Это совершенно другая модель.

С одной стороны, можно сказать, что это линия разрыва, и разрыва парадигмального в рамках социальной истории России. Но дальше идет интересное дополнение. Если рассмотреть, как Санкт-Петербургская Россия относилась к пространству России, мы увидим ту же самую константность, которую мы видели в народе и принципе абсолютной монархической власти. Мы увидим, что переориентация геополитического вектора в сторону Запада привела лишь к укреплению и территориальному расширению российской державы, по сути, захватившей собой всю территорию Евразии. В петербургском периоде существует парадоксальное продолжение московской идеи: мы видим как прирастает Русь. Она растет, правда, не по прямой, а осциллирует, сначала падает территориально, потом поднимается, причем поднимается всегда выше, чем падает. Заметен все новый и новый охват территорий (после Смутного времени мы постепенно отхватили гораздо больше, чем имели до Смутного времени). Русь сжимается и разжимается. И в период XVIII и далее XIX веков территория России, с геополитической точки зрения, доходит уже до гигантских пропорций; вся территория северной Евразии находится под контролем России. Русские растекаются: где-то сознательно, где-то сами по себе, кто-то их посылает в какие-то походы, какие-то экспедиции сами собой образуются. От Петра I, например, бегут старообрядцы, бегут толпами, миллионами, и постепенно территории на периферии российской империи оказываются под русским контролем. Крестьяне бегут на Дон к казакам -- так укрепляется русское присутствие на юге. И вроде бы события нежелательные, и никто народ туда не посылает, а оказывается, что геополитические процессы идут.

Вот пример того, как в данном случае, при переносе столицы из Москвы в Санкт-Петербург, с одной стороны, наблюдается радикальное и резкое изменение социальной модели, непосредственно выраженное в пространстве, в сфере геополитики. В то же время мы видим, как сохраняется геополитическая преемственность Санкт-Петербургского периода периоду Московского. Другое дело, что постепенно к XIX веку растет осознание правящим классом геополитических целей России. Петр в основном борется с двумя врагами, с Западом и Турцией. В московский период с Турцией реальных столкновений не было. Правда, крымский хан, который стал турецким вассалом, периодически доходил чуть ли не до Москвы при этом турки отхватили себе Приднестровье и часть правобережной Украины. Все черноморское побережье с севера и с юга было под Оттоманской империей. Петр I, несмотря на разрушительные социологические последствия, которые он принес своими реформами русскому обществу, с точки зрения геополитики и с точки зрения военных успехов был чрезвычайно одаренный царь. Это царь, который сделал для России в стратегическом аспекте чрезвычайно много. Так, кстати, было и в Византийской империи, когда правящая династия, иконоборческая, признанная позже еретической, сделала в несколько раз больше, чем предшествующие православные императоры. Такой еретический для русской истории царь, как Петр I, которого старообрядцы считали Антихристом, сделал с точки зрения национальных интересов чрезвычайно много. Он впервые по-настоящему насел на турок, отразил шведов, которые к тому времени фактически подмяли под себя Северную Европу, а Полтавская битва поставила крест на Швеции как на центре Европейского могущества. Двигаясь к Западу и открывая туда окно, Петр в это окно просовывал мушкет. Не надо тоже забывать, он в это окно не за деньгами лез, как сейчас едут с протянутой рукой, за грантом, он брал пистолет и из этого окошка постреливал по тем, кто находился с западной стороны. Поэтому западничество Петра, безусловно, фиксируемое с социоло-

Карта 32

Россия в геополитике Европы при Петре Первом

гической стороны, не подтверждается с геополитической точки зрения. В этом вопросе Петр проводил политику, если угодно, преемственную.

Создается новая модель, копирующая Запад. Но с точки зрения самой западной политики Петр отстаивает суверенитет и независимость Российской империи, пусть и в усеченном виде. Он сохраняет именно православие, не отказывается от веры. И в этом смысле и сохраняется монаршая власть, которая вытянет Россию уже в XIX веке, правда, не до конца, в XX век. При этом идет освоение Сибири, русские доходят до границ Тихого океана и уже выходят за них. При Петре Россия фундаментально растет.

При Екатерине, которая наследует те же самые тенденции, существует похожее социологическое западничество, как у Петра, особенно в первый период, и одновременно она продолжает его геополитический курс. И суворовские подвиги как раз показывают, что, в принципе, уже к концу XVIII – началу XIX вв. Россия стала великой державой. Русские воины (правда в союзе с кем-то) стали регулярно брать европейские столицы, доходя до Парижа, Берлина, захватывая Пруссию, деля по несколько раз Польшу, все больше восстанавливая контроль не только над традиционными землями, где жили наши православные, но периодически грозя пальцем европейским центрам.

«Большая Игра»: Российская Империя против Британской

Российская геополитика сохраняет континентальное евразийское значение и евразийскую ориентацию даже в той ситуации, когда преобладает немосковская социологическая модель. В нашем исследовании чрезвычайно важно выделять два уровня: с одной стороны, социологический, с другой – геополитический. В конце XVIII века (екатерининский период, и чуть позже Павел I, и уже в совершенно полноценной степени Александр I), разворачивается полноценная и мощная Большая Игра -- то, что англичане называют «Great Game». «Great Game» – это важнейшее геополитическое понятие, «Великая Игра», «Большая Игра», которая представляет собой битву Англии, Велико-

Карта 33

Британская империя в период своего наивысшего могущества. Как держава Sea Power Британия стремилась контролировать важнейшие морские проливы, острова, стратегически важные зоны береговой линии Евразии

британии за мировое господство[1].

К этому времени Англия уже захватывает большую часть своих морских колоний и становится величайшей морской державой, которая контролирует практически весь Мировой океан. И, одновременно, в этот период происходит полное достижение русского военно-политического контроля над территориями Евразии. Карта Макиндера приобретает четкие, внятные черты. С одной стороны, англичане становятся единственными хозяевами Мирового океана, то есть, чисто атлантической силой. А сухопутная Россия интегрирует полностью свои внутриконтинентальные евразийские пространства, уютно располагаясь на территории того, что геополитика называет «Heartland», «сердцевинной землей».

Таким образом, дальнейший ход мировой истории будет связан со следующей логикой, хотя еще акторов, игроков очень много, и после 1648 г. наступает так называемая версальская модель устройства Европы, когда носителями суверенитета объявляются национальные государства. Сколько национальных государств в Европе, столько и акторов, то есть, деятелей геополитических. Но это лишь номинально с точки зрения глобальной геополитики акторов намного меньше. Есть актор – атлантистский полюс, Англия, и есть второй актор – континентальная Россия. Между этими двумя главными акторами, с точки зрения геополитической модели, и начинается битва. Ее полноценное оформление датируется екатерининским временем, когда наше противостояние с Англией приобретает фундаментальный характер по двум причинам.

Потому что Англия контролирует планету через океанические просторы практически полностью, а мы с другой стороны практически полностью устанавливаем контроль над евразийской сушей[2].

Таким образом, возникает картина стратегических сил, распределение ресурсов в мире приобретает приблизительно уже те рамки, с которыми мы будем иметь дело в течение XIX, XX вв. и сегодня. Иными словами, можно сказать, что геополитическая модель, атлантизм и евразийство, морская циви-

1 *Хопкирк П.* Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.

2 *Широкорад А. Б.* Россия — Англия: неизвестная война, 1857–1907. М: ООО «Издательство АСТ», 2003

лизация и сухопутная, входит в фокус. До этого акторов было слишком много, теперь этих акторов остается два. И дальше, начиная со второй половины XVIII века, с конца XVIII века, в полном смысле слова, без всяких метафор можно говорить о Великой Игре и в смысле геополитической истории, которая заключается в попытке Англии предотвратить выход России к теплым морям и контролировать мир через доминацию в рамках Heartland. Именно так Макиндер и формулирует главный закон геополитики: «Тот, кто контролирует Heartland, тот контролирует Евразию. Тот, кто контролирует Евразию, контролирует весь мир»[1].

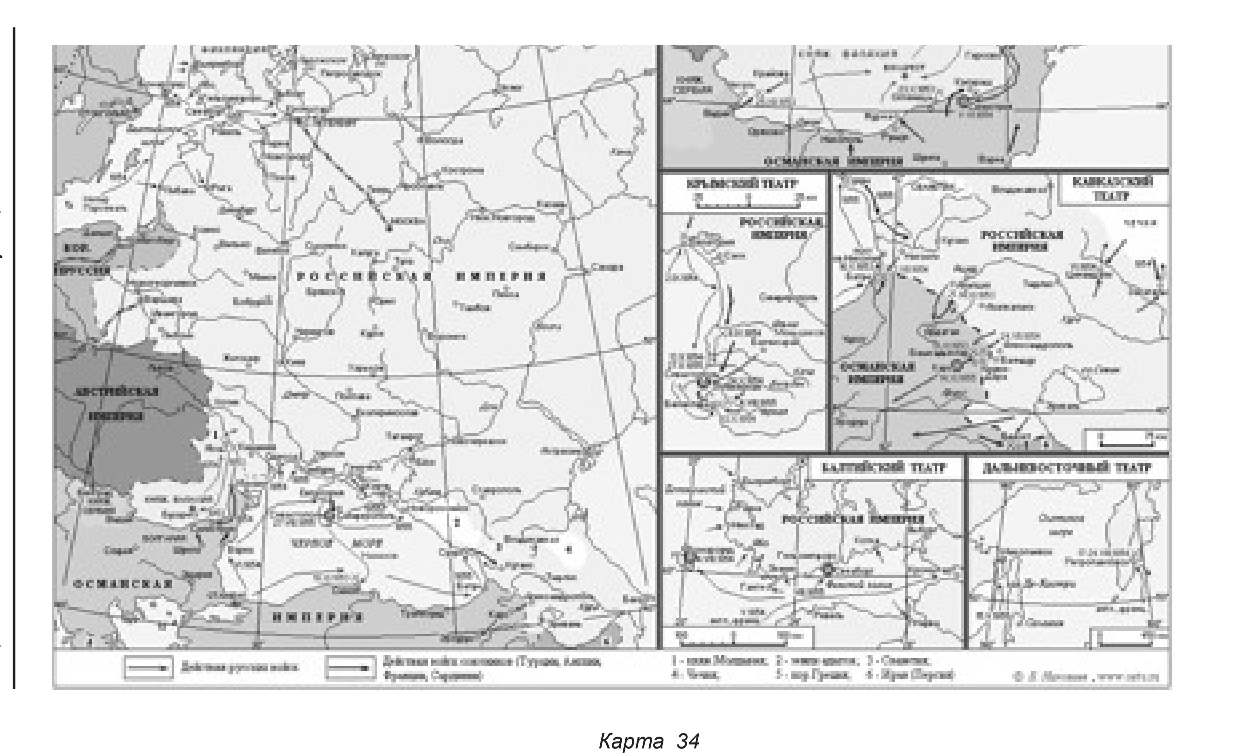
Залогом английского, англосаксонского морского господства становится контроль над береговыми зонами евразийского континента. И соответственно, главной задачей геополитической России с этого же периода, в полном смысле слова, является стремление прорвать этот англосаксонский кордон, который выстраивается по южному и восточному побережью евразийского материка, и выйти к теплым морям. Выход к теплым морям становится главной уже явно осознанной в начале XIX в. задачей российской геополитики. Теперь то, что раньше было скорее интуитивным выбором нашей стратегии и неким ходом, объективным ходом истории, становится уже концептуально продуманной задачей. К концу XIX в., через множество войн, которые мы ведем с турками, с персами, с Западом, этот вектор приобретает характер фундаментальной стратегии. Это выход к теплым морям, это освобождение Константинополя. То, что у нашего геополитика Тютчева, который был не только поэтом, но и дипломатом и геополитиком, воплотилось в идее мировой православной империи[2]. Для этого было необходимо прорвать блокаду на юге России, для того чтобы Россия сама могла стать полноценным замкнутым островом и дать бой конкурентной Англии. А задача Англии – не допустить этого[3].

И начиная с конца XVIII в. события западноевропейской истории разворачиваются по-новому, после того, как разбили Карла XII, когда больше нет претензий Швеции на контроль

1 *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством, Издательство: АРКТОГЕЯ-центр, 1999 г

2 *Цымбурский В.Л.* Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность – 1995 – № 6. – С. 86–98.

3 *Леонтьев М.В.* Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008

Карта 34

Крымская война – совместное выступление западных держав и Турции против России

над Европой, нет самостоятельной Польши, которая доставляла нам в московский период столько проблем. Это было почти сопоставимое и вообще сопоставимое с нами государство, нас завоевывали, они служили альтернативной социологической и геополитической ориентацией для многих аристократов Руси. Возникает основной ключ, дальнейший ключ к геополитике Европы, он фиксируется в том, как развертывается большая игра.

В этой Большой игре, конечно, участвуют помимо Англии и России еще множество сил: Франция, разрозненные германские силы, Австро-Венгрия, Османская империя. Но, конечно, глобальными геополитическими игроками являлись только англичане и мы. Они воюют с нами, а все остальное – промежуточное явление. Рассмотрим нормативные аспекты того, какой бы геополитика должна была быть, если бы английская разведка и английские агенты влияния не предотвратили бы то, что планировали русские цари.

Например, Павел I. Павел I, ненавидящий англичан и симпатизирующий пруссакам, собирается заключить с нашими соседями по Европе - союз, направленный против англичан. Павел I также посылает казаков в Индию. Кстати, интересно, что Павел I интересовался старообрядцами: он приглашал их и слушал их пение, ему оно очень нравилось. И даже благоволил некоторым простонародным сектам. У Павла уже прочитываются некоторые черты Николая II, государя евразийской ориентации. Павел собирается вступить с немцами в союз и отправиться в Индию. Соответственно, все это было направлено против Англии. В рамках конспирологической мысли становится ясно, что именно в ответ на это английский посланник организует убийство Павла I руками его собственного сына. Павла убрали и привели к власти Александра I англичане, с тем, чтобы сорвать континентальную стратегическую модель.

Создается впечатление, что англичане лучше понимают геополитическую структуру Великой войны, нежели русские цари. Но русские рано или поздно интуитивно, всегда каким-то особым образом (как обычно), догадываются о том, что что-то происходит не так. Хотя их бьют уже который век, только позже, осыпаемые ударами со всех сторон, они осознают, что им как-то не уютно, И тут рождается решение, как сыграть с англосаксами по-настоящему используя для этого некие раци-

ональные ходы. Например, найти недовольных англосаксонским влиянием. Кто в Европе традиционно выступает против Англии? Чаще всего немцы, иногда французы. Поэтому, идея заключить, например, с Наполеоном, который был страшным противником англичан, пакт вполне могла дать интересные результаты. Идею того, что Наполеон был земной, сухопутной силой очень ясно воспринимал Гете. Гете, который считал, что в тот период морское могущество воплощала Англия, а земное сухопутное могущество,– Наполеон, призывал Наполеона захватить наконец-то эту разъединенную Германию, а лучше присоединить ее к огромной континентальной европейской империи неоконсервативного толка. Но с Наполеоном у нас не сложилось. В принципе, альянс с Наполеоном – это был бы вариант реального альянса. Он бы пошел на Лондон, на Англию, а это нам было бы очень выгодно: и нас бы оставили в покое, и мы бы прорвали в очень значительной степени санитарные кордоны. Потому что ослабление Англии – это главная цель Большой игры, хотя мы ее сплошь и рядом не понимали, а англичане понимали очень ясно.

С другой стороны, у нас был еще один союзник, с которым мы вечно бились: это турки, которые также успешно разыгрывались англичанами в качестве третьей силы. Англичане постоянно натравливали турок на Россию, поддерживая то нас, то их, до того момента, пока кто-то из противников не усиливался слишком значительно, особенно, если это касалось России. После этого Англия выступала напрямую на стороне Турции, и в Крымской войне именно Англия организовала союз всех европейских государств против России, что привело, в общем, к нашему очень серьезному поражению. Английская логика была безупречна: поскольку Россия начала проводить полноценную антианглийскую евразийскую геополитику в Евразии, Россию надо остановить. Все страны Европы под эгидой Англии, (кстати, вместе с Турцией) на нас напали в Крымскую войну, и, конечно, Россия не выдержала. Нас сильно затормозили. Затем, в начале XX века, нас втравили в войну с нашим потенциальным стратегическим партнером Японией. История этой большой войны, Большой игры, Great Game представляет собой постоянное противостояние, разумеется, связанное не только с военными поражениями России. И Россия периодиче-

ски выигрывала.[1] Это была смена, альтерация, череда побед и поражений. Какие-то сражения и баталии мы выигрывали. Мы укрепляли свои зоны влияния, мы периодически присоединяли себе новые народы, принудительно или добровольно. Мы почти всегда проигрывали геополитические интриги, потому что англичане умудрялись создать такие стартовые условия для войны, что мы бились либо против немцев, наших партнеров, либо против японцев, либо против турок. Мы сражались против тех сил, которые к нам непосредственно прилегали, и наш альянс с которыми был фатально опасен для англичан. Они даже разработали модель санитарного кордона. Напомним, что санитарный кордон – это территории, находившиеся на западных границах российской империи, которые были под пристальным контролем англичан. Здесь они стремились установить свое приоритетное влияние, чтобы не дать возможности России сомкнуться с Германией. Принцип санитарного кордона англичане обнаружили в конце XVIII – начале XIX вв., практически сразу с начала Великой Игры, точнее, с того момента, когда Great Game приобрела характер конкретного противостояния двух держав, в которых воплотились два геополитических принципа - Великобритания и Россия.

С этого момента противостояние между русскими и англосаксами определяет единственный смысл мировой истории. Все остальные страны является промежуточными акторами, которых используют то одна, то другая стороны. При этом русские очень редко использовали кого-то. А вот англосаксы используют промежуточных акторов очень часто и очень эффективно, создавая вокруг нас, между Россией, с одной стороны, и нашими потенциальными партнерами на западе Европы и, в частности, Германией, санитарный кордон. Второй санитарный кордон создается между Россией и нашим потенциальным партнером Турцией. И одновременно англосаксы препятствуют нашим интересам в Юго-Восточной Азии, просто колонизируя, например, Китай, для того чтобы не позволить русским выйти к этим территориям. Китай был тогда слаб, и взять его могли либо мы, либо англичане. Но именно англичане поспешили в Китай, и прибрали его к рукам, точно так же, как и Индию.

Вспомним, что в Санкт-Петербургский период социоло-

1 *Леонтьев М.В.* Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008 г.

гические модели несколько отдаляются от геополитических (впрочем, для того, чтобы потом с ними слиться). XVIII век – это пик такого разлада. Кстати, Россия именно в XVIII веке, после Петра приходит в упадок: сказываются последствия вестернизации, мы теряем практически все завоеванное, но потом все возвращается на круги своя. Параллельно укреплению евразийской стратегии России вновь возрождаются консервативные евразийские тенденции московского периода.

Естественно, это лишь общая канва геополитических событий. Про каждую из этих войн, каждый из мирных дипломатических переговоров, из историй отдельных и частных, можно написать тома серьезных геополитических исследований. И, тем не менее, наш краткий обзор соотношения социальных явлений, социологических явлений в русском обществе эпохи Санкт-Петербургского периода, и параллельные геополитические процессы демонстрируют между ними пусть, конечно, не одномерную и не прямолинейную, но тесную взаимосвязь. Геополитика, геополитические трансформации и социологические трансформации в русской истории идут рука об руку.

Что касается «Большой Игры», то по этой теме мы бы рекомендовали книги русского геополитика, офицера царской разведки Едрихина (Вандама[1]). Это человек, который яснее других людей того времени описал то, что происходило в стратегических противостояниях стран конца XIX – начала XX вв. Многие успехи Англии в этой Игре были связаны с созданием геополитической агентуры влияния, которую Англия умудрялась постоянно инсталлировать в элиты России. То есть, победы добывались не только путем прямых военных действий, не только путем стратегической изоляции, не только путем экономических выигрышей - англичане часто выторговывали и получали для себя очень выгодные условия за счет того, что они морочили голову русским. Совершенно очевидно, по тому, как англичане действовали в Большой Игре, что «принцип Маккиндера» реализовывался и до его оформления в связанный текст. Аналоги геополитического взгляда на мир Макиндер лишь обнародовал, обозначил, развил, потому что так последовательно, так упорно и так, увы, эффективно англичане без

1 *Вандам Е. А. Г*еополитика и геостратегия, Издательство: Кучково поле, 2002

Карта 35
Англо-русское соглашение 1907 г. знаменовало завершение одного из этапов «Большой Игры» - раздел сфер влияния в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Геополитический натиск России на юг был остановлен, а сама она присоединилась к Антанте.

этих рациональных моделей просто не могли бы вести себя в истории.

С другой стороны, складывается впечатление, что нам, России, всегда способствовали какие-то иррациональные моменты, то есть, не то чтобы даже удача, но просто крепость народная, неподвижность. Совершенно по-другому развивалась русская история, и наши минусы, и наши плюсы были связаны с тем, что наше понимание законов, закономерности алгоритмов Большой игры было явно более слабым и более смутным и интуитивным, чем у наших противников. Об этом подробно пишет Едрихин-Вандам.

Библиография:

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998

Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983

Вандам Е. А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.

Вернадский Г.В. Два лика декабристов. Свободная мысль. 1993. N 15

Гребенщикова Г. А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853-1856 годов. СПб., 2003.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством, Издательство: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.

Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России XVIII - первая половина XIX века. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.

Ключевский В.О. Курс русской истории, СПб, 1904.

Леонтьев М.В. Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008.

Манфред А. З. Великая французская революция. М, 1983.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: ACADEMIA, 2007

Россия и Британия. Связи и взаимные представления XIX-XX века, Издательство: Наука, 2006 г.

Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике, Издательство: Наука, 2007 г.

Русское подвижничество. Под ред. Т.Б. Князевской. М.: Наука, 1996

Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М.: Изд. Д. Самарина, 1880.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 - начало 20-х годов XVIII века. М.: АСТ, Фолио, 2001.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. - М.: Аграф, 2000.

Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность – 1995 – № 6. – С. 86–98.

Хомяков А. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.

Шестаков В. П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995

Широкорад А. Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ,

2003.

Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. New York : Simon & Schuster, 1995.

Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757-1947. London: Greenhill, 2006.

Thomson G. S. Catherine the Great and the expansion of Russia. — London, Published by Hodder & Stoughton for the English Univ. Press, 1985.

Глава 8. Геополитика СССР – первая половина (1917-1941 гг.)

Геополитическая подоплека революций 1917 года

Рассмотрим геополитику эпохи советского периода 1917-1991 годов. Начался он с Великой Октябрьской социалистической революции. Значение этого события в нашей истории до конца не осмыслено. После конца СССР, в период после 1991 года, возникли новые интерпретации Октябрьской социалистической революции. Кто-то утверждает, что социализм был неизбежным и закономерным, следующим за капитализмом, этапом развития общества, другие считают, что это был элемент заговора или случайность. Некоторые уверены, что Россия ни капитализма к концу XIX века, ни социализма к концу XX века не построила. С точки зрения политологической и исторической оценки событий 1917 года существует очень широкий спектр мнений.

Рассмотрим геополитический контекст, в котором совершалась эта революция. Во-первых, она произошла в ходе Первой мировой войны, которая сама по себе отражала определенные геополитические закономерности. Стоит напомнить, что главный геополитик и основатель этой дисциплины Хэлфорд Макиндер был генеральным комиссаром Антанты по Украине, то есть участником Первой мировой войны со стороны англичан. Поэтому формулировка геополитических позиций в значительной степени несет на себе отпечаток англосаксонского, британского, талассократического, морского взгляда на мир.

Какова была структура Антанты? Главными игроками Антанты были Франция и Англия. Альянс Франции и Англии закономерен, хотя при Наполеоне Франция выступала как сухопутная держава по отношению к морской Англии. Но с другой стороны, под сильным влиянием демократического и прогрессистского импульсов атлантического толка, исходивших из Британии, Франция в определенных аспектах следовала за ней, воспроизводя начиная с XVIII века некоторые политические и социальные институты английского образца. В самой Франции существовало англофильское направление, которое мы можем назвать «атлантизмом» в рамках франко-англий-

ских отношений. Антанта – это безусловно блок морской цивилизации, атлантический блок. Второй европейский блок – это Средняя Европа (концепция Ф.Ноймана[1]), которая геополитически включала в себя Германию и Австро-Венгрию.

Когда империалистические противоречия между государствами - нациями Европы в начале XX века стали обостряться, возникли возможности различных геополитических союзов. Первая возможность – альянс Германии с Англией и Францией. Нечто подобное мы видели, по крайней мере, при нейтралитете Германии и переходе на сторону Англии и Франции союзников в Крымской войне. В Крымской войне весь Запад вместе с Турцией обрушился на Россию. Это стало возможным при нейтралитете разрозненной, тогда еще не объединенной Германии. После возникновения «Второго рейха» Бисмарка Германия объединяется и постепенно превращается в довольно серьезную силу. Моло-помалу она начинает осмыслять свое место среди других европейских наций, кульминацией чего станет в 20-е годцы появление немецкой геополитики, олицетворяемой фигурой Карла Хаусхофера, крупнейшего немецкого геополитика, основатель журнала по геополитике, который идеи Макиндера применяет к Германии[2]. Постепенно складывается геополитического самосознание германской Европы (Центральной Европы), который находится между Россией, и атлантизмом. В такой ситуации возникают возможности различных союзов. Первая версия - объединенный Запад против Российской империи по аналогии с ситуацией в Крымской войне. Это чистый атлантизм. Вторая версия: Россия вместе с Германией против Антанты. Этой позиции в императорской семье придерживалась императрица Александра Федоровна, которая, будучи немкой, накануне Первой мировой войны проводила линию на альянс с Германией.

XX век начинался как эпоха больших пространств, больших геополитических объединений. Стало очевидно, что продолжать выступать в качестве одиночных суверенных государств далее невозможно. Это отражено, например, в «теории больших пространств» Карла Шмитта. XX век показал, что по отдельности суверенные национальные государства в рамках

1 *Naumann F*. Mitteleuropa. Wien: G. Reimer, 1916.
2 *Хаусхофер К*. О геополитике. М.: Мысль, 2001.

Вестфальской системы затрудняются решить свои национальные задачи, и поэтому стали складываться блоки. Так начинается эпоха геополитики. Если раньше геополитические принципы действовали косвенно сквозь межнациональные отношения, отношения между империями и государствами, то теперь возникает ясное представление о необходимости организации блоков или «больших пространств». Геополитическая карта евразийского континента в своей северной части, представляет собой как раз три геополитические зоны, которые в Первую и Вторую мировую войны заявляли о себе по-разному.

Средняя Европа. С точки зрения носителей основного импульса это были немецкие государства и государства с немецкой доминацией. Они могли выступить союзниками России против Англии и Франции, против Антанты, а могли занять позиции союзников Антанты против России. Хотя противоречия были очень жесткими, сложилось окончательно так, что Средняя Европа была вынуждена воевать на два фронта.

Антанта – по-французски «согласие, союз, взаимопонимание» «entente». Она объединила между собой Россию и страны Западной Европы, воплощающие в себе атлантическое начало. Франция и Великобритания представляют собой полюс чистой талассократии, и основные стратегические стандарты задает здесь Англия. Чистым полюсом теллурократии является Россия. Между Англией и Россией существует антагонизм стратегических интересов, социального устройства, геополитических зон влияния, и с этим связана великая Большая игра, Great Game.

Средняя Европа имеет в себе нечто от атлантизма и нечто от того, что называется «евразийской ориентацией», то есть это полуталассократия - полутеллурократия. Именно так и осмысляет себя Германия в тот период. Внутри нее идет спор между немецкими западниками и восточниками, который длится все 1920-е - 30-е годы. Одни из них ориентированы на Восток, на союз с Россией, другие - на Запад, на союз с Англией и Францией. Ни тем, ни другим не удается одержать в споре верх. В результате, накануне Первой мировой войны несделанный выбор между Востоком и Западом приводит Среднюю Европу к войне на два фронта.

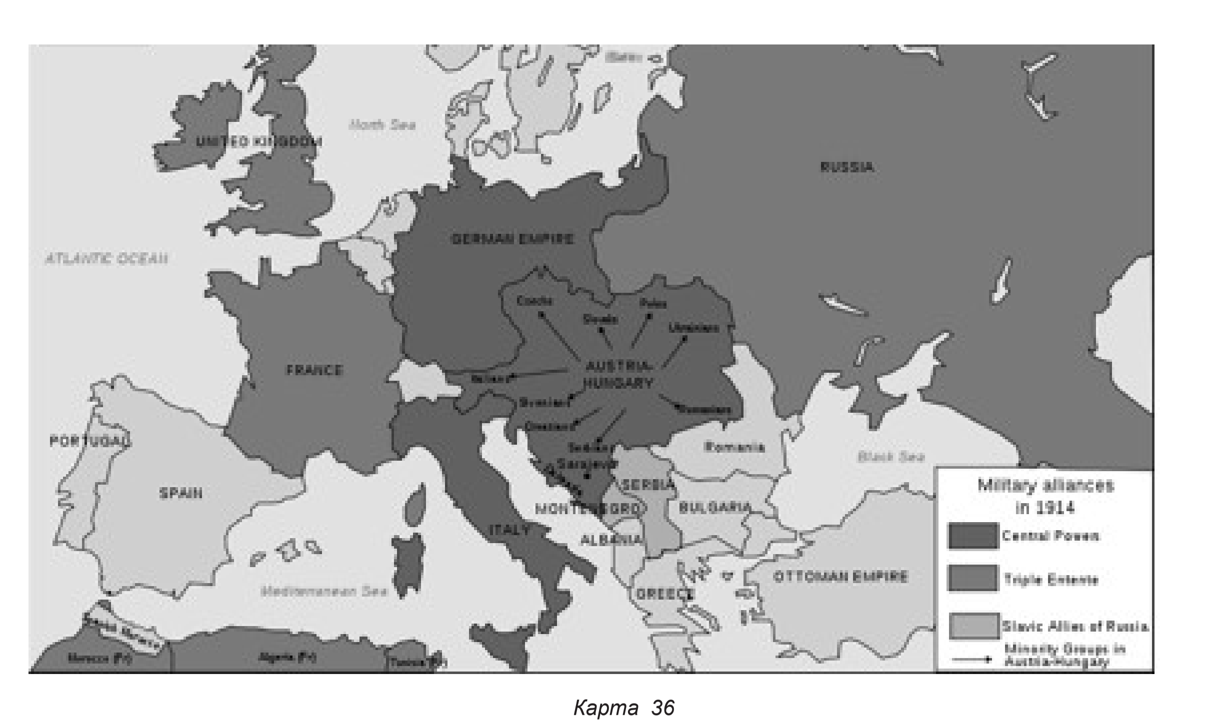
Геополитика Николая II и борьба за влияние на царя

Накануне Первой мировой войны в Санкт-Петербурге разворачивается серьезная внутренняя борьба вокруг фигуры царя. В России сохраняется монархия, все окончательные решения продолжает принимать царь, и битва ведется относительно того, как ориентировать царя в выборе позиций. От того, в каких стартовых условиях Россия вступила бы в Первую мировую войну, зависел в значительной степени ее исход. Это очень важный момент, который в 90-е годы XX века осмысляется как принцип ведения сетевых войн и чувствительности к стартовым условиям[1]. Это явление в социологии, в физике и в военном искусстве формулируется приблизительно так: от базовых стартовых условий - например от того, в какой ситуации и на чьей стороне страна вступает в войну - в значительной степени зависит ее исход.

В Европе складывается серьезная геополитическая ситуация. У каждой стороны есть возможность выбора, и каждая из трех сторон может поступить двумя способами. Но за каждой опцией, каждым выбором стоит множество дипломатических шагов, экономических сделок, шпионских акций, засылок агентов влияния. Это живая многомерная ситуация. Когда мы говорим о трех силах на геополитической сцене, мы допускаем определенное упрощение, опуская, например, внутренние противоречия между Англией и Францией, сложную структуру Средней Европы, многообразие российских интересов, связывающих ее и с Германией, и с Западом, и так далее. Мы опускаем этот дискаунт многомерных вещей, и говорим только о самых главных, самых силовых, самых мощных векторах отношений.

Итак, вокруг царя Николая II складываются две геополитические партии, одна из них, условно, партия Антанты, другая партия Германии. Между ними и разворачивается борьба за влияние на царя, за то, чтобы Россия вступила в неизбежную Первую мировую войну на тех или иных условиях. Англичане и сторонники атлантистской сети влияния ориентируют Николая на альянс с Антантой, сторонники немецкого альянса подтал-

1 *Blaker J.R. Transforming military force: the legacy of Arthur Cebrowski and network centric warfare. Washingto: Greenwood Publishing Group, 2007.*

Карта 36

Основные блоки европейских государств накануне Первой мировой войны: Центральные державы, Антанта, Сербия и Черногория – союзники России

кивают на контакт с Германией. Это драматическая история, которая позволяет нам понять подоплеку событий, происходивших в России накануне войны.

На стороне союза с Германией мы видим фигуры императрицы Александра Федоровна, Григория Распутина и мощную группу еврейских банкиров и промышленников, тесно связанных с экономической промышленностью Германии. Это основные силы, которые выступали за альянс против Антанты. Левые движения, особенно большевики, в значительной степени были связаны именно с германскими коммунистами и тоже традиционно придерживались прогерманской ориентации.

В противоположном лагере, кроме английского посла, который, кстати, присутствовал при убийстве Распутина, были представители старого двора императрицы-матери, (которые были жестко про-английски ориентированы), часть Союза Русского Народа и Русского Народного Союза имени Михаила Архангела (князь Юсупов и депутат Пуришкевич – убийцы Распутина). Сюда же относилось огромное количество второстепенных дворян и ряд групп экономических игроков - сторонников Антанты. Сложилось так, что проанглийская сила нашла достаточные аргументы для выступления России на стороне Антанты.

Мы не будем останавливаться на том, как протекала Первая мировая война: ее результаты известны. Начинается она довольно успешно для России, но немцы оказываются достаточно сильны, и, несмотря на то, что воюют на два фронта, продвигаются на восток. В России начинаются внутренние проблемы. Тут и возникает тот самый пломбированный вагон с большевиками: чтобы ослабить враждующую сторону, германский генштаб на германские деньги отправляет в Санкт-Петербург вагон прогермански ориентированных большевиков для осуществления революции. Конечно, этот вагон сам по себе ничего бы не решал. Но воюющая на стороне Антанты, Англии и Франции, то есть атлантизма, Россия получает из Германии, от другой воюющей стороны, «подарок» для дестабилизации ситуации.

Геополитика Гражданской Войны

Рассмотрим геополитическую миссию большевиков, которые не только добираются до страны, но и умудряются возглавить Октябрьский переворот. Вначале они утверждаются в Петроградском совете рабочих депутатов, затем, несмотря на то, что в Советах их не принимают, поскольку там превалируют эсеры, им удается учредить и провозгласить диктатуру пролетариата и взять власть. Власть была захвачена большевиками буквально без всякой на то легитимации, их никто особенно и не поддерживал. Это были очень яркие пассионарные люди, но мало того, что в той ситуации они не представляли политического большинства, но они еще и среди революционных сил были в меньшинстве. Правда, воли у Ленина и Троцкого было больше, чем, видимо, у всей страны, и по сути дела, два человека заставили гигантскую державу последовать намеченным ими курсом.

Как только большевики укрепились в Санкт-Петербурге, они стали проводить прогерманскую политику, что привело к выгодному для Германии Брест-литовскому миру, а потом договору в Рапалло. В этой войне Антанта проводила атлантистскую линию. Большевики, заявлявшие о необходимости защиты революции, объективно действовали в пользу Германии и против российского участия в Антанте. По сути, с геополитической точки зрения они оказались проводниками влияния Средней Европы. Приблизительно в это время в Германии зарождается одно интересное движение - немецкий национал-большевизм, связанный с руководившим в тот период тайной разведкой германского командования Вальтером Николаи[1]. Тот факт, что посланные на германские деньги большевики осуществили в России революцию и вывели ее из прямого столкновения с Германией, рассматривалось ими очень позитивно, как начало конструктивного сотрудничества России с Германией. Эта же тема разрабатывалась и среди немецких левых - таких фигур, как Лауфенберг, Вольфхайм, и вызывала интерес у не-

1 *Николаи В.* Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. (сборник). Киев: Княгиня Ольга, 2005.

мецких националистов и аристократов, в частности, у прусской аристократии, которая вообще считала, что Россия социально-исторически ближе к традиционной Германии, чем либерально-демократические Франция и Англия. Есть такое понятие – «Ostorientirung», которое возникает в Германии в 1920-е годы. Это направление, к которому принадлежали и левые – немецкие коммунисты, позднее выступавшие за Советский Союз (традиционная германская социал-демократия отвернулась от этого), и те, кого обычно принято считать «правыми». За союз с Россией выступали немецкие националисты, симпатизирующие Советской России и большевикам вообще, типа Эрнста Никиша[1], и просто прусская аристократия, которая видела, что Россия, вопреки всем революциям, является оплотом консервативных сил[2].

Большевики, постепенно становясь в России социальной и политической силой, изменяют геополитический баланс хода Первой мировой войны. В каком-то смысле, они спасают Германию и создают предпосылки для того, чтобы теллурократические тенденции стали реализовываться в самой Германии. Одновременно разогнанные большевиками силы формируют белое движение. Начинается геополитика Гражданской войны.

Белое движение утверждает своим геополитическим принципом верность Антанте. Следует подчеркнуть: мы сталкиваемся с тем, что российский внутренний гражданский конфликт между красными и белыми приобретает геополитические черты. Красные выступают как носители прогерманского начала. Особенно этим отличается Карл Радек, который после прихода большевиков к власти, был отправлен в Германию форсировать сближение между левыми силами обеих стран. В этом отношении интерес представляет дело Шлягеттера. После того как разгром Германии завершился Версальским миром, французы стали жестко давить на немцев в Рурской области. Тогда немецкие рабочие восстали против французов, а французы расстреляли руководителя восстания – Шлягеттера. Дело Шлягеттера раскололо немецкое общество. Правильно ли он поступил, подняв это восстание? Шлягеттер был националистом.

1 *Niekisch E. Die dritte imperiale Figur. Berlin:Widerstands-Verlag 1935.*

2 *Меллер ван ден Брук А., Васильченко А.В.* Миф о вечной империи и Третий Рейх. М.: Вече, 2009.

И Радек, коммунист, вопреки интернационалистской модели, из геополитических соображений поддержал дело Шлягеттера и немецкие национальные круги, исходя из ориентации против Версаля[1].

Таким образом, большевики сразу после Первой мировой войны, в первый период Советского государства, придерживаются последовательной прогерманской ориентации. Подробно о явлении национал-большевизма написал Михаил Агурский в замечательной книге «Идеология национал-большевизма». Там описаны геополитические взгляды и действия русских большевиков, а также их связи с германскими национальными кругами.

В свою очередь, белые провозглашают верность Антанте и с опорой на Антанту ведут Гражданскую войну. При этом в ходе войны белые армии занимают береговые зоны. Кажется, что Гражданская война призвана преподать нам урок геополитики – борьба Heartland, сердцевинной земли, и береговых территорий, на которых действуют сторонники Антанты с опорой на Англию и Францию. В наши дни есть мнение о предательстве со стороны Англии и Франции белого дела. Это довольно общий историко-социальный штамп. На самом же деле, Англия и Франция, или союзники, долго пытались поддерживать белых и делали это по той же самой геополитической модели, по которой вообще осуществляется атлантическая экспансия.

Большевики, оказавшиеся в центре Хартленде, по двум параметрам соответствовали теллурократической силе. Первое: они занимали и контролировали те территории, которые составляют именно Heartland. Второе: они стояли против атлантизма за Германию. 1917 год начинается с того, что появляется новая сила в русской истории, которая берет на себя ответственность за контроль над евразийской территорией. Противостояние красных и белых с геополитической точки зрения становится противостоянием сторонников теллурократии и талассократии.

Среди сторонников Антанты в гражданской войне принимал участие сэр Хэлфорд Макиндер, крупнейший английский геополитик, создавший и описавший основы этой дисциплины.

1 *Агурский М.А.* Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.

Он являлся верховным комиссаром Антанты по Украине. Прекрасно понимая, что он ведет войну не просто с большевиками, а с представителями теллурократической цивилизации, он так и формулировал основы геополитического метода. По одну сторону с ним сражался против красных Петр Савицкий, бывший заместителем Струве, который, в свою очередь, являлся министром иностранных дел в правительстве Врангеля.

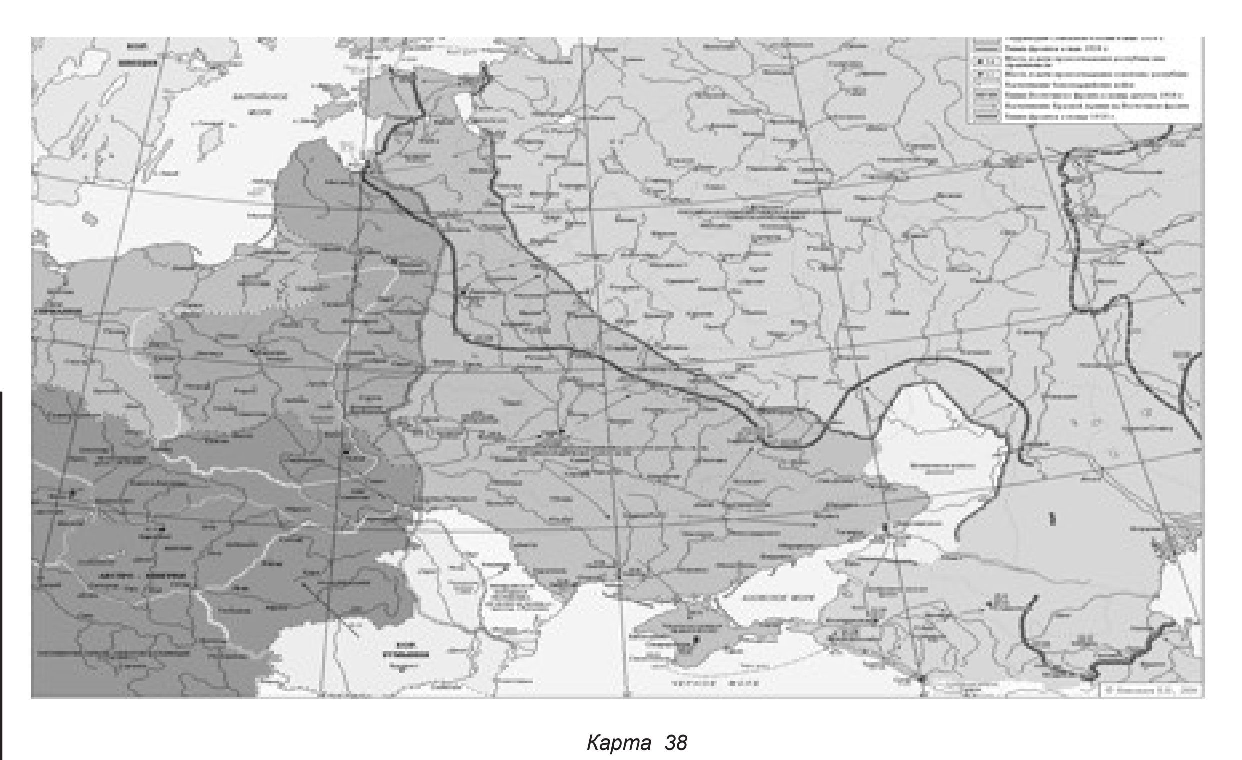
Петр Савицкий является одним из главных теоретиков евразийства и, сражаясь во врангелевских войсках против большевиков, в самый разгар Гражданской войны публикует потрясающую статью, в которой утверждает, что 1) Запад – это российский традиционный враг, 2) России стоит рассчитывать только на свои силы, и 3) большевики из всех политических сил наиболее точно реализуют миссию и геополитические задачи Российской империи[1]. Это пишет человек, находящийся в белой армии и занимающий в ней пост замминистра иностранных дел.

Все евразийцы участвуют в белом движении, и только в эмиграции, после того, как большевики захватили территорию северной Евразии, сидя в Париже или в Праге, они осмысляют свой опыт. И Савицкий, и Алексеев, и Трубецкой - участники белого дела, которые уже тогда постигают геополитическую подоплеку событий. Геополитика – не простая дисциплина, даже участвуя в масштабных событиях истории, человек может не осознавать их глубинного смысла. На службу к красным переходит огромное количество офицеров, таких, например, как Аралов – основатель ГРУ, Главного разведывательного управления, и множество других. Мы знаем (например, по пьесе Булгакова «Белая гвардия») как воспринимали белые офицеры переход к большевикам. Они видели, что большевики отстаивают русское дело. И хотя большевики декларировали себя интернационалистами, уничтожали церкви, русскую культуру, русскую традицию, тем не менее, некоторые русские патриоты прозревали, что именно эта сила, сидящая в Heartland, реализует те задачи, которые исторически стояли перед Россией. Этот парадокс выразился в словах одного из булгаковских персонажей, которого спрашивают: «Ты за кого, за коммунистов или за большевиков?» И тот отвечает: «Нет, я конечно не за

1 *Савицкий П.* Континент Евразия. Указ.соч.

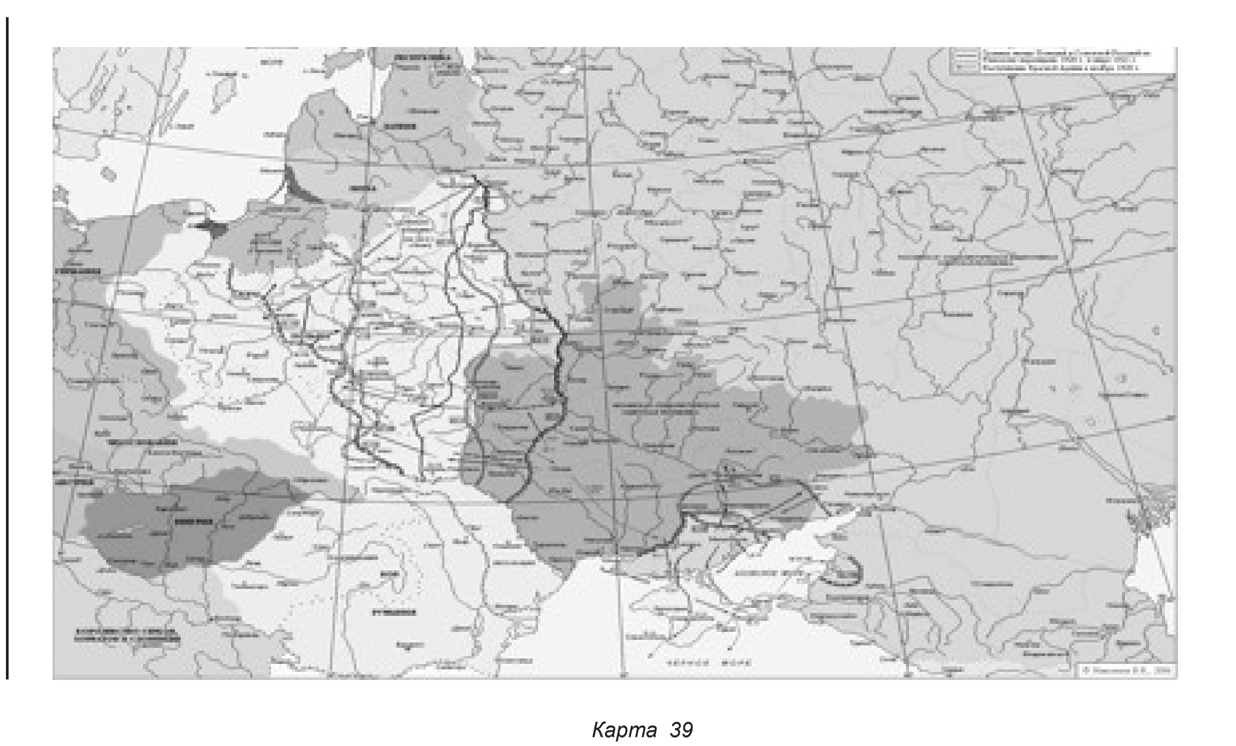

Карта 37
Карта Брестского мира 1918 г. между Германией, ее союзниками и Советской Россией

Карта 38

Гражданская война в России – начало (1918г.)

Карта 39

Завершение Гражданской войны в России и польско-советская война

коммунистов, я за большевиков». «Разделение» на коммунистов и большевиков связано с тем, что коммунизм воспринимался тогда как идеология, и многие были к ней безразличны. Большевики же, по мнению многих представителей русской элиты, отстаивали интересы России как геополитического полюса, как теллурократии, полюса Цивилизации Суши.

Геополитика и социология Руси Советской

Мы не раз в ходе нашего курса говорили о значении переноса столицы из Москвы в Санкт-Петербург в геополитической истории России. Строительство Санкт-Петербурга было отмашкой по миграции страны в сторону русского западничества. Большевики, захватив власть первоначально в Санкт-Петербурге, вскоре переносят столицу назад, в Москву. И вновь перенос столицы имеет судьбоносное значение для русской истории – он представляет собой, по сути дела, возврат к московской геополитике после двухсотлетнего романовского путешествия на Запад и обратно. Почему мы говорим про «путешествие на Запад и обратно»? Дело в том, что, русское общество в лице своих элит определенно двигалось на Запад в XVIII веке, а вот в XIX веке оно вернулись назад и стало готовиться к тому, чтобы, как это ни парадоксально, вернуться еще дальше -- в прошлое, в Московскую Русь. Именно туда в 1917 году шагнули не представители обновленной славянофильской консервативной партии, а большевики, которые и с геополитической и с социологической точек зрения, восстановили многие параметры Древней Московской Руси, хотя и на новом историческом этапе. Перенос столицы в Москву – это и есть символический смысл национал-большевизма, как его описывает Михаил Агурский[1].

Как мы помним, Санкт-Петербургский период был триумфом доминации именно западной модели развития России. Официальная идеология была европейской. Идея, что Россия – европейская страна, была основным элементом самосознания послепетровских романовских элит. Евразийцы, проанализировавшие связь геополитических и социологических процессов в России, в пику западникам назвали этот период

1 *Агурский М.А.* Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003

«романо-германским игом». Они настаивали на том, что не монгольское, а романо-германское иго принесло России неисчислимые бедствия.

Именно эпоха от Петра до 1917 года или так называемый санкт-петербургский период русской истории, когда русское дворянство говорило на языке, отчужденном от своего народа, и рассматривало местное население как бессловесных рабов, которых они не понимали, представлялся евразийцам пиком периода романо-германского ига[1].

Ситуация постепенно менялась, и консервативный поворот мы можем локализовать во второй части правления императрицы Екатерины, когда Россия стала возвращаться назад. В XVIII веке она шла вперед, затем она пошла назад, и в XIX веке она двинулась к своим корням, к истокам. Но тем не менее все события развивались в рамках западнической ориентации.

В 1917 году начинается следующий этап: донная, народная Русь выходит на поверхность. Конечно, она выходит не сама, она делегирует свои социальные интересы большевикам и реинтерпретирует их в иной парадоксальной терминологии. Но именно она, донная, народная Русь, дает легитимацию советскому режиму.

С точки зрения глобальных социальных процессов, подтвержденных геополитическим видением, 1917 год был бы абсолютно невозможен и существование СССР до 1991 года - абсолютно немыслимым делом, если бы элитная верхушка, сбросившая романо-германскую дворянскую власть, не получила легитимации от народа. Захватить власть могла группа фанатиков, немецких шпионов и параноиков, но удержать власть без поддержки народа было невозможно. И большевики, действительно, жестокие пассионарные фанатики, получив поддержку гигантского народного континента, вынуждены были так или иначе ему соответствовать.

Так рождается представление о Руси Советской, которое было осмыслено русскими поэтами Серебряного века, например, в поэме Блока «Двенадцать». Русские поэты чувствовали, что в этой тайне национального ужаса, в этой крамоле кошмара и убийства живет некое священное начало русского народа. Это видел Блок, это видел Клюев, который написал потряса-

1 *Дугин А.Г.* (ред.) Основы евразийства. М: Арктогея-центр, 2002

ющую фразу: «Убийца красный святей потира». Потир – это чаша, в которой происходит пресуществление крови и тела Господня во время причастия. Это самое святое, что есть – потир, чаша. «Убийца красный святей потира» – говорит Клюев, не потому что его запугали, он это говорит по собственной воле. Вера в революцию и наделение революции народным значением чрезвычайно важно для понимания событий советского периода.

Коммунисты пытаются радикально изменить социологическую структуру русского общества. Любое общество стратифицировано, по крайней мере, по трем основным стратам, и по четырем направлениям. Эти направления или оси - деньги, власть, образование, престиж – составляют иерархическую основу любого общества. Коммунисты решают сломать эту иерархию. Что происходит на деле? В романе Платонова «Чевенгур» описывается строительство коммунизма, при котором никто не трудится и работает только солнце, отсутствует любая иерархия и все люди – братья, хотя периодически друг в друга стреляют, не понимая, зачем это делают, без всякого смысла, потому что сама власть разума упраздняется, как и власть любой иерархии. Начинается праздник чистого русского духа. Но приходит то, что называется «военным коммунизмом», и он скрепляется необходимостью битвы с белыми, наличием врагов, так что почти сразу оказывается, что под «Чевенгуром» скрывается вертикаль новой власти, диктатуры пролетариата, а на самом деле, диктатуры большевиков, большевистской элиты, новой, пришедшей с низа общества.

Согласно учению В. Парето, все элиты делятся на три группы: элита, контрэлита и антиэлита[1]. Правящий слой – это элита. Группа людей, которая способна и хочет править, но отстраняется от власти правящим слоем – это контрэлита. Та часть населения, которая вообще не желает признавать никакой власти и поэтому иногда солидаризируются с контрэлитой, является антиэлитой. Большевики были классической контрэлитой, а разные бандиты, Котовский, например, или анархисты, были антиэлитой. В гражданскую войну кристаллизуется контрэлита, которая может править. Она отделяется от антиэлиты, которая

1 *Pareto V.* The Mind and Society [Trattato Di Sociologia Generale]. Harcourt, Brace, 1935

на первых этапах солидарна с контрэлитой, а затем от нее отходит. Выстраивается вертикаль власти. Эта властная вертикаль сохраняется и усиливается в советское время, и именно она будет в России главной вертикалью в советский период. И хотя коммунизм предполагал с самого начала отмену всех форм вертикальной дифференциации, и по сути дела, власти тоже, после большевистской революции власть немедленно восстановилась, и властная вертикаль стала тем безусловным вектором, который сохранялся на всем протяжении советского общества

Что происходит с другими стратификационными вертикалями?

Вертикаль престижа. С престижем происходили самые неожиданные вещи. Вначале престижно было быть нищим, безлошадным, бедняком, пролетарием. Но постепенно представления о престиже стали все более похожи на дореволюционные.

Что касается образования, то после революции считалось, что, чем человек невежественнее, тем он более открыт коммунистической идее. Считалось, что требуется обнулить старую вертикаль образования и постепенно заменить капиталистическое классовое, неправильное, буржуазное образование на другое - советское революционное, пролетарское. Но так же постепенно в 1950-х – 60-х годах произошла очередная дифференциация, и престиж образования и науки заметно вырос. Конечно, по сравнению с вертикалью власти, ось образования имела меньшее значение. Что же касается денег, то эта ось весь советский период вообще была малозначима: разница между первыми людьми в стране и самыми простыми советскими гражданами была незначительна.

Таким образом, сложилась специфическая социологическая система, в которой традиционные индексы, в большинстве обществ равномерно представленные, значительно отличались друг от друга. В западном обществе номинально превалирует ось денег, хотя очевидно, что деньги и власть в нем почти равноценны. А в советский период создается уникальная социологическая ситуация.

Большевики сразу после захвата власти начали врать. Они принялись утверждать свою идеологическую модель как

единственно верную и подгонять под нее исторические факты, а социологию вообще запретили, за исключением исторического материализма. Лишь в 1960-е годы, когда марксистско-советское сознание стало ослабевать, социологию ввели в систему образования, да и то просто от безразличия. Но социология показывает нам интересные вещи. Если социологически осмыслить систему советского строя, мы увидим в ней вещи, которые не вытекают напрямую из советской догматики. Потому что с точки зрения коммунистической догматики власть, деньги, престиж и образование должны быть равномерно распределенными. И даже социализм, который не является коммунизмом, рассматривается как движение к уравновешиванию этих параметров и уход от дифференциации. Вообще, смысл коммунистической идеи состоит в сломе социальной стратификации. Коммунистическое общество – это общество, в котором нет социальной стратификации, даже профессиональной, и соблюдается полная горизонтальная мобильность. Коммунистический проект -- общество без социальной вертикали.

Проект, реализовавшийся в советском обществе, демонстрирует парадоксальные вещи. С точки зрения принципа материального равенства коммунистическая идея действительно воплощается почти полностью. Такого незначительного различия между жизненным уровнем высшего руководства страны и простого крестьянина, например, в тридцатые-сороковые годы достичь ни в одном обществе было невозможно. А что касается власти, то наоборот, власть резко усилилась и дифференцировалась. Но гипертрофированное значение властной вертикали в коммунистическом обществе никак не вытекает из коммунистических или социалистических принципов.

Идея убрать старое образование и создать новое закончилась весьма сложной моделью. Был создан рабфак, людей зачисляли без экзаменов, не всегда должным образом подготовленных, например, проработавших на заводе, и это дало нам впоследствии целую генерацию таких «преподавателей» и сказалось на качестве советских ученых.

В результате в нашей стране сформировалась социологическая модель, лишь частично соответствующая марксистской. Возникает гипотеза: не является ли социологическая модель советского общества проявлением как раз той народной леги-

тимации, которая выбрала из коммунизма нечто созвучное народу, традиции, московской идее - например, стремление жить в равенстве и справедливости. Ведь это явно не только коммунистические черты, это свойства и черты русского народа как такового — коллективизм, равенство, поддержка, альтруизм. Одновременно вертикаль власти, которая укрепилась в советский период, имеет прямую аналогию с той властью, которая утверждалась на предыдущих этапах русской истории - во времена Ивана Грозного, в московский период, в эпоху Земского собора, поставившего над собой монархию (избрание Романовых).

Так возникает интересное предположение, что народное начало, тяготеющее к полному равенству и справедливости, не исключает монархический принцип и, в какой-то степени, наоборот, именно его и поддерживает. Власть структурируется следующим образом: большинство само по себе никогда править не может и обязательно должно выбрать определенных людей. Так сразу же демократия создает олигархию, то есть, своих представителей, старост и так далее. Если народа всегда много, то элиты -- это меньшинство. Таким образом, есть народ, элита и царь. И русский народ, видимо, вычленил одну социологическую закономерность: что чем больше власть царя и чем меньше власть зависит от промежуточных элит, чем дальше царская власть от народа, тем меньше можно от нее пострадать. Потому что все перед царем становятся холопами и рабами. Такая трансцендентализация монархического принципа, то есть, постановка его надо всем, и рукоплескание его репрессиям против элиты, является одним из проявлений свободолюбия русского народа. Отдавая абсолютную власть монарху, признавая себя рабом, народ заставляет признать косвенно рабами и других - элиту, которая больше всего и страдает. Именно против нее была направлена опричнина, когда Царский гнев упал на политическую элиту.

Если допустить, что эта вертикаль власти была легитимизирована столь интересным психологическим ходом широких масс, то можно легко понять, каким образом возникает феномен Сталина и 1937 года. Против кого были направлены репрессии 1937 года? В первую очередь, против старой ленинской элиты – своего рода, новой аристократии, поднявшейся

в 1917 году и вначале выступавшей от имени народа. И сталинские чистки и репрессии были своего рода новой опричниной, новым московским периодом. Неслучайно в тот же период при Сталине начинается массированная реабилитация Ивана Грозного.

Итак, советский период в полном смысле слова оказывается репродукцией корневой национальной русской социологии в новых социологических условиях, с новыми социальными закономерностями И если мы учтем этот фактор, то советская история предстанет и откроется перед нами совершенно иначе. Помимо официальных заявлений коммунистов, помимо либеральной диссидентской критики мы увидим новый, третий, ракурс взгляда на нашу историю. И нам совершенно не обязательно ее осуждать или оправдывать. И убийства, и преступления, совершенные тоталитарной властью, останутся убийствами и преступлениями, но мы не просто осудим, но поймем, что происходило. И это, кстати, связано с попытками пересмотра истории, которые сейчас имеются в нашем обществе.

Таким образом, если гипотеза относительно гомологичности русской социальной модели в средневековом и советском периоде верна, то мы можем продлить линию после Раскола к послепетровской России и далее в XX век, который делает шаг назад, переходит черту XVIII века. и в полной мере погружается в XVII век., быстро его проскакивает и оказывается в XVI веке., в эпоху пика Московской Руси, где Сталин и Иван Грозный структурно оказываются единомышленниками. С точки зрения социологической модели (разумеется, с разными историческими атрибутами и идеологиями) они оказываются в очень сходной ситуации. А в отсутствии материальной дифференциации выражается мечта русского народа о рае, о том, что никто не будет трудиться, и только солнце будет работать, о всеобщем братстве. Эти идеи не могут быть возведены только к большевикам. И очевидно, что без легитимации русским народом их невозможно было бы исповедовать.

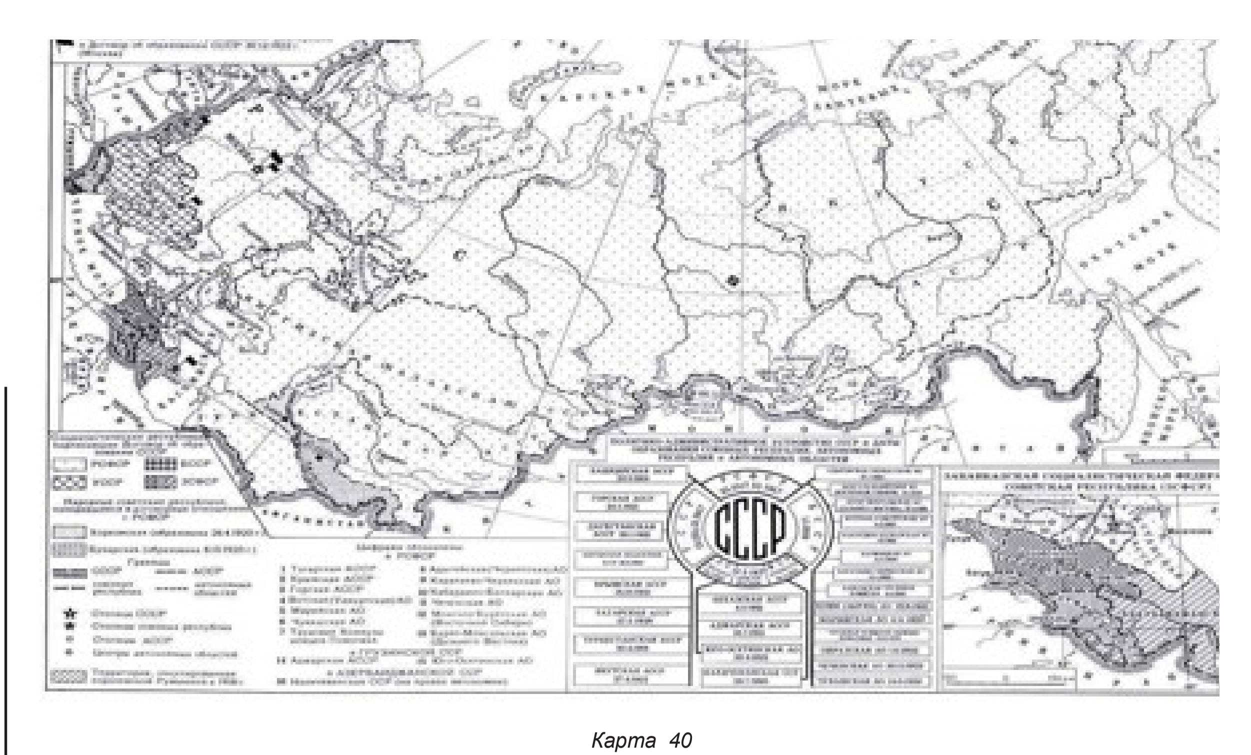
Относительно оси престижа и образования. С одной стороны, коммунисты не хотели проводить дифференциацию по оси образования. С другой стороны, трудно отменить факт, что есть люди поумнее и пообразованнее, и поглупее. У нас такое отношение к образованию в советский период, с одной сторо-

ны, и сложилось. Идея престижа тоже до конца так и не устоялась. Например, быть коммунистическим руководителем было не престижно: власть большого престижа не давала. Престижно было в какой-то момент быть актером, но актеров Сталин периодически отправлял «проветриться». Поэтому не давал возможность вырастать престижным актерским иерархиям, какие встречаются сегодня.

Обратим внимание, что рассмотренные социологические закономерности, прекрасно укладываются в сюжет переноса столицы из Санкт-Петербурга в Москву. Этот геополитический момент в полной мере является выразителем, на уровне пространственной геополитической картины или карты, того процесса, который происходит в сфере социологии.

Показательно заканчивается Гражданская война: побеждают красные, которые выбивают белых за пределы территории России. Интересно также, что в начале советской власти, исходя из теории права нации на самоопределение, Ленин предоставляет различным этносам, живущим на территории бывшей Российской Империи, право на то, чтобы построить нацию, для того чтобы потом уже вернуться в Советский Союз. Это, действительно, демократическая в полном смысле слова, и, может быть, даже западно-демократическая, прогрессистская модель. Но Иосиф Виссарионович Сталин, понимая, чем это грозит, начинает подрывать эту ситуацию, уделяя огромное внимание тому, чтобы так или иначе дезавуирировать сепаратистские процессы. Финляндию и другие земли тогда все-таки мы потеряли, Ленин им отдал право на самоопределение, но все остальное, особенно родной и известный Сталину Кавказ, крепко интегрируется в советскую державу.

Так постепенно большевики оказываются собирателями русских земель, которые чуть было не упустили их предшественники в эпоху трагических событий начала XX века. Из чисто идеологической силы СССР и коммунизм становятся выразителями и носителями глобального теллурократического начала. После 1917 года происходит полное и окончательное отождествление СССР с теллурократией. Одновременно становится вопрос о Мировой революции. Большевики не снимали с повестки дня осуществление социалистической революции в других зонах Земли, но и создание III Интернационала

Карта 40

Создание СССР: большая часть территорий бывшей Российской Империи была вновь собрана большевиками

означало контроль именно русско-советских большевиков над теми партиями, которые они создавали в других странах. По сути дела, это можно было рассмотреть как скрытую форму геополитической экспансии, потому что коммунистические партии, ориентированные на СССР, работали в его геополитических интересах. И как раз в 1920-е – 30-е гг. создавалась уникальная сеть советской агентуры, которая пронизывала весь мир. Благодаря этому Советский Союз приобретает гигантские инструменты манипуляции, в том числе и сетевых, через свои компартии, которые, по сути, выполняют разведывательную работу, являются агентурой влияния, реализуют те интересы и те цели, которые стратегически и политически стоят перед СССР.

Возникает феномен того, что можно назвать «советской империей», когда, с одной стороны, коммунистическая идеология сдерживает развитие национальных социальных тенденций, а с другой стороны, эта идеология выступает в качестве инспиратора дела исторической России.

Этот баланс между национальным, русским и советским на всем протяжении СССР очень сложен и неоднозначен. Есть версия, что советское уничтожило и подавило русское, исказило его. Эта версия имеет право на существование: ведь были уничтожены многие национальные и этнические, культурные ценности. Существует мнение, что русское, наоборот, использовало советское. Многие американские политологи, и социологи считают, что СССР был проектом русских националистов, которые таким образом захватили, подчинили себе половину мира. Действительно в период пика советского строя СССР контролировал не только территории Евразии, но и просоветские и советские режимы в других частях мира. С точки зрения беспристрастного, отвлеченного анализа, мы можем констатировать лишь, что этот баланс был, но что, скорее всего, не верно ни то, ни другое. Советское не полностью вытеснило русское, нельзя сказать, что русского не осталось. Но нельзя, наверное, сказать, что русское полностью подчинило себе советское. Поэтому мы поставим в этом балансе знак вопроса. Мы не знаем точного соотношения числителя и знаменателя этой дроби, и более того, это значение постоянно меняется. Вначале яркая вспышка национал-большевизма эпохи Клюева

и скифов, Хлебникова и Платонова - это явное русское, которое подчинило советское. Затем во времена коллективизации, уничтожения крестьян, наступило тяжелое время для русской культуры и ее основного носителя – крестьянина, в этот момент советское явно наступало на русское. Вначале Второй мировой войны стало явно, что Сталин обратился к русскому, и русское поднялось и воспряло. В 1970-е–80-е годы уже вырождающееся советское снова стало наступать на русское.

На самом закате Советского Союза существовали две партии - социал-демократическая Шеварднадзе-Яковлева и русская партия Егора Лигачева. Обе выражали свои позиции неясно, смутно, трусливо и по-животному бессмысленно. Одна из них была партией интернационалистов, не признававшихся в этом, другая – партией националистов, которые при этом называли себя интернационалистами.

Но если мы будем рассматривать советский период только как случайный эксцесс именно русской истории, мы упустим те процессы, которые шли на уровне глубин русского самосознания, если же будем рассматривать советский этап как закономерный момент становления русской империи, как это делают, например, американские политологи, то мы совершенно упустим то советское, что подчас шло против русского. Поэтому, баланс между советским и русским с социологической точки зрения можно оставить открытым: это как модуль, как алгоритм, когда при изучении каждого конкретного исторического этапа и специфики той или иной социологической тенденции русская история может быть описана по-разному.

Итак, на первом этапе советской истории, по сути дела, идет укрепление территориальной целостности России. После победы красных над белыми происходит теллурократическое закрепление власти над центральными регионами и провинциями, над Кавказом, который является зоной активного внимания атлантистов, укрощение бунтов и установление советской власти на всей территории страны.

Россия и Германия: геополитика континентальных держав перед войной

Германия в этот период находится под бременем Версаля, ей

запрещено иметь флот и собственную армию в качестве наказания и платы за участие в Первой мировой войне. Германия После Версальского мира представляет собой совершенно разбитую страну с разложенными массами, слабоумными элитами, экономической инфляцией и доминацией проатлантистских, ориентированных на Англию и Францию, политических сил. И хотя представители этих сил подчас носят громкие немецкие и прусские титулы, они являются агентами влияния западного либерально-демократического начала.

С этого периода зреет собственное немецкое национальное движение, которое вскоре даст о себе знать самым страшным образом. После того, как Второй рейх Вильгельма рушится, заканчивается Версалем, в Германии начинает зреть Третий рейх, который через какое-то время станет фундаментальным мировым геополитическим событием. Он начинает зарождаться уже в 1920-е годы. Возвращаясь из окопов Первой мировой войны, некоторые немцы начинают осознавать, что надо что-то менять. Когда вокруг формальная демократия, прогресс, модернизация, а страна в развалинах, пронизана западными агентами влияния, они начинают думать о следующем этапе и готовить его.

Чрезвычайно важно, как складываются отношения между нарастающим, поднимающимся, прорастающим сквозь Версаль, Третьим рейхом и уже готовой, сложившейся социальной и геополитической инстанцией - Советским Союзом. Советский Союз в 1920-е--30-е гг., был актуальностью, как и Версальский мирный договор, и Веймарская Германия. Но Третий рейх в тот момент - это еще потенциальность, которая ждет часа, чтобы стать актуальностью. Как складываются отношения между реализовавшейся (СССР) и только формирующейся структурой?

Здесь следует сказать несколько слов о геополитике национал-социализма. Хаусхофер, основатель немецкой геополитики, вернувшись из Японии, посещает Гитлера в тюрьме и, оказывается близок к нему по взглядам. Но как знаток геополитической закономерности Хаусхофер настаивает на том, что Германия, и Веймарская и новая, поствеймарская, которую он провидит, должна четко определить свой выбор в отношении Запада и Востока. Об этом Хаусхофер пишет в 1920-е годы и резко спорит с Гитлером. «Мы не должны повторять», – ут-

верждает Хаусхофер, -- событий Первой мировой войны. Мы должны уже сейчас точно определиться, с кем мы. - С Англией? И тогда мы должны укреплять отношения с Лондоном. Или мы с Россией. Мы не можем повторить, позволить себе повторить вторую такую войну на два фронта»[1].

В 1920-е--30-е гг. очень интенсивно осмысляется в геополитическом контексте перспектива Средней Европы У Гитлера, как у персонажа, который в XX веке сыграл столь фатальную роль и в судьбе Германии, и в геополитической истории Европы, складывается, ненависть к славянам. Возможно, это связано с его австрийским происхождением и недовольством тем, что при распаде австрийской империи славяне активно выбирались из-под власти австрийцев и немцев и быстро продвигались по карьерной лестнице, занимая многие важные социальные посты. К таким славянам у австрийцев было брезгливое отношение. Русских Гитлер никогда не знал, но у него сложилась, устойчивая, тевтонская, ненависть к славянам, помноженная на ненависть к евреям, которую он начал питать в годы, когда был художником. Видя, что в советском руководстве много евреев, Гитлер формирует антироссийскую и антисоветскую ориентацию. Но так же он ненавидит капитализм и англичан.

Таким образом, с самого начала в германской геополитике складываются несколько ориентаций. Хаусхофер, прагматически предлагает выбирать: либо с англичанами, либо с русскими (с этим связан знаменитый полет Р. Гесса в Англию). Известно, что последним, с кем Р. Гесс встречался перед своим полетом в Англию, был Хаусхофер. По всей видимости, Хаусхофер накануне Второй мировой войны, через голову Гитлера прощупывал английские позиции. Тогда же Хаусхофер опубликовал статью, которая называлась «Континентальный блок», призывая к альянсу Германию, Россию и Японию. Этот континентальный блок, по Хаусхоферу, является второй альтернативой в развитии Германии. Немецкий геополитик это хорошо понимал, а фюрер нет, как и миллионы немцев, которые до сих пор расплачиваются за свое непонимание того, как важно знать законы социологии и геополитики.

И в этот же момент кристаллизуется движение, о котором

---

1 *Хаусхофер Карл.* О геополитике. М.: Мысль, 2001

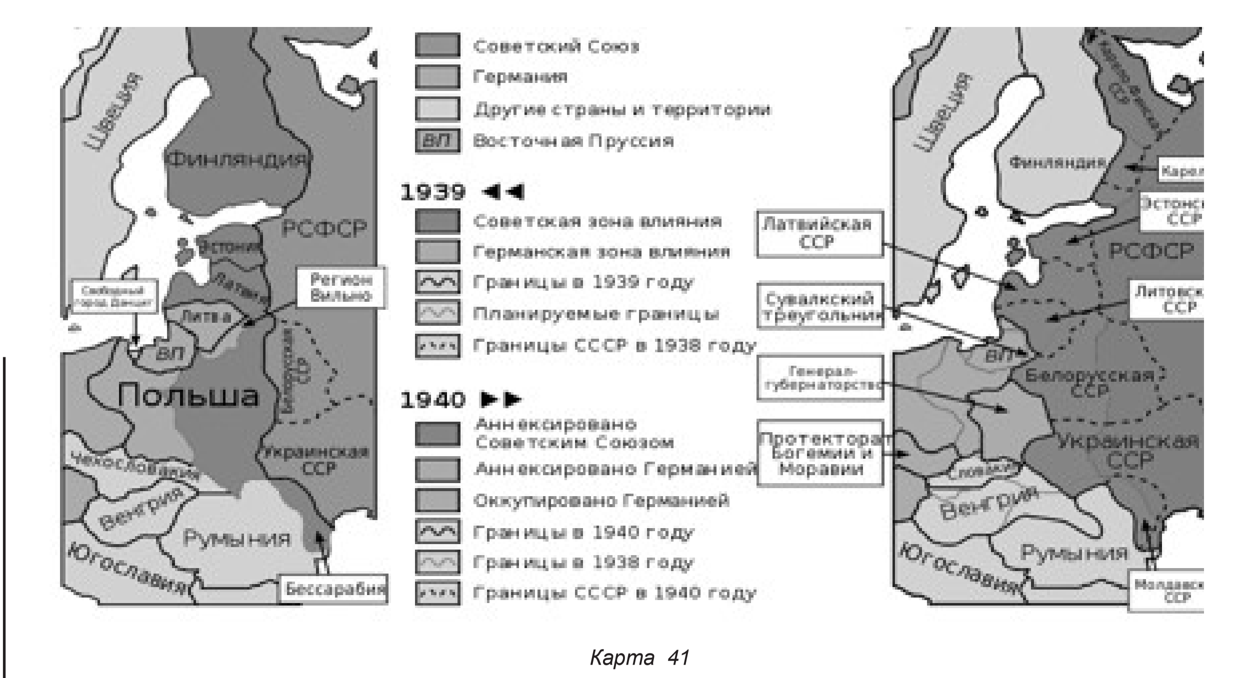
мы уже упоминали и которое называется «национал-большевизм». Его главный теоретик, Эрнст Никиш, утверждает, что Гитлер со своим двусмысленным отношением к англичанам и русским уничтожит Германию. В 1932 году он публикует важную книгу «Гитлер – злой рок для Германии»[1], где абсолютно точно прогнозирует, что, если национал-социалисты придут к власти и Гитлер сохранит свои взгляды, то начнется война на два фронта, и Германия вместе с ее национальными идеалами погибнут. Поэтому, говорит Никиш, должен быть только альянс с советской Россией. Альянс любой ценой, закрыв глаза на все - на славян, на евреев, абсолютно на все. Нравится немцам или нет, они должны создать альянс с советской Россией и вместе с ней уничтожить своего главного врага. Таков был выбор одной, достаточно влиятельной, части немецкого общества.

Это движение в целом называлось «Консервативной Революцией». Помимо Никиша, к нему принадлежали также Эрнст Юнгер, Мартин Хайдегер, Карл Шмитт, Хаусхофер и множество других известных людей. Они были немецкими националистами и противниками Гитлера. Кто-то из них частично сотрудничал с Гитлером, а кто-то был в антифашистском подполье на территории Германии. И к ним же идут нити заговора Штауфенберга 1944 года. Это внутренняя оппозиция. И были еще англосаксонские, атлантистские силы, которые ориентировались на то, чтобы сближать Германию с Англией и Францией. В таком геополитическом контексте проходил период с двадцатых по сороковые годы двадцатого столетия.

Любопытно, что и в отношении Германии со стороны советской России были большие симпатии, восходящие к первым большевикам, и в частности, в отношении экономического партнерства, которое активно развивалось. Даже накануне Второй мировой войны огромное количество заводов в Советском Союзе строилось немцами. В Германию шли эшелоны с пшеницей, в военно-стратегической сфере происходил обмен техническими решениями, Россия и Германия вместе строили военные самолеты. Можно, конечно, сказать, что Сталин здесь был неправ, но с другой стороны,

---

1 *Niekisch E.* Hitler — ein deutsches Verhängnis. Zeichnungen von A. Paul Weber. Widerstands-Verlag, Berlin 1932

Карта 41

Планируемые и действительные изменения границ в европе согласно Секретным протоколам к Советско-германскому договору о ненападении 1939г.

такое отношение к Германии можно интерпретировать как глубокое осознание геополитических интересов двух стран, направленных против атлантического блока. Одновременно любопытно, как действует Сталин в тридцатые годы на западных территориях. А там идет интеграция западных, бывших российских территорий, занятие Прибалтики, и продвижение советской границы на Запад, вплоть до того, чтобы сомкнуться с германской.

Пакт «Риббентроп-Молотов» венчает договор стратегического партнерства между теллурократической Евразией и Средней Европой. Геополитический смысл этого факта очевидно лежит в логике общегеополитического взгляда. Другое дело, что пакт сам по себе вполне логично вытекал из того исторического момента, который мы рассматриваем.

Следует заметить, что английские геополитики прекрасно осознавали эту картину. Трудно сказать, до какой степени осознавали ее русские. Конечно, русские в Париже осознавали, в Праге тоже. А русские в Москве? Загадка. Как осуществлялось геополитическое мышление в советский период, мы не знаем. И здесь есть один нюанс. Мы уже говорили о санитарном кордоне и его роли в Большой игре. И те территории, которые разделяют Германию и Россию в 1930-е гг., активно используются как санитарный кордон. Польша находится под протекторатом Англии, Англия и Франция претендуют на поддержку вновь образуемых наций, появившихся после развала Австро-Венгрии. И эта зона называется зоной санитарного кордона, которая призвана разделять Германию и Россию, и одновременно быть зоной общих, пересекающихся интересов для того, чтобы создать конкуренцию между ними и предотвратить прямой альянс.

Санитарный кордон, который неоднократно пытались создавать в геополитике (забегая чуть-чуть вперед, скажем, что сегодня он создан в полной мере), чтобы вывести из-под контроля русских зоны, отделяющих их от Германии и Западной Европы, – это классическая геополитическая стратегия атлантизма.

Она прекрасно описана как политика санитарного кордона. Она направлена на сдерживание русских от европейцев и сдерживание немцев от русских, чтобы немцы тоже не перешли границу. Потому что, если бы представить себе, что Герма-

ния, а с ней и Европа, могла договориться по всем вопросам Россией, с советской Россией, то мы получаем практически интегрированную Евразию, что, в общем, полностью снимает англосаксонский талассократический полюс. Поэтому эта игра, европейская игра, состоящая из трех полюсов, объясняет основной алгоритм международной политики Европы последних 300 лет. Таким образом, карту из трех полюсов, трех поясов Европы, трех сил применительно к последним векам нашей истории, можно с успехом использовать для анализа самых разнообразных событий и самых разнообразных исторических периодов.

Библиография:

Агурский М.А. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.

Гарт Б.Л. Стратегия непрямых действий (Strategy of Indirect Approach), М.: Эксмо, 2008 .

Дугин А.Г. Основы евразийства. М: Арктогея-центр, 2002

Кремлёв С. Россия и Германия: стравить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну — М.: АСТ: Астрель, 2003.

Меллер ван ден Брук А., Васильченко А.В. Миф о вечной империи и Третий Рейх. М.: Вече, 2009.

Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. (сборник). — Киев: Княгиня Ольга, 2005.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991 .

Против фашистской фальсификации истории, Издательство: Издательство Академии наук СССР, 1939 г.

Русско-Японская война 1904-1905 гг., СПб.: Типография А.С. Суворина, 1910.

Савицкий П.Н. Континент Евразия, М: Аграф, 1997.

Giманович А. Распутин и евреи М.:Историческая библиотека, 1991.

Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Полное собрание социнений в 16 т., том 14. М.: 1953

Хаусхофер К. О геополитике, М.: Мысль, 2001 г.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22.

Agursky M. The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder: Westview, 1987.

Blaker J.R. Transforming military force: the legacy of Arthur Cebrowski and network centric warfare. Westport: Greenwood Publishing Group, 2007.

Naumann F. Mitteleuropa. Wien: G. Reimer, 1916/

Niekisch E. Europaeische Bilanz. Berlin: Ruetten Loening, 1951.

Niekisch E. Die dritte imperiale Figur. Berlin: Widerstands-Verlag, 1935.

Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen: eine Abrechnung mit dem Nationalsozialismus. Berlin: Ahde-Verlag, 1980.

Niekisch E. Hitler — ein deutsches Verh?ngnis. Zeichnungen von A. Paul Weber. Berlin: Widerstands-Verlag, 1932.

Niekisch E. Ost-West unsystematische Betrachtunen. F./M.: Minerva-Verlag, 1947.

Pareto V. The Mind and Society [Trattato Di Sociologia Generale]. San Diego: Harcourt, Brace, 1935.

Pareto V. The rise and fall of elites: an application of theoretical sociology. New Bruhswick: Transaction Publishers, 1991.

Глава 9. Геополитика СССР – вторая половина (1941-1991 гг.)

Геополитика Второй Мировой Войны

Какие геополитические силы столкнулись между собой во Второй мировой войне? Мы можем их представить как три геополитических лагеря, три пространства. Это пространство, которое с геополитической точки зрения представляет собой Евразию, или то, что Макиндер называет Heartland'ом. Его главная формула, неоднократно упоминаемая, по-разному обыгрывалась, но не потеряла своего значения вплоть до сегодняшнего дня, как пишет Сол Коэн*, современный американский геополитик.

Каков геополитический расклад сил, столкнувшихся между собой во Второй мировой войне? Это атлантизм или Цивилизация Моря – это Англия, Франция и США, то, что называется «западным блоком» или «странами Запада», противостоящие Германии во Второй мировой войне. Гитлер начинает первым, он бросает вызов Англии, начинает экспансию по объединению Центральной Европы Ноймана[1] и движение на Восток. На первом этапе в рамках отношений Риббентроп-Молотов, в рамках пакта между СССР и Германией, речь идет о ликвидации того, что делал раньше Макиндер, то есть самостоятельной Польши, самостоятельной Чехии, самостоятельных стран буферного пояса для контроля над Хартлендом. Иными словами, ликвидация стран Восточной Европы как самостоятельного, ориентирующегося не на Германию, а на Англию специфического образования, что было в геополитических интересах и Германии, и России. К этому призывал Хаусхофер, немецкий геополитик, который внимательно прочел урок Макиндера. И когда Сталин накануне нападения Германии на Россию не верил в то, что Гитлер способен на такое, у него на это были определенные геополитические обоснования. Конечно, Гитлер – это была огромная сила в тот период, это была большая угроза для нас. Но, с другой стороны, это была не просто угроза, это был конец Гитлера. Начав войну на два фронта, он взломал геополитические закономерности. И единственным выходом из этой си-

1 *Naumann F.* Mitteleuropa. G. Reimer, 1916

туации, который, может быть, и привел бы к победе рейха над всем миром, был бы вариант, если бы пакт Риббентроп-Молотов соблюдался. Объединение двух частей Heartland – германского, европейского Heartland и глобального – было бы концом для англосаксонской доминации. После этого ни англичане, ни американцы, ни французы не смогли бы оправиться. Об этом предупреждали их сами английские геополитики, такие, как Макиндер. Поэтому Гитлер совершил фундаментальный геополитический просчет, взломав ту ситуацию в то время, когда пакт Риббентроп-Молотов создавал оптимальные условия для того, чтобы между Германией и Советским Союзом не было бы промежуточной санитарной зоны, которая служила интересам не Европы, не Германии, а Англии.

Поэтому чрезвычайно важно, что этот эпизод – пакт Риббентроп-Молотов – входил в логику континентального блока, объединения между собой двух Heartland'ов. Позже Хаусхофер напишет статью, которая называется «Континентальный блок Берлин-Москва-Токио»[1]. С точки зрения геополитика Хаусхофера, он понимал, что европейский хартленд может определить себя двояким образом. Вот русский хартленд никак не может себя определить. Он хартленд абсолютный. У Германии же был выбор: либо встать на сторону атлантистского блока и выступить против России совместно, как было, кстати, и в эпоху, например, Крымской войны. Тогда против нас были все и совместными усилиями они тогда победили, несмотря на героическую оборону Севастополя. То есть, когда все страны Европы, Западная Европа и Центральная Европа, как внутренний европейский хартленд, ориентируются против хартленда русского, то нам, конечно, не остается шансов на выживание.

Этого альянса не получилось, альтернативой был только пакт Риббентроп-Молотов, то есть наоборот, вхождение советской России в альянс с национал-социалистической Германией для уничтожения западного режима. Такова была модель накануне начала Второй мировой войны, где, в общем-то, уже все процессы были очерчены.

Давайте, посмотрим, поскольку мы говорим о социологических связях геополитики, как геополитические закономерности были сопряжены на этом этапе с социальными, поли-

1 *Хаусхофер Карл.* О геополитике, Издательство: Мысль, 2001

тическими, государственными моделями, в чем социологический смысл этого расклада. Здесь, пожалуй, как никогда все ясно. Мир, объединенный в Цивилизацию Моря представляют либерал-капиталистические страны. Либерал-капиталистические страны с либерально-капиталистической буржуазно-демократической идеологией. Таким образом, существует четкая атрибуция. Атлантическая сила, морская цивилизация, стратегическое единство стран Запада связаны с идеологией либеральной и капиталистической. С чем связан Heartland и его различного рода сателлиты во всем мире? Это советская идеология. Heartland глобальный отождествляется с советской социальной системой, это Цивилизация Суши.

Цивилизация Моря принимает буржуазно-либеральную идеологию. После аншлюса Австрии и вступления фашистской Италии в альянс, возникают страны оси, которые объединяют Германию, все завоеванные, покоренные, подчиненные немцами страны, и, также, фашистскую Италию. Причем, Муссолини не сразу ориентируется на Германию. Есть проблемы, этнические проблемы тирольских немцев, то есть территориальные споры, поскольку, напомню, в Первой мировой войне Италия была на стороне Антанты. И, кроме того, Муссолини особенно на первом этапе очень симпатизирует советскому режиму. Фашистская Италия была первым режимом, который открыто высказался за то, чтобы де-юре признать СССР. И в этой ситуации идеология стран оси была тем, что принято называть идеологией третьего пути. То есть национал-социализм или фашизм. Возникают три геополитические силы и три социальные идеологии: общество коммунистическое, которое строится в России, общество либеральное демократическое, которое строится в Англии, Америке и Франции, и общество фашистско-национал-социалистическое, которое строится в Центральной Европе.

Конечно, возникает закономерный вопрос: что первично, идеология или геополитика? Вопрос риторический, но, во всяком случае, поразительно, что на всех этапах рассмотренной нами исторической действительности существовал постоянный резонанс геополитического расположения государства и тех или иных социально-политических или идеологических особенностей. Мы видели это в расположении русских городов

и балансе вечевого или монархического принципа. Мы видели это в отношении Востока и Запада в судьбе разделенного пост-киевского русского народа. И, таким образом, на новом этапе, уже в XX в., во второй половине XX в., в совершенно новых идеологических условиях мы видим опять, как с пространством, с географией, с территорией, с геополитикой связаны те или иные социологические модели.

Это не значит, что пространство полностью диктует идеологию, это значит, что пространство и его качественные конфигурации, то есть геополитические закономерности, имеют прямое отношение к тем или иным социально-политическим реальностям. Вплоть до того, что Восток и Запад в XX в. отождествились именно с социальными явлениями. Восток – это социализм, коммунизм, восточный блок. Запад – капиталистический, либерально-демократический блок.

Случилось так (опускаем, почему, как, исторические подробности), что Германия Гитлера как Центральная Европа, Средняя Европа, Mitteleuropa, геополитика Ноймана, вступила в конфликт и с цивилизацией Запада, то есть с атлантизмом, и с цивилизацией Востока. Европейский Heartland бросил вызов и Цивилизации Моря, и абсолютному Heartland. И тем, и тем. В этом заключалась идеологическая специфика национал-социализма, которая воплотилась в ту геополитическую модель, которая противоположна была логике таких геополитиков, как Карл Хаусхофер, которые смотрели глубже и которые понимали безысходность такого решения. Решение, о борьбе на два фронта, принятое Гитлером, было концом Германии и концом Срединной Европы. Сказались две идеологические, абсолютно противоположные друг другу силы. Идеологические – коммунизм и капитализм, потому что в промежуточном варианте третьего пути – в национал-социализме и фашизме – были элементы и капитализма, что сближало их с Западом, и социализма, что сближало их с Советским Союзом. Единственное, что идеологически совершенно никак друг с другом не сочеталось, это крайняя форма либерал-демократического Запада в лице Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции, и социалистической, коммунистической идеологии России. Здесь ничего «промежуточного» не было. Второе. Были ли элементы геополитической близости Германии к Западу? Безусловно,

потому что Германия – часть Запада, и в отношении к Востоку Германия играла в общем и целом то, что можно назвать атлантистской или западной ролью. Это продолжение войны католического мира, Тевтонского Ордена в его наступлении на восток[1]. Одновременно это был, по высказыванию Макиндера, по выражению Макиндера, европейский Heartland. И будучи Heartland'ом, он имел нечто общее с российскими стратегическими и геополитическими интересами. Соответственно, германская Средняя Европа как европейский Heartland имела близость и с Востоком.

Что точно не имело между собой ни идеологических, ни геополитических общих точек зрения – это позиция союзников во Второй мировой войне. Коммунистическая ультра-антикапиталистическая Советская Россия и ультра-либеральные демократические антикоммунистические западные страны – Англия, Америка и, в меньшей степени Франция, север ее был оккупирован, да и юг там был не самостоятельный, они одновременно и с идеологической, социально-политической, и с геополитической точек зрения представляли собой абсолютные противоположности.

Таким образом, политика Гитлера, отказавшегося от выбора в рамках нормальных геополитических координат, объединила между собой две прямо противоположные и идеологически, и геополитические силы в лице союзников. Конечно, неудивительно, что недолго продлился этот союз, и как только Германия была побеждена нашими силами, гигантскими жертвами русского народа, но с участием, безусловно, и западных стран, после этого, после короткого братания, встречи на Эльбе, через два года начинается новая война, «Холодная война» уже без Центральной Европы. Возникает Ялтинский мир. Мы опускаем геополитику Второй мировой войны, смысл ее именно таков, что именно по самоубийственной инициативе Гитлера две противоположные идеологически и геополитически силы, оказываются противниками Центральной Европы. После этого Центральная Европа как геополитическое явление больше не существует.

1 Дранг нах Остен и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871-1918 гг., Издательство: Наука, 1977.

Карта 42
Европа в период Второй мировой войны

Геополитика Ялтинского мира

После 1945 г. Европа оказалась разделена на две части, началась эпоха двуполярного или Ялтинского мира. С этого момента складывается новая геополитическая модель мировой архитектуры, где существуют два блока. Не три, как до 1945 г., а два, только два блока – это советская, уже гигантская, разросшаяся до своего максимума, бывшая русская, евразийская империя, и западный мир, который является уже чистой территорией атлантизма, без промежуточной Центральной Европы, которая была и тем, и другим одновременно[1].

Ялтинский мир и закрытие, перечеркивание через оккупацию с двух сторон Германии означали финал Центральной Европы и создание новой геополитической модели. Это так называемая геополитика Ялтинского мира. Мир разделен на две части. Heartland и Цивилизация Моря вступили между собой в прямую и чистую конфронтацию, началась «холодная» война.

«Холодная» война имеет дуальный код в отличие от предшествующей Первой и Второй мировых войн, которые имели тройственный код. Там сталкивались три геополитические и три социально-политические силы, оформленные по троичному принципу с возможностью альянсов. У двух рейхов, и у императора Вильгельма, и у Гитлера были опции выбора геополитической ориентации, но фанатичное отстаивание идентичности Центральной Европы покончило с этой моделью.

Ялтинский мир просуществовал с 1945 по 1991 гг., и его смыслом, его основной динамикой было воспроизводство Большой игры, Great Game Киплинга, или реализация политики Макиндера уже в глобальном масштабе. В этот момент становится очевидным, что мы имеем дело с гигантской Цивилизацией Суши, которая идеологически отождествляется с советским режимом. Где бы, например, в Африке, в Анголе или в Азии, не побеждало социалистическое движение, это означало, что идеологическая ориентация сопровождалась геополитической ориентацией на интересы Heartland.

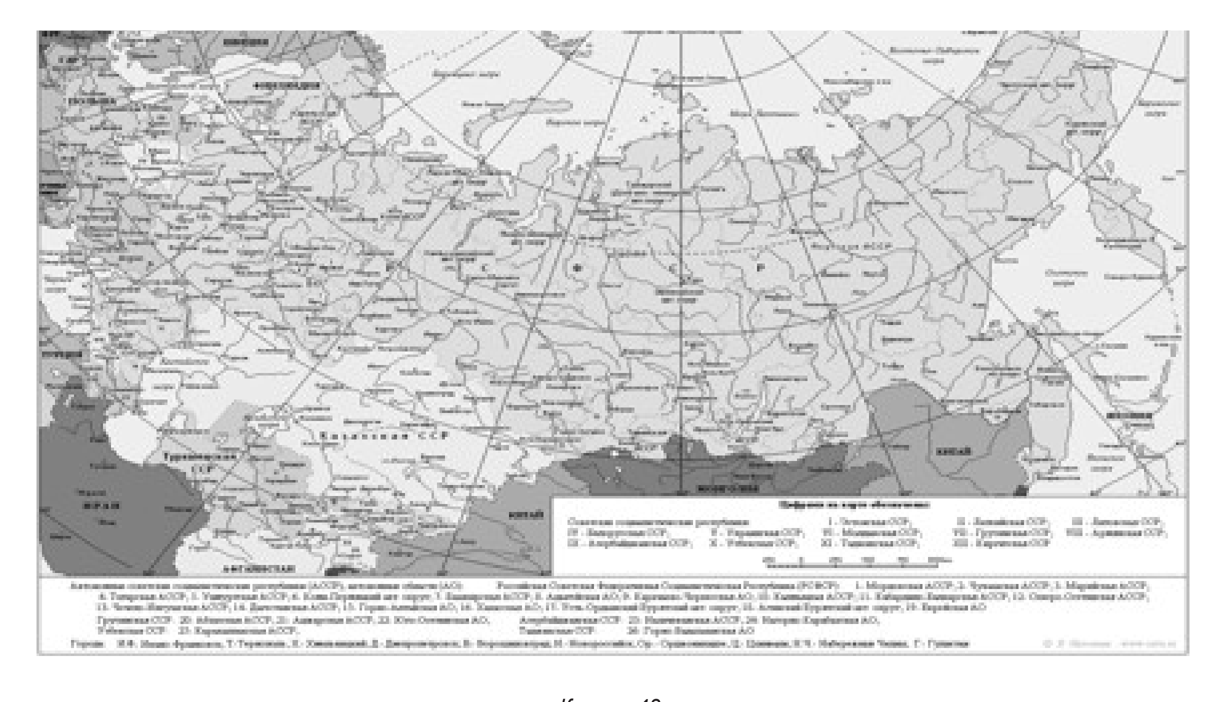
Цивилизация Суши действовала через сеть идеологических сторонников, в частности через сеть структуры Третье-

1 *Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М.: Наука, 1999.*

го Интернационала до его расформирования, потом через международное социалистическое движение, через огромную сеть влияния интеллигенции, которая оказалась привлечена марксизмом. В мире было огромное рассеяние евреев, многие из которых, особенно на начальном этапе советской государственности придерживались левых взглядов и симпатизировали Советскому Союзу. И руководство СССР, используя эту идеологическую близость евреев, превращало их в агентов влияния Суши. То есть, еврейские сети в мире служили национальным, если угодно, или стратегическим имперским интересам Советской России. Так мы руздобыли секреты ядерного оружия. Таким образом, наша идеологическая агентура во всем мире, советская идеологическая агентура дублируется и, по сути, представляет собой геополитическую агентуру влияния, которая, работая на советскую идеологию, на коммунизм, на построение коммунистического общества, на практике осуществляет стратегические национальные интересы Советского Союза.

Очень важный момент прямого столкновения между двумя гигантами в «Холодной» войне, это то, что как таковое оно перенесено в третьи зоны. Например, на Остров Свободы Кубу, когда мы пытаемся выйти за пределы нашего ближайшего окружения и симметрично ответить Америке, создав у них под боком собственную военную базу, с этим связан Карибский кризис. Ну, а уж традиционно англосаксонская морская цивилизация пытается, по логике «стратегии Анаконды»[1], захватить как можно больше влияния в Rimland, то есть на краевых зонах Евразии, для того чтобы сдерживать динамику Советского Союза. С этим связана корейская война, где Heartland отвоевывает одну, а Цивилизация Моря другую половину страны. Разделение двух Корей имеет и идеологический, и геополитический характер. Южная Корея – это талассократическое либерально-демократическое общество, Северная Корея – это теллурократическое, евразийское, социалистическое общество. Вьетнам, вьетнамская война, в которой США терпят поражение – это победа евразийских теллурократических сил. И даже Афганистан, который привел нашу страну к гибели, по

1 *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.

Карта 43
Советский Союз после 1945 года

Карта 44

Мировая система социализма: СССР, страны СЭв и ОВД и страны наблюдатели в СЭВ

сути дела, представляет собой конфликт именно такого порядка, когда вследствие внутренних переворотов возникла опасность прихода американцев. Тогда на этом направлении активно действовал тот же Бжезинский, он создал движение радикальных моджахедов проамериканской ориентации для того, чтобы противодействовать просоветскому влиянию. В результате перед угрозой того, что новое правительство Афганистана создаст у нас под боком военные американские базы, мы ввели туда советские войска. Поэтому Афганская война – это была геополитически обусловленная кампания, совершенно логичная для общей картины мира.

Таким образом, двойственная модель Ялтинского мира представляет собой относительный баланс между Цивилизацией Суши и Цивилизацией Моря, и спорные вопросы решаются на периферии обеих цивилизаций, обоих стратегических пространств. На Дальнем Востоке, в Африке, где, с одной стороны, есть прокоммунистические силы, а с другой стороны, так называемые freedom fighters.

В эпоху Рейгана “freedom fighters” называли ультралибералов, типа нашего СПС или Новодворской, которые боролись против коммунизма с оружием в руках, как никарагуанские контрас. Freedom fighters – это борцы за Мировой Остров, за атлантическую цивилизацию, которые готовы убивать коммунистов и представителей Heartland там, где они их находят.
Ответом им, конечно, были такие же борцы за справедливость и помощь таким же justice fighters со стороны просоветских социалистических стран, которые готовили и отправляли своих собственных бойцов.

Приблизительно такова была геополитическая картина мира, и в 70-е гг. Бжезинский, последователь Макиндера, четко назвал ее концепцией linkage. Концепция linkage – это стратегическая задача как можно плотнее окружить Советский Союз нейтральными или прозападными, проамериканскими стратегическими пространствами для того, чтобы не допустить экспансии и выхода России к теплым морям, к которым она рвалась на протяжении всей своей истории – и царской, и советской. Это удавалось с разным, с переменным успехом, но принципиальный баланс был сохранен. Это называлось эпохой паритетов. На базе этого геополитического расклада были

Карта 45

Блоки Холодной Войны:

1.США и их союзники

2. СССР и его союзники

3. Неприсоединившиеся страны

созданы такие организации как ООН.

ООН, созданная по результатам Второй мировой войны, по сути дела, есть международная структура, закрепляющая двуполярный статус двух сопоставимых паритетных сил. Все остальные страны были туда привлечены просто так, чтобы плучать указания и вносить свои жалобы. Весь мир состоял из западного блока, советского блока и движения неприсоединения, на которое, в общем, в рамках ООН внимания большого никто не обращал. По крайней мере, их там уважительно выслушивали из политкорректности, но, по сути дела, Совета Безопасности ООН, принимал главные решения, и право вето в нем было организовано таким образом, что основные решения принимали представители двух блоков. Если они не приходили к консенсусу по основным вопросам и спорам, то диалог блкировался. ООН блокирвала все возможности изменения баланса.

Таким образом, такая геополитическая дуальная модель, точно соответствующая уже и геополитическим, и политологическим конструкциям поствоенного образца, существвала до 1991 г., пока существовали страны Варшавского блока. Это как раз страны бывшего санитарного кордона, которые были включены, чтобы они больше не мешали, в состав социалистического лагеря. Оказалось, что радость руководства СССР от такой удачной манипуляции была преждевременной.

Фактор границы между блоками и идея Европы от Владивостока до Дублина

И теперь очень интересно, что в 70-е гг. такие геополитики, как Йордис фон Лохаузен[1], австрийский генерал и очень крупный геополитик, и Жан Тириар[2], бельгиец, разрабатывают модель независимой от США Европы. Это были идеологические представители Центральной Европы, хотя Лохаузен был австриец, а Тириар – бельгиец, но мыслили они, исходя из центральноевропейских интересов. И Йордис фон Лохаузен, и Жан Тириар, в общем, отождествляли себя с Mitteleuropa. У Тириара рож-

1 *Von Lohausen H.J.* Denken in Völkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte. Graz: Stocker, 2001.

2 *Thiriart J.F.* Un empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe: la naissance d'une nation, au départ d'un parti historique. Avatar Editions, 2007.

дается следующая идея: для того, чтобы объединить Европу как самостоятельную силу в новых условиях, у нее есть два маршрута. Первый – встать на сторону ультраатлантизма и совместно с его представителями выгнать русских из Восточной Европы. Это так называемая идея блока от Ванкувера до Бухареста. То есть от объединения, где Атлантика, Атлантический океан становится так называемым внутренним озером, каким для греков было Средиземное море. Тириар и Лохаузен поставили вопрос следующим образом: если это так, то европейцы должны встать полностью на сторону НАТО и выбить коммунистов из Восточной Европы, осуществить там определенные трансформации. Тогда Европа сможет объединиться, и, может быть, когда-то она будет самостоятельным в каком-то смысле организмом. Вторй маршрут: альянс с востоком. Если континентальная Европа станет придатком атлантической цивилизации, то она будет вынуждена впитать в себя ценности не просто англосаксонского, а именно американского мира, которые к европейским ценностям, с их точки зрения, имеют мало отношения. И когда они взвесили баланс – что лучше, опереться Европе для своего объединения на Запад, или на Восток, то постепенно пришли ко второму выводу, к такому же, к которому пришел поздний Хаусхофер в своей работе «Континентальный блок Берлин-Москва-Токио[1]». И тогда Тириар пишет очень интересный текст, который называется «Евро-советская империя от Владивостока до Дублина[2]», в котором утверждает, что, вообще говоря, если русские завоюют Западную Европу, это, пожалуй, будет лучше для европейцев, чем, если ее захватят американцы с гамбургерами.

Для нас важна как раз не политическая подоплека этого расклада, а геополитическая модель. Геополитическая мысль европейцев развивается так: либо объединение через атлантизм, через НАТО, под эгидой НАТО, либо это евро-советская империя, но никто не сомневается. Единственное условие: Европа должна быть единой.

К сожалению, к 80-м гг. Советский Союз начинает не выдерживать мощную конфронтацию с Западом. Heartland начинает

1 Хаусхофер К. О геополитике. Указ. соч..

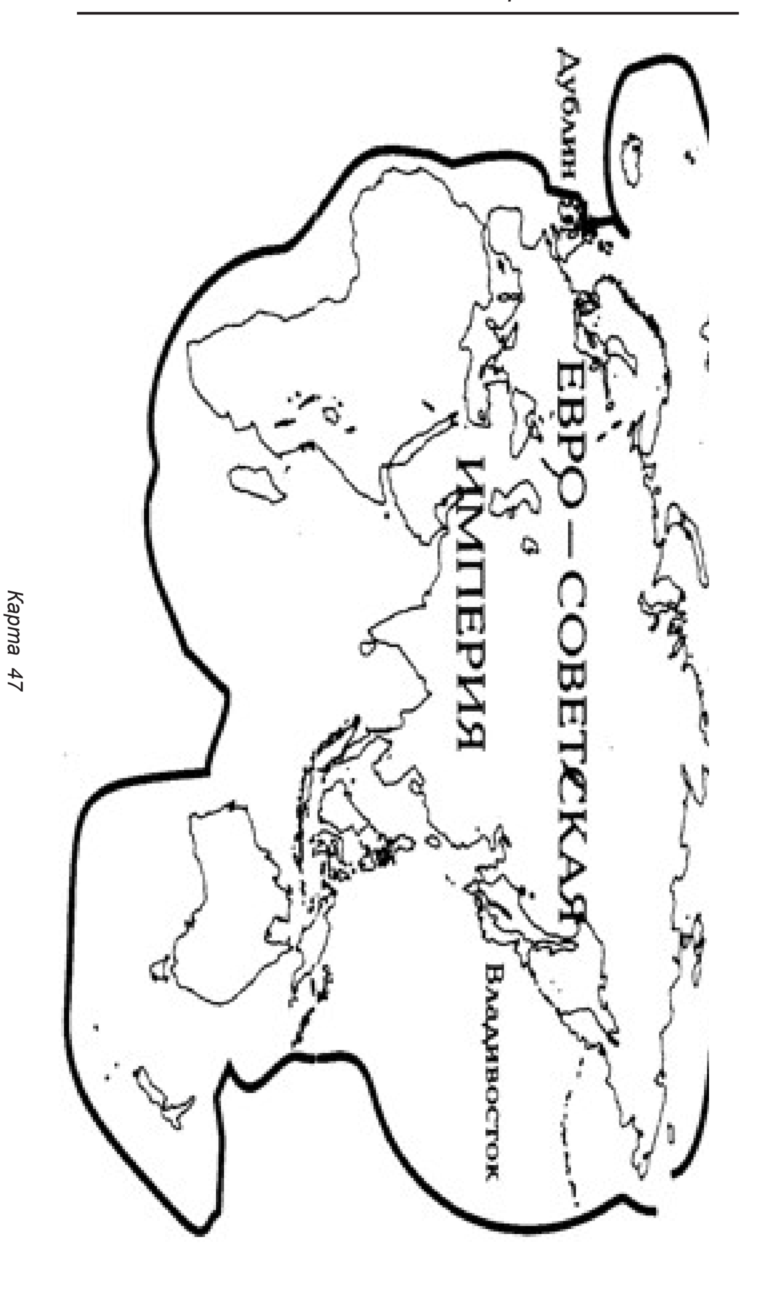
2 *Thiriart J.F.* L’empire Euro-Sovietique de Vladivostock a Dublin l’aprés-Yalta: la mutation du communisme : essai sur le totalitarisme éclairé. Bruxelles: Edition Machiavel, 1984.

From Young, J. *Longman Companion to America, Russia and the Cold War*. © Addison Wesley Longman Limited 1993, 1999.

Карта 46

Разделенная Европа во времена Холодной войны (заштрихованы страны НАТО)

Карта 47

Евро-Советская Империя согласно Жану Тириару. Аналог «доктрины Монро» применительно к Евразии.

сдавать свои позиции, и дальше идет череда событий, которые имеют только однозначное геополитическое объяснение. Советский Союз в лице Горбачева дает свободу Восточной Европе. Что значит, дать свободу? Это значит, убраться с тех территорий, которые мы завоевали. Мы завоевали пол-Европы не по собственной инициативе, мы бы, наверное, на это не решились, но раз нас атаковали немцы, мы, отбрасывая их, дошли до территорий, где гегемония принадлежала американцам. Мы бы и дальше прошли, но наткнулись на другую силу. Эта граница (кстати, очень важно) для Советского Союза была фатальной, и об этом тоже говорили и Лохаузен, и Тириар. Они говорили, что у русских тоже есть две опции (тоже очень интересно), это либо как мы «просим» их, к чему мы их призываем, завоевать Европу, либо по собственной инициативе убраться за восточные пределы Европы, требуя нейтрализации, то, что они называли проектом финляндизации Европы.

Именно к этому, что интересно, склонялся Сталин в последние годы своей жизни, поняв, что эта граница, ее структура неблагоприятны для СССР. В геополитике имеет большое значение качество и длина сухопутной границы. Сухопутную границу защищать чрезвычайно трудно. Морскую границу защищать чрезвычайно легко. Сухопутная граница чрезвычайно дорога. Морская граница чрезвычайно дешевая. При этом граница, проходящая по плоской территории, а не через какие-то непроходимые горы, вообще требует колоссальных усилий по ее охране.[1].

Граница между западными и восточными блоками в пространстве Ялтинского мира была заведомо самоубийственной для советской геополитики. Совершенно не понятно, как она вообще просуществовала с 45-го по 89-й гг., как она раньше не провалилась. Ее было совершенно невозможно защищать, особенно при том перерастяжении экономических, социальных и политических усилий, которые были в России. Потом это инкриминировали уже во внутриполитических разборках Берия, ему предъявили претензию согласно которой он, якобы, хотел продать завоевания советских войск – Восточную Европу Западу. Люди периода реализации власти Лаврентием Берия, до посадки старой сталинской гвардии, еще обладали настоя-

1 Хаусхофер К. О геополитике. Указ. соч..

щим геополитическим пониманием. Они делали историю, имея дело с народами, с границами, с цивилизациями. А вот те, кто пришли после них, уже в эпоху «хрущевской оттепели», это конечно уже были люди другого плана. Именно те, кто понимал, что эту границу удержать невозможно, и говорили о необходимости захвата Западной Европы. Такие проекты существовали, но никто всерьез в них не верил. А более реалистичные проекты освобождения Восточной Европы за счет нейтрализации всей Еврозоны, «финляндизации Европы», никто всерьез тоже не рассматривал. Хотя это были последние геополитические идеи Сталина и Берии.

Геополитика Перестройки. Распад СССР и его геополитическое значение

В 80-е гг. Горбачев принимает концепцию об общеевропейском доме. Что это такое? Это версия той же сталинско-бериевской идеи нейтрализации Европы. Вместо того, чтобы, предложить, освободить Восточную Европу по собственной инициативе, под обещание внеблокового статуса Западной Европы, под объединение Германии не под эгидой Федеративной Республики Германии, а под эгидой новой Германии и новой Европы, формирующейся вокруг нее, Горбачев просто произвольно сдвигает границы контроля Heartland. Такое впечатление, что дух Макиндера оживает, дух Бжезинского появляется в Москве, и дальше происходит сдвиг границы в сторону Heartland.

И что же, вы думаете, за пределами этой границы образовывается? Нейтральная Европа? Финляндизация? Нет, НАТО. То есть Североатлантический альянс. НАТО – это именно проявление Цивилизации Моря. Таким образом, вместо нейтрализации Европы реализуется тот проект, который отбросил в свое время Хаусхофер после неудачного полета Рудольфа Гесса, закончившегося пожизненным заключением одного из первых лиц нацистской Германии. Реализуется теория раннего Тириара и Лохаузена призывающая превратить всю Европу в поле антибольшевистской борьбы. Мы получаем исключительный перевес в этом двуполярном мире в сторону «Sea power».

Это был колоссальный удар по Heartland, не говоря уже о советской системе. Она из-за этого идеологически рухнула. Но

также мы отказываемся, по сути дела, в тот период от своих друзей в Латинской Америке, от своих друзей в арабском мире, от Африки. Мы откатываемся назад. С геополитической точки зрения, это было не просто перемирие или снятие угрозы войны. Это было поражение.

Представим себе, две силы борются за одну и ту же территорию. Если уходит одна сила, приходит другая. Как можно было бы решить иначе? Можно было бы сойтись на нейтрализации Европы, то есть создать возможность появления третьей силы. И на это, в общем, многие в Европе очень рассчитывали, потому что во Франции, например, была серьезная антиамериканская политическая традиция. Там очень силен марксизм, хотя он и был критически настроен по отношению к Советскому Союзу, но все равно это была левая антикапиталистическая и особенно антиамериканская, антианглосаксонская линия. В Германии, конечно, было более настойчивое американское влияние, хватка американская была жестче. Но, во всяком случае, во многих других странах Европы, например в Италии и Испании, где было сильное левое движение, стремление к выходу из под американской опеки могло быть поддержанно. Шансы определенного нейтралитета Европы были. Эти шансы исчезли. Исторически они не оправдались. Соответственно, мы получили колоссальный геополитический удар. Просто проигрыш.

17 марта 1991 года проходит референдум, на котором народ голосует за то, что хочет жить в рамках Советского Союза. У нас происходит путч в 1991 г., когда мы чуть было не превратили страну полностью в конфедерацию. Затем распадается Советский Союз. Куда начинают собираться страны, которые входили раньше в Советский Союз? Они что, создают свои нейтральные европейские модели? Если они хотят в Европу, они попадают уже в НАТО, потому что к этому времени Восточная Европа практически полностью интегрирована в НАТО. Либо они лояльны предшествующей модели, как, например, Лукашенко и Назарбаев, либо отправляются непосредственно в Североатлантический альянс[1].

Второй удар. Единое государство, единая социально-по-

---

1 *Шишелина Л. Н.* Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.

литическая система, единая модель Heartland еще больше сужается. Буферная зона расширяется, и страны СНГ постепенно готовятся к вступлению в НАТО. Приезжают представители НАТО, приезжают представители Западной Европы или Америки, которые готовят эту ситуацию для дальнейшей дезинтеграции. Идет парад суверенитетов внутренних субъектов Федерации, и доблестная Якутия создает свою армию, запрещая до 1993 г. на ее территории появляться россиянам без визы.

На самом деле Бжезинский в этот период издает свою книгу, которая называется «Великая шахматная доска»[1], где он называет Россию «черной дырой» и говорит о необходимости ее расчленения на дальнейшие части. И, соответственно, что происходит? Начинается распад Российской Федерации для того, чтобы покончить с Heartland. Система двуполярного мира стремительно превращается в систему однополярного мира. За счет чего? За счет одного – разделки как мертвой туши второго полюса.

Советский блок, Варшавский Договор, СССР – это было некое геополитическое, стратегическое единство, некий организм, его сейчас разделывают на наших глазах. Были у нас в тот период люди, в 90-е гг, которых сейчас, наверное, страшно уже вспомнить, которые говорили: как хорошо мы разваливаемся. А зачем нам вообще это нужно? Может быть, нам избавиться от этих имперских амбиций?

И определенные представители активного, бурно развивающегося чеченского этноса, в этой ситуации бросают вызов России. Они начинают процесс разделки уже последней части Heartland для того, чтобы перекинуться оттуда на Дагестан, на Северный Кавказ. Что интересно, я сам лично по ряду своих профессиональных занятий встречался с некоторыми лидерами чеченских боевиков, которые в общем были стратегическими руководителями Чечни в этот самый критический период, в 90-е гг. Даже книгу одного из них «Ведено или Вашингтон» Хож-Ахмед Нухаева[2] мы в свое время издали. Эти люди откровенно признавали, что чеченцев втравили в эту ситуацию агенты влияния Запада, которые приезжали и говорили, что

1 *Бжезинский З.* Великая Шахматная доска (The Grand Chessboard), М.: Международные отношения, 1999 .

2 *Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон? М., 2001.*

дипломатически помогут, а также часть московских политиков, которые передали Дудаеву, в частности, склады с оружием, и так далее. Когда я говорю о том, что страну разделывали с двух сторон, имеется в виду, что ее разделывали не столько со стороны агентуры из арабских стран и экстремистов, которые так или иначе были связаны все равно опять же с англосаксонским миром, но одновременно существовали люди уже и в самой российской политической элите, которые, в общем, были не против такого хода событий.

Конечно, речь шла о том, что на Чечне бы все не закончилось, Татарстан был бы следующим, объявившим о своем суверенитете, и дальше все республики, уже национальные республики Российской Федерации, провозгласившие свой суверенитет, потребовали бы собственных вооруженных сил и выхода из состава Российской Федерации. Теперь самый важный вопрос: куда бы включались по закону сообщающихся сосудов двуполярного мира, эти зоны, которые выходили из-под советского влияния? Они не оставались бы сами по себе бесхозными. Они бы интегрировались, по закону этих сообщающихся сосудов, и при отсутствии третьего полюса в лице Средней Европы, с которой покончили в 45-м г., под эгиду НАТО, то есть под эгиду того, что мы называем талассократия или англосаксонская цивилизация, или Цивилизация Моря.

Поэтому, с геополитической точки зрения мы видим совершенно ясную картину. Это убывание влияния у Евразии Heartland и Цивилизации Суши, сил, объема контроля, энергии, и нарастание мощи в зонах контроля, энергии у противоположной талассократической цивилизации.

Теперь давайте посмотрим, что происходит на идеологическом фронте и почему возникает идея того, что агентура влияния может помогать проведению антиевразийской стратегии и политики изнутри. Дело в том, что происходит смена идеологии. Идеология, поначалу в горбачевском варианте, остается в рамках социализма, но смягченного социализма, более открытого Западу. Мы узнаем вот тот германский национал-социализм, который был на половину капитализмом, а наполовину социализмом. То есть, ранний Горбачев, может быть – это такой умеренный гуманистический национал-социалист. Но он быстро проскакивает эту фазу, структура рушится, и Горбачев

уходит. На смену Горбачеву приходит Ельцин, носитель либеральной идеологии. Он в Америку слетал, пролетел три раза вокруг статуи Свободы, и понял, что всю жизнь, работая в обкоме КПСС, ошибался. Пролетев три раза, он возвращается с идеей, что надо сделать все «как там» и все будет хорошо. Сделать «как там», это значит принять не просто их идеологию, методологию, но и включиться в реализацию их интересов. Какие интересы у США, кроме того, чтобы создавать фаст фуд, удобное, комфортное для богатых жилье?

Есть еще идея того, чтобы России больше не было. Очень комфортно будут себя чувствовать представители западного полюса, если ее не будет, и она будет расчленена. Об этом пишет Бжезинский. Об этом говорят неоконсерваторы. Это, если угодно геополитический догмат атлантической геополитики.

Поэтому, если мы хотим совсем быть хорошими и получить все взамен на потерю суверенитета от Запада, стать совсем частью Запада, то помимо идеологии, политической системы, рыночной экономики, мы должны взять оттуда указания по саморасчленению. После этого разделяемся на небольшие западные Швейцарии. Какие Швейцарии у нас были бы здесь с нашим народом нетрудно представить. А идея была именно такая. Последнее, что мы не стали делать, это самоуничтожаться вовсе. И это уже связано не с Ельциным, так как после того как с огромными трудами российские федеральные войска взяли Грозный он отдал всю Чечню назад.

Крах Советского Союза именно в той форме, в которой он произошел в 80-е – 90-е гг., создал новую геополитическую архитектуру мира. Мы более подробно поговорим о роли Европы в следующих главах. Но что можно сказать в завершение? Ялтинский мир, который возник в 1945 г. и разделил реальность планеты на два геополитических и идеологических блока, рухнул в 1991 г. вместе с СССР. Вместе с идеологической пропала и геополитическая составляющая.

Библиография:

Бжезинский З. Великая Шахматная доска (The Grand Chessboard). М.: Международные отношения, 1999 г.

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство (The Choice: Global Domination or Global Leadership). М.: Международные отношения, 2007 г.

Бжезинский З. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. Ю. В. Фирсова. М. : Международные отношения, 2007.

Дранг нах Остен и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871-1918 гг., Издательство: Наука, 1977 г.

Дубинин Ю. А., Мартынов Б. Ф., Юрьева Т. В. История международных отношений (1975—1991 гг.): МГИМО(У). М.: РОССПЭН, 2006.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России.Мыслить Пространством, Издательство: АРКТОГЕЯ-центр, 1999 .

Киссинджер Г. Дипломатия, М.: Ладомир, 1997.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? (Does America Need a Foreign Policy?). М.: Ладомир, 2002 .

Крестовый поход на Россию. — М.: Яуза, 2005.

Наринский М. М. История международных отношений. 1945—1975: Учебное пособие. М.:РОССПЭН, 2004.

Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон? М., 2001

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австробаварской «расе господ» / Пер. с нем. М. Некрасова — СПб.: Академический проект, 2003.

Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы, М.: Наука, 1999 г

Хаусхофер К. О геополитике, Издательство: Мысль, 2001 г.

Чуев Ф. **Сто сорок бесед с Молотовым**: Из дневника Ф. Чуева; Послесловие С. Кулешова. – М.: ТЕРРА, 1991.

Шишелина Л. Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.

Aldrich R. J. The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence, Duckworth, 2006.

Brzezinski Z. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. New York: Basic Books, 2008.

Brzezinski Z. Between Two Ages : America's Role in the Technetronic Era. New York: Viking Press, 1970.

Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest. Boston: Atlantic Monthly Press, 1986.

Brzezinski Z. Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York: Charles Scribner's Son, 1989.

Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977-1981. New York: Farrar, Strauss, Giroux,1983.

Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership, New York: Basic Books, 2004.

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books,1997.

Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York: Basic Books,2007.

Brzezinski Z. Soviet Bloc: Unity and Conflict, N.Y. Harvard University Press, 1967.

Horowitz D. From Yalta to Vietnam: American Foreign Policy in the Cold War. — N.Y. 1967.

Holbrooke R. America, A European Power/ / Foreign Affairs. March/April 1995.

Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality. N.Y. 1942.

Naumann F. Mitteleuropa. G. Reimer, 1916

Thiriart J.F. La grande nation: 65 thèses sur l'Europe (L'Europe unitaire, de Brest à Bucarest. Définition du communautarisme national-européen). Bruxelles: Gérard Désiron, 1965.

Thiriart J.F. L'empire Euro-Sovietique de Vladivostock a Dublin l'aprés-Yalta: la mutation du communisme : essai sur le totalitarisme éclairé. Bruxelles: Edition Machiavel, 1984.

Thiriart J.F. Un empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe: la naissance d'une nation, au d?part d'un parti historique. Etampes: Avatar Editions, 2007.
Von Lohausen H.J. Denken in V?lkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte. Graz: Stocker, 2001.
Von Lohausen H.J. Ein Schritt zum Atlantik: Die strategische Bedeutung d. Ostverträge. Wien: Österr. Landsmannschaft, 1973.
Von Lohausen H.J. Les empires et la puissance: la géopolitique aujourd'hui. Paris: Le Labyrinthe, 1996.
Von Lohausen H.J. Mut zur Macht: Denken in Kontinenten. Heidelberg: Vowinckel, 1981.
Von Lohausen H.J. Reiten für Russland: Gespräche im Sattel. Graz: Stocker, 1998.
Von Lohausen H.J. Zur Lage der Nation. Krefeld: Sinus-Verlag, 1982.

Глава 10. Геополитика пост-ялтинского мира

Геополитический смысл окончания Ялтинского мира для России

Ялтинский мир, с геополитической точки зрения, - это тот мир, который сложился по результатам Второй мировой войны, как столкновения трех геополитических образований: атлантистского, воплощенного в англо-американском полюсе, среднеевропейского, воплощенное в странах оси, и евразийского в лице Советского Союза. Чисто теоретически результаты этой войны могли быть разными и расклад сил мог бы быть разным. Послевоенная геополитическая конструкция сложилась бы в зависимости от того, кто бы в войне победил. Однако история не знает сослагательного наклонения, поэтому победила та модель, которая означала проигрыш Средней Европы, разделение Европы по линии, расчленившей, в свою очередь, Германию, и триумф совместных сил атлантистов и евразийцев над теми, кто был оккупирован ими. То есть, две геополитических крайности, Море и Суша, победили промежуточный, с геополитической точки зрения, вариант.

Сложилась двуполярная модель мира, которая и была зафиксирована в послевоенном устройстве. Два победивших блока, воевавших на одной стороне, договорились друг с другом о разделе сфер влияния. Восточная Европа отошла Советскому Союзу, Западная Европа - американцам. Кроме того, образовалось два мощных военно-политических и экономических альянса, один во главе с СССР, другой во главе с США. Так, можно сказать, что по результатам Второй мировой войны произошел передел мира. Этот мир получил название Ялтинского или биполярного.

В Ялтинском мире гарантом суверенитета любого государства, где бы оно ни находилось, считался консенсус двух глобальных держав. То есть, специфика двуполярности заключалась в том, что если бы кто-то из стран кроме США и СССР попытался бы пересмотреть границы, например, объявить о новой государственности, или вступить с кем-то в локальный конфликт, или выйти из блока, поменять свою при-

надлежность, он сразу же столкнулся бы с очень серьезными проблемами в лице той или иной ядерной державы. Это и есть двуполярность.

Напомним, что после того как 1648 году субъектами международной политики в Европе был заключен Вестфальский мир, по результатам Тридцатилетней войны, в рамках Европы, а потом и во всем мире были признаны суверенные национальные государства. В XX веке де-юре субъектами политики оставались государства. Де-факто же такими субъектами являлись блоки держав. Вначале - три геополитических блока, а после Второй мировой войны – два. Все остальные страны могли иметь только две опции: либо войти в советский лагерь, то есть, присоединиться к геополитике евразийства, либо в капиталистический. Этот выбор был открыт. Но для некоторых уже после того, как советские войска закрепились в Восточной Европе, перспектива смены блока затруднена. Существовал еще сегмент стран, которые назывались не присоединившимися, они постепенно организовали Движение неприсоединения, однако основное напряжение мировой политики в тот период развернулось между социалистическими и капиталистическими странами.

Таким образом, существовало два блока, - и все остальные, кто соглашались с этим глобальным двуполярныи миром, но не делали окончательного выбора, то есть, осциллировали между тем или иным полюсом. Отражением Ялтинского мира явилось создание Организации Объединенных Наций – ООН, как ассамблеи, в которой существует Совет Безопасности, где решающий голос принадлежит двум блокам, советскому и западному. По сути дела, в рамках ООН действовали два полюса, каждый из которых был наделен правом вето. Когда между ними возникали определенные проблемы, достаточно было вето одного из членов Совета Безопасности, чтобы закрыть тему.

В конце 80-х, начале 90-х годов прошлого столетия произошел пересмотр Ялтинского мира. Падение «Берлинской стены» означало его конец, конец двуполюсной геополитики, конец этого своеобразного консенсуса, который нарушался только на периферии (противостоянием в Китае, в Афганистане, во Вьетнаме, в Корее, где сталкивались между собой

сверхдержавы), но не в Европе. Все это рухнуло в 1989-м году. А в 1991-м году происходит окончательный распад одного из блоков. Однако после этого новая система не возникла: сохранилась старая система биполярности с «отсутствующим» вторым полюсом. Произошла, по сути дела, аннексия части территорий к противоположной стороне, которые контролировались ранее Советским Союзом.

Геополитическая история России в 90-е годы

Когда одна армия отступает, другая наступает. Когда одно государство или геополитический блок отдает свои территории, другие его занимают. Это закон. Таким образом, конец Ялтинского мира означал, что второй полюс в геополитике, на котором была основана модель послевоенного мироустройства, умер. Советское руководство считало, что сдавая свои геополитические позиции, они могут расчитывать на милость и понимание американцев, но те думали иначе. И это различие, этот зазор в геополитическом понимании процессов очень важен. Мы до сих пор не поняли, что нас завоевали, разделали, расчленили, мы до сих пор думаем, что это демократизация. А на Западе абсолютно все убеждены, что одержали победу и углубились в территорию противника, воспользовавшись неразберихой.

Можно сказать, что у Советского Союза с геополитической точки зрения существовало три пояса безопасности. Первый пояс безопасности - все дружественные страны во всем мире, включая Кубу, Корею, просоветские режимы в арабском мире. Это были советские или социалистические страны дальнего зарубежья. Этот пояс сразу оставили еще в середине восьмидесятых годов. Следующий пояс безопасности - это Организация Варшавского Договора. Варшавский Договор, представлял собой евразийский, с геополитической точки зрения, второй пояс, который примыкал уже с Запада непосредственно к Советскому Союзу. В 89-м году падение «берлинской стены» означало, с геополитической точки зрения, аннексию Восточной Европы атлантическим полюсом. Не освобождение а прямую аннексию.

Поэтому, страны Восточной Европы, будучи присоединен-

Карта 48

Потеря СССР идеологического контроля и сдача имперских позиций. Карта из книги З. Бжезинского «Великая Шахматная доска». Сжатие границ контроля в сторону Heartlend'а и распад СССР как результат геополитики Горбачева.

ными к странам Западной Европы, не получили каких-то новых суверенных прав или новой государственности. Условно они имели эти права и под Гитлером, и под Советским Союзом, и сейчас они имеют. Они более-менее в той или иной форме были национальными государствами. Но, естественно, они не получили и не могли получить никакой свободы, потому что ни двуполярный, ни однополярный мир никоим образом не отменил то правило, что суверенитетом обладают гигантские, мощные блоки держав[1].

Был разрушен и третий уровень обороны - это Советский Союз. Мы потеряли уже исторические территории российской государственности. Они возникли, естественно, не в советское время, это все урезанные территории Российской Империи, (без Финляндии, Польши), слегка расширенные на Западной Украине. И уже это государство, которое номинально было разделено на республики, было разрушено в 91-м году.

Таким образом, три линии геополитической конструкции были перераспределены в пользу одной из сторон. Далее геополитический процесс пошел таким образом, что на грани распада оказалась уже сама Россия. Еще до конца Советского Союза, начинается парад суверенитетов в самой Российской Федерации. По сути дела, это была четвертая волна разрушения России. Так она и планировалась. Либеральные реформаторы, которые тогда были политической элитой, этот процесс приветствовали, они рассуждали, что процессы демократизации так и должны выглядеть, и после разрушения трех вышеупомянутых линий обороны, надо разрушить и четвертую.

Российская Федерация представляла собой уже, по сути, не единое государство, а очень свободную конфигурацию, юридически готовую к тому, чтобы объявить самороспуске. По крайней мере, наличие, например, у президента Якутии собственных вооруженных сил, которые были прописаны в Конституции Якутии, давало к этому все основания. Якутия – большая территория, там много алмазов, якутов мало, поэтому можно было это гигантское пространство купить несколькими грантами Фонда Сороса, и этого спокойно хватило бы на то, чтобы якуты чувствовали себя замечательно и без всяких русских.

Четвертый этап разрушения России остановился на Кавка-

1 Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М.: Весь Мир, 2007.

зе. Тогда самые активные из сепаратистов, к которым принадлежали практически все кавказские республики, большинство республик Поволжья и многие республики Сибири объявили, по сути дела, о полном суверенитете. Создали свои министерства иностранных дел, но главные события разворачивались в Чечне. Чечня заявила о выходе из состава Российской Федерации. За этим процессом стояли чеченские националисты (а позже - радикальные исламисты). Но они, националисты и исламисты, не представляют собой самостоятельной геополитической силы, способной воевать с Российской Федерацией. А кто мог и был способен, и кто только что прекрасно осуществил процесс отчуждения наших подконтрольных территорий в сторону другого полюса, существовал. И он, этот полюс, то есть атлантизм, и был главной действующей линией ситуации в Чечне. С геополитической точки зрения, вся модель представляет собой абсолютно прозрачный процесс: первый пояс отчуждается, второй пояс, третий, четвертый, и так далее до полного распада.

Ялтинского мира уже больше не существовало, мы не смогли остановиться на первом поясе… Хорошо, мы отдали бы Кубу, кстати, Куба и Вьетнам охранили свою субъектность и суверенитет, как ни парадоксально. Самый первый пояс мы бросили, но его так и не «подобрали» толком. Там оказались такие устойчивые небольшие государства как Северная Корея. Второй пояс мы отдали подчистую, американцы его быстро интегрировали в Евросоюз. Третий пояс уже собрался в НАТО, кроме Белоруссии, где Лукашенко проводит самостоятельную политику. Во всяком случае, если мы не смогли отстоять территориальную целостность своего влияния в постялтинском мире, значит, Ялтинского мира нет. И мы начали транзицию, переход от двухполярного мира к однополярному миру, устроенному пока по такой модели: двое сражались против друг друга, один перестал, другой продолжает сражаться (то есть добивать старого противника и искать нового). Этим и вызвано наступление НАТО на Восток. НАТО срочно потребовался новый враг. Тем более, побежденная Россия особенно не воспринималась в качестве последнего, поэтому постепенно этот однополярный мир ищет себе нового врага и его образ все больше и больше напоминает такую внетерриториальную инстанцию,

как исламский терроризм[1].

Декларируемый противник атлантизма в пост-ялтинском мире – это Бен Ладен (которого ищут и не находят), Ирак (где беспокойство США вызывают какие-то мифические склады с химическим оружием, в ходе, якобы, «ликвидации» которых захватывают страну, вешают президента). То есть, происходит виртуализация противника. А НАТО – это вещь не виртуальная. Вторжение в Афганистан и в Ирак – вещи не виртуальные. А объяснения, что там делают американцы и на каких основаниях, – совершенно виртуальные. США не стремятся хоть как-то обосновывать свои действия. Судя по этим «виртуальным» объяснениям, американцы воюют в Афганистане и Ираке, чтобы поймать и наказать Бен Ладена и, по ходу дела, повесить Саддама Хусейна за то, что у него не нашли химического оружия, ради которого они туда вторглись.

Геополитика – это не дисциплина морального выбора, здесь все конкретно: одни теряют, другие получают. Тот, кто выиграл берет то, что проиграл тот, кто проиграл. Был проведен тест на прочность бывшего евразийского полюса двуполярного мира, тест на удароустойчивость России: до какой степени она будет распадаться. Я не думаю, что американцы совсем уж по настоящему думали о необходимости полного развала страны[2]. Хотя Бжезинский в книге «Великая шахматная доска» об этом писал, о том, как атлантистов бы устроил развал России на несколько независимых, небольших государств, которые будут друг с другом биться, а американцы будут параллельно устанавливать свой новый американский порядок[3].

Камнем преткновения стала Чечня. Чечня, которая повторяла логику распада Югославии и распада самого СССР, только в более жестких условиях и начала изгнание русских. Вначале был осуществлен геноцид, этнический геноцид, этнические чистки русского населения, потом там стали возникать свои собственные политические структуры, что связано с Дудаевым

1 *Котляр В. С.* Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО, Издательство: Центр инновационных технологий, 2008

2 Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность / Russian-American Relations in Past and Present: Images, Myths, and Reality, Издательство: РГГУ, 2007.

3 *Бжезинский З.* Великая Шахматная доска. Указ. соч.

и его политической системой правления. Но тут политическое руководство России подходит к определенной точке распада и застывает. Застывает и начинает балансировать. То есть, каждая из потерь каждого из поясов была очень точной, его теряли безвозвратно: Москва безоговорочно признавала суверенитет и стран Восточной Европы, и бывших стран СНГ, давая право своим подконтрольным территориям полностью уйти к противнику. Когда же суверенитета потребовали внутрироссийские регионы, появилось некоторое недопонимание. Никто не говорит о том, что Ельцин решил любой ценой сохранить Российскую Федерацию и не отпустить Чечню. Просто он не понял, какова механика распада и не ожидал такой скорости дезинтеграции. Хотя он сам должен был это понимать, он же ездил и говорил: «Берите суверенитета сколько хотите». Суверенитет – это политическая независимость. Можно подумать, что он, не понимал, что говорит. Во всяком случае, он точно не понял, почему Чечня должна быть независимой. При этом часть его советников высказалась за то, чтобы сохранить Чечню, а другая часть советников этому воспротивилась. Ельцин «завис», как зависает компьютер. Но одновременно он стал поддерживать тех, кто делал бизнес на российских войсках, на войне и экономически издевался над солдатами. Одновременно попускал поставки чеченцам оружия с российской стороны. То есть, это была действительно работа вышедшего из строя механизма.

Тем не менее, наши взяли Грозный в очередной раз, приехал генерал Лебедь, и сразу после его прибытия Грозный сдали и фактически чуть было не подписали начало процесса распада Российской Федерации, так называемый Хасавюртовский мир. Именно такой смысл заключался в поездке Секретаря Совета безопасности Российской Федерации генерала Лебедя в Чечню по поручению Ельцина и «правовом решении» вопроса о независимости Чечни.

То, что Россия перестала быть глобальным фактором в игре двух полюсов, это уже было очевидно после потери трех поясов влияния. Стал вопрос о том, сохранит ли Россия за собой статус региональной державы. Региональная держава в геополитике – это держава более крупная, чем национальная, но, тем не менее, не способная бросить вызов глобальному мировому порядку и предложить свою версию международной

архитектуры, однако, тем не менее, довольно жестко защищающая свои собственные земли и то, что к ним прилегает. Статус региональной державы, это не статус полюса в двуполярном мире, это гораздо ниже, но это еще и не статус безголосой, покорной страны, в которой внедрено внешнее управление, как сегодня во многих других странах.

Именно тогда произошел очень серьезный поворот. Ельцин только колебался, размышлял, и так и не решив чеченской прблемы, ушел с поста. Происходит назначение Путина, который с геополитической точки зрения решает чеченский вопрос. Геополитическое значение Путина – это остановка распада четвертого пояса и начало вступления в борьбу за региональный статус России. Потому что в конце 90-х гг. Россия могла лишиться статуса региональной державы и поставить под вопрос собственный суверенитет.

Теперь следующий момент. Реализация всех этих событий 80-90-х гг. означает четкое следование планам Макиндера: создание черноморско-балтийской зоны санитарного кордона и предотвращение возможного сближения России, тогда – с Германией, сегодня с Европой. То есть, макиндеровское видение оптимальной геополитической гегемонии англосаксонского полюса в Европе было реализовано[1]. То, что не удалось сделать окончательно в 1919 г. во время Версаля, было реализовано в 80-90-е гг. XX века.

Геополитика постсоветского пространства

Что касается структуры границ постсоветского пространства. Мы видели, что было в Югославии, когда различные этносы, которые жили в составе Югославской Федерации, потребовали своей собственной национальной государственности. Там эти сторонники этнического самоопределения, превращения этноса в нацию, столкнулись с сербами, с сербским великодержавным национализмом. Сербы не хотели отдавать территорию, считая, что она им принадлежит. С этим было связано наказание сербов со стороны всего мира, то есть, со стороны Запада. Сербы претендовали на статус, пусть не большой, но гордой региональной державы. Запад и страны НАТО, напав на Бел-

1 *Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. New York: Holt, 1919.*

град, начав бомбардировку Белграда в 1999 г., по сути дела, дали им понять, что они не региональная держава. Вначале сербы пытались сохранить всю Югославию, потом хотя бы саму Сербию и Черногорию. Постепенно Запад довел сербскую политическую конструкцию, сербскую геополитику до состояния невменяемости, и вдобавок подставил, осудил Милошевича, посадил всех людей, которые заявляли, что Сербия должна быть региональной страной, и заставил их выбрать того, кто будет отстаивать на политической сцене этот проамериканский курс. Таких как Борис Тадич, современный президент Сербии.

Соединенные Штаты Америки создают систему нового управления значительной частью евразийских территорий[1]. Границы постсоветского пространства не соответствовали вообще никаким историческим реалиям. Кроме Эстонии, Латвии и Литвы, все остальные страны никогда не существовали в таких границах: их попросту не было. И такой страны, как Российская Федерация ппросту не существовало. Россия в территориальном смысле, - это абсолютно новая страна, созданная в границах, которые были сконфигурированы абсолютно случайным бразом. Новые государства (бывшие союзные республики) воспользовались распадом Советского Союза и объявили государственность в тех в административных границах, которые были на этот момент признаны внутри, по сути, унитарного государства. Унитарного де-факто, федеративного лишь формально. Причем унитарность эта держалась на политической воле Компартии. Она не была зафиксирована в юридических документах, поэтому борьба против 6-й статьи Конституции, это была борьба против той силы, которая препятствовала распаду СССР. По сути дела, демократические реформы оказываются, последовательной, разумно спланированной, по крайней мере с одной стороны, и доведенной до своих конкретных результатов геополитической диверсией. Эта диверсия включала в себя и осуждение культа личности.

Далее, убрав 6 статью, руководители Союза получили соответствующий результат: комиссарская диктатура[2], партийная

1 *Голдгейр Дж., Макфол М.* Цель и средства: Политика США в отношении России после «холодной войны» М.: 2009

2 *Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006.*

диктатура, которая скрепляла это государство сверхправовым образом, политическим образом, перестала существовать, и в дальнейшем уже любой район, любая часть страны могла потребовать права на самоопределение. Точно таким же образом это произошло, и внутри Российской Федерации: полусубъекты, административные районы точно также потребовали себе право на самоопределение и суверенитет.

Мы сейчас не будем углубляться в суть ленинской и сталинской политики, в причины по которым распад СССР стал возможен. Такое территориальне деление и такая национальная политика формировалась под марксистские идеологические модели и под конкретные реалии раннего Советского Союза. Тогда цель была двусторонне: сохранить территориальный контроль большевиков над регионами, фрмально соответствовуя при этом марксистской модели национальной политики. Эти сложнейшие идеолого-политические кульбиты, где была ложь на лжи и с точки зрения терминологии, и с точки зрения реальных теоретических моделей, затем перекочевали в сталинскую национальную политику, которая по факту ставила своей целью формально предоставить этносам право на свободу и суверенитет, а в реальности жестко подавлять тех, кто пытался этим правом воспользоваться. Факт, с геополитической точки зрения, заключается лишь в том, что границы постсоветского пространства не являются историческими. Они проведены самым случайным образом в рамках, по сути, унитарного государства. Это ставит вопрос об ирредентизме. Сам термин переводится с латинского как «неспасенность», ирредентизм – неизбавленность, неспасенность. Речь идет о ситуации, когда определенные народы переходят от этносов к государствам и получают свою национальную государственность, но при этом часть этих народов оказываются за пределами этой государственности и, в общем, чувствуют себя брошенными. Это называется ирредентизм. То есть, какие-то этнические группы, которые хотели бы, или предполагают, что хотели бы, присоединиться к основной национальной государственности, оказываются лишенными этого права. Вопрос русского ирредентизма возникает именно в этот период.

Дело в том, что, конечно, русское этническое великоросское население или культурный русский тип населял достаточ-

но разбросано всю территорию Советского Союза. Где-то больше, где-то меньше. В Казахстане до сих пор русские, русскоязычные составляют более 40 процентов. Даже в Латвии, куда они приехали довольно поздно, тем не менее они составляют существенный процент населения. Что касается Украины, то там где-то половина населения – это великороссы.

На постсоветском пространстве сложилась мозаика национальных государств, где все государства, кроме Российской Федерации, стали строить нации, именно нации, национальные политические гомогенные государства с одним языком и с четкой доминацией ядерного этноса. Того этноса, кто оказался в большинстве или кто провозгласил себя большинством. Так началась казахстанизация Казахстана, таджикизация таджиков, связанная с гражданской войной, украинизация всех жителей Украины и так далее. При этом речь шла о том, что эти национальные процессы, которые подчас проходили довольно грубо и в полном диссонансе с европейским представлением о правах человека, поддерживались Западом, (вплоть до этнических чисток) в том случае, если они были направлены против русского населения или если они помогали укрепить национальную независимость постсоветских государств от России.

Таким образом, возникает следующая модель. Ялтинский мир рушится, а в России те же самые силы, которые аплодировали распаду Советского Союза и демократизации страны, стали стеной против того, чтобы нечто подобное осуществилось в Российской Федерации. В принципе, в этом случае надо сказать, что это было правильное решение, потому что если бы в 90-е гг. Россия пошла по пути других постсоветских стран и создала бы жесткую национальную государственность, с притеснением этнических меньшинств, то, наверное, территориально мы бы Россию потеряли. Потому что в тот период никаких сил для того, чтобы утвердить национальную идентичность, основанную на великоросском этносе, не было. Поэтому нет худа без добра

По факту на постсоветском пространстве возникло 14 национальных государств. Легче всего это удалось в Армении, где этнических групп почти нет: только курды и малочисленные русские. Остальные государства, естественно, представляют собой широкую полифонию этносов. И тем не менее, все

они теперь говорят по-казахски, по-таджикски, по-узбекски, по-украински. Юлия Тимошенко издала приказ о том, чтобы запретить в украинских школах говорить не на украинском языке, даже на переменах или в буфете. Что это такое? Речь идет об этноциде. Язык – это свойство этноса, значит идет речь об уничтожении неукраиноязычного этноса, не украинцев, то есть, о насильственной ассимиляции. Любое такое решение в европейских странах мгновенно бы вызвало страшный скандал, здесь же Запад этого не замечает. Почему? Потому что Запад действует, исходя из своих геополитических интересов. Укрепляя свою национальную идентичность, постсоветские государства ослабляют возможность возврата их к пророссийской политике, и тем самым ставят определенные жесткие преграды на пути возврата России к новому историческому статусу. То есть, если Россия захочет расширить свое влияние, она уже столкнется не со своим ирредитистским русскоязычным народом, а с украинцами, казахстанцами, которые будут воевать, если придется, против России в своих собственных армиях своих собственных стран. То есть в постсоветских странах, идет динамичный переход от этноса к нации.

Таким образом полностью, реализуется проект Макиндера, тот проект создания национальной государственности в ключевых зонах, которые обеспечивают Западу господство в мировом масштабе. Напомню его фразу: «Тот, кто контролирует Восточную Европу, контролирует Heartland. Тот, кто контролирует Heartland, контролирует мир». То, что произошло в 90-е гг., после окончания Ялтинского мира, было реализацией проекта Макиндера.

Евразийская и атлантистская геополитические ориентации в России в 90-е годы

Мы в нашем курсе постоянно проводим параллель между социологией и геополитикой, между социальными процессами и геополитическими. Как, интересно, реагировало население Российской Федерации или, скажем, советско-евразийские социальные страты в девяностые годы, наблюдая за тем, что происходит. Существует очень интересный опрос ВЦИОМа, который был проведен впервые, по-моему, в 92-93-м гг., и который

проводится каждый год. В нем был поставлен следующий вопрос: «Считаете ли Вы Россию самостоятельной православной евразийской цивилизацией, либо это европейская страна?» Вопрос предельно точно поставлен. И знаете, какой ответ? Не меняется из года в год, с 1994 г., кажется, до сегодняшнего дня.

71 % россиян с 1994 г. отвечают, что Россия самостоятельная православная евразийская страна. На 2 % число этих людей выросло за все эти годы, сейчас это 73 %. При этом количество тех, кто утверждает что Россия – европейская страна, сократилось с 15 % до 12 %, это тоже немного. Остальные не понимают смысла вопроса. Это социсследование ВЦИОМа, которое по выборке покрывает все слои российского населения, абсолютно все. То есть, это не фокусная модель. Интересно, что если бы мы поставили этот вопрос перед политической элитой, мы бы получили как минимум прямо противоположный ответ. 71-73 % считает, что Россия - европейская страна, (как Путин и Медведев), они убеждены в этом, они этот посыл прямо транслируют. Вся политическая элита уверена, что Россия – европейская страна. Народ, то есть широкие массы, видят ситуацию по-другому. Вот здесь очень интересная социологическая стратификация существенным образом кореллирована с геополитическими процессами.

Теперь вам может быть будет понятно, как эти две различные дисциплины – социология и геополитика между собой кореллируют. Народ убежден в том, что правильная, нормативная, желательная проекция собственного статуса – это, скажем, двуполярность или самостоятельность в глобальном масштабе, то есть, суверенность глобального масштаба. А политические элиты считают, что Россия представляет собой региональное явление. Совершенно очевидно, по какой линии происходил и происходит до сих пор раскол в обществе между элитами и массами. Массы видят распад полюса, распад Союза как проигрыш, как катастрофу. Элиты видят Россию, как самостоятельную западную страну, которая должна в качестве уже модернизированной европеизированной инстанции влиться в не управляемый Россией мир на правилах его гегемонов. Отсюда сближение с НАТО и так далее.

В 90-е гг. появляются лидеры, которые провозглашают атлантизм центральным векторос российской политики. Так,

Константин Боровой, будучи в Думе, создает атлантистскую фракцию. Посыл ее заключается в том, что Россия должна следовать за американской политикой, которая является «самой лучшей из всех политик», и больше ничего не делать. Андрей Козырев, министр иностранных дел при Ельцине, проводил аналогичную линию, также последовательно, называя себя атлантистом[1]. И даже сегодня проректор МГИМО Богатуров, продолжает утверждать, уже, правда, в более дипломатически стилизованном ключе, что единственное устройство, которое приемлемо для России, это моделированная однополярность, где Америка правит, а Россия иногда подсказывает, как лучше ей править[2].

Таким образом, в ситуации однополярного мира видно, что власть, политическая элита России хочет отождествиться с ядром этой новой однополярности и соучаствовать в его деятельности на разных основаниях. Тем, кто попроще, достаточно, чтобы просто «пустили в Европу», кто поумнее, говорит, что мы еще будем на что-то влиять в региональном ключе. Но существует совершенно явная геополитическая установка – признать статус-кво однополярного мира, а это означает, что, в общем, так или иначе можно продолжить тематику распада Российской Федерации на каком-то следующем этапе. Об этом открыто говорят и Березовский, и оппозиционные политические силы. И, соответственно, после распада интегрироваться в ядро этого однополярного мира. То есть, в американский центр. Также мыслит, приблизительно, финансовый олигархат.

Очень важно, что в этом постялтинском мире Запад приобретает характер, по сути дела, глобального явления[3]. То есть, после Запада, как части мира, мы приходим к Западу, как к глобальному явлению, который уже больше не оппонируется и противопоставляется Востоку, например, так, как это было до

---

1 *Козырев А.В.* Преображение. М.: Международные отношения, 1995

2 *Богатуров А.Д.* Равновесие недоверия: приоритеты России на фоне смены власти в США // Международные процессы. Том 7. Номер 3(21) «Политическая демократия и мировое государство». Сентябрь–декабрь 2009. См. концепцию «плюралистической однополярности» в Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С.284

3 *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек (The End of History and the LastMan). М.: АСТ, 2005 .

заката Ялтинского мира. Возникает другая формула, которую еще раньше провозгласил Тойнби[1] и подхватил Хантингтон[2], и в 90-е гг. она звучит так: West against the Rest. Запад против Востока, - это устаревшая формула двуполярного мира. «Запад против всех остальных», с большой буквы, – это формула современного однополярного мира. Есть глобальный Запад, как геополитический, социальный, политический, культурный, мировоззренческий, экономический образец, как некая эталонная форма, в которой ценности и интересы совпадают. Стратегические идеи центра нового мира, Соединенных Штатов Америки, отождествляются с моральным и социальным благом. Запад становится глобальным. Наши массы чувствуют себя неуютно в этой геополитической модели, а наши элиты хотят встроиться в нее, поэтому они и покупают в Челси свои дома, покупают сами «Челси» вместе с футболистами, которые там проживают и все остальное, бронеяхты, например. Они хотят стать The West, а российский народ остается The Rest.

Таким образом, геополитическое напряжение между политическими элитами и массами в Российской Федерации после 90-х гг. (а также на всем постсоветском пространстве, где проблема ирредентизма вообще, не то, что не решена, она даже не поднята), составляет одну из специфик социологического устройства нашего общества. С чем можно сопоставить события 80-90-х гг. русской истории? Были аналогичные периоды. Например феодальная удельная раздробленность закончилась тем, что пришли монголы и всех прибрали к рукам, то есть, интегрировали. Так закончилась самостоятельность киевской государственности, хоть она и была полуфиктивной уже в последние годы, но после монголов государство перестало существовать, как некое суверенное явление. Смута начала XVII в., бироновщина в эпоху Анны Иоанновны, когда все завоевания Петра покатились в обратном направлении. Революция, Гражданская война XX в. Вот прямые геополитические, социологические аналогии. И, как мы видели на всем протяжении нашего курса, элита в русской истории, как правило, играла самую яркую роль в деле развала государства. На каждом этапе, когда

1 Т*ойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1990.

2 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций (The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order). М.: АСТ, 2007.

элита поднимала голову, будь то аристократия, будь то князья, будь то боярство, всякий раз наступали какие-то мрачные периоды. Только тогда, когда, наоборот, народ и личное монархическое правление укрепляло свои позиции против аристократии и олигархии, наступали позитивные перемены.

Мы применяем это правило к 90-м гг., к постялтинскому миру и видим строго то же самое: Ельцин находится в окружении олигархов, которые друг с другом конкурируют, никто не соблюдает геостратегические интересы, вопросы о государственности никого не интересуют, массы чувствуют себя предельно неуютно, а элита просто откровенно растаскивает что плохо лежит. Классическая история, иллюстрирующая закономерную связь ориентации русских политических элит с деструктивными геополитическими процессами. И, наоборот, укрепление единоличной власти Путина, (которой, может быть, он сам-то и не хотел, будучи представителем элиты), концентрация ожиданий, связанных с его фигурой, в том числе и геополитических ожиданий, начинает в начале 2000-х гг. замораживать этот процесс полного распада. И в этом отношении, можно сказать, это был поворотный пункт. Чеченская проблема решается. Никакого Хасавюрта: Чечня в составе России любой ценой. Именно так, приблизительно, мыслили традиционные цари и руководители России. На этом были построены все империи, и до сих пор американцы ежедневно получают десятки гробов из Афганистана, из Ирака, которые являются платой за геополитическую гегемонию. Кто хочет контролировать должен за это платить: платить жизнью своих и чужих.

Были ли в политической истории 90-х гг., в этом постялтинском мире, какие-то силы, которые противодействовали на политическом уровне этой атлантистской политике саморазрушения? Да были. Это, безусловно, те, кого назвали путчистами 1991 г. Они выступили против конфедерализации Советского Союза. Верховный Совет в 1993 г., Хасбулатов, Руцкой, не просто пошли на конфликт с ельцинскими элитами, но и отстаивали определенный геополитический проект, связанный с тем, что Россия должна сохранять свой, хотя бы, региональный статус. Этой программой они выгодно отличались от ультралиберальной политики того периода, которая доминировала в окружении Ельцина. Правда, быстро все изменилось, когда

рядом с Ельциным после разгрома Дома Советов в 1993 г. появляется группа таких персонажей как Грачев и Коржаков. Они, по сути дела, взяли на себя функцию сохранить территориальную целостность Российской Федерации, при этом не будучи адекватными и компетентными в вверенной им зоне ответственности (то есть в геополитике). Они начинают эту чудовищную, гибельную для нас (во многом по вине высшего военного и политического руководства), чеченскую кампанию, но при этом важно отметить их мотивацию: не допустить утраты Россией статуса региональной державы. И приблизительно такое же настроение царит у профессиональных силовиков, у людей советской спецслужбистской или военной выправки, которые просто инерциально мыслят в категориях двуполярного мира. При этом они же подвергаются всяческим гонениям в 90-е гг. И тем не менее вплоть до прихода Путина такого рода оппозиционные ельцинскому курсу силовики существовали, а при раннем Путине они, во многом получили карт-бланш.

Но если мы посмотрим, какую политику в геополитическом смысле, в социальном смысле, начал проводить Владимир Путин, мы увидим, что, явная тенденция доминации однополярного постялтинского мира начинает сворачиваться[1]. Мы много раз видели в русской истории, в социальных и геополитических ее аспектах, когда, доходя до определенной точки, русская история куда-то поворачивала, потому что это не линейная история. Эта история, как минимум, синусоидальная, а скорее, еще представляет собой более сложную фигуру, такой графф, который, вообще неизвестно куда, на каком этапе идет. И для того чтобы понять, куда мы шли, надо дождаться, чем же все закончится. Потому что тогда фигура приобретет какую-то осмысленность, пока еще она не очень осмыслена. В эпоху Путина начинается битва за региональный статус Российской Федерации. То есть: «никакого распада, даже намеков, легких попыток выйти за пределы Российской Федераци». На внешнеполитическом уровне эта установка вначале выражается в поддержке Януковича в 2004 году при Путине, а потом в помощи Кокойты и Багапшу в 2008 г., уже при Медведеве. Отсюда возникает новый тезис о суверенитете, речь идет, конечно, о

1 *Кройцбергер С., Грабовски С., Унзер Ю.* Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. М.: Оптима, 2002

региональном суверенитете, и это уже новейшая часть нашей истории.

Появление Европы как интегрированного геополитического образования

Европа заново становится политическим игроком. После распада двуполярного мира Европа обретает новое значение, отныне это снова намек и набросок некой Центральной Европы, то есть ЕС выполняет ту функцию, которая раньше играла Центральная Европа на фоне атлантического полюса, представленного Англией и Францией. Сейчас все европейское сообщество, (за вычетом Англии и присоединенных только что к НАТО восточно-европейских государств), становится синонимом Средней Европы. То есть то, что мы называем сегодня «Европа» или «Евросоюз», это новое издание Средней Европы Ноймана. И поэтому можно сказать, что неслучайно именно франко-германский союз становится основой и осью этой новой Европы.

Атлантистский полюс в ходе XX в. сместился из Западной Европы за океан и точно совпал с Америкой. То есть, теперь Соединенные Штаты Америки являются главным носителем атлантистской модели, а раньше это были англичане и французы. То, что сейчас находится между американцами и русскими, все больше и больше приобретает характер промежуточной зоны, то есть, той же самой средней Европы. Когда Европа была разделена, ее не существовало. Когда «берлинская стена» упала, появляется Европа. Она отличается от Америки. Возникает зазор между двумя новыми геополитическими идентичностями: европейской и англосаксонской. Почему не просто сказать американской? Можно и так сказать, конечно, но надо подчеркнуть, что речь идет о Северной Америке, а не о Южной. И еще у Америки есть надежные партнеры в самой Европе. Прежде всего Англия, которую геополитики рассматривают, как «пришвартовавшийся авианосец» у берегов старой континентальной Европы.

Таким образом, если раньше Великобритания задавала тон этой Большой Игре, то сегодня ее место заняла Америка, и возникает новое пространство – Европа. Возникает на-

бросок, пока еще очень смутный и далекий, новой модели, где существуют, начинают прорезаться новые системы разногласий и связей. Из этого можно вывести следующую вещь: у современной Европы есть две геополитических идентичности, которые находятся друг с другом в отношении суперпозиции, частично это Европа-1, частично это Европа-2. Первая Европа, это атлантистская Европа, Европа НАТОвская. Авангардом этой Европы выступает Англия и страны Восточной Европы, недавно в нее включенные. Это американско-атлантистский полюс, для которого Атлантический океан – это сближение, а не вражеская граница. И это Европа однополярного мира, ее давление на другой мир транслирует однополярный импульс. А есть еще Европа континентальная, которая связана с франко-германским союзом, и которая исходит из принципа другой альтернативной архитектуры мира, где сам Атлантический океан является границей. По сути дела, если угодно, это Европа антиамериканская или «Европа европейская». К ней сейчас строго принадлежат Франция, Германия, Италия и Испания и некоторые небольшие государства Европы. Кто является их противниками? Страны санитарного кордона, которые всем обязаны именно США и чью линию проводят они и Англия. Таким образом, современная позиция Европы имеет две геополитические идентичности.

Любопытно, как проявилась эта континентальная антиамериканская идентичность в Европе после терактов 11 сентября. Крупнейший социолог и философ Европы Жан Бодрийяр, комментируя после довольно долгого молчания это событие, сказал, что был рад, когда самолеты врезались в башни-близнецы. Это были его слова, от которых все были в шоке, потому что он сказал то, что ни один из европейцев никогда бы не произнес в слух, он просто сказал правду. Это правда континентальной Европы. Бодрийяр был левым, он не был сторонником России. Но это была очень показательная реакция. Это ответственная позиция ответственного европейца на то, какие потери понес самый главный его враг.

Интересно, что после вторжения США и Англии в Ирак без санкции Совета Безопасности и без одобрения стран НАТО возникла новая идея о том, что континентальная Европа может приобрести новое политическое выражение. Эта мысль

была связана с французской инициативой по созданию оси Париж-Берлин-Москва[1]. В этот момент мгновенно оживает вся американская геополитическая пресса и специалист «Heritage Foundation» Джон Халсман пишет важную статью «Стратегия сбора вишен[2]».

«Стратегия сбора вишен» – эта статья, основанная на анализе консолидированной реакции Ширака, Шредера и Путина на вторжение англо-американской коалиции в Ирак. Халсман, анализируя ситуацию, проводит аналогию со сказкой «Волшебник из страны Оз», повествующей о дружбе девочки Дороти, Железного дровосека, Страшилы с пустыми мозгами, трусливого Льва, и каких-то еще ничего не значащих персонажей, вроде собачки. По отдельности они не могли ничего толком сделать. Но когда, например, необходимо было собрать вишни, или осуществить какое-то еще дело, эти несостоятельные и лишенные каждый самого главного персонажи помогали Дороти двигаться к своей цели. У французов, немцев, русских у каждого чего-то не хватает. У русских есть ядерное оружие, а экономики нет. У немцев нет никакой военной силы, наоборот, только экономика. А у французов особо ничего нет, кроме политических амбиций и дипломатии. По отдельности они ничего не стоят, как друзья Дороти. Но если мы вспомним «Волшебника страны Оз», герои сказки вместе все-таки собрали вишни. И Халсман пишет, что в перспективе эти страны могут «собрать вишни», а значит, немедленно надо разрушить, разбить, разнести в клочья стратегию Париж-Берлин-Москва

Интересно, как наши, российские политические эксперты обсуждали перспективу коалиции Париж-Берлин-Москва. Все они кричали, что надо быть только с Америкой, нам надо быть в Ираке, это необходимо. Европа – это страшная вещь, говорили все эти европеисты, ее надо сторониться. Речь впервые шла о реализации пусть и наброска, но последовательной континентальной стратегии. Причем альянс России предлагался не с Северной Кореей, а с той Европой, которая является

1 *Grossouvre de H.* Paris, Berlin, Moscow: Prospects for Eurasian cooperaion // World Affairs, Vol 8 No 1 Jan–Mar 2004..

2 *Hulsman J.* Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a Permanent Franco-German-Russian Alliance [Electronic sourse]: The Heritage Foundation [Mode of access]: http://www.heritage.org/Research/Reports/2003/08/Cherry-Picking-Preventing-the-Emergence-of-a-Permanent-Franco-German-Russian-Alliance

образцом, тем вожделенным местом, где все эти люди хотят жить. А у американцев реакция была прямая и довольно примитивная, но в логике того, что предписывал им Халсман – ни в коем случае не допустить такого альянса. Этот пример – повод для размышлений, какие эксперты в России кого обслуживают.

Как раз в этот период неоконсы в Америке поднимают следующую тему: ни в коем случае нельзя, ни при каких обстоятельствах оставлять Ширака и Шредера у власти, потому что они являются теми, кто может стать этими «Страшилой и Железным дровосеком». С этого начинается мощнейшая сетевая операция по приводу к власти Саркози и Меркель, которые становясь лидерами Франции и германии соответственно (Меркель в 2005 г., Саркози в 2007 г.), начинают проводить радикально иную политику. И Саркози, и Меркель в своих предвыборных программах говорят: главная идентичность Европы – атлантистская. Тем не менее, Европа до сих пор имеет именно две идентичности, и поэтому при любом анализе, особенно для тех, кто специализируется по социологии международных отношений, надо понимать, что когда мы говорим о Европе с геополитической точки зрения, это две различные вещи. Это два различных понятия. Есть континентальная Европа и атлантистская Европа. Союз с континентальной Европой, как в свое время союз с германским Heartland, выгоден современной России, это позитивное направление. Европейский же атлантизм, представляет собой продолжение трансляции американских интересов. Функции санитарного кордона и Восточной Европы, пропитанной постоянно возникающей и поднимающейся русофобией в этом геополитическом контексте совершенно понятны.

Библиография:

Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Российская академия наук, Институт Соединенных Шатов Америки и Канады, 2001.

Бжезинский З. Великая Шахматная доска (The Grand Chessboard), М.: Международные отношения, 1999.

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство (The Choice: Global Domination or Global Leadership). М.: Международные отношения, 2007 г.

Богатуров А.Д. Равновесие недоверия: приоритеты России на фоне смены власти в США // Международные процессы. Том 7. Номер 3(21) «Политическая демократия и мировое государство». Сентябрь–декабрь 2009.

Богатуров А. Д. **Плюралистическая однополярность** // *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А*.**Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.**
Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства: Политика США в отношении России после «холодной войны» М.: 2009
Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.
Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения, 1995.
Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М.: Центр инновационных технологий, 2008 .
Кройцбергер С., Грабовски С., Унзер Ю. Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. М.: Оптима, 2002.
Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя, СПб.: Амфора, 2006.
Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность / Russian-American Relations in Past and Present: Images, Myths, and Reality. М.: РГГУ, 2007.
Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1990.
Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек (The End of History and the Last Man). М.: АСТ, 2005.
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций (The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order). М.: АСТ, 2007.
Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002
Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006.
Шишелина Л. Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.
Ширяев Б. А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен, Издательство: Весь Мир, 2007.
Grossouvre de H. Paris, Berlin, Moscow: Prospects for Eurasian cooperaion // World Affairs, Vol 8 No 1 Jan–Mar 2004
Holbrooke R. America, A European Power // Foreign Affairs, March/April 1995.
Hulsman J. Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a Permanent Franco-German-Russian Alliance [Electronic sourse]: The Heritage Foundation [Mode of access]: http://www.heritage.org/Research/Reports/2003/08/Cherry-Picking-Preventing-the-Emergence-of-a-Permanent-Franco-German-Russian-Alliance
Lieven A. America Right Or Wrong: An Anatomy of American Nationalism. Oxford: Oxford University Press US, 2005.
Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. New York: Holt, 1919.
Markedonov S. Unrecognized Geopolitics // Russia in Global Affairs № 1, January — March 2006.
Pirchner H. Reviving greater Russia? : the future of Russia’s borders with Belarus, Georgia, Kazakhstan, Moldova and Ukraine. — Wash. D.C. : American Foreign Policy Council; Lanham : Univ. Press of America, 2005
Stephanson A. Manifest Destiny: American Expansion and the Empire of Right (Critical Issue Book), Hill and Wang, 1996

Глава 11. Заключение. Геополитика будущего.

Геополитика однополярности

Геополитика однополярного мира тесно связана со специфическим американским мессианством, которое идеологически обосновывает претензии американцев на мировое господство. В Америке существует термин, введенный в 1845 г. нью-йоркским журналистом Джоном Салливаном, который называется «Manifest Destiny», то есть «проявленная судьба»[1]. Смысл его сводился к тому, что США – это высокоразвитая цивилизация, а, например, Мексика, которой принадлежит Техас – низкоразвитая. Поэтому Америка имеет не только право, но и обязанность отнять Техас у Мексики. Ведь речь идет о превосходстве культуры, свободы и демократии над тоталитаризмом, несвободой и рабством. Поэтому, как пишет Саливан, американцы Богом избраны для того, чтобы отобрать у мексиканцев Техас. Таким образом, мы имеем дело с формой американского мессианства, которое выражается, например, в протестантской идеологии, в протестантском фундаментализме, в частности в диспенсациолизме. Это учение отождествляет англосаксов с десятью потерянными коленами Израилевыми, и на этом основании утверждает, что англосаксы должны править миром. Есть секулярно-демократическая версия американского мессианства, которая настаивает на том, что американская политическая система гораздо более гуманна и больше соблюдает права человека, чем все остальные, и на этом основании США должны вмешаться в их развитие и усовершенствовать по своему образцу. Существует так называемый рыночный фундаментализм, который утверждает, что самая правильная форма экономики – это полный и свободный от всех ограничений рынок. Из всех этих различных, разнородных американских идеологем, складывается концепция «Manifest Destiny».

Первая американская геополитическая концепция была сформулирована еще раньше, до Саливана, президентом

1 *Stephanson A.* Manifest Destiny: American Expansion and the Empire of Right (Critical Issue Book), Hill and Wang, 1996.

Монро и стратегически означала объявление всей территории Америки, Северной и Южной, зоной, свободной от европейских интересов, то есть, самостоятельным пространством. Это была суверенизация американского континента. В 1919 году президент Вильсон отредактировал доктрину Монро, сказав, что Америка не должна ограничиваться полным контролем над двумя континентами, которым она к тому времени обладала, но обязана распространить свое влияние на весь мир и быть гарантом соблюдения прав человека и демократии повсюду[1].

Такие же идеи, со стратегической точки зрения, провозглашал адмирал Мэхен, автор доктрины Seapower, «морского могущества», считавший, что Америка, развивая свой военно-морской флот, предназначена для того, чтобы править миром. К этому добавилась концепция «стратегии Анаконды», впервые примененная генералом Джоржем Бринтоном Макклеланом во время Гражданской войны Севера против Юга, когда он предложил окружить южан, и «задушить» их, не давая им выйти к морю. Потом в глобальном масштабе эта стратегия Анаконды была применена к борьбе с Heartland, то есть, с Евразией, с Россией, и до сих пор является инструментом по захвату все большей и большей зоны влияния у евразийского материка (начиная от берега и дальше максимально вглубь континента)[2]. В 90-е годы после падения Ялтинского мира в американской элите возникает, правда ненадолго, концепция нового мирового порядка, в котором Америка будет играть главную роль, а все остальные должны ей помогать его выстраивать[3]. Это еще одна версия глобализма, все-таки предполагающего некоторое соучастие и других держав, пусть даже номинальное[4]. А в нынешней ситуации в последние годы, особенно перед президентскими выборами, в Америку была вброшена еще одна идея, которая завершает переходный процесс от двуполярного

---

1 *Ширяев Б. А.* Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.

2 *Дугин А. Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.

3 *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство (The Choice: Global Domination or Global Leadership). М.: Международные отношения, 2007.

4 *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002.

мира (с чего мы начали) 91-го года, к однополярной реальности сегодняшнего дня и ликвидации ООН. ООН возникла по результатам Второй мировой войны и политически, и геополитически правовым образом закрепила ее итоги. Сегодня в условиях однополярного мира эта организация, естественно, сталкивается с серьезными трудностями. Америке, которая реально считает, что она сейчас заходит на последний виток управления миром, ООН просто не нужна, потому что эта организация не готова строго подчиняться США, и настойчиво продолжает существовать в каком-то условном, ирреальном мире, где как будто сохраняется двуполярность, в рамках которой вторым полюсом являются «неприсоединившиеся» страны и существует номинальный суверенитет. Было провозглашено создание Лиги демократии, нового политического образования, которое призвано придать международную легитимацию однополярному миру. Что такое Лига демократий? Это то, что собираются постепенно строить американцы, может быть, не Обама, но его последовтель. Лига демократий - это альянс США и их союзников - атлантистов. Тех, кто согласны с их расширенной версией «Manifest Destiny», с рыночным фундаментализмом, с либеральными ценностями, с демократическимv принципами, кто разделяет их геополитические, социальные интересы, и политические ценности, а также культурный стиль.

Таким образом, Лига демократий, которая сейчас только в проекте создания, при условии торжества однополярного проекта, рано или поздно сменит ООН как пережиток, атавизм биполярности. Потому что ООН отражает картину международной политической ситуации, предшествующей эпохи, Ялтинского мира. На данный момент идет процесс расширения Совет Безопасности ООН для того, чтобы превратить бывший центр управления судьбами мира в многоголосый балаган.

Геополитика многополярности

Многополярность – это сегодняшняя альтернатива однополярному господству США. После событий конца Ялтинского мира, распада СССР и последующих за этим трансформаций, передела зон влияний и баланса сил в мировом, глобальном масштабе, сложилась ситуация невозможности возврата к дву-

полярному миру. В какой-то момент, когда Россия, сужаясь и отдавая подконтрольные ей территории, и свои ресурсы, перешла Рубикон, стало понятно, что независимо от воли ее политического руководства, от мобилизации народа, от конъюнктуры, от чего бы то ни было, воссоздание двуполярного мира не произойдет ни при каких обстоятельствах. Стало ясно, что Россия, наследница СССР, просто этого не потянет, и по субъективным, и по объективным причинам. Точно также Китай, каким бы мощным ни был его экономический рост, как бы ловко он не устроился в этих новых реальностях, роль полноценного полюса, полноценной оппонирующей цивилизации по отношению к США и их союзникам, он играть не может. Таким образом, возникла идея многополярности, не политическая конструкция, но идея, альтернативная концепции однополярного мира, которая адекватно соотносится с реальными возможностями геополитических полюсов.

Двуполярный мир построить сегодня нельзя: он был, он закончился. А заставить американцев, уважать субъектность ООН совершенно невозможно. Соответственно, Америка понимает только одну рациональную конструкцию: кто сильнее, тот и прав. Возникает идея, что в таких условиях надо построить многополярный мир, то есть создать приблизительно такую архитектуру мирового устройства, в которой будут сбалансированы центры принятия решений, выдвинуть альтернативу проекту Лиги Демократий. В проекте многополярного мира может участвовать, например, объединенная Европа. Континентальная Европа является сторонницей многополярного мира, понимая под этим ограничение чрезвычайных полномочий США в мировой политике, И Китай, безусловно, не мыслит себя, как держава, жестко оппонирующая США в одиночку, но она готова поддержать идею многополярного мира. В нем Китай реально видит перспективу дальнейшего своего существования.

Исламский мир, для которого уже не столько даже с геополитической сколько с культурно-религиозной и социальной точки зрения не приемлемы американские паттерны постмодерна, довольно слаб, но у него есть свои инструменты, чтобы донести свою волю до всего человечества. Он, конечно, гипертрофированно превращен в «доктора зло» американскими геополитиками. Мир ислама очень разнообразен, это разные

страны с разными внутренними проблемами, достаточно неконсолидированные, не способные стабильно справляться даже с региональными проблемами. Но в любом случае, арабские и другие мусульманские страны, безусловно, мыслят в категориях многополярности, поскольку так они смогут быть самостоятельным полюсом. Иначе это будет периферия, захолустье, управляемое из центра атлантизма. Отсюда в арабском мире жесткие антиамериканские настроения. Но против чего они направлены? Многие думают, против современной культуры, однако, главный объект протеста, - геополитическая доминация однополярного мира. Конечно, американцы пытаются представить их врагами человечества и мирового сообщества, но, на самом деле, здесь совершенно другие цели. Исламское общество весьма специфично, но выбор многополярного мира для них это нечто иное, нежели «мировой терроризм, бессмысленный и беспощадный».

Помимо арабского мира есть другие очаги геополитической активности: в Латинской Америке все больше и больше поднимаются голоса, в частности, Уго Чавеса, за превращение этого региона в новый полюс многополярного мира. Ненависть Чавеса к американцам уже стала всем известна. Но в Латинской Америке есть социальные и геополитические основания для такого отношения к США. Просто они хотят быть свободными, они хотят обрести возможность реализации собственной культурной идентичности.

Россия тоже, конечно же, страна, которая заинтересована в создании многополярного мира. И задача построения многополярного мира заложена в концепцию национальной безопасности. Россия, естественно, может существовать как сильная и независимая держава только в рамках многополярного мира, параллельно интегрируясь с другими постсоветскими странами. Очень важно, что ни одна из существующих стран, кроме, пожалуй, Китая и Индии, в одиночку не могут быть полноценными участниками даже многополярного мира, не говоря уже о биполярном мире. Поэтому для того, чтобы построить многополярный мир, надо осуществить интеграционные процессы по модели Евросоюза во всех зонах земного шара. Так, ни Франция, ни Германия, ни Италия, ни Испания отдельно не могут быть полюсами многополярного мира: полюс многополярного

мира должен обладать объемом Европы в целом. Россия тоже не может стать полюсом в сегодняшней системе международных отношений без интеграции постсоветского пространства. И естественно, соответствующие интеграционные проекты должны быть и в исламском мире, и в латиноамериканском регионе.

Наброски институтов будущей многополярности, это БРИК, организация из четырех стран, – Бразилия, Индия, Китай и Россия, ШОС – Шанхайская организация сотрудничества, где доминируют Россия с Китаем и небольшое количество еще центральноазиатских стран. Существуют попытки трансформировать ООН. Но ООН мало пригодна для пропаганды многополярности в международной сфере, потому что эта организация продолжает формально настаивать, на суверенитете национальных государств, которые уже давно им не обладают. Их новый статус требует, действительно, серьезного пересмотра. Чем являются эти страны, если они не обладают суверенитетом? Чем является Украина? В конечном итоге становится ясно, что суверенитета в новых условиях вне принадлежности к тому или иному полюсу многополярного мира быть не может. В противном случае надо делать ставку на однополярный мир.

Таким образом, современная геополитическая карта мира представляет собой конфронтацию между двумя проектами. Оба этих проекта существуют пока вчерне, в них мы еще не находим новые границы между странами, полюсами, мы не видим полного списка потенциальных блоков, составов коалиций так далее. Это очень приблизительные тренды. Один из них, как мы уже говорили, называется атлантистским центром или проектом однополярного мира, (это все что связано с Лигой демократий), второй - проект многополярного мира. Однополярный мир, который наступил по результатам поражения России в «холодной войне» в 80-90-е годы, сегодня ближе к тому, что мы называем реальностью. Он юридически не закреплен, он не оформлен еще в качестве Лиги демократий, он еще не победил до конца, но это единственная тенденция современной геополитики первой половины XXI века, которая представляет собой нечто реальное, то есть, конкретное и здесь существующее.

Многополярный проект – это альтернатива тому, что есть сегодня. Это более слабо оформленный концептуально, очень

приблизительно и интуитивно набросанный черновик теоретической альтернативы. Однополярный мир – это то, что есть и делается сегодня, то, что строится. Многополярный мир существует пока лишь в качестве теоретической возможности. Хотя разницы между проектом однополярного мира и многополярного, с точки зрения реальностей и возможностей, особенной нет. На уровне проекта, чертежей и схем, оба маршрута очень рациональны. Но только не надо забывать, что один из них -сырой проект, а другой - наполовину построенное здание. В нашем политическом сообществе есть совершенно не оправданные впечатления, относительно того, что мы сейчас живем в многополярном мире. А мы, на самом деле, живем в трещащем по швам, сомнительном, качающемся, недостроенном, очень не приятном для многих, но, тем не менее, однополярном мире. Это не законченный мир, это мир, который вызывает у многих нежелание в нем жить, но это реальность.

Каким будет мир, в котором все будут жить, действовать в ближайшие десятилетия, который вы будете изучать, в котором будете принимать дальше решения? Как изменить существующий баланс? Ждать, что он развалится или одновременно строить другое альтернативное здание? Это вопрос, на который только предстоит дать ответ.

Библиография

Библиография на русском языке:

Агурский М.А. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.
Алексеева И. В., Зеленев В. И., Якунин В. И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. СПб., 2001.
Аксаков И.С. Иван Аксаков в его письмах. М., 1888-1896.
Аксаков И.С. Сочинения в семи томах. М., 1886-1887.
Аксаков И. С. У России одна-единственная столица. М.: Русский мир, 2006.
Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт Русской Цивилизации, 2009.
Александров Ю.Г. Этнический национализм и государственное строительство. М.: РАН. Институт востоковедения, 2001.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
Антонов К. М. Философия И. В. Киреевского. Антропологический аспект, М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.
Антонович В.Б. Монография по истории западной и юго-западной Руси Киев, 1882.
Аристотель. Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.
Ашенкампф Н.Н., Погорельская С. В. Современная геополитика России. Учебное пособие. - М.: Академия ГПС МЧС России, 2005.
Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Российская академия наук, Институт Соединенных Шатов Америки и Канады, 2001.
Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982.
Бенуа де А. Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009.
Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Томск: Водолей, 1996.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
Бжезинский З. Великая Шахматная доска (The Grand Chessboard). М.: Международные отношения, 1999.
Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство (The Choice: Global Domination or Global Leadership). М.: Международные отношения, 2007.
Бжезинский З. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. Ю. В. Фирсова. М. : Международные отношения, 2007.
Богатуров А.Д. Равновесие недоверия: приоритеты России на фоне смены власти в США // Международные процессы. Том 7. «Политическая демократия и мировое государство». Сентябрь–декабрь 2009. № 3(21)
Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада (The Death of the West). М.: АСТ, 2007.
В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией, М., 2001.
Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М.: Логос, 2003.
Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003.
Валуев Д.А. Начала славянофильства. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Вандам Е. А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002 г.
Василенко И. А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2007.
Васильев А. А. История Византийской империи. СПб., 1998.
Вернадский Г.В. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. N 15.
Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь-М., 1996.
Вернадский Г. В. Монголы и Русь (The Mongols and Russia) / Пер с англ. Е. П.

Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997.
Вернадский Г.В. Московское царство. В 2-х чч. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Издательство ""Лань"", 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Византизм и славянство. Великий спор. М.:: Эксмо-Пресс, 2001.
Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М.: Логос, 2000.
Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003.
Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. – М.: Экономика, 2007.
Гален К. О назначении частей человеческого тела. / Пер. С. П. Кондратьева, под ред. и с примеч. В. Н. Терновского, вступ. ст. В. Н. Терновского и Б. Д. Петрова. М.: Медицина. 1971.
Гарт Б.Л. Стратегия непрямых действий (Strategy of Indirect Approach). М.: Эксмо, 2008.
Геополитика. Серия: Учебники Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. М.: РАГС, 2007.
Геополитика. Антология, СПб.: Академический проект, Культура, 2006 .
Геополитика. Под общ. редакцией Михайлова В.А. М.: РАГС, 2007.
Геополитика. Хрестоматия. СПб.: Питер, 2006.
Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев.СПб.: Питер, 2007.
Герцен А. И. Сочинения: В 9-ти т. М.: Гослитиздат, 1955.
Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства: Политика США в отношении России после «холодной войны» М.: 2009.
Гребенщикова Г. А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853-1856 годов. СПб., 2003.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда (очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII-XIV вв. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: 1967.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. О термине "этнос" // Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.
Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Алгоритм, 2007.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002.
Гумилев Л.Н. "Тайная" и "явная" истории монголов XII-XIII вв. //Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ, Харвест, 2008.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия, М.: Изд-во АН СССР, 1953
Декарт Р. Сочинения. Казань, 1914.
Дергачев В.А. **Геополитика. Учебник для вузов.** М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
Дергачев В. А. Геоэкономика (Современная геополитика). Киев: ВИРА-Р, 2002.
Дерябин Ю. С. Антюшина Н. М. Северная Европа. Регион нового развития. М.: Весь Мир, 2008.
Дранг нах Остен и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871-1918 гг. М.: Наука, 1977.
Дубинин Ю. А., Мартынов Б. Ф., Юрьева Т. В. История международных

отношений (1975—1991 гг.): МГИМО(У). М.: РОССПЭН, 2006.
Дусинский И. И. Геополитика России. М.: 2003 . (Первое издание - Одесса, 1910).
Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
Евразийская идея и современность, М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2002 .
Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М. Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003 .
Заборовский Л.В., Литаврин Г.Г. Славяне и их соседи: Средние века - раннее Новое время : сборник тезисов 17 конференции памяти В.Д. Королюка. Славяне и кочевой мир. М.: Российская академия наук, Институт славяноведения, 1998.
Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
Заседателева Л. Б. Терские казаки (Середина XVI – начало XX в.). М, 1974.
Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России XVIII - первая половина XIX века. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
Зеньковский С. Русское старообрядчество, М.: Харвест, 2007.
Зубков А. И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб.: Издательство Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2004.
Исаев Б.А. Геополитика. СПб.: Питер, 2006 .
Каждан А.П. Византийская культура. М.: Алетейя, 2000.
Каждан А.П. Церковь в истории России. М., 1967.
Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции: Ющенко, Саакашвили… М.: Алгоритм, 2005.
Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции. М.: Яуза, 2008.
Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008.
Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
Кастельс М. Россия в информационную эпоху / *М.Кастельс, Э.Киселева* // Мир России. 2001. N 1.
Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912.
Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М.: 1966
Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб. : Северная Звезда, 2004.
Кефели И. Ф. Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007.
Киплинг Р. Ким. М.: Высшая школа, 1990.
Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. Серия: Геополитический ракурс. М. Известия, 2002.
Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? (Does America Need a Foreign Policy?). М.: Ладомир, 2002 .
Киссинджер Г. Дипломатия, М.: Ладомир, 1997.
Кицикис Д. Османская империя. М.: Весь Мир, 2006.
Классика геополитики. XIX век. М.: АСТ, 2003.
Классика геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003.
Князевская Т.Б. (отв. ред.) Русское подвижничество. Под ред. М.: Наука, 1996.
Кобяков С. Г. Заселение Дона в XVI – XVII вв. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. 1955. Т. 10. Географический ф-т, вып. 3
Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения, 1995.
Кокошин А.А. Армия и политика: советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918-1991 годы. М.: Международные отношения, 1995.

Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М.: УРСС, 2005.
Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006.
Колосов В. А. Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география, М.: Аспект Пресс, 2005.
Костомаров Н. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. М., 1990.
Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М.: Центр инновационных технологий, 2008 .
Кравченко А.И. Общая социологии: учеб. пособие. М., 2001.
Кравченко С.А. Социология: парадигмы и темы. М., 1997.
Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006.
Кремлёв С. Россия и Германия: стравить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ: Астрель, 2003.
Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2005.
Кройцбергер С., Грабовски С., Унзер Ю. Внешняя политика России: от Ельцина к Путину, М.: Оптима, 2002 .
Кузьмин Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958.
Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. М.: Московский лицей, 1996.
Кульпин Э.С. Золотая орда. М.: Московский лицей, 1998.
Кульпин Э.С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 1995.
Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. М.: ИВ РАН, 2001.
Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой орды (Колонизация южнорусских степей в XIII—XV веках) // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
Кутузов Б. П. Тайная миссия патриарха Никона. М.: Алгоритм, 2007.
Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Ламетри Ж. О. Человек-машина // Ламетри Ж.О. Сочинения. М. Мысль, 1976.
Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1965.
Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. М., 1996.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.
Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12-ти томах. СПб.: Изд-во "Владимир Даль", 2002.
Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. М.: Молодая гвардия, 1992.
Леонтьев М.В. Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008.
Лешков В.Н. Русский народ и государство. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Лисовой Н. Н., Соколова Т. А. Три Рима. М.: Olma Media Group, 2001.
Литаврин Г.Г. Принятие христианства народами Центральной и Юго- Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988.
Литаврин Г.Г. Славянский мир между Римом и Константинополем: христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. М.: Институт славяноведения РАН, 2000.
Литаврин Г.Г. Этно-психологический стереотип в средние века: сборник тезисов. М.: 1990.
Литаврин Г.Г. Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука, 1987.
Макиавелли Н. Государь. Искусство стратегии. М.: Эксмо, Мидгард, 2007.
Манфред А. З. Великая французская революция. М, 1983.

Маринченко А.В. Геополитика. –М.: Инфра-М, 2009.
Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1964.
Меллер ван ден Брук А., Васильченко А.В. Миф о вечной империи и Третий Рейх. М.: Вече, 2009.
Мельвиль А.Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М.: Издательство политической литературы, 1980.
Миньяр-Белоручев К. В. Мировая геополитика. М.: Проспект-АП, 2006.
Модестов С. А. Геополитика ислама. М., 2003 .
Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
Монтескье Ш. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян (Lettres persanes. De la grandeur et de la decadence des romains). М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2002 .
Мосс М. Социальные функции священного: Избр. произведения / Пер. с франц. под общ. ред. И. В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000.
Мухаев Р. Т. Геополитика. М.: Юнити-Дана, 2007.
Мэхан А.Т. Роль морских сил в мировой истории (The Influence of Sea Power upon History), Издательство: Центрполиграф, 2008 г
Наринский М. М. История международных отношений. 1945—1975: Учебное пособие. М.:РОССПЭН, 2004.
Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005.
Нарочницкая Н. А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. М.: Алетейя, 2008.
Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.
Нартов Н. А., Нартов В. Н. Геополитика. М.: Юнити-Дана, Единство, 2006.
Нация и империя в русской мысли начала XX века (антология). М., 2004.
Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.
Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. (сборник). Киев: Княгиня Ольга, 2005.
Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. М. : Норма, 2007.
Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон? М., 2001.
Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: 1998
Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991 .
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2001.
Панарин А.С. "Вторая Европа" или "Третий Рим"?: избранная социально-философская публицистика. М.: ИФРАН, 1996.
Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006.
Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством), М.: ИФРАН, 1995.
Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
Панарин И. Н. Информационная война и геополитика, М.: Поколение, 2006.
Панарин И.Н. Крах доллара и распад США. М.: Горячая линия-Телеком, 2009.
Панарин С.А. Евразия. Люди и мифы. М.: Наталис, 2003.
Панарин С.А. Россия и Восток. М.: Институт востоковедения РАН, 1993.
Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя, СПб.: Амфора, 2006.
Петров А. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Acadeia, 1934.
Петров В. Л. Геополитика России. Возрождение или гибель? М., 2003 .

Пирожник И. И. Геополитика в современном мире. М.:: ТетраСистемс, 2008.
Плешаков К. Гео-идеологическая парадигма: взаимодействие геополитики и идеологии на примере отношений между СССР, США и КНР в континентальной восточной Азии, 1949-1991 гг. М.: 1994.
Платонов Ю.П. Этнический фактор: Геополитика и психология. СПб.: Речь, 2002.
Похлёбкин В. В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2005.
Против фашистской фальсификации истории. М.: Издательство Академии наук СССР, 1939 .
Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001.
Рамоне И., Греш А., Радванья Ж., и др. Атлас Le Monde diplomatique. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008 .
Ратцель Ф. Народоведение. В двух томах. М.: Типография Товарищества "Просвещение", 1903.
Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: ACADEMIA, 2007.
Рогов С.М. Евразийская стратегия для России. М.: Российская академия наук, Институт Соединенных Штатов Америки и Канады, 1998.
Романов А. Геостратегия: Россия и мир в XXI веке. М: Тривола, 2000 .
Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность / Russian-American Relations in Past and Present: Images, Myths, and Reality. М.: Издательство РГГУ, 2007.
Россия и Британия. Связи и взаимные представления XIX-XX века, М.: Наука, 2006.
Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике. М.: Наука, 2007 .
Россия и Европа - вопросы идентичности: материалы международной конференции, Институт Европы РАН, 12 марта 2008 . М.: Институт Европы РАН, 2008.
Русско-Японская война 1904-1905 г., СПб.: Типография А.С. Суворина, 1910.
Рыженков М.Р. (отв. редактор) "Большая игра" в Центральной Азии: "индийский поход" русской армии : сборник архивных документов. М.: ИВ РАН, 2005.
Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты культуры. 2010.
Савицкий П.Н. Континент Евразия, М: Аграф, 1997.
Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма (1840-1876). М., 1997.
Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М.: Изд. Д. Самарина, 1880.
Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австробаварской «расе господ» / Пер. с нем. М. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003.
Севостьянов Н. Москва-Вашингтон. На пути к признанию. 1918-1933. М.: Наука, 2004 .
Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие, М.: Финстатинформ, 2002.
Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002 .
Симанович А. Распутин и евреи М.: Историческая библиотека, 1991.
"Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред. *Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко*. Т. 1: XI–XII века.
СПб.: Наука, 1997.
Снесарев А.Е. Введение в военную географию: Письма из Индии и Средней Азии. М.: Центриздат, 2006.
Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 - начало

20-х годов XVIII века. АСТ, Фолио, 2001.
Сорокин П.А. Система Социологии. в 2-х т., М., 1993.
Сорокин К. Э. **Геополитика современности и геостратегия России.** М.: РОССПЭН, 1996.
Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Полное собрание сочинений в 16 т., том 14. М.: 1953.
Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М.: Наука, 1999 .
Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Сунь-Цзы. Искусство войны (Art of War). М.: София, 2008.
Сунь-Цзы. Искусство стратегии. М: Эксмо, Мидгард, 2005.
Тихонравов Ю.В. Геополитика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2000.
Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1990.
Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана, М.: Аграф, 2000.
Тютчев Ф. И. Сочинения в 2-х тт. М.,1980.
Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Мадрид, 1966.
Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2004.
Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000.
Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Магистр, 1996.
Уткин А.И. Глобализация: Процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.
Уткин А.И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М.: Наука, 1979.
Уткин А.И. Забытая трагедия: Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000.
Уткин А.И. Месть за победу: новая война. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Мировой порядок XXI века*. М.: Эксмо, 2002.*
Уткин А.И. Мировая холодная война. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Россия над бездной: 1918 .- декабрь 1941 . Смоленск: Русич, 2000.
Уткин А.И. Русские во Второй мировой войне. М.: Алгоритм, 2007.
Уткин А.И. Русско-японская война: в начале всех бед. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Тихоокеанская ось. М.: Молодая гвардия. 1988.
Уткин А.И. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. М.: Наука, 2007.
Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Алгоритм, 2004.
Фиурдоси. А. Шахнаме: В 6-и томах. М.: Наука, 1989.
Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история, СПб., 1997.
Фроянов И.Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
Фроянов И.Я. Грозная опричнина. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009 .
Фроянов И.Я. Драма русской истории: На пути к Опричнине. М., 2007.
Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2002.
Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек (The End of History and the Last Man). М.: Ермак, АСТ, 2005.
Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом. Цивилизация и ее геополитика. М.: Едиториал УРСС, 2010.
Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность.1995. № 6.
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций (The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order). М.: АСТ, 2007.
Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международ-ные отношения. 1995. № 6.
Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера. М.: Аграф, 2002.
Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция., 2006.
Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001.
Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.
Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: 2005.
Циганков П.А., Циганков А.П. Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий. М.: Аспект Пресс, 2008.
Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991
Челлен Р. Государство как форма жизни (Staten som lifvsform). М., 2008.
Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб.: Алетейя, 2002 .
Чешков М.А. **Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата.** М.: НОФМО, 2005.
Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева; Послесловие С. Кулешова. М.: ТЕРРА, 1991.
Чхеидзе К.А. Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII, Издание евразийцев, 1931.

Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002.
Шарп Д. От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения. М.: Военно-державный союз России, 2005.
Шестаков В. П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // *Шестаков В. П.* Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995.
Широкорад А. Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857–1907. М: АСТ, 2003.
Ширяев Б. А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007 .
Шишелина Л. Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.
Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006.
Шмитт К. Номос Земли (Der Nomos der Erde). СПб.: Владимир Даль, 2008.
Шопрад Э. Россия – главное препятствие на пути создания американского мира // Русское время. Январь-март 2010. №1 (2).
Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002.
Щенников А.А. Червленый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. М.: Наука, 1987.
Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М.: Весь Мир, 2007 .
Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3.
Якунин В. И. Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005.

Библиография на иностранных языках:

Agursky M. The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder: Westview, 1987.
Aldrich R. J. The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence. Duckworth, 2006.
Armstrong D. Drafting a plan for global dominance // Harper's Magazine.

October 2002.
Arquilla J. The Reagan Imprint: Ideas in American Foreign Policy from the Collapse of Communism to the War on Terror. Lanham: Ivan R. Dee, 2007.
Arquilla J. Ronfeldt D.F. The emergence of noopolitik: toward an American information strategy. Rand Corporation, 1999.
Arquilla J. Ronfeldt D.F. Networks and netwars: the future of terror, crime, and militancy. Santa Monica: Rand Corporation, 2001.
Amin S. Eurocentrism. New York: Monthly Review Press, 2010.
Amin S. The Liberal Virus. London: Pluto Press, 2005
Amin S. Transforming the revolution: social movements and the world-system. Delhi: Aakar Books, 2006.
Barnett T. P. M. Great Powers: America and the World after Bush. New York: Putnam Publishing Group, 2009.
Barnett T. P. M. The Pentagon's New Map. New York: Putnam Publishing Group, 2004.
Blaker J.R. Transforming military force: the legacy of Arthur Cebrowski and network centric warfare. Westport: Greenwood Publishing Group, 2007.
Bowman I. Geography in relation to the social sciences. New York: C. Scribner's Sons, 1934.
Bowman I. Geography vs. Geopolitics. New York: American geographical society, 1942.
Bowman I. International Relations. Chicago: American Library Association, 1930.
Bowman I. The new world: problems in political geography. Chicago: World Book Company, 1928.
Brzezinski Z. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. New York: Basic Books, 2008.
Brzezinski Z. Between Two Ages : America's Role in the Technetronic Era. New York: Viking Press, 1970.
Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest. Boston: Atlantic Monthly Press, 1986.
Brzezinski Z. Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York: Charles Scribner's Son, 1989.
Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977-1981. New York: Farrar, Strauss, Giroux,1983.
Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership, New York: Basic Books, 2004.
Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books,1997.
Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York: Basic Books,2007.
Brzezinski Z. Soviet Bloc: Unity and Conflict, N.Y. Harvard University Press, 1967.
Burnham J. The Struggle for the World. New York: The John Day Company, Inc, 1947.
Cohen M. N. The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture. New Haven, CT: Yale University Press, 1977.
Cohen S. Geography and Politics in a World Divided. Oxford: Oxford University Press, 1974.
Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. New York : Simon & Schuster, 1995
Fedorowicz J. K. A Republic of nobles: studies in Polish history to 1864. New York : Cambridge University Press, 1982.
Frobenius L. Erythräa. Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes. Berlin, 1931.
Gray C.S. The geopolitics of the nuclear era: heartland, rimlands, and the technological revolution. New York: Crane Russak & Co, 1977.
Grossouvre de H. Paris, Berlin, Moscow: Prospects for Eurasian cooperaion // World

Affairs. Vol 8. Jan–Mar 2004. №1.
Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. Heidelberg: K. Vowickel, 1924.
Haushofer K. Das Reich: Grossdeutches Werden im Abendland. Berlin: Karl Habel Verlagsbuchhandlung, 1943.
Haushofer K. Geopolitik der Pan-Ideen. Berlin: Zentral-Verlag, 1931.
Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans: Studien über die Wechselbeziehungen zwischen Geographie und Geschichte. Mit sechzehn Karten und Tafeln. Heidelberg: K. Vowickel, 1924.
Haushofer K. Grenzen in ihrer geographischen und politischen bedeutung. Heidelberg: K. Vowinckel, 1939.
Haushofer K. Japan baut sein reich. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1941.
Haushofer K. Weltmeere und Weltmachte. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1941.
Haushofer K. Weltpolitik von heute. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1936.
Holbrooke R. America, A European Power.— Foreign Affairs. March/April 1995.
Horowitz D. From Yalta to Vietnam: American Foreign Policy in the Cold War. N.Y. 1967.
Hulsman J. Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a Permanent Franco-German-Russian Alliance [Electronic sourse]: The Heritage Foundation [Mode of access]: http://www.heritage.org/Research/Reports/2003/08/Cherry-Picking-Preventing-the-Emergence-of-a-Permanent-Franco-German-Russian-Alliance
Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757-1947. London: Greenhill, 2006.
Jones S. B. Boundary-making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law. 1945.
Kagan R. Dangerous nation. New York: Vintage, 2007.
Kagan R. Of paradise and power: America and Europe in the new world order. Vintage: 2004.
Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. New York: Vintage, 2009.
Kagan R., Kristol W. Present dangers: crisis and opportunity in American foreign and defense policy. New York: Encounter Books, 2000.
Kaplan R.D. Imperial Grunts: The American Military on the Ground. New York: Random House, 2005.
Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. New York: Random House, 1987.
Kissinger H. Crisis: The Anatomy of Two Major Foreign Policy Crises. New York: Simon & Schuster, 2004.
Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994.
Kissinger H. Does America need a foreign policy?: toward a diplomacy for the 21st century. New York: Simon & Schuster, 2002.
Kissinger H. White House Years. New York: Little, Brown and Company, 1979.
Klare M. Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. New York: Henry Holt & Company Incorporated, 2008.
Kristol I. Neoconservatism: the autobiography of an idea. Lanham: Ivan R. Dee, 1999.
Lacoste Y. Dictionnaire de Geopolitique. New York: French & European Publications, Incorporated, 1993.
Lacoste Y. Geopolitique: la longue histoire d'aujourd'hui, Paris: Larousse, 2006.
Lacoste Y. Géopolitique de la Méditerranée. Paris: Colin, 2006.
Lacoste Y. La Géopolitique. Paris: Centre national de documentation pédagogique, 1990.
Larson A. Geopolitics of oil and natural gas // Economic Perspectives vol.9. May 2004. №2.
Layne C. The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
Lieven A. America Right Or Wrong: An Anatomy of American Nationalism. Oxford:

Oxford University Press US, 2005.
Mackinder H. J. Britain and the British Seas. Charleston: BiblioLife, 2010.
Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality. N.Y. 1942.
Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The. Geographical Journal. № 23.1904.
Mackinder H. J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951
Mackinder H. J. The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs. 1943. №21.
Mackinder H. J. The world war and after: a concise narrative and some tentative ideas. London: G. Philip & Son, Ltd., 1924.
Markedonov S. Unrecognized Geopolitics // Russia in Global Affairs. № 1. January — March 2006.
McFaul M. Advancing Democracy Abroad: Why We Should and How We Can. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2009.
McFaul M. Russia's unfinished revolution: political change from Gorbachev to Putin. Ithaca: Cornell University Press, 2002.
McFaul M. U.S.-Russia Relations in the Aftermath of the Georgia Crisis. Washington: U.S. House of Representatives, House Committee on Foreign Affairs, 2008.
Meyendorff J. Byzantium and the rise of Russia: a study of Byzantino-Russian relations in the fourteenth century. Yonkers: St Vladimir's Seminary Press, 1989.
Mill J.S. On liberty and other essays. Oxford: Oxford University Press, 1998.
Muhlmann W.E. Erfahrung und Denken in der sicht des Kulturanthoropologen/ *Muhmann W.E., Muller E.W.* (Herasgb.) Kulturanthropologie. Koln, Berlin: Kipenheuer&Witsch, 1966.
Naumann F. Mitteleuropa. Berlin: G. Reimer, 1916.
Niekisch E. Europaeische Bilanz. Berlin: Ruetten Loening, 1951.
Niekisch E. Die dritte imperiale Figur. Berlin: Widerstands-Verlag, 1935.
Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen: eine Abrechnung mit dem Nationalsozialismus. Berlin: Ahde-Verlag, 1980.
Niekisch E. Hitler — ein deutsches Verh?ngnis. Zeichnungen von A. Paul Weber. Berlin: Widerstands-Verlag, 1932.
Niekisch E. Ost-West unsystematische Betrachtunen. F./M.: Minerva-Verlag, 1947.
Nozomi-Horiuchi R. Chiseigaku Japanese geopolitics. Ann Arbor: University Microfilms, 1980.
Obolensky D. Byzantium and the Slavs. Yonkers: St Vladimir's Seminary Press, 1994.
Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453. London: Orion Publishing Group, Limited, 1999.
Ó Tuathail G. Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. New York: CRC Press, 1996.
Ó Tuathail G. The geopolitics reader. New York: Routledge, 2006.
Owens M. T. In Defense of Classical Geopolitics // Naval War College Review, Autumn 1999. Vol. LII. № 4.
Pareto V. The Mind and Society [Trattato Di Sociologia Generale]. San Diego: Harcourt, Brace, 1935.
Pareto V. The rise and fall of elites: an application of theoretical sociology. New Bruhswick: Transaction Publishers, 1991.
Pirchner H. Reviving greater Russia? : the future of Russia's borders with Belarus, Georgia, Kazakhstan, Moldova and Ukraine. Wash. D.C. : American Foreign Policy Council. Lanham : Univ. Press of America, 2005
Portmann A. Animals as social beings. New York:Viking Press, 1961.
Rahr A., Krause J. Russia's new foreign policy. Berlin: Research Institute of the German Society for Foreign Affairs, 1995.
Rahr A. Putin nach Putin: das kapitalistische Russland am Beginn einer neuen

Weltordnung. Tübingen: Universitas, 2009.

Rahr A. Wladimir Putin: Präsident Russlands - Partner Deutschlands. Tübingen: Universitas, 2002.

Siemple. E C. Influences of Geographic Environment: On the Basis of Ratzel's System of Anthropo-Geography. New York, Henry Holt and Company, 1911

Sombart W. Handler und Helden. Patriotische Besinnungen. Munchen/Leipzig: Duncker & Humblot, 1915.

Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

Spykman N. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.

Stephanson A. Manifest Destiny: American Expansion and the Empire of Right (Critical Issue Book), Hill and Wang, 1996.

Thiriart J.F. La grande nation: 65 thèses sur l'Europe (L'Europe unitaire, de Brest à Bucarest. Définition du communautarisme national-européen). Bruxelles: Gérard Désiron, 1965.

Thiriart J.F. L'empire Euro-Sovietique de Vladivostock a Dublin l'aprés-Yalta: la mutation du communisme : essai sur le totalitarisme éclairé. Bruxelles: Edition Machiavel, 1984.

Thiriart J.F. Un empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe: la naissance d'une nation, au d?part d'un parti historique. Etampes: Avatar Editions, 2007.

Thomson G. S. Catherine the Great and the expansion of Russia. London: Published by Hodder & Stoughton for the English Univ. Press, 1985.

Von Lohausen H.J. Denken in V?lkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur- und Weltgeschichte. Graz: Stocker, 2001.

Von Lohausen H.J. Ein Schritt zum Atlantik: Die strategische Bedeutung d. Ostverträge. Wien: Österr. Landsmannschaft, 1973.

Von Lohausen H.J. Les empires et la puissance: la géopolitique aujourd'hui. Paris: Le Labyrinthe, 1996.

Von Lohausen H.J. Mut zur Macht: Denken in Kontinenten. Heidelberg: Vowinckel, 1981.

Von Lohausen H.J. Reiten für Russland: Gespräche im Sattel. Graz: Stocker, 1998.

Von Lohausen H.J. Zur Lage der Nation. Krefeld: Sinus-Verlag, 1982.

Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York: Three Rivers Press, 2004.

Whittlesey D. The Earth and the State: A Study of Political Geography. New York: H. Holt and company, 1944.

Abstract

The present paper is the sequence of lectures dedicated to the sociology of the geopolitical processes on the basis of study cycles of Russian political and social history. The geopolitical methode is apllied to the historical transformation of Russian state, its territories, its political construction and ruling ideology. All that is put in the contexte of global competition between thalassocracy and tellurocracy.

Монографии автора

Дугин А.Г. Пути Абсолюта. М.: Арктогея, 1991.

Дугин А.Г. Гиперборейская теория, М.: Арктогея, 1993.

Дугин А.Г. Конспирология. М.: Арктогея, 1993, 2-е доп. изд., М., 2005.

Дугин А.Г. Консервативная Революция. М.: Арктогея, 1994.

Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.

Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1-е изд., 1996, 2-е изд., 1997, 3 изд. (дополненное) 1998, 4 изд. (дополненное), 2000.

Дугин А.Г. Метафизика Благой Вести. М.: Арктогея, 1996.

Дугин А.Г. Тамплиеры Пролетариата. М.: Арктогея, 1997 .

Дугин А.Г. (под ред.) Конец Света (альманах по истории религий) М.:Арктогея, 1997.

Дугин А.Г. (под редакцией) Наш Путь. М.: Арктогея, 1998.

Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея, 1999.

Дугин А.Г. Русская Вещь. В 2 т. М.:Арктогея, т.1, т.2., 2001.

Дугин А.Г. Евразийский Путь. М.: Арктогея-Центр, 2002.

Дугин А.Г. (под редакцией) Евразийский Взгляд. М.: Арктогея-центр, 2002.

Дугин А.Г. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002.

Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002.

Дугин А.Г. (под ред.) Основы Евразийства. М.: Евразийское движение, 2002.

Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея-центр, 2004.

Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004.

Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.:Арктогея-Центр, 2004.

Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, 2004.

Дугин А.Г. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005.

Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское движение, 2007.

Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

Дугин А.Г. Знаки великого Норда. М.: Гардарика, 2008.

Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское движение, 2009.

Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.

Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.

Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологи. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.

Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Этносоциология. М.:Международное «Евразийское Движение», 2010.

Оглавление

Раздел 2. Геополитические процессы в русской истории и их социологические импликации

Дугин
Александр Гельевич

Социология геополитических процессов
Геополитическая история России
(лекционный курс)

Редактор *Н.Мелентьева*
Компьютерная верстка *В.Никитин*
Дизайн *В.Сурков*

Подписано в печать 20.02.2011Формат издания
Печать офсетная
Тираж 600 экз.